

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

ВЕТРОВА ЭЛЬВИРА САБИРОВНА

**РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ЛЕЗГИНСКОЙ И УКРАИНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Калиущенко Владимир Дмитриевич

Донецк – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА.....	20
1.1 Речевой этикет как объект лингвистических исследований.....	20
1.1.1 Речевой этикет в контексте лингвистической прагматики	20
1.1.2 Речевой этикет как самостоятельная область лингвистических исследований.....	35
1.1.3 Речевой этикет как объект сопоставительного анализа.....	44
1.2 Речевой этикет и ситуация общения.....	49
1.3 Речевой этикет как система.....	52
Выводы к главе 1.....	56
ГЛАВА 2 РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СИТУАЦИИ «ОБРАЩЕНИЕ»....	58
2.1 Вводные замечания.....	58
2.2 Обращения-экспрессивы.....	62
2.2.1 Обращения-зооморфизмы.....	65
2.2.2 Обращения-фитоморфизмы.....	72
2.2.3 Обращения-наименования небесных светил.....	73
2.2.4 Обращения-наименования драгоценных камней и металлов.....	74
2.2.5 Обращения-религиозные понятия.....	75
2.2.6 Обращения-абстрактные наименования.....	75
2.2.7 Обращения-наименования сладостей.....	76
2.2.8 Обращения, оценивающие внешность адресата.....	76
2.2.9 Обращения, указывающие на чувства адресанта.....	77
2.3 Обращения-индексы.....	78
2.3.1 Обращения-термины родства.....	79
2.3.2 Антропометрические обращения.....	97
2.3.3 Профессиональные обращения.....	99

2.4 Обращения-регулятивы.....	101
2.5 Обращения-апеллятивы.....	105
Выводы к главе 2.....	114
ГЛАВА 3 РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СИТУАЦИИ «ПОЖЕЛАНИЕ ДОБРА»	117
3.1 Вводные замечания.....	117
3.2 Классификация пожеланий добра.....	118
3.2.1 Коммуникативные типы пожеланий добра.....	120
3.2.2 Семантические типы пожеланий добра.....	137
3.2.3 Формально-грамматические типы пожеланий добра.....	171
Выводы к главе 3.....	174
ГЛАВА 4 РЕЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СИТУАЦИИ «ПОЖЕЛАНИЕ ЗЛА».....	176
4.1 Вводные замечания.....	176
4.2 Коммуникативные особенности пожеланий зла.....	178
4.3 Семантические типы пожеланий зла.....	181
4.3.1 Мотив “физические увечья”.....	183
4.3.2 Мотив “болезнь”.....	190
4.3.3. Мотив “смерть”.....	193
4.3.4 Мотив “бездетность”.....	209
4.3.5 Другие мотивы.....	210
Выводы к главе 4.....	215
ГЛАВА 5 РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СИТУАЦИЯХ: «ПРИВЕТСТВИЕ» И «ПРОЩАНИЕ».....	218
5.1. Речевой этикет в ситуации «Приветствие».....	218
5.1.1 Общая характеристика приветствий.....	218
5.1.2 Роль приветствий в речевом этикете лезгин и украинцев	221
5.1.3 Факторы, влияющие на выбор приветствий.....	225
5.1.4 Классификация приветствий.....	227
5.2. Речевой этикет в ситуации «Прощание».....	239

5.2.1	Общая характеристика прощаний.....	239
5.2.2	Прощания с семантикой пожелания.....	245
5.2.3	Ответные прощания.....	249
Выводы к главе 5.....		250
ГЛАВА 6 РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР.....		253
6.1.	Речевой этикет сквозь призму мифологии и религии.....	253
6.1.1	Речевой этикет лезгин и украинцев в контексте язычества.....	253
6.1.2	Речевой этикет лезгин и украинцев в контексте монотеистических верований.....	275
6.2.	Речевой этикет в ситуациях семейного общения.....	293
6.3.	Речевой этикет в ситуации приема гостей.....	311
6.4.	Гендерные особенности речевого этикета.....	323
6.4.1	Вводные замечания.....	323
6.4.2	Гендерная маркированность этикетных речевых единиц в лезгинской и украинской лингвокультурах.....	324
6.4.3	Гендерные особенности лезгинских обращений.....	328
6.4.4	Гендерные особенности украинских обращений.....	335
6.5.	Речевой этикет в ситуации «Соболезнование».....	340
6.5.1	Соболезнования, обращенные к покойному.....	341
6.5.2.	Соболезнования, адресованные родственникам покойного.....	343
Выводы к главе 6.....		349
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....		355
ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....		359
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....		360
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....		393

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена сопоставительному изучению речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах. Под речевым этикетом (далее РЭ) понимается система принятых в том или ином языковом коллективе устойчивых, равнозначных по структуре слову, словосочетанию или предложению высказываний, которые используются в типичных ситуациях вежливого контакта с собеседником, например, в ситуации «Приветствие» – лезг. *Салам алейкум!* ‘Мир Вам!’, укр. *Доброго здоров’я!*; в ситуации «Прощание» – лезг. *Хъсан рехъ хъурай!* ‘Счастливой дороги!’, укр. *Бувайте здорові!*; в ситуации «Пожелание добра» – лезг. *Квез Аллагъ куьмек хъурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’, укр. *Дай, Боже, час і пору добру!* и т. д.

Степень разработанности проблемы. Современный этап развития общества характеризуется глобальными изменениями во всех сферах человеческой жизни. Стремительное развитие информационных технологий, возрастающие объемы мировой торговли, миграционные процессы способствовали значительному расширению пространственно-временных параметров общения, интенсификации межнациональных и межкультурных контактов. Данная ситуация не могла не затронуть и такой чувствительной к социальным изменениям сферы, как язык. В условиях единого информационного и коммуникативного пространства происходит демократизация речевого общения, выделение доминирующего языка, постепенное проникновение его элементов в системы других языков и как следствие – изменение национальных языковых норм.

Возможным последствиям языковой глобализации сложно дать однозначную оценку. С одной стороны, интернационализация и демократизация языков, утверждение единого языка международного общения существенно упростят взаимодействие между представителями различных культур, создадут благоприятные условия для успешного делового, научного, политического и бытового международного сотрудничества. Однако, с другой стороны, нарастающая глобализация может иметь серьезные негативные последствия,

став причиной языкового «вымирания», утраты представителями менее развитых государств языковой, а, следовательно, и культурной идентичности, что в свою очередь неизбежно приведет к обеднению культурного пространства, духовному кризису, а также повышенной коммуникативной напряженности и речевой агрессии.

Современное общество нуждается в стабилизации неустойчивой языковой ситуации, разрешении усугубляющихся противоречий между потребностью в беспрепятственной языковой коммуникации в условиях глобализации и необходимостью сохранения этнокультурной идентичности. На фоне демократизации и унификации коммуникативного процесса, которые влекут за собой серьезные негативные последствия, особенно остро ощущается необходимость глубокого и всестороннего изучения всех существующих на сегодня языков мира (независимо от их места в глобальной языковой иерархии), выявлении этнокультурной специфики общения, осмыслении причин несовпадений в нормах речевого поведения этносов, что поможет в преодолении коммуникативных барьеров и достижении эффективности межкультурного взаимодействия. Как справедливо отмечают ученые, «если формирование глобально ориентированного мировоззрения является велением времени и необходимым условием выживания мировой цивилизации, то успешным оно может быть как минимум при условии учета национальных особенностей и культурного разнообразия живущих вместе или рядом народов» [297, с. 24].

Осознание важности обозначенных выше проблем способствовало формированию новых тенденций в развитии лингвистической мысли. В современном языкознании наряду с системно-структурным описанием языка наблюдается интенсивное исследование различных его элементов с позиций антропоцентризма, т. е. в тесной связи с человеческим коллективом, его историей, культурой, мышлением и мировосприятием. Сегодня как никогда актуальна высказанная еще в XIX в. мысль В. фон Гумбольдта о том, что в каждом языке заложено специфическое мировосприятие: «Язык есть как бы

внешним проявлением духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [103, с. 68]. В лингвистике последних десятилетий интерес к языку в его культурном измерении заметно возрастает и все чаще привлекает внимание ученых [11; 15; 17; 36, 48; 49; 82; 129; 153, 155; 156; 181; 240; 241; 252 и др.]. В связи с процессами глобализации, приведшими к более тесному взаимодействию различных лингвокультур, интенсификацией процессов языкового взаимодействия заметно активизировались сопоставительные исследования, посвященные выявлению сходств и различий в структуре и содержании речевых единиц различных языковых уровней [32; 122; 123; 243; 301; 311; 323; 345; 348; 366; 367 и др.].

В последние десятилетия в лингвистике все чаще предпринимаются попытки сопоставительного анализа речевого поведения представителей неродственных культур, у которых сложились разные представления о нормах поведения и вежливости, а значит, наблюдаются специфические особенности в использовании речевых стратегий и тактик взаимодействия в типичных коммуникативных ситуациях [48; 81; 155; 159, 218; 262; 263, 323; 336, 370; 371 и др.]. Изучение национальных особенностей речевого поведения поможет решить ряд практических задач – существенно упростить процесс общения, преодолеть коммуникативные барьеры и гармонизировать межнациональные отношения. Кроме того, исследование неродственных языков имеет большое теоретическое значение. Как отмечает И. А. Бодуэн де Куртене, сопоставляя языки, чуждые друг другу исторически и географически, мы постоянно находим в них «одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения», что «служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений <...>» [40, с. 371]. Таким образом, сопоставительный анализ, с одной стороны, дает возможность глубже проникнуть в систему каждого из сопоставляемых языков в отдельности, с другой – обогащает общее языкознание новыми данными.

В рамках данной общей проблематики особенно актуальным представляется изучение речевого этикета – яркого лингвокультурного феномена, который играет важную роль в отражении национальной картины мира, сложного ассоциативного мышления того или иного этноса, его культурных традиций и духовных ценностей. За последние десятилетия в сопоставительном изучении РЭ представителей различных культур достигнуты значительные успехи [81; 155; 159; 218; 221; 231; 241; 281 и др.]. Однако следует отметить, что бóльшая часть научных результатов по данному вопросу получена на основе сопоставления уже детально изученных и широко распространенных в практике международного общения языков – английского, французского, немецкого, русского. Другим национальным языкам – менее распространенным в международной практике общения и соответственно менее подробно описанным, уделяется недостаточно внимания.

Так, к разряду малоизученных относится РЭ лезгинского и украинского языков. Попыток сопоставительного анализа лезгинского и украинского РЭ в лингвистике не предпринималось, что свидетельствует об актуальности и перспективности исследуемой проблемы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что этикетные речевые единицы (далее ЭРЕ) являются базисными элементами речевой коммуникации, способствующими регуляции поведения человека в обществе, гармонизации общения и достижению коммуникативного успеха, а значит – требуют детального и разностороннего изучения. В связи с расширением межнациональных контактов, демократизацией общения и актуализацией проблем межкультурной коммуникации особенно важно рассмотрение ЭРЕ в сопоставительном аспекте с целью выявления сходств и различий в речевом поведении представителей различных культур в схожих коммуникативных ситуациях, определения национальной специфики общения, что поможет в преодолении коммуникативных барьеров и достижении эффективности межкультурного взаимодействия. Недостаточная разработанность проблемы РЭ в современном сопоставительном языкознании обуславливает необходимость

глубокого и всестороннего изучения ЭРЕ на материале различных языков мира (независимо от их места в глобальной языковой иерархии), расширении границ сопоставительного анализа за счет малоизученных языков. Актуальность диссертации обусловлена также тем, что сопоставительное исследование РЭ на материале лезгинского и украинского языков осуществляется впервые.

Связь работы с научными темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков Донецкого национального университета в рамках госбюджетной научной темы Министерства науки и образования ДНР № 17-1вв/74 «Единицы и категории в разноструктурных языках (лексика и словообразование)».

Цель исследования заключается в разработке концептуального аппарата и методики описания этикетных речевых единиц в лезгинском и украинском языках, комплексном исследовании ЭРЕ, выявлении общих и дифференциальных признаков в их семантике и коммуникативной реализации, установлении причин различий в РЭ сопоставляемых языков. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить общий корпус ЭРЕ в лезгинском и украинском языках и установить их количественный состав;
- 2) определить теоретико-методологическую базу и терминологический аппарат исследования;
- 3) разработать методику сопоставительного описания семантики и коммуникативных особенностей ЭРЕ в лезгинском и украинском языках;
- 4) осуществить классификацию ЭРЕ по семантическому и коммуникативному принципам;
- 5) определить факторы, влияющие на выбор ЭРЕ в различных ситуациях общения;
- 6) выделить универсальные параметры этикетного речевого общения лезгин и украинцев;
- 7) проанализировать национально специфические особенности речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах;

8) изучить обусловленность семантики и особенностей функционирования ЭРЕ социально-историческим и духовным опытом лезгин и украинцев, спецификой их национального сознания и мировосприятия.

Объектом исследования послужили лезгинские и украинские ЭРЕ, функционирующие в ситуациях «Приветствие», «Прощание», «Обращение», «Пожелание добра», «Соболезнование», которые представляют ключевые ситуации общения и обладают большой коммуникативной и социальной значимостью. Кроме того, в фокусе внимания исследования находятся речевые единицы, обслуживающие коммуникативную ситуацию «Пожелание зла», которые выходят за рамки РЭ, однако являются неотъемлемой частью повседневного общения лезгин и украинцев, выступая своеобразными речевыми табу, играющими важную роль в регуляции и регламентации речевого поведения. ЭРЕ, функционирующие в составе указанных выше этикетных ситуаций, являются носителями важной этнокультурной информации и наиболее рельефно отражают особенности социально-исторического и духовного развития лезгин и украинцев, специфику их национального мышления и мировосприятия.

Выбор языков для сопоставления мотивирован следующими факторами. Лезгинский и украинский языки различаются как в генетическом, так и структурно-типологическом планах. Во-первых, украинский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье и относится к языкам флективного типа, в то время как лезгинский язык представляет кавказскую семью языков и является образцом языков агглютинативного типа. Данный контраст позволяет более наглядно проследить универсальные и национально специфические особенности РЭ, глубже проникнуть в сложную природу ЭРЕ каждого из сопоставляемых языков, что поможет в решении таких важных теоретических проблем, как взаимоотношение языка и культуры, языка и национального сознания и т. д. Во-вторых, лезгины и украинцы представляют различные типы культур (восточную и западную) и религий (мусульманскую и христианскую), которые в условиях глобализации все теснее контактируют. Интенсификация в

современном мире общественных, культурных и языковых взаимодействий между народами с различными мировоззренческими установками, укладом жизни и культурно-историческим опытом актуализирует необходимость более глубокого изучения особенностей речевого поведения этносов, а также поиска эффективных языковых механизмов для их мирного сосуществования и бесконфликтного взаимодействия. В-третьих, сопоставление разноструктурных языков представляет большую познавательную ценность для таких приоритетных отраслей современной науки, как лингвистическая типология, лингвистическая прагматика, теория речевых актов, этнолингвистика, лингвокультурология и др.

Предмет исследования – структурно-семантические и коммуникативные особенности ЭРЕ, специфика их функционирования в лезгинской и украинской лингвокультурах.

Материал исследования составляет корпус ЭРЕ, отобранных путем сплошной выборки из следующих источников: словарей (одноязычных, двуязычных, толковых, фразеологических, синонимических, диалектных), лингвострановедческих, культурологических, этнографических и фольклорных трудов, публицистических источников (газет и журналов, краеведческих очерков), эпистолярных текстов, художественных произведений, произведений разных фольклорных жанров. Кроме того, в качестве иллюстраций были использованы речевые образцы, полученные в результате анкетирования и лингвистического интервьюирования информантов, а также собственных наблюдений автора над речью носителей лезгинского и украинского языков. Сбор материала на лезгинском языке проводился в Республике Дагестан, Российская Федерация, городах Махачкала и Дербент, селах Капир и Курах Курахского района, селе Белиджи Дербентского района. Сбор украинского фактического материала осуществлялся в населенных пунктах разных регионов Украины – Киев, Днепропетровск, Дрогобыч, Глобино, Гуляйполе, Великие Крынки.

Общий объем выборки составляет 7272 этикетные единицы, из них: 3367 – в лезгинском языке и 3905 – в украинском языке. В фокусе исследования находились как литературные, так и разговорные варианты. В состав выборки вошли разные, не повторяющиеся ЭРЕ. Одни и те же ЭРЕ, входящие в зависимости от ситуации общения в состав двух разных групп, подсчитывались дважды.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые применяется комплексный подход к изучению речевого этикета представителей различных лингвокультур, предлагается новая методика анализа ЭРЕ в сопоставительном аспекте. Впервые сопоставляются лезгинские и украинские ЭРЕ, выявляются общие и дифференциальные признаки в их семантической структуре и коммуникативной реализации, определяются доминантные черты речевого поведения лезгин и украинцев в типичных ситуациях вежливого общения. ЭРЕ рассматриваются сквозь призму социально-исторического и культурного опыта носителей языка, их национального характера, мышления и мировосприятия. В диссертации содержатся новые наблюдения над РЭ каждого из сопоставляемых языков в отдельности, исследуются те его фрагменты, которые до настоящего времени не получили достаточного освещения.

Теоретическая значимость исследования. Разработанный в диссертации концептуальный аппарат создает методологическую основу для дальнейшего изучения РЭ как на материале одного языка, так и нескольких родственных и/или неродственных языков. Теоретические положения и выводы предлагаемого исследования являются вкладом в решение проблемы «язык – человек – культура», в частности, в изучение национальной специфики коммуникативного процесса, а также в разработку теоретических проблем РЭ в рамках таких современных научных направлений, как лингвистическая типология, лингвокультурология, этнолингвистика, межкультурная коммуникация, социоллингвистика, психоллингвистика и др.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности включения ее результатов в лекционные курсы высшей школы по общему и

сопоставительному языкознанию, лексикологии, стилистике, межкультурной коммуникации, в спецкурсы, посвященные проблемам лингвокультурологии, этнолингвистики, социо- и психоллингвистики, когнитивной лингвистики, гендерной лингвистики и других антропоцентрически ориентированных отраслей научного знания, направленных на формирование умений и навыков эффективной реализации процесса коммуникации представителей различных культур. Материалы диссертации могут использоваться в лексикографической и переводческой практике, а также при написании монографий, учебников, учебно-методических пособий, справочных изданий и т. д. Фактологический материал может стать основой для создания словаря этикетной лексики лезгинского и украинского языков, а также словаря лезгинско-украинских соответствий.

Методология и методы исследования. Проблема речевого этикета является междисциплинарной, находящейся на стыке нескольких научных областей (лингвокультурологии, социоллингвистики, психоллингвистики, теории межкультурной коммуникации, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, гендерной лингвистики), что предусматривает применение комплексной исследовательской методики. Методика исследования включала следующие этапы: 1) отбор эмпирического материала и формирование корпуса ЭРЕ; 2) классификация отобранного эмпирического материала; 3) семантический и коммуникативный анализ ЭРЕ. *На первом этапе* исследования отбор эмпирического материала осуществлялся путем сплошной выборки этикетных единиц из лексикографических и текстовых источников. Кроме того, использовались методы лингвистического анкетирования, интервьюирования и наблюдения, которые позволили изучить влияние на выбор ЭРЕ таких факторов, как пол, возраст, профессия, социальное положение коммуникантов, характер их взаимоотношений и др.

На втором этапе применялся *описательный метод*, который позволил обобщить и систематизировать отобранный материал, исследовать его состав, структуру, проанализировать основные семантические и коммуникативные

признаки. Основным приемом данного метода послужила классификация, предполагающая установление типов отношений между исследуемыми ЭРЕ. Классификация отобранного материала проводилась с учетом лексического состава ЭРЕ, их семантики, реализуемых коммуникативных функций. Вначале ЭРЕ были поделены на группы в зависимости от ситуации их использования. В результате было выделено 6 тематических групп речевых единиц: обращения, приветствия, прощания, пожелания добра, соболезнования, пожелания зла. В рамках каждой группы выделены подгруппы ЭРЕ. В составе некоторых подгрупп выявлены более мелкие структурные образования – синонимические ряды.

Анализ ЭРЕ *на третьем этапе* исследования осуществлялся с помощью следующих методов лингвистического анализа: *метод компонентного анализа* использовался при установлении семантического объема ЭРЕ, определении относительной избыточности этикетных речевых единиц или их экономии в той или иной ситуации общения в сопоставляемых языках; *метод дистрибутивного анализа* применялся при разграничении семантики многозначных ЭРЕ; *метод контекстуального анализа* помог определить зависимость значения этикетных речевых единиц от специфики контекста, выявить характер их сочетаемости с другими словами; *сопоставительный метод* позволил описать ЭРЕ в лезгинском и украинском языках через системное сопоставление с целью выявления общих и дифференциальных особенностей в их семантике и функционировании; *метод количественного анализа* использовался для выявления степени продуктивности лезгинских и украинских ЭРЕ, употребляемых в той или иной ситуации общения, определения их значимости для представителей лезгинской и украинской лингвокультур, установления зависимости между количественными и качественными характеристиками ЭРЕ.

В начале работы над эмпирическим материалом была сформулирована **исходная гипотеза исследования**, которая нашла подтверждение и была расширена во время изучения структурно-семантических и коммуникативных особенностей ЭРЕ в лезгинской и украинской лингвокультурах. Предполагается, что в системе лезгинского и украинского РЭ наблюдаются общие черты, что

обусловлено универсальностью человеческого мышления и способов категоризации объектов окружающего мира средствами языка. Вместе с тем, несмотря на универсальный характер ЭРЕ, в их продуктивности, семантике и коммуникативной реализации обнаруживаются различия, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, установление которых должно было послужить одной из основных задач исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. РЭ относится к лингвокультурным универсалиям. В сопоставляемых языках ЭРЕ используются в идентичных коммуникативных ситуациях и образуют группы, одинаковые для обоих языков. Однако количественный состав и продуктивность данных групп, а также семантические и коммуникативные признаки ЭРЕ, входящих в их состав, различны.

2. РЭ представляет собой упорядоченную систему ЭРЕ, между которыми устанавливаются различные типы отношений: парадигматические, синтагматические, иерархические, синонимические, антонимические, омонимические.

3. В системе РЭ сопоставляемых языков наблюдаются количественные различия, относящиеся к общему составу ЭРЕ, составу этикетных групп и их продуктивности, что обусловлено в первую очередь структурными особенностями сопоставляемых языков, которые принадлежат к разным типам (лезгинский язык – образец языков агглютинативного типа, украинский – флективного типа). К данным структурным особенностям относятся следующие: отсутствие грамматической категории рода в лезгинском языке и ее наличие в украинском языке, отсутствие диминутивных суффиксов в лезгинском языке и их использование в украинском языке. Кроме того, ЭРЕ лезгинского языка в большей степени, нежели украинские ЭРЕ, обнаруживают тенденцию к полисемии и полифункциональности.

4. В системе РЭ сопоставляемых языков наблюдаются качественные различия, касающиеся лексического состава ЭРЕ, их семантических признаков, мотивов (в пожеланиях добра и зла) и коммуникативных особенностей, что

обусловлено в первую очередь экстралингвистическими факторами, в частности, различным восприятием коммуникативной ситуации и разными способами ее категоризации средствами языка: лезгины воспринимают реальность более абстрактно и синкретично, тогда как украинцы склонны к ее членению и детализации.

5. В РЭ сопоставляемых языков наблюдаются гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности. При этом в лезгинском языке данные тенденции более выразительны, что проявляется в жесткой регламентации речевого общения, четком разграничении мужских и женских этикетных высказываний. В украинском языке общение мужчин и женщин имеет более демократичный характер, четкое разграничение мужских и женских ЭРЕ отсутствует.

6. В семантике и коммуникативной реализации ЭРЕ нашли отражение мировоззренческие представления этносов, особенности их культуры, обычаев, национальных традиций.

Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается его внутренней логикой и концептуальным подходом к изучаемому предмету, фундаментальностью методологической основы, четкостью поставленных задач, а также большим объемом рассмотренного эмпирического материала.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на следующих конференциях: XL-XLI Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (г. Москва, 2015), Международной научной конференции Горловского педагогического института иностранных языков «Восточнославянская филология: от Нестора до современности» (г. Горловка, 2013 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологических наук: научные дискуссии» (г. Одесса, 2015 г.); Международной научной конференции ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт» «Образование в современном мире: теория, методология, практика» (г. Донецк, 2017 г.).

Доклады по теме исследования обсуждались на межкафедральных научных семинарах и заседаниях кафедры украинской филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь, 2015–2016 гг.), межкафедральных научных семинарах факультета иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, 2018 г.).

Основные положения диссертации изложены в монографии «Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте», а также в 20 публикациях, 17 из которых размещены в специализированных научных изданиях ВАК ДНР, России, Украины.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, шести глав с выводами к каждой из них, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы (380 научных источников на русском, украинском, английском, немецком, чешском, польском языках), списка источников иллюстративного материала (76 позиций). Общий объем работы составляет 398 страниц. Основной текст диссертации включает 354 страницы.

Во введении обоснована актуальность исследования, определена степень разработанности изучаемой проблемы, сформулированы цель и задачи работы, определены эмпирический материал, объект, предмет и методы исследования, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, описана структура диссертационного исследования, представлены данные об апробации его результатов.

Первая глава «**Теоретические предпосылки изучения речевого этикета**» содержит теоретическое обоснование базовых положений диссертации, толкование основных понятий, критический обзор результатов предыдущих исследований по теме, анализ различных подходов к изучению проблемы речевого этикета. Рассматривается связь речевого этикета с ситуацией общения, влияние на выбор ЭРЕ таких факторов, как социальные характеристики коммуникантов (пол, возраст, социальный статус, уровень образования и т. д.), ситуация общения, тип культуры, к которому принадлежат

собеседники и др. Речевой этикет описывается как система, между элементами которой устанавливаются различные типы отношений: синтагматические, парадигматические, иерархические, синонимические, антонимические, омонимические.

Во второй главе **«Речевой этикет в ситуации “Обращение”»** представлены результаты анализа семантики и коммуникативных особенностей лезгинских и украинских обращений, предложена их классификация. Определены наиболее продуктивные обращения в речевом этикете лезгин и украинцев, установлен их семантический объем, описаны факторы, влияющие на выбор ЭРЕ в той или иной ситуации общения, выявлены общие и дифференциальные признаки в семантике и особенностях функционирования обращений в лезгинской и украинской лингвокультурах.

В третьей главе **«Речевой этикет в ситуации “Пожелание добра”»** рассматриваются особенности пожеланий добра в лезгинском и украинском речевом этикете, предлагается их классификация по коммуникативному и семантическому принципам. Описываются мотивы пожеланий добра, устанавливается их продуктивность в сопоставляемых языках.

Четвертая глава **«Речевые единицы в ситуации “Пожелание зла”»** посвящена исследованию лезгинских и украинских пожеланий зла, определению их роли в регуляции речевого поведения этносов. Описывается семантика данных речевых единиц, анализируются их мотивы, устанавливается степень продуктивности в сопоставляемых языках, выявляются причины активного использования пожеланий зла в коммуникативной культуре лезгин и украинцев.

Пятая глава **«Речевой этикет в ситуациях: “Приветствие” и “Прощание”»** посвящена сопоставительному анализу приветствий и прощаний в лезгинской и украинской лингвокультурах. Определяется роль данных ЭРЕ в достижении эффективности коммуникативного процесса, исследуются их семантика, стилистические и коммуникативные особенности в сопоставляемых языках.

В шестой главе **«Речевой этикет в контексте национальных культур»** ЭРЕ рассматриваются сквозь призму мифологических и религиозных

представлений лезгин и украинцев, их национальных обычаев и ритуалов. Описываются особенности использования ЭРЕ в ситуациях приема гостей, семейного общения, соболезнования. Исследуются гендерные особенности лезгинского и украинского речевого этикета.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, определяются перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

1.1 Речевой этикет как объект лингвистических исследований

Проблема РЭ в науке не является новой. В ее разработке принимали участие представители различных научных направлений – этнографы, психологи, культурологи, фольклористы, лингвисты, философы. Труды ученых накоплен значительный по объему теоретический материал, требующий обобщения, систематизации и глубокого осмысления. В лингвистике проблема РЭ стала объектом научного исследования сравнительно недавно. Долгое время единицы речевого этикета рассматривались как полностью лишённые семантики стереотипные фразы, которые не представляют интереса для исследователя. И только в начале XX века с расширением международных и межкультурных контактов и перемещением в лингвистике акцентов с описания структурных особенностей языковых явлений на изучение специфики их функционирования в процессе коммуникации проблема РЭ оказалась в центре внимания языковедов.

1.1.1 Речевой этикет в контексте лингвистической прагматики

В лингвистике теоретическим фундаментом изучения проблемы РЭ являются труды английских и американских ученых, выполненные в рамках лингвистической философии и прагматики [308; 309; 310; 312; 313; 324; 325; 327; 328; 329; 330; 331; 335; 336; 346; 347; 349; 351; 369; 374; 375; 377 и др.]. В работах исследователей вежливость и РЭ рассматриваются в двух направлениях: 1) в рамках общих стратегий речевого поведения; 2) с позиций теории речевых актов.

1.1.1.1 Речевой этикет в рамках общих стратегий речевого поведения

В исследованиях, осуществляемых в рамках первого направления, под вежливостью и РЭ подразумевается набор правил (стратегий, максим),

выбираемых коммуникантами для достижения общих целей бесконфликтным путем в каждой конкретной ситуации общения. Выбор той или иной стратегии зависит от комплекса факторов: ситуации, в которой проходит взаимодействие; обстановки общения, социальных характеристик участников коммуникативного процесса. В большинстве современных работ, посвященных проблемам речевой коммуникации вообще и РЭ в частности, развиваются идеи, впервые сформулированные американским исследователем-социологом Э. Гоффманом [327]. Следует отметить, что работы ученого имеют междисциплинарный характер и выполнены на стыке социологии, психологии, лингвистики, политологии и других научных областей. Изучая проблему поведения человека и его взаимодействия с окружающими, Э. Гоффман вводит понятие *face* 'лицо' – «позитивная социальная ценность, которую каждый утверждает в процессе коммуникации с другими, и которая принимается остальными» [327, с. 306]. По мнению ученого, один из способов поддержания *face* 'лица' – межличностные ритуалы, которые бывают двух типов: 1) презентационные – «акты, через которые индивид дает понять реципиентам, как он их воспринимает» и 2) ритуалы избегания – «формы выражения уважительного отношения, при помощи которых актер может держаться на расстоянии от реципиента» [327, с. 310]. Э. Гоффман утверждает, что, используя язык, люди должны научиться искусно балансировать между этими двумя аспектами понятия *face* 'лицо' путем использования непрямых речевых актов. Например, прямая просьба, адресованная собеседнику, может «создать угрозу его лицу, поскольку для выполнения данного речевого акта ему, скорее всего, придется изменить свои первоначальные планы» [327, с. 311]. Поэтому в таких случаях адресант отдает предпочтение не императивному предложению, а другим синтаксическим конструкциям, демонстрируя тем самым, что он не хочет связывать адресата какими-либо обязательствами. Сформулированные Э. Гоффманом положения имели большое значение для теории коммуникации, заложив основу последующих исследований феноменов вежливости и РЭ в лингвопрагматическом аспекте.

Процесс коммуникации как совокупность речевых максим описывается в трудах философа и логика Г. П. Грайса [100, 328; 329]. В работе «Logic and Conversation» [328] ученый утверждает, что для достижения эффективности коммуникативного процесса и рационального использования языковых средств необходимо придерживаться принципа кооперации (сотрудничества), предполагающего готовность собеседников действовать в соответствии с совместно принятой целью и направлением разговора. По мнению Г. П. Грайса, принцип кооперации состоит из четырех основных максим, регулирующих речевое поведение: максима качества (коммуниканты не должны лгать), максима количества (информативный вклад коммуникантов не должен быть больше или меньше необходимого в каждой конкретной ситуации общения); максима отношения (следует четко придерживаться цели общения, не отклоняясь от нее) и максима способа (излагать свои мысли нужно кратко, избегая неясности и двусмысленности) [328, с. 45]. Данные постулаты являются критериями эффективности коммуникативного процесса, в соответствии с которыми собеседники выбирают свои дискурсивные стратегии.

Теория Г. П. Грайса внесла большой вклад в решение проблемы речевого общения. Ученому удалось выявить новые, ранее не изученные способы эффективной организации коммуникации, участвующие в формировании значения высказываний и влияющие на ситуацию общения в целом. Вместе с тем она имеет и уязвимые места. Г. П. Грайс был логиком и занимался вопросами философии языка, поэтому проекция его идей на лингвистику не могла не породить большого количества критических замечаний. Универсальность максим стала объектом критики со стороны Д. Хаймса, который акцентировал внимание на том, что «в каждом обществе есть свои представления о количестве, качестве, релевантности и ясности речи» [341, с. 73]. Среди других замечаний ученых – чрезмерная требовательность коммуникативных постулатов по отношению к реальному процессу общения. Г. П. Грайс ожидает от общающихся идеальных образцов поведения – участники диалога в соответствии с принципом кооперации идут навстречу

друг другу, преследуя общую цель – достижение взаимопонимания. Однако в реальном общении данные принципы постоянно игнорируются. На самом деле «в беседе люди стремятся воздействовать на собеседника, навязать ему свое мнение, скрыть нежелательные для себя факты, увернуться от ответа на некоторые неприятные вопросы, даже задеть, обидеть адресата. И язык располагает достаточным для этого набором средств. Таким образом, «любое реальное общение представляет собой своеобразное коммуникативное соперничество, где сразу же обозначаются лидеры и ведомые, что позволяет говорить не столько о принципе кооперации, сколько о принципе некооперации, или «коммуникативного саботажа» [189, с. 225–226].

Сам Г. П. Грайс признает, что предложенный им перечень правил не является полным и не отрицает существования других максим (этических, моральных, социальных), среди которых и максима вежливости. Однако в работе ученого ей не уделяется должного внимания. Постулаты Г. П. Грайса – это не правила этикета, они не предписывают норм речевого поведения, а лишь описывают систему рациональных ожиданий относительно намерений коммуникантов. Как утверждают исследователи, коммуникация, построенная в соответствии с постулатами Г. П. Грайса, выглядит слишком формальной и неестественной, поскольку в реальном общении данные правила постоянно нарушаются [349, с. 23]. Р. Лакофф предлагает свою концепцию эффективного речевого поведения, смысл которой сводится к двум основным принципам: 1) излагай мысли ясно и 2) будь вежлив. Первый принцип, который, по сути, является обобщенным вариантом постулатов Г. П. Грайса, реализуется в тех случаях, когда главная цель общения – передача информации. Если же главная цель взаимодействия – установление и поддержание контакта с собеседником, то приоритетным становится принцип вежливости. Довольно часто ясность и вежливость вступают в противоречие. В таких случаях ясность приносится в жертву вежливости, т. к. в процессе общения установление контакта и поддержание гармоничных взаимоотношений участников диалога более важны, нежели обмен информацией [349, с. 27].

Главным недостатком теории Р. Лакофф является то, что, рассматривая понятие «вежливость», исследовательница не дает ему четкого научного определения. Значение слова «вежливость» Р. Лакофф сводит к трем основным правилам: 1) не будь навязчив; 2) оставляй другому право выбора; 3) делай так, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно – веди себя дружелюбно [349, с. 28]. Вместе с тем слово «вежливость» имеет более широкое значение, которое не ограничивается указанными выше семами. Кроме того, перечисленные максимы сформулированы достаточно абстрактно и нуждаются в конкретизации, особенно если речь идет о межкультурной коммуникации.

Свою теорию вежливости предложил специалист в области корпусной лингвистики и прагматики Дж. Лич [351]. Ученый выделяет следующие максимы вежливости: максима такта (соблюдение границ личного пространства собеседника), максима великодушия (не следует обременять собеседника информацией), максима одобрения (следует позитивно оценивать собеседника), максима скромности (необходимость ставить себя и свои желания ниже потребностей партнёра), максима согласия (следует избегать противоречий, а в случае их возникновения решать проблему общими усилиями), максима симпатии (благожелательности по отношению друг к другу). Соблюдение этих максим, по мнению Дж. Лича, способствует более успешной организации речевого взаимодействия, избеганию конфликта и созданию благоприятного коммуникативного климата [351, с. 123]. Если же данные принципы не соблюдаются, участники диалога испытывают трудности в достижении взаимопонимания и коммуникация становится неэффективной. К реализации максим вежливости стремятся все коммуниканты, независимо от их социальных характеристик. Вместе с тем лица более высокого социального статуса имеют больше возможностей безнаказанно эти правила нарушать. Дж. Лич, в отличие от Г. П. Грайса, который настаивал на универсальности выделенных им максим, отмечает, что принципы кооперации и вежливости в различных культурах реализуются по-разному в зависимости от социальных факторов [351, с. 10]. Вместе с тем теория Дж. Лича также не совершенна.

Выделенные им принципы не дают четкого определения понятию «вежливость», описывая ее достаточно схематично. Это обусловлено тем, что максимы «скромность», «согласие», «симпатия», «одобрение» являются этическими категориями и при описании языковых явлений оказываются малоэффективными.

Весомым вкладом в исследование категории вежливости является ставшая классической монография П. Браун и С. Левинсона «Вежливость: некоторые универсалии языкового использования» [312], а также другие работы исследователей [313; 314; 315; 316]. Опираясь на опыт Э. Гоффмана в изучении понятия *face* 'лицо', ученые выделяют две его составляющие: позитивное лицо и негативное лицо. Позитивное лицо – это положительный образ, претендующий на любовь и признание. Негативное лицо – личная территория говорящего, его когнитивное пространство, мысли, чувства, интересы. В процессе общения адресант обязан учитывать негативное лицо собеседника, например, приветствуя его при встрече, сопровождая просьбы извинениями за беспокойство, выражая комплименты и т. д. [327, с. 307]. В соответствии с двумя типами лица П. Браун и С. Левинсон выделяют два вида лингвистической вежливости: позитивная и негативная, которые раскрывают основной принцип человеческих взаимоотношений, основанный на противоположных коммуникативных стратегиях: сближении и отдалении. Позитивная вежливость направлена на достижение солидарности с собеседником, сокращение существующей дистанции, создание атмосферы внутригрупповой идентичности, избегание разногласий, что достигается с помощью особых языковых средств: обращений, комплиментов, уменьшительно-ласкательной лексики, частиц и т. д.

Негативная вежливость основана на социальном дистанцировании, сохранении независимости личности, неприкосновенности ее территории, создании сдержанной, официальной, подчеркнуто уважительной тональности общения [312, с.135–137]. Этому способствуют следующие модели речевого поведения:

- 1) ограниченное использование прямых речевых актов (прямая просьба, приказ, критика, нескромные вопросы и т. д.), «угрожающих» собеседнику;
- 2) использование смягчающих речевых средств, если такой акт уже произведен (извинений, эвфемизмов и т. д.);
- 3) проявление уважения к адресату путем принижения собственного положения;
- 4) в ситуации просьбы – использование высказываний, выражающих сомнение в том, что она выполнима; фраз, констатирующих нежелание доставлять неудобства собеседнику, объясняющих причины просьбы, собственно извинений;
- 5) имперсонализация участников общения (использование пассива, неопределенно-личных местоимений, безличных конструкций и т.д.);
- б) номинализация утверждений – перевод конкретных событий в разряд более общих явлений и др. [312, с. 138–139].

Таким образом, лингвистическая вежливость в концепции П. Браун и С. Левинсона – это прежде всего маскировка речевых актов, которые представляют угрозу для позитивного/негативного лица собеседника. При этом, по мнению ученых, негативная вежливость, направленная на избегание разногласий, более значима в коммуникативном процессе, нежели позитивная вежливость, выражающая стремление к согласию [351, с. 234].

Теория П. Браун и С. Левинсона оказалась весьма продуктивной в исследовании процесса речевой коммуникации. Среди главных ее достоинств отмечается тот факт, что ученые впервые рассматривают вежливость не в обиходном смысле данного понятия – как форму учтвого поведения, выражающую внимание к собеседнику и заботу о нем, а предпринимают попытку разграничения вежливости как коммуникативного явления и как научного термина, описывающего его специфику [375]. Кроме того, П. Браун и С. Левинсон впервые акцентируют внимание на том, что выбор того или иного типа вежливости детерминирован различными факторами, в частности, типом общества и социальными характеристиками общающихся. Так, по мнению

ученых, в эгалитарных обществах, где социальные различия между коммуникантами незначительны, доминируют принципы позитивной вежливости, тогда как в обществах с жесткой социальной иерархией преобладают стратегии негативной вежливости. Говоря о социальной принадлежности партнеров по коммуникации, П. Браун и С. Левинсона приходят к выводу, что высшие классы обладают достаточной свободой действий, поэтому используют стратегии негативной вежливости, тогда как низшим классам, которые лишены этой свободы и вынуждены поддерживать друг друга через позитивную оценку, свойственна культура позитивной вежливости [313, с. 130]. Теория П. Браун и С. Левинсона подверглась критике со стороны таких ученых, как Б. Хилл, С. Идэ [334], Г. Каспер [346], Г.Элен [321], Р. Уотс [375] и др. Среди недостатков данной концепции исследователи отмечают этноцентрический подход авторов к толкованию категории лица, которая не может претендовать на универсальность, поскольку отражает исключительно европейский тип социального взаимодействия. Например, в работах М. Сифиану [370] и Ю. Мацумото [356; 355] ставится под сомнение целесообразность дифференциации вежливости на позитивную и негативную. Так, Ю. Мацумото утверждает, что в японской культуре отсутствует понятие «негативная вежливость». Почтительность здесь ассоциируется не со стремлением свести к минимуму причиняемое неудобство и ограничение свободы, а с демонстрацией доброжелательных отношений между коммуникантами («позитивная вежливость»). Как утверждает автор, разница между вежливостью в различных культурах сводится к противопоставлению социоцентрического, коллективистского (например, Япония, Китай) и эгоцентрического, индивидуалистского (культуры «западного типа») [356].

Исследование вежливости, зародившееся в рамках лингвистической философии и прагматики, постепенно оформилось в самостоятельное научное направление, подтверждением чего является создание в 1998 году в Великобритании Linguistic Politeness Research Group (исследовательской группы по изучению вежливости), под эгидой которой проводится ежегодная

международная научная конференция [<https://blogs.shu.ac.uk/politeness/conferences>] и выпускается журнал «Journal of Politeness Research». Это стимулировало активное изучение лингвистической вежливости в разных аспектах: лингвопрагматическом [324; 325; 364; 365], социолингвистическом [320; 337; 346; 360; 374], гендерном [320; 358; 367], когнитивном [314]; аспекте межкультурной коммуникации [311; 317; 323; 333; 338; 339; 348; 367; 371] на материале различных языков: английского, турецкого, греческого, японского [323; 356; 364] и др.

Наиболее активно в этот период разрабатывается дискурсивный («постмодернистский») подход к анализу вежливости [321; 326; 340; 348; 375 и др.]. Сторонники данного подхода рассматривают проявления вежливости не в абстрактных (идеализированных) лингвистических формах, а в конкретных коммуникативных условиях, т.е. с учетом всех обстоятельств осуществления речевого акта (социальных и психологических характеристик собеседников, их коммуникативных целей, время и места взаимодействия, фоновых знаний, правил речевого поведения, принятых в том или ином коллективе и т. д.), а также на фоне других видов речевого поведения (например, грубого, агрессивного), охватывая таким образом весь спектр человеческих взаимоотношений [353; 375].

На необходимость рассмотрения вежливости в рамках дискурса – прагматического контекста – указывает Р. Дж. Уоттс. Ученый рассматривает вежливость как «средство адаптации нашего поведения к той или иной ситуации общения, благодаря чему оно оказывается уместным, соответствующим ожиданиям» [375, с. 143]. Несмотря на свою привлекательность, данное положение имеет дискуссионный характер, поскольку не всегда можно провести четкую грань между вежливым и уместным поведением. Кроме того, следует отметить, что некоторые выводы автора не подкрепляются фактическими данными, т.е. имеют гипотетический характер. По мнению, сторонников дискурсивного подхода, вежливость является всего лишь малой частью повседневного взаимодействия

коммуникантов – «relational work» (деятельность коммуникантов по созданию межличностных взаимоотношений между собой), которое, по их мнению, и должно стать главным объектом исследования [353; 375].

В последнее время в отдельную область лингвистических исследований выделилось изучение невежливого поведения – грубости, речевой агрессии [332; 376 и др.].

Работы зарубежных ученых стали надежной методологической основой для дальнейшего изучения проблемы вежливости и РЭ. В современной лингвистике все чаще появляются исследования, в которых содержатся ценные наблюдения над различными аспектами данного понятия, формулируются новые подходы к его трактовке [75; 114; 115; 126; 128; 155; 156; 197; 241; 242; 271; 275; 281; 284; 286; 287 и др.].

Так, Е. Ю. Шенберг, изучив опыт исследования категории вежливости в зарубежной лингвистике, предлагает свой взгляд на данное понятие. Автор акцентирует внимание на том, что вежливость всегда описывается в рамках таких категорий, как такт, учтивость, скромность и т. д., однако не приравнивается к ним, поскольку вежливое поведение может быть как тактичным, так и нетактичным, что обусловлено определенными условиями реализации речевого акта. Кроме того, Е. Ю. Шенберг утверждает, что «вежливость как явление градуальное не может не включать невежливость, ибо последнее есть не что иное, как продолжение градационной шкалы вежливости» [300, с. 129].

В. И. Карасик определяет вежливость как проявление уважения к другому человеку, акцентируя при этом внимание на внешней, процессуальной стороне данного явления. Ученый отмечает, что хорошие манеры могут сочетаться с низкими целями и отсутствием уважения к собеседнику. Данное «внутреннее напряжение», по мнению автора, решается на лексическом уровне: русскому слову *вежливый* в английском языке соответствуют два слова со сходным, но не идентичным значением: *polite* ‘вежливый’ и *courteous* ‘вежливый, учтивый, обходительный’. Они различаются тем, что первое в большей мере обозначает

внешний аспект поведения, а второе – гармонию внешнего проявления и внутреннего доброго расположения к человеку [127, с. 180].

В. В. Дементьев предлагает разграничивать вежливость как «украшение» речи и этикет как явление обязательное. Ученый отмечает, что «в этикетных знаках сочетается формальная прямота, проистекающая из отмеченной выше “семиотической” природы системы этикета, и содержательная неполнота. Будучи включены в конкретную ситуацию общения, знаки речевого и неречевого этикета в ее пределах точно и однозначно транслируют смыслы» [105, с.163].

По мнению Т. В. Лариной, вежливость тесно связана с социокультурной организацией общества и межличностными отношениями, с их коммуникативным сознанием, поэтому данную категорию следует рассматривать только на междисциплинарном уровне и в межкультурном аспекте [156, с. 86].

Таким образом, в трактовке понятия «вежливость» ученые еще не пришли к общему мнению, что свидетельствует о сложности и противоречивости исследуемого явления. Справедливым в этой связи является замечание Р. Уоттса: «описывать вежливость – это все равно, что сражаться с гидрой, настолько оно многопланово» [375, с. 5].

1.1.1.2 Речевой этикет в контексте теории речевых актов

Помимо исследования вежливости и этикетных речевых единиц в контексте выявления общих стратегий речевого общения, в научной литературе существует опыт изучения данного понятия в рамках более узкого направления, в частности, теории речевых актов. Одно из ее основных положений состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или высказывание, а осуществление определенных актов, таких, как приветствие, просьба, извинение, благодарность, поздравление и т. д.

Основателями теории речевых актов традиционно считают философ-представителей Оксфордской школы – Дж. Остина и Дж. Серля, хотя истоки данной идеи обнаруживаются еще в работах австрийского философа

Л. Витгенштейна, который впервые сформулировал вывод о том, что язык является формой жизни, а не просто некой нейтральной знаковой формой для обслуживания автономной сферы истинных значений и абсолютных смыслов. Значение слова есть его употребление, а отнюдь не то, что слово якобы обозначает [72].

В лекциях, посвященных изучению проблемы речевого общения, Дж. Остин опровергает распространенное заблуждение о том, что высказывание может только описывать положение вещей либо утверждать нечто о каком-либо факте как об истинном или ложном. По мнению ученого, в практике речевого общения высказывания могут использоваться для совершения разнообразных действий – советов, просьб, извинений, обещаний, предупреждений, приветствий и т. д., которые не содержат никакого утверждения, а лишь указывают на совершение определенного действия [193, с. 45]. Для обозначения речевых единиц, эквивалентных действию, Дж. Остин использует термин «перформативы» (глаголы 1 лица единственного числа изъявительного наклонения), классифицировав их на 5 классов в соответствии с иллокутивной силой входящих в них высказываний: 1) вердиктивы; 2) экзерситивы; 3) комиссивы; 4) бехабитивы; 5) экспозитивы. При этом этикетные речевые единицы (извинение, поздравление, похвала, соболезнование и др.) наряду с другими речевыми актами (такими, как, например, ругань и вызов на состязание, дуэль и т. д.) ученый относит к бехабитивам – актам, связанным с взаимоотношениями людей и их общественным поведением (ср. англ. *behavior* ‘поведение’) [193, с. 25].

Теория речевых актов Дж. Остина подверглась критике со стороны лингвистов. Среди основных ее недостатков отмечаются несистематичность принципов классификации, отсутствие четких границ между выделяемыми группами, а также внутреннюю неоднородность единиц, входящих в их состав. Данные факты признает и сам автор: «после выделения этих групп остаются широкие возможности маргинальных или неудобоваримых случаев, или того и другого вместе. Бехабитивы беспокоят меня тем, что они слишком

неоднородны, экспозитивы – тем, что они невероятно многочисленны и важны, а также тем, что их легко перепутать с другими классами...» [192, с. 123]. Таким образом, ЭРЕ, как и многие другие речевые единицы, в теории Дж. Остина не имеют четкого научного статуса. Вместе с тем следует отметить, что в самом начале своих научных размышлений ученый предупреждает читателей о том, что предлагает свои пять категорий весьма гипотетично – скорее как основу для дальнейшего обсуждения, чем как сводку окончательных результатов: «Я не считаю свою классификацию... окончательной. Мне кажется, эти категории дают прекрасный отправной пункт для обсуждения, но указанная таксономия должна быть серьезным образом пересмотрена, поскольку в некоторых отношениях она несовершенна <...>» [192, с. 120].

Весомым вкладом в изучение проблемы РЕ является теория речевых актов Дж. Р. Серля. Развивая концепцию Дж. Остина, ученый предложил собственную классификацию речевых актов [369], в которой ЭРЕ попадают в группу экспрессивов. По мнению Дж. Р. Серля, иллокутивная цель данных высказываний заключается в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания [369, с. 183]. Направление соответствия между высказыванием и действительностью для них не существенно, поскольку положение дел, служащее поводом для экспрессива (то, с чем мы поздравляем, за что благодарим или извиняемся и т. п.), составляет не основное содержание, а предпосылку такого речевого акта – его пресуппозицию. Дж. Серль сначала ограничивает класс экспрессивов образцовыми глаголами со значениями: 'благодарить', 'поздравлять', 'извиняться', 'соболезновать', 'сожалеть', 'приветствовать', однако позднее дополняет их глаголами со значениями 'хвалить' и 'говорить комплименты' [369, с. 183].

Основным недостатком классификации Дж. Серля, как и предыдущих классификаций, является в первую очередь отсутствие четких границ между классами. В результате обнаруживаются речевые акты, образующие смешанные

типы. Это касается и ЭРЕ. Например, приглашение, согласно теории ученого, является одновременно и директивом, поскольку говорящий побуждает адресата прийти в определенное место, и комиссивом, поскольку тем самым говорящий связывает себя обязательством либо лично, либо через посредство других лиц обеспечить приглашаемому должный прием.

Теория Дж. Серля получила широкое распространение в лингвистической прагматике (особенно в славистике), вследствие чего термин «экспрессивы» стал довольно популярным в публикациях, посвященных проблемам речевого общения вообще и РЭ в частности [12; 16; 198; 281; 261 и др.]. Так, например, польская русистка Л. Писарек считает вполне оправданным рассматривать приветствие, прощание, благодарность, извинение, поздравление, соболезнование, пожелание как ядро класса экспрессивов, а также приводит в рамках данного класса и такие речевые акты, как оскорбление, упрек, жалоба и т.д. [198, с. 38]. Состав экспрессивов уточняется и описывается в работах польской исследовательницы А. Вежбицкой [47].

Следует отметить, что большинство исследователей отрицает необходимость рассмотрения ЭРЕ в рамках экспрессивных высказываний. Так, в работах Ю. Хабермаса ЭРЕ входят в разряд универсалий – высказываний, описывающих институциональные действия говорящего, закрепленные определенными нормами, правилами: приветствие, поздравление, благодарность [330].

Т. Зандер утверждает, что для таких речевых актов, как, например, благодарность или поздравление, существенной является не столько эмотивная, сколько социальная функция, то есть, по мнению автора, любое экспрессивное (в традиционном понимании) высказывание является примером комиссивов, директивов, и шире – речевых актов, предполагающих обязательства [368]. Е. Вейганд относит ЭРЕ к подклассу декларативов. По мнению автора, они не выполняют условие искренности, в результате чего превращаются в рутинные, рудиментарные, «пустые фразы», лишённые смыслового содержания, выполняющие лишь функцию создания или поддержания отношений [377].

В зарубежной лингвистике существует опыт рассмотрения ЭРЕ в качестве социативов – речевых актов, указывающих на принадлежность адресанта и адресата к одной социальной группе (пожелание добра, тост, благословение, соболезнование, сожаление, сочувствие и др.). Среди исследований такого рода следует отметить труды Л. Писарек, С. Мартен-Клифа, Р. Ратмайр и др. [198; 354; 362; 366] и др. Работы западных ученых стали методологической основой для последующего изучения данной проблемы на материале различных языков. Рассмотрение ЭРЕ с позиций лингвистической прагматики, в частности, теории речевых актов, уже на протяжении нескольких десятилетий остается одним из перспективных направлений современного языкознания. В исследованиях Ю. Д. Апресяна [12], Н. Д. Арутюновой [15; 16; 17], А. Г. Балакая [26; 28; 29], А. Вежицкой [47], М. Я. Гловинской [92], Е. В. Руди [220], Т. В. Тарасенко [250], Н. И. Формановской [272; 281; 282; 284] и др. ЭРЕ анализируются как класс речевых актов со своими специфическими функциями и речевыми интенциями. Для них характерны стандартность, шаблонность, ритуализованность, стереотипность, предсказуемость, ожидаемость, языковая клишированность, обусловленные не только культурными нормами определенного социума, но и «правилами» многоаспектной человеческой жизни [220, с. 73].

В современных исследованиях намечается тенденция выделить ЭРЕ в отдельный класс. Так, например, Н. И. Формановская утверждает, что единицы речевого этикета следует рассматривать как отдельный класс этикетных речевых актов – этикетные выражения, контактивы, социативы, которые связаны не с эмоциями и оценками, а с социально заданными правилами речевого поведения и предназначены для установления и поддержания социально-речевого контакта собеседников [28, с. 266].

М. Ю. Федосюк такие речевые действия, как просьба, благодарность, извинение относит к разряду эмотивных речевых актов, которые «ориентированы на поддержание и улучшение эмоционального состояния адресата» [269, с. 78]. Е. М. Вольф рассматривает данные высказывания как

речевые акты оценки [73, с. 165]. В научной литературе используются и другие термины для обозначения единиц речевого этикета: *ритуальные речевые жанры* (Т. Т. Васильева, Т. В. Шмелева), *глаголы этикетного поведения* (А. Вежбицкая); *этикетные жанры* (Т. В. Тарасенко); *эмоционально-оценочные речевые акты* (В. Г. Гак); *конвенционально-этикетные формулы* (Г. А. Золотова), *экспрессивные речевые акты* (Н. А. Трофимова), *формулы речевого этикета* (Н. И. Формановская), *перформативы* (Г. Г. Почепцов), *социальные перформативы* (Н. К. Рябцева), *этикетные действия* (В. И. Карасик), *неинформативные речевые акты* (В. Г. Гак), *формулы социального этикета* (Н. Д. Арутюнова), *речевые ритуалы* (Ю. Д. Апресян) и др. Такое терминологическое разнообразие свидетельствует о сложности и противоречивом характере изучаемого явления, научный статус которого до сих пор остается дискуссионным.

1.1.2 Речевой этикет как самостоятельная область лингвистических исследований

1.1.2.1 На современном этапе развития лингвистики речевой этикет выделился в отдельную научную проблему, которая находится в поле зрения представителей различных гуманитарных наук – этнографии, философии, этики, психологии, культурологии и др. И это не случайно, так как природа данного лингвокультурного явления может быть изучена только на междисциплинарном уровне.

Выделению РЭ в самостоятельную область научного знания способствовали исследования, посвященные описанию традиционно бытовой культуры общения различных этносов [22; 24; 25; 41; 88, 124, 225; 226; 227; 228 и др.]. Научная ценность данных трудов заключается в первую очередь в том, что в них в качестве основополагающей причины различий в коммуникативном поведении рассматривается тип культуры, к которой принадлежат собеседники. Как отмечает, Л. С. Выготский, «культура создает особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций человека» [74, с. 45].

Вопросы национально-культурной специфики общения (в том числе и речевого) рассматриваются в работах Б. Х. Бгажнокова [33; 34; 35]. Ученый акцентирует внимание на необходимости изучения коммуникации на стыке этнографии и лингвистики, поскольку механизм существования этносов основан на связях коммуникативного характера, главным образом речевых (словесных) [34, с. 4]. В своих трудах исследователь оперирует понятием «стандарт коммуникации», который в узкофеноменологическом плане представляет собой конвенциональный шаблон коммуникативного действия или движения. В этом качестве выступают: приветствие, прощание, представление во время знакомства, выражение благодарности, поза, мимика; причем различия по этносам обнаруживаются главным образом в их конкретной реализации и осмыслении <...> [34, с. 9].

Весомый вклад в разработку вопросов этнографии общения, стереотипных форм поведения, этноэтикета внесла монография А. К. Байбурина и А. Л. Топоркова «У истоков этикета» [24]. На обширном материале, включающем фольклорные и языковые источники, записки путешественников и этнографов, авторы прослеживают исторические основы формирования и развития этикетных норм, в частности их мифо-ритуальные истоки, определяют общее и национально специфическое в невербальных формах поведения, а также в реализации некоторых ЭРЕ в различных ситуациях общения.

Отправной точкой в изучении РЭ как самостоятельного лингвокультурного феномена стала статья В. Г. Костомарова «Русский речевой этикет» [142], посвященная описанию особенностей функционирования некоторых ЭРЕ (обращений, приветствий и прощаний) в советском обществе. С 60-х гг. XX в. РЭ становится предметом активных научных поисков. Его рассматривают в первую очередь в контексте лингвострановедения и дидактики, связанных с изучением иностранных языков. Поскольку ЭРЕ относятся к тем пластам лексики, которые наиболее ярко отражают культурно-исторические особенности народа-носителя языка, им в исследованиях такого рода уделяется особое внимание. Показательными в этом плане являются работы русиста из

Венгрии Ф. Паппа [195], которые открыли новые научные направления в изучении данного явления. ЭРЕ ученый рассматривает в зеркале венгерского этикетного общения, что способствует более глубокому осмыслению исследуемой проблемы. С позиции носителя иностранного языка русский РЭ анализируется в работах немецкой исследовательницы Г. Титц [254].

Различные аспекты коммуникативной культуры вообще и РЭ в частности изучаются в коллективных монографиях: «Национально-культурная специфика речевого поведения» [185] и «Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР» [1854], в которых содержатся материалы к описанию национально-культурных особенностей вербального и невербального поведения различных народов мира (франузов, венгров, американцев, вьетнамцев, индонезийцев, корейцев, японцев, китайцев и др.), в том числе и в сопоставительном аспекте.

Большой вклад в изучение ЭРЕ внесла основоположница научной школы по русскому речевому этикету Н. И. Формановская. В многочисленных работах исследовательницы [271; 272; 273; 274; 275; 276; 277; 278; 279; 280; 281; 282; 283; 284; 285; 286; 287; 288 и др.] поднимаются важные вопросы теории и практики РЭ, в частности, определяется его лингвистическая и экстралингвистическая сущность, семантическая и прагматическая природа, рассматриваются функции ЭРЕ и их ситуативная обусловленность, затрагиваются методические аспекты исследуемой проблемы. Для носителей русского языка, изучающих иностранные языки, Н. И. Формановская в соавторстве с другими исследователями выпустила справочные пособия, содержащие русско-французские [277], русско-английские [278], русско-итальянские [280], русско-немецкие [276], русско-испанские [279], русско-португальские [285] этикетные соответствия. Кроме того, для иностранцев, изучающих русский язык, подготовлены работы: «Русский речевой этикет в зеркале венгерского» (в соавторстве с Э. Сепеши) [273]; «Русский речевой этикет в зеркале чешского» (в соавторстве с П. Тучны) [274], которые послужили толчком к изучению ЭРЕ в сопоставительном аспекте. Указанные

выше исследования особенно эффективны при решении актуальных проблем межкультурной коммуникации, в частности, проблемы межъязыковой интерференции.

В последние десятилетия намечается тенденция к разграничению понятий «вежливость» и «речевой этикет». Так, Н. И. Формановская в связи с этим отмечает, что «речевой этикет можно рассматривать как механизм вербализации вежливости, но отношения между данными понятиями намного сложнее: и речевой этикет, и вежливость реализуют принятые правила пристойного обхождения людей друг с другом. Однако речевой этикет еще специализирован на установление, поддержание, размыкание контакта коммуникантов, поэтому основная его функция – контактоустанавливающая, разумеется, в рамках принятых социальных отношений, статусов и ролей в иерархии выше/нижестоящий/равный и свой/чужой» [288, с. 67].

На сложном взаимодействии данных понятий акцентируется внимание в справочном издании «Культура русской речи» [154]: «Этическое социально-культурное понятие вежливости как уважительного отношения к партнеру по общению связано с речевым этикетом двояко. С одной стороны, всякое нарушение норм речевого поведения является демонстрацией невежливости. Это нарушение может быть обусловлено: а) неисполнением ритуала речевого этикета в соответствующей ситуации (не поздоровался, не поблагодарил и т. д.) и б) выбором несоответствующей ситуации и ролевыми признаками партнеров выражения (сказал старшему по положению и возрасту “здорово”, применил “ты”-форму при ожидаемой “Вы” и т. д.)» [154, с. 575–576].

В современном языкознании РЭ и вежливость рассматриваются в различных аспектах: лингвопрагматическом [30; 92; 114; 125; 198; 216; 272; 281; 282; 283; 284; 324; 325], гендерном [320; 336; 337; 358], социолингвистическом [89; 90; 126; 127; 128; 148; 150; 149; 358; 341; 360], аспекте межкультурной коммуникации [6, 76, 155, 276; 277; 278; 279; 280; 285; 348; 332] и др. Социолингвистическое описание данного явления осуществляется в научных исследованиях: В. И. Гвазава [89; 90], В. Е. Гольдина

[96; 97], А. А. Зубаревой [116], Л.П. Крысина [148; 149; 150] и др. Ученые акцентируют внимание на социальной обусловленности ЭРЕ, в частности, их зависимости от социальных ролей, которые принимают на себя участники коммуникации. Отмечается, что при этом «важны как социальные роли сами по себе, так и их соотносительное положение в общественной иерархии» [148, с. 44]. О речевом этикете в контексте социального взаимодействия пишет В. И. Карасик [126; 127; 128].

Широко известны работы, рассматривающие ЭРЕ в семиотическом плане [165; 271; 275; 292; 293 и др.]. По мнению представителей данного направления, РЭ является гиперсемиотическим образованием, в котором речевые формулы представляют собой знаки иконического типа. Для этих единиц характерна модальная детализация и расширение в официальных ситуациях [165].

В языкознании имеется опыт рассмотрения ЭРЕ в лексикографическом аспекте [26; 27; 28]. В 1999 году в Кемерово вышел двухтомный словарь А. Г. Балакая «Доброе слово. Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения» [26]. Об актуальности данной проблемы в лингвистике свидетельствует специальный выпуск «Московского лингвистического журнала» под тематическим заглавием «Речевой этикет: семантика и прагматика» (2003 год, т. 7/2), посвященный различным аспектам речевого этикета.

В последние десятилетия появилось большое количество работ, изучающих отдельные ЭРЕ. При этом внимание ученых чаще всего привлекают обращения [4; 5; 96; 97; 138; 140, 145; 203; 146, 160; 205; 219; 231; 247; 248; 283], приветствия [4; 27; 29; 101; 134; 137; 147], извинения [216; 250], пожелания добра и зла [7; 71; 135; 169; 199; 200; 215; 299] и др.

Этнизация общественно-политических и социально-экономических процессов, антропологизация научного знания выдвинули на передний план проблему национальной специфики речевого общения, что способствовало активизации исследований ЭРЕ на материале различных национальных языков:

английского [3; 18; 95; 155; 232; 244], немецкого [220] японского [8; 186], испанского [270], белорусского [101; 137], польского [190; 198], чешского [30; 361], украинского [39; 38; 162; 179; 180] и др.

1.1.2.2 РЭ украинского языка относится к разряду малоизученных. Серьезные аналитические статьи и монографии, посвященные комплексному монографическому исследованию данной проблемы, отсутствуют. Большинство работ имеют прикладной характер и учебно-воспитательную направленность. Отсутствие кодифицированного этикета национальной элиты, размытость народного этикета, растворившегося в различных формах традиционного поведения, обусловили тот факт, что к данному феномену ученые обращались довольно редко. Первые научные наблюдения над украинскими ЭРЕ содержатся в фольклорных и этнографических трудах XIX в., где они рассматриваются как малые фольклорные жанры, образцы паремийного фонда или неотъемлемые компоненты календарных, семейных, хозяйственных обрядов. В работах, посвященных исследованию украинской традиционно-бытовой культуры, содержатся ценные сведения о национальных особенностях этикетного поведения украинцев в различных ситуациях общения. Так, о культурной обусловленности речевого поведения украинцев, его органической связи с национальным характером, традициями, обычаями, нравами народа говорится в этнографических исследованиях Я. Ф. Головацкого «Слова вітання, благословенства, чемності і обичайності у русинів» [93], В. И. Шухевича «Гуцульщина» [303], Н. Ф. Сумцова «Культурные переживания» [245], В. П. Милорадовича «Житьё-бытьё лубенского крестьянина» [178], В. Ю. Сичинского «Чужинці про Україну» [230] и др.

Весомым вкладом в решение проблемы украинского речевого этикета стала работа А. П. Пономарева «Традиционно-бытовая культура» (раздел «Бытовой этикет»), помещенная в третьем томе фундаментальной пятитомной «Истории украинской культуры» [206], в которой анализируются стереотипы традиционного общения украинцев, в частности, этикет гостеприимства, традиции доброжелательности и почитания старших. Следует отметить, что

этнографические исследования, безусловно, сыграли большую роль в решении проблемы традиционного речевого поведения украинцев, вместе с тем в работах такого плана единицы РЭ рассматриваются как неотъемлемая часть народных обычаев и обрядов, а не как самостоятельное лингвокультурное явление, имеющее свой план выражения и план содержания и выполняющее специфические функции в процессе коммуникации.

Первой специальной лингвистической разработкой, посвященной изучению отдельных аспектов украинского речевого этикета, является статья В. Симовича «Наша товариська мова» [229], в которой содержатся этимологические и семантико-стилистические характеристики некоторых украинских ЭРЕ, распространенных среди жителей Западной Украины, а также рекомендации по их использованию. Впервые изданная в 30-х гг. XX в., работа В. Симовича стала единственным на то время лингвистическим исследованием особенностей украинского речевого общения в стандартных коммуникативных ситуациях.

Во второй половине XX в. внимание к РЭ в украинском языкознании заметно активизировалось. Появились монографические исследования, сфокусированные на исследовании различных его аспектов. Так, особенности функционирования ЭРЕ в социолингвистическом, грамматическом и стилистическом аспектах изучаются в кандидатской диссертации В. Н. Литовченко «Структуры речевого этикета в современном украинском языке» [162]. Описывая условия употребления и функции этикетных речевых единиц, их грамматические и стилистические особенности, автор приходит к выводу, что в речевом этикете отражаются национальная культура, характер народа, особенности его национального сознания и мировосприятия.

Рассмотрению ЭРЕ в диахроническом аспекте посвящены работы О. М. Миронюк [179; 180], в которых исследуются особенности функционирования лексических и грамматических средств выражения вежливости в украинском языке на различных исторических этапах его развития. В диссертационном исследовании О. М. Мельничук [176] на

материале художественных и эпистолярных текстов исследуется синтаксическая природа и стилистические особенности украинских ЭРЕ.

Национальная специфика украинского РЭ, особенности его функционирования в разных стилях и жанрах речи рассматриваются в трудах С. К. Богдан [39]. В статьях М. П. Билоус [38] детально анализируется коммуникативная и социальная природа средств выражения вежливости, описываются наиболее распространенные в речевом общении украинцев ЭРЕ, условия их использования в различных ситуациях общения.

Особенности вербального и невербального этикета украинцев анализируются в работе Я. К. Радевича-Винницкого [210]. Отдельным вопросам украинского речевого этикета посвятили свои научные статьи О. М. Мацько [174], М. Г. Стельмахович [239], Н. П. Плющ [202] и др.

На основании анализа упомянутых выше работ можно утверждать, что в украинском языкознании ЭРЕ изучены недостаточно.

1.1.2.3 Не менее сложная ситуация наблюдается в кавказском языкознании, которое также характеризуется отсутствием специальных научных разработок, посвященных глубокому анализу РЭ представителей различных кавказских этносов. Особенно это касается дагестанских языков, которые в течение длительного времени были объектом преимущественно грамматических студий. Основным источником изучения РЭ кавказских этносов до сих пор остаются историко-этнографические и фольклористические источники [43; 77; 78; 80; 86; 118; 124; 133; 141; 164; 170; 171; 211; 225; 226; 227; 228; 235; 236; 238 и др.], которые, помимо детального описания жизненного уклада горцев, содержат интересные наблюдения над традиционными нормами их поведения (в том числе и речевого) в различных сферах общественной жизни. Особого внимания в этом плане заслуживает докторская диссертация С. А. Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX вв.)» [164], в которой осуществляется комплексный подход к изучению коммуникативной культуры дагестанских народов. Автор анализирует особенности поведения дагестанцев в различных ситуациях,

описывает специфику употребления некоторых вербальных и невербальных этикетных знаков в повседневной практике общения.

Рассмотрению вопросов межкультурной коммуникации в республиках Северного Кавказа посвящены работы З. М. Габуниа [75; 76]. Детальный анализ этикета кавказских горцев представлен в сборнике «Этноэтикет народов Северного Кавказа» [304].

В последние десятилетия в связи со сменой научной парадигмы и интенсивным развитием антропоцентрического направления в кавказском языкознании активизируется интерес к проблемам речевого поведения в различных ситуациях общения. При этом в поле зрения исследователей все чаще попадают пожелания добра и зла, которые рассматриваются в лингвокультурологическом, психолингвистическом, гендерном аспектах. Так, интересные выводы и наблюдения над пожеланиями добра и зла содержатся в докторской диссертации М. Ч. Кремшокаловой «Когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи (на материале кабардино-черкесского языка)» [144]. Автор исследует когнитивные составляющие кабардино-черкесских благопожеланий и проклятий, определяет дискурсивные механизмы, регламентирующие их прагматику. Особенности речевого поведения аварцев в ситуациях пожелания добра и зла описываются в работе Х. Г. Магомедсалихова [169]. Проклятия лакского языка в гендерном аспекте стали предметом исследования в статье Б. М. Алиевой [7]. Гендерные стереотипы в лакской языковой картине мира в сопоставлении с русской и английской лингвокультурами рассматриваются в работах З. М. Рамазановой [212; 213; 214]. Способы выражения оптата в нахско-дагестанских языках описываются в статье Н. Р. Добрушиной [108].

В дагестанских языках проблема ЭРЕ до сих пор остается практически не исследованной. Ситуация осложняется тем, что усилия ученых направлены в основном на изучение этикета чеченцев, кабардинцев, черкесов, абазин, осетин, тогда как особенности речевого поведения других народов, – лезгин, агулов, даргинцев, аварцев – остаются вне поля зрения ученых. ЭРЕ лезгинского языка

в современном кавказоведении до сих пор остаются малоизученными. На сегодняшний день существует лишь несколько работ, посвященных отдельным аспектам изучаемой проблемы. Среди них особого внимания заслуживает диссертационное исследование Р.Ш. Магамдарова «Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке» [167]. Автор детально описывает лезгинский лексико-фразеологический фонд, используемый для описания женщины и окружающей ее действительности, акцентирует внимание на способах обращения к женщине в зависимости от ее социальных характеристик в различных коммуникативных контекстах, анализирует некоторые экспрессивные высказывания, функционирующие в женской речи. Интересные размышления над этнокультурной семантикой отдельных этикетных речевых единиц содержат статьи Ф. Р. Нагиева «Термины родства в лезгинском языке» [182], «Теонимы в лезгинской лексике» [183] и др.

Таким образом, несмотря на значительное количество работ, можно констатировать, что проблема ЭРЕ в современной лингвистике является актуальной, однако многие ее аспекты остаются недостаточно исследованными и нуждаются в более глубоком осмыслении.

1.1.3. Речевой этикет как объект сопоставительного анализа

В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном обществе, расширением межэтнических и межнациональных контактов, а также интенсификацией процессов языкового взаимодействия в современной лингвистике активизируются сопоставительные исследования, специализирующиеся на выявлении универсального и национально своеобразного в структуре и содержании единиц различных языковых уровней. При этом «выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, устанавливается специфика системной организации микросистемы в изучаемых языках, выявляется ядро и периферия подсистем в сравниваемых языках» [243, с. 10] и т. д. При таком подходе для исследователя одинаково важны и различия, и сходства [42, с. 123; 102, с. 3].

Следует отметить, что сходства и различия между языками интересовали ученых с древних времен. Вместе с тем первые попытки научного осмысления данной проблемы осуществляются лишь в начале XIX века благодаря усилиям Ф. Боппа, Я. Гримма, Р. Раска, А.Х. Востокова, В. фон Гумбольдта, Б. Л. Уорфа и др. Становлению сопоставительной лингвистики как самостоятельного научного направления способствовали достижения ученых XX в.: Ш. Балли, В. Скалички, Э. Косериу, Ч. А. Фергюсона, Г. Никкеля и др., в работах которых определяются границы и методы сравнительно-типологического языкознания, намечаются тенденции к выделению отдельных его направлений.

В лингвистической науке накопился богатый опыт в исследовании различных языковых фактов в сопоставительном аспекте. Общие вопросы сопоставительного изучения языков рассматриваются в трудах: Ю. Д. Апресяна [11], Н. Д. Арутюновой [16], А. Вежбицкой [49], В. Г. Гака [83; 84], К. Джеймса [109], Ю. О. Жлуктенко [111], Г. А. Климова [131], В. И. Кодухова [132]; В. Н. Манакина [172], У. Немзера [187], Г. Никель [188], А. А. Реформатского [217], И. А. Стернина [243], Р. Штернеманна [302], У. Юсупова [305], и др.

Современный этап развития сопоставительной лингвистики характеризуется углубляющейся дифференциацией различных направлений, специализирующихся на изучении единиц определенного языкового уровня – лексико-семантического, фразеологического, грамматического и др.

Давние традиции в языкознании имеет сопоставительная лексикология, в рамках которой выявляются сходства и различия в процессах номинации явлений объективной реальности в разных лингвокультурах мира, описывается культурно маркированная лексика, ее внутренняя форма, определяются лексические лакуны, способы тематической организации лексического состава языков [48; 84; 99; 102; 143; 172; 243; 301 и др.].

На протяжении длительного времени приоритетным лингвистическим направлением остается сопоставительная грамматика [13; 83; 306; 307 и др.], которая охватывает широкий круг проблем, связанных с выявлением сходств и различий в особенностях грамматического строя языков, установлению

соответствий (или несоответствий) в парадигматической структуре морфологических категорий, синтаксической организации сопоставляемых языковых систем и т.д.

В рамках сопоставительной грамматики в последние десятилетия активно и плодотворно развивается сопоставительная дериватология [32; 122; 123; 345 и др.]. Перечисленные выше направления находят непосредственный выход в прикладные научные области, такие как лингводидактика, методика преподавания иностранного языка, лексикография и др., которым посвящена обширная научная литература [130; 290 и др.].

Современный этап развития общества выдвигает новые требования к сопоставительным исследованиям. Языковая глобализация, расширение культурных, образовательных, деловых контактов между народами стимулирует различные формы межнационального общения, сопровождающиеся как сближением, так и разъединением культур и этносов. Различия в вербальной и невербальной коммуникации, неодинаковое восприятие окружающей реальности, различные взгляды на понятие «вежливость» часто приводят к неправильному толкованию мыслей, намерений коммуникантов, обуславливающие возникновение межэтнических и межконфессиональных конфликтов. В связи с этим возникает острая необходимость в детальном сопоставительном изучении различных языковых средств, способствующих гармонизации межнационального общения, глубоком теоретическом осмыслении сходств и различий в нормах поведения представителей различных культур, что поможет существенно упростить процесс общения, преодолеть коммуникативные барьеры и способствовать достижению коммуникативного успеха. Кроме того, сопоставление различных языковых фактов неродственных языков имеет большое теоретическое значение, поскольку служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений.

За последние десятилетия в изучении специфики речевого поведения в сопоставительном аспекте достигнуты значительные успехи [6; 7; 79; 81; 159; 218; 317; 338; 339; 348; 378; 379]. При этом большое внимание уделяется

феномену вежливости [155; 156; 166; 311; 323; 325; 334; 336; 346; 347; 356; 357; 365; 370]. Так, в монографии Т. В. Лариной «Категория вежливости и стиль коммуникации» вежливость рассматривается как «важный регулятор общения, представляющий собой систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное взаимодействие и соответствующих ожиданиям партнера» [156, с. 19]. Исследование выполнено на основе материала, полученного в ходе наблюдений над поведением представителей русской и английской лингвокультур, и является весьма эффективным в решении многих проблем межкультурной коммуникации. Т. В. Ларина объясняет разницу между русской и английской моделями вежливости наличием разных культурных ценностей и разными типами социальных отношений, которые сложились исторически. При этом акцентируется внимание на горизонтальной и вертикальной дистанциях, которые в сопоставляемых культурах не совпадают.

Речевое поведение русских и английских коммуникантов в сферах институционального и межличностного общения является объектом исследования в докторской диссертации С. А. Рисинзон [218]. На основе анализа широкого эмпирического материала в работе описываются средства гармонизации речевого взаимодействия, приоритетные для русской и английской лингвокультур. Социолингвистическое развитие английского и русского РЭ на примере обращений, приветствий и прощаний прослеживается в кандидатской диссертации И. Г. Лежневой [159].

РЭ немецкой и русской лингвокультурных общностей стал объектом сопоставительного анализа в диссертационном исследовании Р. А. Газизова [81]. Коммуникативно-прагматические особенности речевого этикета карачаево-балкарского, русского и английского языков анализируются в кандидатской диссертации А. С. Чаушева [295].

Категория вежливости в русской, английской и кабардинской лингвокультурных традициях исследуется в работах Э. Ю. Улимбашевой [262; 263; 264].

Прагматические особенности вежливости в немецком и русском языках исследовала С. И. Горбачевская [98]. Прагматический анализ способов реализации просьбы в русской и британской лингвокультурах осуществляется в работе М. А. Егоровой [110]. Семантико-синтаксические особенности средств выражения вежливости на материале русского и английского языков описываются в исследовании Е. В. Демченко [106]. Интересные наблюдения над способами выражения вежливого отношения к собеседнику в греческом и английском языках содержат работы М. Сифиану [370] и А. Бусуленга [311].

Наряду с общими стратегиями и тактиками этикетного речевого поведения в современной сопоставительной лингвистике в поле зрения ученых все чаще попадают отдельные этикетные речевые единицы, играющие важную роль в гармонизации межкультурного общения (преимущественно обращения и благопожелания), которые рассматриваются на материале двух и более языков: русского и английского [175], русского и испанского [296], немецкого и русского [135] и др. При этом затрагиваются различные аспекты: лингвокультурологический, лингвопрагматический, коммуникативный, социолингвистический, гендерный и др.

Попыток сопоставительного изучения РЭ лезгинского и украинского языков в лингвистике не предпринималось. Опыт контрастивного анализа этикетных речевых стандартов в лезгинском и английском языках представлен в кандидатской диссертации М. К. Халимбековой «Этикетная лексика в языках разных культур: лезгинской и английской» [289]. Интересные наблюдения над гендерной лексикой и фразеологией лезгинского и русского языков содержит работа М. М. Магомедовой [168].

Этикетная лексика украинского языка в сопоставлении с английскими и венгерскими ЭРЕ рассматривается в докторской диссертации М. П. Фабиан [266]. Изучению украинских вербальных формул пожеланий в сопоставлении с английскими посвящена кандидатская диссертация Л. А. Павловской [194].

В диссертационном исследовании Н. Б. Головиной, выполненном в лингвокультурологическом аспекте, украинские пожелания сопоставляются с немецкими [94].

Анализ теоретической литературы дает основания утверждать, что этикетные речевые единицы в современной лингвистике еще недостаточно изучены. Многие аспекты данной проблемы остаются дискуссионными и требуют дальнейшего рассмотрения.

1.2. Речевой этикет и ситуация общения

Под этикетными речевыми единицами (ЭРЕ) в исследовании понимаются принятые в определенном языковом коллективе устойчивые, равнозначные по структуре слову, словосочетанию или предложению высказывания, которые используются в типичных ситуациях вежливого контакта с собеседником. ЭРЕ непосредственно связаны с ситуацией общения. Эта связь имеет двойственный характер: «с одной стороны, единицы речевого этикета типизировано проявляются в соответствующих ситуациях, с другой стороны, компоненты ситуации откладывают в единицах речевого этикета категориально значимые признаки в силу устойчивой прикрепленности к стандартным ситуациям стандартных единиц» [284, с. 12].

Под этикетными речевыми ситуациями подразумеваются типичные, регулярно повторяющиеся ситуации общения, направленные на установление доброжелательных отношений с собеседником путем соблюдения определенных правил и ритуалов, принятых в данном обществе, с использованием соответствующих языковых средств. Этикетная речевая ситуация, как и коммуникативная ситуация вообще, представляет собой сложное структурное образование, совокупность компонентов, определяющих форму и содержание речевого сообщения, направляемого адресату: 1) субъект (говорящий, адресант) и его социальные роли; 2) объект (слушающий, адресат) и его социальные роли; 3) характер взаимоотношений коммуникантов (официальные – нейтральные – дружеские); 4) обстановка общения

(неформальная, нейтральная, официальная); 5) пространственно-временные параметры ситуации (место и время общения); 6) речевая интенция – намерение говорящего осуществить определенное речевое действие; 7) этикетные речевые средства, необходимые для осуществления речевого намерения говорящего; 8) способ связи (контактное или дистантное общение; устная или письменная форма) [148; 271]. Изменение хотя бы одного из компонентов (например, социальных ролей общающихся или обстановки общения) влечет за собой изменение языкового оформления этикетной ситуации, что обусловлено необходимостью выбора речевых средств, наиболее оптимальных и уместных в конкретных коммуникативных условиях.

Перечисленные выше компоненты играют неодинаковую роль в конструировании этикетной речевой ситуации. По мнению ученых, главным критерием «этикетности» общения является наличие различий между адресантом и адресатом по каким-либо социальным признакам (полу, возрасту, социальному статусу, профессиональной принадлежности, уровню образования и т.д.) [149]. Данные различия определяются на начальной стадии общения, когда каждый из участников коммуникативного процесса соотносит свои социальные признаки с социальными признаками собеседника и выбирает соответствующую тактику речевого поведения: «чем больше признаков, по которым участники общения “не совпадают”, тем выше степень этикетности ситуации и обязательность соблюдения правил» [24, с. 10].

Социальные различия между коммуникантами проявляются в двух планах. Во-первых, это различия в социальных ролях, которые принимают на себя участники коммуникативного процесса (например, начальник–подчиненный, профессор–студент, отец–сын, хозяин–гость и т.д.). Данные признаки не являются постоянными: в различных ситуациях один и тот же человек может быть носителем разных ролей (на работе – профессор, дома – отец, муж и т.д.). На социальные роли накладываются постоянные или долговременные социальные характеристики коммуникантов, маркирующие их принадлежность к определенной социальной группе по следующим критериям: возраст, пол,

образование, профессия, воспитание, национальность и т.д. Представления о типичном исполнении той или иной роли реализуются в этикетных речевых стереотипах, которые являются неотъемлемой частью ролевого поведения.

Важную роль в конструировании этикетной речевой ситуации играет речевая интенция. Любое этикетное речевое действие осуществляется с определенным коммуникативным намерением, т.е. направлено на достижение какой-либо цели. По мнению О. Г. Почепцова, речевая интенция выступает неизменным условием эффективности последующего речевого взаимодействия, поскольку является связующим звеном между языком и человеком: «человек – это деятель, язык – орудие, а интенция соединяет их в речевую деятельность» [208, с. 75]. Только правильно распознав речевую интенцию говорящего (например, привлечь внимание, пригласить, поблагодарить, попроситься, извиниться и т.д.), адресат может правильно воспринять сообщение и соответствующим образом на него отреагировать. Реализация той или иной речевой интенции предполагает использование определенных этикетных средств, наиболее оптимальных для правильной ее идентификации и регулирования коммуникативного процесса.

Следует отметить, что для реализации речевой интенции говорящего недостаточно одного только намерения осуществить то или иное речевое действие. Необходимо следовать языковым конвенциям – соглашениям, принятым в данном языковом сообществе относительно использования тех или иных речевых средств в данной конкретной этикетной ситуации. Иными словами, каждая этикетная ситуация владеет своим речевым инструментарием, и в случае неадекватного его использования интенция адресанта может быть неправильно интерпретирована адресатом.

В современном речевом общении существует множество этикетных речевых ситуаций, которые классифицируются на основании речевых интенций коммуникантов. К наиболее распространенным относятся: приветствие, прощание, обращение, просьба, благодарность, извинение, приглашение, поздравление, отказ, пожелание, соболезнование и др. В каждой этикетной

ситуации используется свой набор этикетных речевых единиц, которые имеют общие черты: 1) стандартность, шаблонность; 2) перформативность (равнозначность действию); 3) ритуализованность; 4) полная или частичная десемантизация; 5) фразеологизированный характер; 6) ожидаемость и предсказуемость; 7) установка на создание благоприятной атмосферы общения; 8) культурная и ситуативная обусловленность [28; 287; 288].

1.2 Речевой этикет как система

Согласно теории Ф. де Соссюра, в каждом языке (при синхроническом его описании) все «покоится» на двух типах отношений, соответствующих разным формам умственной деятельности человека: членению целого на части (синтагматические отношения) и группировке единиц на основе их ассоциативного сходства (ассоциативные отношения) [237]. Ассоциативные отношения позже были названы парадигматическими. Речевой этикет в этом плане не является исключением: ЭРЕ представляют собой не хаотический набор вербальных знаков, а упорядоченную систему, между элементами которой устанавливаются различные типы отношений: синтагматические, парадигматические, синонимические, антонимические, омонимические. Описать систему РЭ, как и любую другую языковую систему, можно только установив данные отношения.

Парадигматические отношения не линейны и не одновременны в речевой коммуникации. Они представляют собой соотношения между ЭРЕ, объединяемыми в сознании говорящего определенными ассоциациями. На основе общности семантических или коммуникативных признаков ЭРЕ объединяются в парадигмы, группы, подгруппы. Этикетные парадигмы представляют собой набор однородных по речевой интенции языковых единиц, противопоставляющихся по одному или нескольким признакам. Объединение ЭРЕ в парадигмы обеспечивает возможность выбора в процессе общения фразы, наиболее уместной и необходимой в той или иной коммуникативной ситуации. Некоторые ЭРЕ являются одновременно членами разных этикетных

парадигм и соответственно обслуживают разные этикетные ситуации. Так, например, украинское высказывание *Будьте здорові!* может выполнять функции прощания, пожелания добра, ответа на благодарность и др. Аналогичные функции в лезгинском языке выполняет этикетная фраза *Сагъ хьурай!* ‘Будь здоров!’

ЭРЕ, входящие в состав этикетной парадигмы, семантически неоднородны и соотносятся с разными фрагментами объективной реальности, что способствует объединению их в подгруппы с учетом семантики и реализуемых коммуникативных функций. В рамках каждой подгруппы возможно выделение более мелких образований – синонимических рядов, элементы которых различаются по семантическим и/или стилистическим признакам. Например, лезгинские обращения-термины родства *буба*, *дах* ‘отец’ различаются по семантике (*буба* – обращение к отцу, деду, незнакомому человеку преклонного возраста, *дах* – обращение к отцу) и стилистически (*буба* – нейтральное, *дах* – эмоционально окрашенное). Украинские обращения *дівчино*, *дівчинонько*, указывающие на пол и возраст адресата, совпадают по семантике, но различаются стилистически: первое – нейтральное, второе – уменьшительно-ласкательное. ЭРЕ, входящие в разные этикетные парадигмы, могут вступать в антонимичные и омонимичные отношения. Антонимичные отношения реализуются между единицами, которые имеют противоположные, но при этом соотносительные значения и представляют собой две крайние точки одного признака, равноудаленные от его нулевого значения. В антонимичные отношения вступают, например, приветствия и прощания, которые обслуживают асимметричные стадии коммуникативного процесса – начало и конец, например: лезг. *Салам алейкум!*, укр. *Здрастуйте!* (приветствие адресата при встрече) – лезг. *Сагъ хьурай!*, укр. *Прощайте!* (приветствие адресата при прощании). Отношения противопоставления устанавливаются также между пожеланиями добра и зла: лезг. *Ви кьил сагъ хьуй!* ‘Чтоб голова была здорова!’ – *Вак азар куткурай!* ‘Чтоб тебя болезнь взяла!’; укр. *Дай, Боже, щастя!* – *Бодай на тебе болячка!* и др.

В омонимичные отношения вступают ЭРЕ, которые совпадают по форме (звучанию и написанию), но различаются по семантике, что определяется в контексте. Этикетные омонимы, как правило, возникают в результате распада полисемии, когда какое-либо из значений ЭРЕ полностью утрачивает связь с остальными ее значениями. Например, ЭРЕ лезг. *Багъишламиша!*, укр. *Пробачте!*, вначале используемые исключительно в ситуации извинения, в определенных коммуникативных условиях стали употребляться в ситуации обращения в качестве привлечения внимания собеседника. При этом следует отметить, что разграничение этикетной омонимии с полисемией в большинстве случаев сопряжено с определенными трудностями.

В процессе речевого общения ЭРЕ выстраиваются в линейную последовательность, между элементами которой устанавливаются разнообразные грамматические и смысловые связи, т. е. синтагматические отношения. Выбор того или иного этикетного знака влечет за собой с большей или меньшей степенью обязательности соответствующий подбор последующих элементов речевой цепочки. С помощью данного типа отношений устанавливается комбинаторика ЭРЕ – единицы более низкого уровня являются составными частями единиц более высоких уровней, т.е. образуют определенную иерархию ЭРЕ. Сочетаемость ЭРЕ в потоке речи зависит от ряда факторов, среди которых основными являются: 1) особенности лексической сочетаемости слов в языке; 2) особенности стилистической сочетаемости слов языка; 3) особенности синтаксического строя языка; 4) традиции словоупотребления в том или ином языке. Одним из факторов ограничения в сочетании ЭРЕ может служить их стилистическая принадлежность. Например, обращения лезг. *диде* ‘мама’, укр. *мамочко*, являющиеся маркерами интимного семейного общения, свободно сочетаются с лексемами, содержащими идентичные коннотации, например, лезг. *чан* ‘душа’, *играми* ‘дорогая’, укр. *дорога*, *кохана* и т. д. Сочетание данных обращений с официально окрашенными определениями типа лезг. *гьурметлу* ‘уважаемая’, укр. *шановна* будет неуместным, несмотря на то, что адресант наверняка не только любит своего собеседника, но и уважает его. Таким

образом, РЭ представляет собой самостоятельную языковую систему, которая характеризуется наличием ряда специфических признаков – структурных, семантических и функционально-коммуникативных.

В системе РЭ сопоставляемых языков действуют как общие, так и различные тенденции, охватывающие как количественные, так и качественные характеристики этикетных речевых единиц (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1

Группы этикетных речевых единиц и их количественные характеристики в лезгинской и украинской лингвокультурах

№ п/п	Речевые ситуации	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	«Обращение»	1350	40,1	1680	43
2.	«Пожелание добра»	950	28,2	978	25
3.	«Пожелание зла»	720	21,4	780	20
4.	«Соболезнование»	147	4,4	160	4,1
5.	«Приветствие»	110	3,3	187	4,8
6.	«Прощание»	90	2,6	120	3,1
	Всего	3367	100	3905	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в речевом этикете сопоставляемых лингвокультур обнаружено разное количество ЭРЕ: в украинском языке выявлено на 538 единиц больше. Обнаружено, что наиболее продуктивными в обеих лингвокультурах являются ЭРЕ, функционирующие в ситуации «Обращение». В лезгинской лингвокультуре их количество составляет 40,1% от общей выборки в 3367 единиц; в украинской – 43% от общей выборки в 3905 единиц. Данный результат обусловлен тем, что обращение к собеседнику – «самый многочисленный, употребительный и семантически веский разряд коммуникативных единиц, образующих “лексико-семантическую парадигму адресатности”» [205, с. 23]. В сопоставляемых языках в составе данной группы зафиксированы наибольшие количественные различия. В лезгинском языке насчитывается 1350 обращений, что на 330

единиц меньше, чем в украинском языке. ЭРЕ других групп имеют незначительные количественные расхождения.

Второе место по продуктивности занимают ЭРЕ ситуации «Пожелание добра». В лезгинском языке в ее состав входит 950 единиц (28,2% от общей выборки), в украинском – 978 единиц (25% от общей выборки). Данный результат свидетельствует о том, что доброжелательное отношение к собеседнику – типичная особенность РЕ обеих лингвокультур. Продуктивными в обоих языках являются также речевые единицы, обслуживающие ситуацию «Пожелание зла». В лезгинской лингвокультуре их количество составляет 720 единиц (21,4% от общей выборки), в украинской – 780 (20% от общей выборки). Пожелания зла в обеих лингвокультурах – неотъемлемый компонент повседневного общения, свидетельствующий об эмоционально-экспрессивном характере обоих народов.

Наименьшей продуктивностью характеризуются ЭРЕ, реализующиеся в ситуациях «Соболезнование», «Приветствие» и «Прощание», которых в сопоставляемых языках обнаружено приблизительно одинаковое количество. При этом замечено, что в лезгинском языке бóльшим количеством ЭРЕ располагает ситуация «Соболезнование» (147 единиц, т.е. 4,4% от общей выборки), тогда как в украинском языке более продуктивны приветствия (187 единиц, т.е. 4,8% от общей выборки). В лезгинской и украинской лингвокультурах наименьшей степенью продуктивности характеризуются ЭРЕ ситуации «Прощание» (2,6% и 3,1% соответственно). При этом в лезгинском языке выявлено 90 единиц, что на 30 единиц меньше, чем в украинском языке.

Выводы к главе 1

1. В современной лингвистике проблема речевого этикета является недостаточно изученной. Теоретическим фундаментом ее исследования являются труды английских и американских ученых, выполненные в рамках лингвистической философии и прагматики.

В самостоятельную научную область речевой этикет выделился лишь в начале XX века в связи с расширением межкультурных контактов и формированием антропоцентрически ориентированных лингвистических направлений. В современном языкознании речевой этикет рассматривается в различных аспектах: лингвокультурологическом, лингвопрагматическом, социолингвистическом, гендерном и т.д.

2. ЭРЕ в современной лингвистике не имеют четко определенного научного статуса в силу сложности и неоднозначности их языковой природы. Данные речевые единицы представляют собой особую языковую категорию, характеризующуюся следующими отличительными признаками: перформативность, шаблонность, устойчивость, воспроизводимость в процессе коммуникации, частичная или полная десемантизация и т.д.

3. ЭРЕ представляют собой упорядоченную систему, между элементами которой устанавливаются различные типы отношений: парадигматические, синтагматические, иерархические, синонимические, антонимические, омонимические, что способствует выбору в каждой конкретной ситуации наиболее уместного и эффективного вербального знака.

4. ЭРЕ тесно связаны с ситуацией общения, компоненты которой способствуют формированию категориально значимых этикетных признаков. Выбор этикетных единиц в каждой конкретной ситуации общения обусловлен рядом факторов: социальными признаками коммуникантов, характером субъектно-адресатных отношений, обстановкой общения и т.д.

5. ЭРЕ классифицируются с учетом их семантики и особенностей функционирования в различных ситуациях общения. В связи с этим выделяются: ЭРЕ, используемые в ситуации приветствия, ЭРЕ, используемые в ситуации прощания, пожелания добра и т.д. В рамках каждой группы на основе семантического и коммуникативного принципов выделяются подгруппы, в рамках подгрупп ЭРЕ объединяются в синонимические ряды, компоненты которых различаются семантическими и/или стилистическими признаками.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [68; 69].

ГЛАВА 2

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СИТУАЦИИ «ОБРАЩЕНИЕ»

2.1 Вводные замечания

Обязательным компонентом любой коммуникативной ситуации является привлечение внимания собеседника, его идентификация, создание доброжелательной атмосферы для поддержания контакта до завершения диалога. Основными средствами реализации данных коммуникативных задач являются обращения. Обращения играют важную роль в достижении эффективности коммуникативного процесса, поскольку именно эти ЭРЕ на начальной стадии взаимодействия коммуникантов выступают основными носителями информации о намерениях адресанта, задавая тон последующей беседе. По справедливому замечанию В. Е. Гольдина, «обращение – одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания и регуляции человеческого общения» [97, с. 4].

Обращение отличается внутренней противоречивостью и функциональным синкретизмом. Еще М. В. Ломоносов в своей работе «Краткое руководство к красноречию» определял обращение как «великолепную, сильную и слово оживляющую фигуру», с помощью которой можно «советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, сказывать, толковать, поздравлять и проч.» [163, с. 266–267]. Таким образом, ученый одним из первых обратил внимание на полифункциональный характер обращений, главной функцией которых является не столько название адресата, сколько выражение определенных отношений между собеседниками в той или иной коммуникативной ситуации.

Полифункциональность обращений признается и современными лингвистами. При этом разные ученые выделяют разное количество функций. Например, Н. Д. Арутюнова отмечает, что обращение в функциональном отношении выполняет двойную функцию: «с одной стороны, оно дает

возможность адресату идентифицировать себя как получателя речи, с другой – в аппеллятиве часто отражается отношение к адресату. Функциональная двойственность ведет к тому, что в аппеллятивах сочетаются идентифицирующие компоненты значения с элементами субъективной оценки» [15, с. 355–356]. По мнению А. П. Леонтьева, к основным функциям обращений относятся следующие: 1) название адресата; 2) его характеристика (причем, по мнению ученого, совмещение этих функций в одной лексеме невозможно); 3) сопутствующая характеристика, выраженная распространителями обращения; 4) квалификация адресата, т. е. выбор того, а не иного, тоже возможного, его наименования [160]. В. Е. Гольдин отмечает, что обращения выполняют в речи как минимум четыре функции: 1) выделение лица в предметной ситуации; 2) указания на уже выделенное тем или иным способом лицо; 3) характеристики; 4) социальной регуляции общения [97] и т.д.

Обобщив взгляды ученых на функции обращений, можно констатировать, что в процессе коммуникации данные ЭРЕ реализуют различные функции, среди которых основными являются: номинативная (название лица, которому адресована речь, выделение его из ряда других лиц); аппеллятивная (призыв адресата, привлечение его внимания); контактная (установление, поддержание и завершение контакта с собеседником). В каждой конкретной ситуации общения одна из перечисленных выше функций становится главной, инвариантной, на которую накладываются факультативные, варианты функции: экспрессивная или оценочно-характеризующая (оценка собеседника, выражение отношения к нему адресанта); регулятивная (регулирование отношений между коммуникантами); волонтеративная (побудительная, призвана вызвать у адресата определенную реакцию) и др.

Обращение относится к языковым универсалиям. Вместе с тем каждый народ в течение веков создает свою уникальную систему обращений, связанную с его социально-историческим опытом, культурными традициями и нормами речевого поведения в той или иной стандартной ситуации общения. Кроме того, в семантике обращений заложен эстетический компонент

национального характера, особенности мышления и мировосприятия представителей того или иного этноса на разных этапах развития общества.

В лезгинском и украинском языках обращения представляют собой разветвленную систему ЭРЕ, выбор которых в каждой конкретной ситуации регулируется рядом факторов, среди которых основными являются:

- степень знакомства с адресатом (коммуниканты незнакомы, малознакомы, близко знакомы, находятся в родственных отношениях и т.д.);
- социальные характеристики участников диалога (пол, возраст, уровень образования, социальный статус, место проживания и др.);
- тональность общения (нейтральная, дружеская, официально-деловая);
- обстановка общения (праздничная, будничная и т.д.);
- характер субъектно-адресатных отношений (дружеские, интимные, конфликтные и т.д.);
- принадлежность коммуникантов к определенному типу культуры.

В предложенном исследовании классификация обращений осуществляется на основе их семантики и реализуемых функций в процессе коммуникации. В связи с этим выделяется 3 группы ЭРЕ:

- 1) обращения-апеллятивы (выполняют апеллятивную функцию – не называя адресата, привлекают его внимание и побуждают к ответной реакции);
- 2) обращения-индексы (выполняют номинативную функцию – называют адресата по какому-либо признаку);
- 3) обращения-регулятивы (выполняют социально-регулятивную функцию – регулируют отношения между собеседниками);
- 4) обращения-экспрессивы (выполняют эмоционально-оценочную функцию – характеризуют или оценивают адресата по какому-либо признаку и выражают отношение к нему со стороны говорящего). При этом важно учитывать полифункциональный характер исследуемых речевых единиц, которые в процессе реализации главной коммуникативной задачи, как правило, нагружаются дополнительными функциями.

В сопоставляемых языках обращения указанных выше групп имеют различные количественные характеристики (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Типы обращений и их количественные характеристики
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

№ п/п	Типы обращений	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	Обращения-экспрессивы	942	69,8	1180	70,2
2.	Обращения-регулятивы	258	19,1	300	17,9
3.	Обращения-индексы	100	7,4	153	9,1
4.	Обращения-апеллятивы	50	3,7	47	2,8
	Всего	1350	100	1680	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в обеих лингвокультурах наибольшее количество ЭРЕ зафиксировано в составе обращений-экспрессивов: в лезгинском языке – 942 единицы, что составляет 69,8% от общей выборки в 1350 единиц, в украинском языке – 1180 единиц, что составляет 70,2% от общей выборки в 1680 единиц. Второе место по продуктивности в лезгинском и украинском языках занимают обращения-регулятивы (258 единиц – 19,1% и 300 единиц – 17,9% соответственно). Незначительное количество в обоих языках зафиксировано в составе обращений-индексов: в лезгинском языке – 100 единиц (7,4%), в украинском языке – 153 единицы (9,1%). Наименьшее количество ЭРЕ функционирует в составе подгруппы «Обращения-апеллятивы». В лезгинском языке зафиксировано 50 единиц (3,7%), в украинском языке – 47 единиц (2,8%). Значительное количественное превосходство обращений-экспрессивов в сопоставляемых языках обусловлено их эмоционально-чувственным характером, а также адресностью лезгинского и украинского РЭ, его ориентацией на установление доброжелательных отношений с адресатом, выражение отношения к нему со стороны говорящего.

2.2 Обращения-экспрессивы

Экспрессивы в сопоставляемых языках – наиболее открытый и продуктивный тип обращений (см. табл. 2.1), который активно используется в речевой коммуникации, являясь эффективным средством выражения субъективного отношения говорящего к собеседнику. Данный факт говорит о том, что категория эмоциональной оценки, тесно связанная с культурой этноса и национальным менталитетом, в обеих лингвокультурах занимает приоритетные позиции и обладает широкими возможностями для языковой экспликации. Обращаясь к собеседнику, лезгины и украинцы отдают предпочтение эмоционально-оценочным обращениям, которые демонстрируют заинтересованность говорящего личностью адресата как субъекта коммуникации и ориентированы на выражение субъектно-адресатных отношений. Обращения-экспрессивы отличаются наличием сем, содержащих оценку внешности, поведения моральных качеств, характерных для адресата либо метафорического образа, с ним ассоциирующегося. Примечательно, что в лезгинском языке данные ЭРЕ адресуются преимущественно женщине: *Аман бала суна чан!* ‘О, красавица моя!’, *Ви сивиз кый икьван иер, Лацу хъуькъвер чУулав кифер, Айна хътин цIару вилер!* ‘Да буду я жертвой твоей красоты, белощекая, чернокосяя, синеокая!’ [395 с. 140]; *кIвал къени хъайиди!* ‘счастливая, дорогая!’ (букв. ‘у которой дом процветает’); *рагъ хътин руш!* ‘девушка, подобная солнцу!’ Открытое проявление чувств по отношению к представителям мужского пола не только не приветствуется, но и осуждается. В украинской лингвокультуре обращения-экспрессивы адресуются как женщине, так и мужчине, что свидетельствует о более демократичных отношениях между представителями противоположного пола: *тендітна!*, *маленька!*, *чорноброва!*, *Синьоока моя, тонкоброва!*, *моя ти ягідко!*, *(моя) ластівочко!*, *голубко!*, *лебідко!*, *зірочко!*, *голубе!*, *соколику!*, *лебедику!* и др.

Наиболее продуктивным способом создания данных форм адресации в обоих языках является ассоциативно-образное переосмысление объектов и явлений окружающей действительности посредством метафоризации. Чаше

всего объектами метафор в лезгинском и украинском языках становятся понятия, входящие в следующие тематические группы: 1) живая природа; 2) небесные светила; 3) драгоценные металлы и камни; 4) абстрактные наименования; 5) религиозная сфера; 6) сладости и др. [69, с. 62]. Данный факт объясняется тем, что при метафорическом моделировании действительности человек использует хорошо знакомые ему образы и «приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [31, с. 221]. Выбор тех или иных объектов (либо отдельных их признаков) для метафорического переосмысления, частота использования подобных номинаций в качестве обращений в сопоставляемых языках различны, что обусловлено этнокультурными особенностями восприятия и познания окружающего мира, а также социально-историческими и бытовыми условиями существования этноса. В сопоставляемых языках обнаружено разное количество обращений-экспрессивов (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

**Типы обращений-экспрессивов и их количественные характеристики
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

№ п/п	Типы обращений	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	Живая природа: - фитоморфизмы - зооморфизмы	380 230 150	40,3	465 210 255	39,4
2.	Небесные светила - солнце - луна - звезды	248	26,3	315	26,7
3.	Сладости	180	19,1	24	2
4.	Драгоценные металлы и камни	47	5	30	2,5
5.	Религиозная сфера	42	4,5	80	6,8
6.	Части тела	20	2,1	70	5,9
7.	Абстрактные наименования	15	1,6	180	15,3
8.	Другие	10	1,1	16	1,4
	Всего	942	100	1180	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, наибольшее количество ЭРЕ в обоих языках зафиксировано в рамках подгруппы «Живая природа»: в лезгинском языке – 380 единиц (т.е. 40,3% от общей выборки), в украинском языке – 465 единиц (т.е. 39,4% от общей выборки). При этом зафиксировано, что более востребованными в лезгинском языке оказались обращения-фитоморфизмы (230 единиц, т.е. на 80 единиц больше, чем зооморфизмов), тогда как в украинском языке – обращения-зооморфизмы (255 единиц, т.е. на 45 единиц больше, чем фитоморфизмов). Количественные расхождения зафиксированы в рамках подгруппы «Небесные светила» (в украинском языке зафиксировано на 67 единиц больше). В украинском языке третье место по продуктивности занимают абстрактные наименования (180 единиц, т.е. 15,3% от общей выборки), тогда как в лезгинском языке данную позицию занимают ЭРЕ с компонентом «Сладости» (180 единиц, т.е. 19,1%). Четвертую позицию в лезгинском языке занимает подгруппа «Драгоценные металлы и камни» (47 единиц, т.е. 5% от общей выборки), в украинском языке – подгруппа «Религиозная сфера» (80 единиц, т.е. 6,8% от общей выборки). Пятое место по продуктивности в лезгинской лингвокультуре занимает подгруппа «Религиозная сфера» (42 единицы, т.е. 4,5% от общей выборки), в украинской лингвокультуре – «Части тела» (70 единиц, т.е. 5,9% от общей выборки). Примечательно, что ЭРЕ с компонентом «Религиозная сфера» в сопоставляемых языках имеют наименьшие количественные расхождения, что лишний раз подчеркивает глубоко религиозный характер лезгинского и украинского РЭ. Наименьшее количество ЭРЕ в лезгинском языке зафиксировано в рамках следующих подгрупп: «Части тела» (20 единиц, т.е. 2,1% от общей выборки) и «Абстрактные наименования» (15 единиц, т.е. 1,6% от общей выборки). В украинском языке наименее продуктивны ЭРЕ, входящие в подгруппы «Драгоценные металлы» (30 единиц, т.е. 2,5% от общей выборки) и «Сладости» (24 единицы, т.е. 2% от общей выборки).

Как отмечалось выше, в сопоставляемых языках наибольшее количество ЭРЕ обнаружено в составе обращений-экспрессивов, построенных на основе

ассоциативных связей с живой природой. Данные ЭРЕ объединяются в две подгруппы: 1) зооморфизмы и 2) фитоморфизмы.

2.2.1 Обращения-зооморфизмы

В коммуникативной практике обоих народов широко распространены зооморфизмы – обращения, образованные в результате переосмысления объектов животного мира. Активное использование зооморфных метафор в интимном дискурсе лезгин и украинцев обусловлено, во-первых, схожестью некоторых внешних признаков и особенностей поведения животных с внешностью и поведением человека, во-вторых, насыщенным семантико-стилистическим потенциалом зоонимов, которые, используясь в аппеллятивной функции, приобретают разнообразные коннотации, выступая ярким и эффективным средством субъективной оценки собеседника [69, с. 64–65]. Как известно, перенос названий животных на человека представляет собой универсальный способ выражения оценочных значений. Вместе с тем в различных культурах процессу метафоризации подвергаются разные объекты животного мира либо разные признаки одного и того же объекта, что способствует формированию национально специфических смыслов.

В рамках зооморфизмов в сопоставляемых языках чаще всего используются *орнитоморфизмы* – метафоризированные наименования птиц, образы которых в национальном сознании лезгин и украинцев связаны с положительной эмоциональной оценкой. При этом в основе метафоризации чаще всего лежит не какой-либо отдельный признак, а совокупность разнообразных свойств или некое общее впечатление, производимое сопоставляемыми объектами на говорящего [69, с. 65]. Выбор конкретного образа и частота его использования в качестве обращения мотивированы ролью той или иной птицы в жизни этноса, а также особенностями представлений о ней, сложившимися в течение многих веков и закрепившимися в генетической памяти народа. В национальном сознании лезгин и украинцев сформировались схожие представления о птицах, что свидетельствует о существовании общих

мировоззренческих установок на начальных этапах развития человеческого общества. Во времена язычества считалось, что птицы как обитатели небесного пространства являются посланниками богов, посредниками между высшими силами и людьми, поэтому люди наделяли их символическим значением. Обращения к птицам являлись неотъемлемой частью различных календарных обрядов, которые имели сакрально-магический характер и были направлены на достижение определенных хозяйственных целей. С развитием общества и накоплением знаний об окружающем мире данные обращения-символы оторвались от ритуала и обрели свободу употребления в различных контекстах. В современном общении зооморфизмы представляют собой стереотипные фразы, используемые для эмоциональной оценки собеседника, выражения отношения к нему говорящего. Таким образом, в лезгинском и украинском языках обращения-орнитоморфизмы имеют сложную семантическую структуру, в которой выделяются два смысловых плана: современный (обыденный и стереотипный) и архаический (символический), связанный с древними представлениями наших предков [61].

В украинском языке в общении с любимой девушкой (женщиной) чаще всего используются вокативы: *голубко (голубочко, голубонько)!*, *горлице (горличенько)!*, *ластівко (ластівочко)!*, *лебідко (лебідочко, лебедонько)!*, *перепілко (перепілочко)!*, которые в народных представлениях украинцев ассоциируются с добром, счастьем, чистотой и верностью. Одно из центральных мест в украинской «птичьей символике» занимает *голубка (горлиця)* – святая, божья птица, символ чистой безграничной любви и нерушимой супружеской верности. Представление славян о голубе (голубке) как о святой птице восходит к христианской традиции: в виде голубя Св. Дух сошел с небес во время крещения Иисуса [37, Мф 3: 16; Лк 3: 22]. Любовно-брачная символика голубя и голубки широко представлена в украинских свадебных обрядах и произведениях фольклора, особенно в лирических песнях: *Голубонько-дівчинонько, Зірньо моя! Не питайся, моя мила, Чого смутен я* [424, с. 257].

Воплощением женского начала, а также символом красоты и супружеской верности в украинском языке являются обращения *лебідко, лебідонько, лебедонько*. В культуре славян эта птица ассоциируется с величественной красотой, чистотой, духовностью и жертвенностью: *Ти не лякайся, що змерзнеш, лебедонько!* [421, с. 150]. Примечательно, что в украинском национальном сознании она отождествляется и с мужским началом. Вокатив *лебедиду!* – распространенная ласковая форма обращения к мужчине, к которому адресант (независимо от пола) испытывает теплые чувства. Вокативы *лебедиду!* – *лебідко!* в украинском языке образуют гендерную пару, символизирующую брачный союз и верную любовь.

У всех славян, в том числе и украинцев, к почитаемым, чистым, святым птицам относится ласточка. Ласточка и голубь – любимые Богом птицы [233]. В украинских календарной поэзии ласточка является предвестницей весны, однако в любовной лирике данный образ соотносится прежде всего с женским началом и брачной символикой [104]: *Дитиночко, Вірусенько єдина, ластівочко моя мила!* [404, с. 135]. Примечательно, что вокативы *ластівко (ластівочко)!* в украинском языке часто выходят за рамки романтического общения, выполняя также функции ласкового обращения к дочери, матери, бабушке. Нежной формой обращения к любимой являются вокативы *перепілко (перепілочко)!*: *Ти дівчино, перепілко, ти моє сердечко!* [402, с. 126]. В национальном сознании славян данная птица имеет ярко выраженную женскую символику, олицетворяя девушку, невесту [427].

В романтическом дискурсе украинцы, помимо видовых наименований, широко используют и обобщенные названия: *(моя) пташко (пташечко)!*, которые свидетельствуют о том, что в украинском национальном сознании птица воспринимается в первую очередь как благоприятный образ или знак. Как показывает проанализированный материал, в образовании украинских обращений-орнитоморфизмов важную роль играют суффиксы субъективной оценки, которые передают тонкие нюансы взаимоотношений общающихся и подчеркивают эмоционально-чувственный характер украинского менталитета.

В лезгинском языке при обращении к возлюбленной в рамках лексико-семантической подгруппы «орнитоморфизмы» используются формы: *билбил* ‘соловушка’, *тIавус* ‘павлин’, *лиф* ‘голубка’, *кару* ‘горлица’, *чубарук* ‘ласточка’, *къвед* ‘куропатка’, *вили уьрдег* ‘голубая утка’, которые ассоциируются с любовью, плодородием, женской красотой и невинностью: *хур цIару къвед* ‘куропатка с пестрой грудью’; *алагуьзли тIавус къуш* ‘красавица птица павлин’ [167, с. 70]. Приведенные выше вокативы в современном лезгинском языке выступают синонимами к слову *любимая*, выполняя в первую очередь эмоционально-оценочную функцию, что способствует их взаимозаменяемости. Обращения *билбил* ‘соловушка’, *чубарук* ‘ласточка’ имеют более широкую сферу употребления и могут адресоваться не только возлюбленной, но и ребенку.

В лезгинском языке отсутствуют суффиксы субъективной оценки, поэтому оттенки чувств и эмоций передаются с помощью различных стилистических средств (преимущественно эпитетов), выдержанных в духе народной лирической песни: *я къефесда хвей вили лиф* ‘сизая голубка в клетке’; *кIвачер яру вили лиф* ‘голубая горлица с красными лапками’, *лужуник квай тек лацу лиф* ‘в стае единственная белая голубка’ и др. Как видим, важную роль в передаче оценочных смыслов здесь играют цветообозначения, которые акцентируют внимание не только на яркой и незаурядной внешности собеседницы, но и на ее высоких моральных качествах. Отметим, что белый, красный и голубой (сизый) цвета в лезгинском языке считаются сакральными и символизируют невинность, счастье, благополучие [86].

В результате анализа выявлено, что объектами метафоризации в сопоставляемых языках, как правило, становятся разные птицы, что обусловлено в первую очередь природно-географическими факторами. Вместе с тем выявлены и случаи использования в качестве обращений одинаковых образов, символические и оценочные смыслы которых полностью или частично совпадают. Например, ласточка в обеих культурах – чистая, святая птица, воплощение женского начала, символ весны, надежды и счастья. На данные

общие языческие представления накладываются более поздние культурно маркированные ассоциации: в христианстве ласточка уподобляется Божьей Матери, а мусульмане приписывают ей умение читать суры Корана. В современном общении лезгинский вокатив *чубарук* и украинское обращение *ластівочко* утратили первоначальное символическое значение и используются в качестве ласкового обращения к девушке или ребенку: лезг. *чан зи гъвечли чубарук* ‘милая моя маленькая ласточка’, укр. *ластівочко моя мила*, что позволяет говорить о полной эквивалентности их оценочных смыслов.

Интересные особенности наблюдаются в использовании образа голубки. В обеих культурах данная птица ассоциируется с женской красотой, чистотой, святостью и непорочностью, что свидетельствует о сходстве некоторых мировоззренческих установок лезгин и украинцев. Вместе с тем семантический потенциал обращения *голубка* в сопоставляемых языках неодинаков. В украинском национальном сознании образ голубки неотделим от образа голубя, подтверждением чего является функционирование гендерной вокативной пары *голубе-голубко*, символизирующей вечную любовь и брачный союз. Примечательно, что использование данных вокативов не ограничено рамками романтического дискурса. Обращение *голубко* (*голубонько*, *голубочко*) в украинском языке может адресоваться также матери, бабушке, а форма *голубе* (*голубчику*, *голубоньку*, *голуб’ятко*, *голуб’яточко*) – любому мужчине, к которому адресант испытывает нежные чувства, что характерно для народно-поэтической традиции.

В лезгинском языке, который характеризуется отсутствием грамматической категории рода, для обозначения голубя и голубки используется одна лексема – *лиф*. Вместе с тем в романтическом дискурсе она адресуется только женщине, являясь средством оценки ее красоты и нежности. Аналогичную функцию выполняет вокатив *кару* ‘горлица’. Приведенные выше факты дают основание предполагать, что в украинском языке понятие ‘голубка’ характеризуется бóльшей семантической плотностью и более широкой сферой функционирования, нежели в лезгинском языке. Кроме того, в основе

метафоризации данного образа в сопоставляемых языках лежат разные семантические признаки. В лезгинском языке – внешняя красота, целомудрие, нежность, в украинском – верность, умение любить [61].

В украинском языке народно-поэтическую основу имеют обращения *лебедику-лебідко (лебідочко)*, которые символизируют мужчину и женщину, а также счастливую любовь и супружескую верность: *Все це не може тішити нас з тобою, лебідочко моя!* [404, т. 5, с. 133], *А, лебедику, як не хочеться кидать землю, хоч вона й погана!* [454, т. 6, с. 21].

Исключительно мужчинам в украинской лингвокультуре адресуется обращение *соколе* и его диминутивные варианты *сокілку, соколику*, которые символизируют смелость, гордость, свободолюбие. Данные формы встречаются как в речи мужчин, так и женщин: *Обіймаю Вас від серця, мій соколе ясенький!* [406, с. 304]. Примечательно, что в лезгинском языке обращение *къард* ‘сокол’ часто адресуется ребенку (мальчику). При этом помимо семы ‘мужское начало’ реализуется дополнительная сема ‘красивый’: *къард хъти айал* ‘красивый ребенок’ (букв. ‘как сокол ребенок’).

Мир зверей в исследуемых культурах представлен незначительным количеством обращений. При этом объектом метафоризации, как правило, выступают внешние признаки и особенности поведения животных, которые соотносятся с доминантными физическими и внутренними качествами женщины. У лезгин с привлекательной девушкой ассоциируются *марал* ‘косуля’ и *жейран* ‘горная лань (серна)’ – дикие животные, обитающие в горах Кавказа. Следует отметить, что серна – популярный персонаж многих восточных мифов, в которых она символизирует женское начало, изящество, кротость и уязвимость [427]. Лезгинская любовная лирика изобилует образами косуль и ланей – стройных, грациозных женщин, пылкий взгляд которых может свести с ума не одного охотника, т. е. мужчину: *Марал я дагъдин, Ранг я ви агъдин, Нур я чирагъдин, Чинни гуьзел, яр* ‘Косуля горных мест, Ты краше всех невест, И от тебя окрест Исходит свет, любимая’ [395, с. 112].

Высокой степенью активности в поэтической речи лезгин характеризуется вокатив *жейран*, который, как правило, сопровождается эпитетами и сравнениями, указывающими на основные черты характера дагестанской женщины – гордость, строптивость, нежность, капризность и др.: *назлу жейран* ‘гордая, кокетливая лань’, *зирек жейран* ‘подвижная, быстрая лань’, *дагъдавай хаму жейран* ‘горная строптивая лань’, *таза жейран* ‘молодая, нежная лань’, *таза джейран ханум* ‘молодая госпожа, похожая на лань’, *хаму жейран* ‘капризная, юная лань’ и др.: *Чан дагъдавай хаму жейран* ‘Моя горная трепетная джейран’ [395, с. 166]. Примечательно, что слово *жейран* в лезгинском языке перешло в разряд имен собственных. В Дагестане *Жейран* – распространенное женское имя.

В украинском романтическом дискурсе в ситуации обращения к девушке (женщине) широко распространены зооморфизмы: *котику*, *кицюню*, *зайчику* (*зайченятко*), возникшие на основе общего психологического и чувственного впечатления от сопоставляемых объектов. Прибегая к данным метафорическим моделям, адресант акцентирует внимание на следующих признаках адресата: «мягкий», «нежный, ласковый», «беззащитный», «требующий заботы, опеки». Подобные формы способствуют созданию теплой атмосферы раннего детства, отражая искренние, нежные чувства говорящего к своей собеседнице. Помимо любимой женщины, данные вокативы часто адресуются детям.

В качестве ласковых обращений к представительнице женского пола украинцы активно используют формы: *рибко*, *рибонько*, *рибчино*, *рибчинонько*, которые имеют глубокую народную основу: *До другого листа, рибонько моя* [404, с. 62]. В украинском народном сознании рыба органично связана с водой и символизирует жизнь, очищение, здоровье. В украинских народных песнях обращения *рибчино*, *рибчинонько*, как правило, сочетаются с вокативом *дівчино* (*дівчинонько*), образуя синонимическую пару с внутренней рифмой: *Дівчино, рибчино, Не плач, не ридай! За мною, молодим, Ручок не ламай* [424, с. 67–68].

Проанализированные выше примеры ярко демонстрируют национально-культурную специфику лезгинских и украинских обращений-зооморфизмов,

обусловленную как географическими условиями жизни этносов, так и различиями в символическом осмыслении ими того или иного зооморфного образа.

2.2.2 Обращения-фитоморфизмы

Центральное место в системе лезгинских и украинских обращений к любимой занимают вокативы, построенные на основе ассоциативных связей с растительным миром, – фитоморфизмы. Широкое распространение таких вокативов в коммуникативной практике обоих этносов объясняется тем, что мир людей и мир растений с древних времен тесно связаны между собой. В далеком прошлом растения напоминали человеку о движении жизни, а сплетение ветвей символизировало любовь юноши и девушки [427]. В обоих языках объектами метафоризации выступают цветы, деревья и их плоды. Лезгины при этом используют формы: *цук* ‘цветок’, *бевеша* ‘фиалка’, *рейгъан* ‘садовый василек’, *къизилгуъл* ‘роза’, *гуъзел алма* ‘красивое яблочко’, *лацу пIини* ‘белая черешня’, *назлу къелем ширин алчадин* ‘горделивый саженец сладкой алычи’, *багъдин емиш* ‘садовый фрукт’: *Атирдин ни галай пIини. Таза бегьер акурд тушир, Буйдиз къакъан, гъич заз икъван Лацу мармар акурд тушир* ‘Пахнущая духами белая черешня, нежнее плода не встречал, ростом высокая, Мрамора белее не встречал’ [167, с. 70]; *Чан женнетдин цук* ‘Цветок мой райский’ [395, с. 166]. Среди художественных определений, сопровождающих вокативы-фитоморфизмы, преобладает эпитет *белая*, который, с одной стороны подчеркивает внешние черты возлюбленной (светлая кожа – эталон женской красоты на Кавказе), с другой – указывает на ее внутренние качества – чистоту, нежность, целомудрие.

У украинцев сформировались иные поэтические предпочтения. В качестве обращений к любимой девушке (женщине) используются формы: *моя квіточко, мій рожевий цвіте, моя хистка лілеє, вербиченько, берізка, моя ти ягідко*, которые олицетворяют внешнюю и внутреннюю красоту любимой, ее чистоту и нежность: *Ой дівчино моя мила, Мій рожевий цвіт!* [424, с. 257]. В украинском

языке частым объектом метафоризации является *лілія (лілея)* – мифологический символ чистоты и целомудрия [427]. В христианской культуре белая лилия – символ богородицы. В обращениях к любимой данный образ олицетворяет тонкую красоту и изящество, перед которыми не устоит ни один мужчина. Глубокие народные корни в украинском языке имеет обращение *вербиченько*. С древних времен славяне почитали вербу, считали ее символом семейного очага, весны, пробуждения природы. В обращениях к девушке слово *верба* приобретает дополнительные коннотации, олицетворяя женскую красоту, тихую и гордую девичью печаль.

Проведенный анализ говорит о том, что в культуре лезгин и украинцев любимая в большинстве случаев ассоциируется с разными объектами растительного мира. В лезгинском языке – это в основном садовые растения, тогда как в украинском языке – дикорастущие виды, что обусловлено разным положением женщин в лезгинском и украинском обществе (украинские женщины более свободны, лезгинские – более тесно связаны с домом, семьей). Кроме того, как показывают наблюдения, основой метафоризации в исследуемых языках выступают различные признаки. Перенос значений в лезгинских фитоморфизмах осуществляется по сходству чувственных впечатлений от сопоставляемых объектов (цвет, запах, вкус, размер), тогда как в украинском языке аналогичные обращения имеют глубокое символическое значение и обладают более широким спектром коннотаций [69, с. 69]. Можно предположить, что данные различия объясняются как природно-географическими факторами, так и своеобразием языковой и когнитивной картины мира носителей лезгинского и украинского языков.

2.2.3 Обращения-наименования небесных светил

Большое количество обращений к любимой в лезгинском и украинском языках построено на ассоциациях с объектами неживой природы. Высокой степенью продуктивности в обеих лингвокультурах отличаются метафоризированные наименования небесных светил – солнца, луны, звезд.

В славянской культурной традиции данные образы встречаются довольно часто, что свидетельствует о глубокой народной вере в могущественную силу света. Отголоски этих древних представлений сохранили многочисленные фольклорные произведения, обряды и ритуалы, неотъемлемая часть которых – обращения к солнцу, луне, звездам. Постепенно данные словесные формулы оторвались от магической практики и трансформировались в ЭРЕ, выполняющие исключительно квалификативную, эмоционально-оценочную функцию: *Сонечко моє! Без тебе мені поночі, похмуре все, невеселе* [404, с. 85].

Реликты солярного культа сохранились и в лезгинском языке. Красивой девушке адресуются обращения: *рагъ* ‘солнце’; *рагъ хьтин руш* ‘девушка, подобная солнцу’; *ракънин нур чинавай руш я* ‘подобная солнечным лучам девушка’, *варз хьтин чин* – ‘луноликая’; *экуьнин гьед* ‘утренняя звезда’ и др. [228, с. 85]. Подобная аналогия с небесными светилами не случайна: в народном сознании лезгин они ассоциируются с добром, молодостью и красотой – любимая подобно солнцу, луне и звездам полна таинственности и дарит свет, тепло, радость.

2.2.4 Обращения-наименования драгоценных камней и металлов

В романтическом дискурсе обеих лингвокультур часто используются наименования драгоценных камней и металлов. Данные лексемы наделены большим семантическим потенциалом, позволяющим создавать яркие, эстетически и эмоционально насыщенные образы. В лезгинском языке в качестве обращений к девушке используются наименования самых красивых и дорогих камней: *зумруд* ‘изумруд’, *маржан* ‘жемчуг’, *мармар* ‘мрамор’, *якьут* ‘яхонт (рубин, сапфир)’, которые в национальном сознании лезгин ассоциируются с изысканной женской красотой, совершенством, чистотой и невинностью.

В украинском языке объектом метафоризации чаще всего выступает *кришталь* ‘хрусталь’ – символ любви, верности, душевного покоя и благополучия. Используясь в апеллятивной функции, данная лексема обретает

дополнительные коннотации: ‘скромность’, ‘нежность’, ‘чистота’: *Ой вийди, вийди, серденько Галю, Серденько, рибонько, дорогий кришталю* [421, с. 45]. Высокой степенью продуктивности в украинском языке отличается лексема *золото* (*золотце*), метафорическое употребление которой указывает не только на красоту и привлекательность девушки, но и ее важную роль в жизни говорящего: *Через річеньку, через болото, Подай рученьку, моє золото!* [421, с. 245]. Наряду с конкретными названиями драгоценных камней в украинском языке используются и родовые формы: *мій скарбе, каменю дорогоцінний* – многозначные метафоры, полнота семантики которых определяется глубиной воображения говорящего, особенностями его мировосприятия: *Моє ти золото! Скарбе мій найдорожчий!* [404, с. 163].

2.2.5 Обращения-религиозные понятия

Активную роль в образовании обращений в обоих языках играют религиозные понятия. В украинском языке любимая часто ассоциируется с ангелом, что стало причиной возникновения обращений *ангеле, янголяточко*, которые символизируют красоту и совершенство: *А поки що – цілую тебе міцно, моє ти янголяточко* [404, с. 188]. Вокативы религиозного характера зафиксированы и в лезгинском языке. В их основе – образы из древних коранических легенд: *малаик (мелек)* ‘ангел’, *женнетдин багь* ‘райский сад’, *абуквсер яд* ‘райская вода’, *мелекзада* ‘рожденная ангелом’, *гьуьруь* ‘гурия’ и др. [167, с. 56]: *Садаллагьди тек халкъ авур Са малаик я, Пакисат* ‘Впрямь богом единым ты сотворена, Мой ангел земной, Пакисат’ [395, с. 120].

2.2.6 Обращения-абстрактные наименования

Специфической особенностью украинского языка является использование в качестве обращений абстрактных наименований: *душе моя, моя доленько кохана, моя розкішна невідступна мріє, моя надіє, моє кохання чарівне (солодке), любове моя, моє життя кохана* и др. В лезгинском языке абстрактные формы малопродуктивны. Данный факт свидетельствует о том, что процессы обобщения и дифференциации явлений окружающей

действительности в сопоставляемых языках осуществляются по-разному.

2.2.7 Обращения-наименования сладостей

В культуре лезгин объектами метафоризации часто выступают различные сладости: *ширин вирт* ‘сладкий мед’, *къенфет* ‘конфета’, *шекер набат* ‘сахарный леденец’, *лацу шуърбет* ‘белый сладкий напиток’, *лумунат хьиз ширин* ‘сладкая, как лимонад’, *ширин емиш* ‘сладкий плод’ и др. [167, с. 57]. Причина появления подобных вокативов очевидна: сладкое вызывает приятные вкусовые ощущения, является источником счастья и удовольствия. Аналогичные чувственные впечатления испытывает влюбленный человек по отношению к своей партнерше. Примечательно, что в украинском интимном дискурсе подобные метафорические модели встречаются реже: *любка моя солоденька, моя солодка цукерочка*, что, на наш взгляд, обусловлено разным отношением лезгин и украинцев к пище вообще и сладостям в частности [61].

2.2.8 Обращения, оценивающие внешность адресата

Помимо метафорических и метонимических наименований в общении с любимой девушкой лезгин и украинцы широко используют обращения, прямо оценивающие внешние качества адресата. Высокой степенью продуктивности при этом характеризуются вокативы с семантикой ‘красивая’. В лезгинском языке они образуют широкий синонимический ряд: *гуъзел, афат, баха, назани, суна, тават* и др.: *Аман бала суна чан* ‘О, красавица моя’ [167, с. 51]. Образное и эмоционально-оценочное значение подобных обращений в обоих языках часто формируется на основе метонимических связей. При этом наименование, как правило, переносится с человека на часть его тела – лицо (брови, глаза, щеки), волосы, сердце и др., например, в украинском языке: *Чорнії брови, карії очі, Темні, як нічка, ясні, як день! Ой, очі, очі, очі дівочі, Де ж ви навчились зводити людей?* [421, с. 45]; *Прощай, дівчинонько, серце кохане, прощайте, кучері, Личко рум'яне* [421, с. 170].

Метонимические формы обращений встречаются и в лезгинской поэтической речи: *Са къуз ракъар, са къуз цифер, Чулав зилфер, лацу*

хъуькъвер! ‘Ах, эти косы черные, как тень, Ах эти щеки белые, как день!’ [395, с. 150]. Украинский идеал женской красоты представляют обращения: *тендітна, маленька, тонкоброва, чорноброва, білолиця, кароока, синьоока, золотокоса* и др.: *Синьоока моя, тонкоброва* [421, с. 56]. Во внешности женщины дагестанского мужчину привлекают в первую очередь ее глаза, что послужило причиной активного функционирования вокативов: *алагуьзли* ‘голубоглазая’, *къарагуьз* ‘черноокая’ и др.: *Куьз хъел хъана, чан къарагуьз?* ‘Зачем мы в ссоре, черноокая?’ [395, с. 144]; *Алагуьзли севдуюьм яр* ‘Синеокая возлюбленная’ [395, с. 140]. Данные примеры разрушают сложившиеся стереотипы о том, что дагестанские женщины исключительно кареглазые. Помимо цвета глаз, не менее важными атрибутами женской красоты в представлении горцев являются: белая кожа, черные волосы, стройная фигура: *Ви сивиз кый икъван иер, Лацу хъуькъвер чІулав кифер, Айна хътин цІару вилер* ‘Да буду я жертвой твоей красоты, белощекая, чернокосая, синеокая’ [395, с. 140]. Наличие в интимном дискурсе исследуемых языков большого количества обращений, оценивающих внешность собеседницы, свидетельствует о том, что в национальном сознании лезгин и украинцев внешняя привлекательность – одно из основных качеств, которые мужчины ценят в женщинах.

2.2.9 Обращения, указывающие на чувства адресанта

В интимном дискурсе обеих культур широко распространены обращения, прямо указывающие на чувства адресанта: лезг. *яр, кІаниди, севдуюьм* ‘любимая, возлюбленная’; *играми, масан, азиз* ‘милая, дорогая’; укр. *кохана, люба, мила, дорога, рідна, єдина, сердечна* и др. Примечательно, что вокативы со значением ‘милая’, ‘дорогая’ в лезгинском и украинском языках являются гендерно нейтральными. Ими активно пользуются как мужчины, так и женщины в общении со своими любимыми. Кроме того, данные формы часто выходят за рамки романтического дискурса и могут быть адресованы любому собеседнику, к которому говорящий испытывает теплые чувства.

2.3 Обращения-индексы

В РЭ обеих лингвокультур зафиксированы обращения-индексы, основная функция которых – назвать адресата речи, идентифицировать его по определенному признаку (полу, возрасту, званию, должности, профессии, роду занятий, семейному статусу и т. д.), например, в лезгинском языке: *учитель/муаллим–учительница, духтур/духтир* ‘доктор’, *профессор, директор, буба* ‘отец’, *диде* ‘отец’, *я гада* ‘парень, сын’, *я руш* ‘девочка, дочка’ и др., в украинском языке: *редакторе, докторе, міністре, директоре, тату, мамо, чоловіче, жінко* и др. Обращения-индексы сами по себе не являются вежливыми или невежливыми. Их этикетная информация минимальна. Однако в контексте коммуникативной ситуации, помимо идентификации адресата, они выполняют и другие не менее важные функции – привлекают внимание собеседника, помогают включиться в речевой контакт, чем обусловлена их инициальная позиция в структуре этикетного высказывания.

Обращения-индексы в лезгинском и украинском языках семантически неоднородны и в зависимости от категориального признака, лежащего в основе идентификации, делятся на четыре подгруппы: 1) профессиональные обращения (называют адресата по профессии, званию или роду занятий); 2) антропометрические обращения (называют адресата по признаку пола и возраста); 3) обращения-термины родства (называют адресата по его месту в семейной иерархии). В сопоставляемых языках в состав выделенных подгрупп входит неодинаковое количество ЭРЕ (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

Типы обращений-индексов и их количественные характеристики в лезгинской и украинской лингвокультурах

№ п/п	Типы обращений-индексов	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	Обращения-термины родства	46	46	97	59,9
2.	Антропометрические обращения	32	32	25	15,4
3.	Профессиональные обращения	22	22	40	24,7
	Всего	100	100	162	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в сопоставляемых лингвокультурах степень продуктивности ЭРЕ в пределах выделенных подгрупп неодинакова. В обоих языках наибольшее их количество зафиксировано в рамках подгруппы «Термины родства»: в лезгинском языке – 46 единиц, что составляет 46% от общей выборки, в украинском языке – 97 единиц, что составляет 59,9% от общей выборки. В лезгинском языке второе место по продуктивности занимают антропометрические обращения – 32 единицы (32%), тогда как в украинском языке – профессиональные обращения – 40 единиц (24,7%). В лезгинской лингвокультуре, в отличие от украинской, профессиональные обращения являются менее продуктивными (зафиксировано на 18 единиц меньше), что свидетельствует о более демократичном характере лезгинского РЭ.

2.3.1 Обращения-термины родства

В сопоставляемых языках среди обращений-индексов наибольшей степенью продуктивности характеризуются ЭРЕ, номинирующие адресата по признаку родства (см. табл. 2.3). В системе РЭ лезгин и украинцев они принадлежат к наиболее архаичному и устойчивому к изменениям классу, который формировался на протяжении многих веков под влиянием культурно-исторических, этнических, социальных, психологических факторов. Данные ЭРЕ являются специфическим национальным кодом, содержащим уникальную информацию об историко-культурной самобытности народа, особенностях его мировоззрения, традиций, ритуалов, норм речевого поведения. Как справедливо отмечают исследователи, термины родства «дают более надежные основания для реконструкции прошлого, чем социальные институты» [107, с. 89], поэтому их следует рассматривать как «один из аспектов традиционно бытовой культуры общения» [33, с. 16].

В сопоставляемых языках, как и во многих других языках мира, обращения-термины родства функционируют в двух значениях: относительном и абсолютном. В обращениях первой группы закреплён тип номинации,

фиксирующий родственную связь одного человека с другим. В соответствии с этим одному и тому же лицу могут быть адресованы разные обращения – ‘папа’, ‘сынок’, ‘дедушка’, ‘внук’ в зависимости от того, в каких родственных отношениях состоят коммуниканты. Характерной особенностью вокативов второй группы является то, что они способны употребляться в абсолютном значении, т. е. по отношению к не-родственникам, проецируя таким образом на коммуникативную ситуацию модель семьи и приписывая отношениям между ее участниками соответствующие «семейные» признаки [145, с. 132]. Как отмечают исследователи, «даже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в квазиродственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим дядей, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств» [113, с. 28].

Обращения-термины родства в своем прямом значении реализуют в первую очередь номинативную функцию (обозначение адресата речи, выделение его из ряда других собеседников), т. е. являются словами-индексами, которые в процессе общения нагружаются дополнительными коммуникативными функциями (апеллятивной, контактоустанавливающей, мотививной и др.). Употребляясь в переносном значении, данные ЭРЕ переходят в разряд регулятивов, главная функция которых – регулирование взаимоотношений между собеседниками, гармонизация межличностного общения. Таким образом, термины родства в сопоставляемых языках полисемантичны и полифункциональны: в зависимости от ситуации общения и реализуемого значения одна и та же этикетная единица может относиться либо к обращениями-регулятивами, либо к обращениям-индексам.

В качестве обращений-индексов в РЭ обеих лингвокультур чаще всего используются наименования, которые адресуются близким родственникам – отцу, матери, сыну, дочери, мужу, жене, бабушке, дедушке, брату, сестре, дяде, тете и др. (см. табл. 2.4).

**Обращения-термины родства и их количественные характеристики
в лезгинском и украинском речевом этикете**

№	Семейный статус адресата	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		ЭРЕ	к-во	ЭРЕ	к-во
1.	отец	<i>буба, дах, чан буба, играми дах (ласк.)</i>	4	<i>батьку, батьо, батусь, батуньо, батусьо, батенько, батечко, батонько; тату, татку, таточко, татенько, татечко, татонько, татульо, татуленько, татунь, татуньо, татусю, татусьо, татусику; диал.: татцьо, татценько</i>	23
2.	мать	<i>диде, бах, диал. бажии, йаъ, ана; ласк. чан диде, масан диде</i>	7	<i>мамо, мамонько, мамочко, мамуню, мамусю, мамусечко, мамусенько, мамунечко, мамцю, мамуньцю, матусю, матусенько, матінко, матіночко; диал.: матюнко, матьонко; неню, неньо, ненько, ненечко</i>	19
3.	сын	<i>гада, хва, чан хва (ласк.)</i>	3	<i>сину, синку, синокчу, синопьку, синусю, синятко; диал.: сену, сенку</i>	8
4.	дочь	<i>руш, чан руш (ласк.)</i>	2	<i>доню, доцю, доцюню, доньцю, доненько, донечко, доненько, дочечко</i>	8
5.	муж	<i>гъуъл, итим, разг. къужа</i>	3	<i>чоловіче</i>	1
6.	жена	<i>паб, разг. къари</i>	2	<i>жінко, жіночко, дружино, дружинько</i>	4
7.	брат	<i>стха, ласк. чан стха</i>	2	<i>брате, братику</i>	2
8.	сестра	<i>вах, ласк. чан вах</i>	2	<i>сестро, сестричко</i>	2
9.	бабушка	<i>баде, бажии, чІехи диде; диал. йене, бада, паъ</i>	6	<i>бабуню ,бабусю, бабусечко бабусенько</i>	4
10.	дедушка	<i>буба, чІехи буба</i>	2	<i>дідулю, дідусю, дідусечко дідуню, дідунечко,</i>	5
11.	дядя	<i>халу, дайи, ими, амле</i>	4	<i>дядьку, дядечко, дядюсю; диал. вуйку, стрію (стрийко).</i>	6
12.	тетя	<i>эме, хала, имид свас, халуд свас, бах; диал. мума, биби, бубавах</i>	8	<i>тітко (тітонько, тіточко) диал. стрійна, тета, цьоцю</i>	6
13.	внук	<i>хтул</i>	1	<i>внуче, онуче, онучку</i>	3
14.	внучка			<i>онучо, онучко</i>	2
15.	племянник			<i>племіннику, небоже</i>	2
16.	племянница			<i>племіннице, небого</i>	2
Всего			46		97

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в системе обращений-терминов родства в сопоставляемых языках наблюдаются существенные количественные различия: в украинском языке зафиксировано 97 этикетных единиц, тогда как в лезгинском языке – 45, т. е. вдвое меньше. Данный факт объясняется в первую очередь функционированием в украинском языке большого количества вариантов обращений, образованных с помощью диминутивных суффиксов, которые являются носителями эмоционально-оценочного значения и индикаторами дружественной, доверительной атмосферы общения. В лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, подобные словообразовательные средства отсутствуют.

Примечательно, что приведенный в таблице набор этикетных речевых единиц полностью соответствует нормам национального семейного этикета: атмосфера лезгинского семейного общения отличается строгостью, четкой регламентацией, эмоциональной сдержанностью, тогда как отношения в украинской семье более демократичны и эмоциональны.

На количественный состав обращений влияют и другие факторы. Большинство лезгинских обращений-терминов родства являются полисемантическими и могут адресоваться членам семьи, занимающим разные позиции в семейной иерархии, например, *хтул* – обращение к внуку, правнуку, племяннику; *буба* – обращение к отцу, деду, сыну; *бажи* – обращение к матери и бабушке. В украинском языке термины родства, используемые в рамках семьи, однозначны, вследствие чего по отношению к разным категориям родственников, как правило, используются разные этикетные единицы [69, с. 92].

2.3.1.1 Обращения со значением ‘отец’

В лезгинском языке референтному термину ‘отец’ соответствуют апеллятивы *буба* ‘отец’, *дах* ‘отец’, ‘папа’, которые различаются как в стилистическом, так и в коммуникативном планах. Стилистически нейтральный вокатив *буба* полисемантичен и обладает широкими функциональными возможностями. В рамках семьи он активно используется в общении ребенка

(независимо от пола и возраста) с родным отцом, отчимом, а также невестки со свекром, зятя с тестем. В кюринском диалекте лезгинского языка апеллятив *буба* часто адресуется дедушке по отцовской линии. В литературном языке носителем данного значения выступает составной термин *члехи буба* ‘дедушка’ (букв. ‘главный отец’). Это свидетельствует о том, что в лезгинской семье дед (даже в случае нетрудоспособности) наравне с отцом – главой семейства – пользуется большим авторитетом. Кроме того, данный факт подчеркивает приоритетные позиции родственников по отцовской линии в дагестанском социуме, что объясняется влиянием патриархального строя.

В речи детей младшего возраста иногда встречается усеченная форма *ба* ‘па’, адресуемая отцу (дедушке) в неформальной обстановке общения.

Следует отметить, что в лезгинском языке компонент *буба* обладает большим словообразовательным потенциалом, выступая производящей основой для других терминов родства – составных наименований: *бубад хва* ‘брат, братец’, *улли буба* ‘прадед’, *буба-диде* ‘родители’ [409]. Форма *буба* часто используется за рамками семьи при обращении к любому старшему по возрасту собеседнику, к которому адресант испытывает симпатию и уважение. Кроме того, в значении ‘сын своего отца, сын достойный отца’ в качестве похвалы она может адресоваться мальчику, юноше, способствуя созданию благоприятного фона в рамках общения «старший по возрасту – младший по возрасту».

Примечательно, что в лезгинском языке, в отличие от украинского, отсутствуют диминутивные суффиксы, придающие обращениям эмоционально-оценочного значения, поэтому вокатив *буба* (равно как и другие наименования родства) не имеет уменьшительно-ласкательных вариантов. Это вполне соотносится с традициями лезгинского семейного воспитания, согласно которым между отцом и детьми, независимо от их взаимоотношений, всегда сохраняется определенная дистанция – общение имеет строгий, сдержанный характер, не допускающий фамильярности и излишней эмоциональности [52, с. 76].

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, лексема *буба* в лезгинском языке имеет исключительно положительные коннотации и

устойчиво ассоциируется с понятиями «мужчина», «отец», «главный», которые занимают приоритетные позиции в морально-этическом кодексе жителей Дагестана [52]. Данный языковой факт органично вплетается в систему древних верований и мировоззренческих установок лезгин, согласно которым *Кас Буба* (*Кас-Ба*) – дословно ‘Дед касов, т. е. первых людей’ – представитель первого поколения лезгин, а также популярный персонаж из лезгинского героического эпоса, мудрый старец, обладающий даром волшебства [1]. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что родство по линии отца, ведущее свое происхождение от общего предка, у лезгин является доминирующим.

Носителем семантики ‘отец’ в лезгинском языке является также апеллатив *дах*, который считается более «теплым» по эмоциональной окраске и обладает более широкими функциональными возможностями. В рамках родственных взаимоотношений его часто адресуют старшему брату, который в лезгинской семье занимает по статусу второе место после отца. Кроме того, данная форма является широко распространенным вежливым обращением к любому старшему по возрасту незнакомому собеседнику мужского пола с целью демонстрации уважения и вежливого отношения к нему.

В украинском языке референтному термину ‘отец’ соответствует апеллатив *батьку*, который, по данным толковых словарей, является полифункциональным и может употребляться как в прямом, так и в переносном значении. Как утверждают ученые, элемент *-к-* в лексеме *батько* является омертвевшим суффиксом, который утратил свою первичную семантику диминутивности [44, с. 11], т. е. подвергся семантико-стилистической нейтрализации. В современном украинском языке данное обращение чаще всего функционирует за рамками семьи в качестве вежливого обращения к незнакомому мужчине преклонного возраста: *Батьку мій рідний, порай мені, як синові, що мені робить* [430, т. 1, с. 113]. При этом следует отметить, что данным способом обращения к собеседнику пользуются преимущественно мужчины, для женской речи он не характерен. В украинских художественных текстах на историческую тематику апеллатив *батьку* часто выступает в роли

почтительного обращения к казацкой старшине, атаманам, гетманам: *Ой, Богдане, батьку Хмелю, Славний наш гетьмане! Встала наша Україна На вражого пана* [430], отражая особенности взаимоотношений в казачьей среде, т.е. выполняет функции регулятива.

В рамках семейного общения обращение *батьку* употребляется редко, как правило, в тех случаях, когда необходимо создать торжественную атмосферу либо подчеркнуть серьезность предстоящего разговора. В непринужденной беседе активно используются уменьшительно-ласкательные формы, образованные с помощью диминутивных суффиксов: -оньк-(о) – *батонько*, -ечк-(о) – *батечко*, -еньк-(о) – *батенько*, -іночк-(о) – *батіночко*, -унь- (о) – *батуньо*, -усь – *батусьо*, которые существенно сокращают психологическую дистанцию между собеседниками и свидетельствуют о теплых и демократичных отношениях между отцом и детьми в украинской семье. Кроме того, к подобным формам часто прибегают с целью максимального воздействия на адресата в ситуациях просьбы, мольбы о прощении или снисхождении: *Прости мені, мій батечку, Що я наробила! Прости мені, мій голубе, Мій соколе милий!* [454].

Стилистическим синонимом к форме *батьку* в украинском языке является форма *тату*, которая используется «как эмоционально окрашенное (ласкательное) обращение к старшим по возрасту адресатам» [44, с. 16]. В семейном общении наблюдается функционирование значительного количества его производных с суффиксами субъективной оценки: -к-(у) – *татку*, -очк-(о) – *таточко*, -еньк-(о) – *татенько*, -оньк-(о) – *татонько*, -унь-(ю) – *татуню*, -уль-(ю) – *татулю*, -унць-(ю) – *татунцю*, -усь-(ю) – *татусю* и др., которые сближают собеседников, создают атмосферу психологического комфорта. Обращение *тату* в рамках семьи может адресоваться не только родному отцу, но и тестю, свекру в знак уважения к данным родственникам. Однако за пределами семейного общения оно не используется.

Лексическими синонимами апеллятива *батьку* являются также формы: *отець*, *отче*, характерные для религиозного дискурса. При обращении к

служителям религиозного культа их принято сочетать с эпитетами *святой*, *високоповажний*, *всечесний*, которые не только свидетельствуют об уважительном отношении к адресату, но и способствуют созданию атмосферы таинства и сакральности. По данным лексикографических источников, апеллятив *отець* в своем прямом значении (при обращении к отцу по крови) часто используется в украинских диалектах в торжественной обстановке [430, т. 5, с. 804]. В говорах юго-восточного наречия в повседневно-бытовом общении активно функционирует форма *nána* (а также ее редуцированный вариант – *na*), заимствованная из русского языка. В юго-западном наречии широко распространены обращения *неньо*, *ненько*, *нянько*, которые в литературном языке обычно адресуются матери.

2.3.1.2 Обращения со значением ‘мать’

В РЭ сопоставляемых языков высокой степенью продуктивности характеризуются апеллятивы со значением ‘мать’.

Термину ‘мать’ в лезгинском языке соответствуют общеупотребительные лексемы *диде* и *бах* ‘мать’, ‘мама’, которые, помимо родной матери, могут адресоваться также свекрови, теще, мачехе, что способствует налаживанию контакта между родственниками, способствует созданию благоприятной атмосферы общения в семье. Вокатив *бах* (более характерный для речи носителей кюринского наречия) часто используется за рамками семейного общения при учтивом обращении к женщине пожилого возраста преимущественно в сельской местности. Апеллятив *диде* в речи жителей кюринского наречия может адресоваться бабушке. В ахтынском диалекте в этой же ситуации используются обращения *баде* ‘бабушка’ – слово-компонит, образованный путем сращения двух слов: *ба* ‘отец’ + *де* ‘мать’ – (букв. ‘отец-мать’) либо *чIехи диде* (букв. ‘главная мать’) [392].

В некоторых диалектах наряду с обращением *баде* встречаются формы *бада*, *паъ*, *йене*. Маркером непринужденного общения детей с матерью и/или бабушкой в лезгинском языке является усеченная форма *де*, равнозначная по

семантике русскому *ма*. В лезгинских диалектах синонимами термина ‘мать’ выступают формы: *йаъ* (курахский диалект), *ана* – заимствованная форма, распространенная в говорах кубинского диалекта, а также в речи лезгин, проживающих в Турции. С пометой «диалектное» фиксируется в лезгинских словарях обращение *бажи* ‘мать’, которое используется как в отношении родной матери, так и в отношении любой старшей по возрасту женщине в знак уважения и симпатии. В городах, преимущественно в речи молодого поколения, встречается русское обращение *мама* [60].

В лезгинском языке обращения к отцу и матери, как правило, не сопровождаются эпитетами (в отличие от украинского языка). Однако иногда встречаются формы: *чан буба* ‘папочка’, *играми дах* ‘дорогой папа’, *чан диде* ‘мамочка’, *масан диде* ‘милая мама’, которые допустимы только в общении с родителями наедине. Кроме того, в последнее время под влиянием русского языка в речевом этикете молодого поколения лезгин, преимущественно жителей городов, стали появляться обращения: *дахка* ‘папочка’ и *бахка* ‘мамочка’, образованные на базе традиционных лезгинских терминов родства с помощью русского суффикса *-к-а*.

В украинском языке апеллятивы со значением ‘мать’ представляют собой широкий комплекс этикетных речевых единиц различной стилистической окраски, ведущая роль в формировании которого принадлежит суффиксам субъективной оценки: *мамо*, *мамочко*, *мамонько*, *мамуся*, *мамусечко*, *мамусенько*, *мамуню*, *мамуничко*, *матінко*, *матіночко*, *матусенько*, *мамуцю*, *мамуньцю*, *неню*, *ненько*, *ненечко* и др. Примечательно, что все компоненты данного синонимического ряда имеют эмоционально-оценочный характер, стилистически нейтральные варианты отсутствуют [60].

В роли доминанты выступает лексема *мамо*, которая в толковых словарях квалифицируется как «ласковое обращение к матери» [430, т. 4, с. 615]. Среди всех остальных компонентов синонимического ряда она характеризуется наименьшей степенью эмоциональной нагрузки и может использоваться при обращении: 1) к родной матери: – *Мамо, чи кожна пташина В вирій на зиму*

літає? – *В мамі спитала дитина* [440, т. 1, с. 60]; 2) к матери мужа (свекрови) или жены (теще): – *Дивіться, мамо: чи так гарно буде?* – *питає вона свекрухи, показуючи шитво* [414, т. 1, с. 360]. Вторичное использование обращения *мамо* по отношению к посторонней женщине украинские лексикографические источники не фиксируют [430, т. 4, с. 615]. Вместе с тем отмечается возможность употребляться в переносном значении, в частности, в качестве ласкового обращения к старшей по возрасту женщине, диминутивных форм *маїнко*, *матусю* и др., например: – *Чому ви, матусю, свого Чіпки не оженили?* – *раз запитала Христя Мотрі* [414., т. 1, с. 325].

В украинском языке в использовании обращений к матери по крови наблюдаются диалектные различия. Например, на Полесье распространены уменьшительно-ласкательные формы *матюшко*, *матюшко*, на Закарпатье – *неньо*, *ненько*, Буковине – *мамо* и производные *мамочко*, *матусю*, а также часто используемое в колумийках обращение *мамко*, в котором суффикс *-к-* лишен оттенка грубости, характерного для подобных форм. Следует отметить, что взаимоотношения между детьми и матерью в украинской семье всегда близки и эмоциональны, поэтому апеллиатив *мамо* и его уменьшительно-ласкательные варианты часто сопровождаются эпитетами *любий(-а)*, *милий(-а)*, *коханий(-а)*, *дорогий(-а)*, которые придают высказываниям дополнительный эмоциональный оттенок: *кохана мамочко*, *любий таточко* и др.

2.3.1.3 Обращения со значениями ‘муж’, ‘жена’

В лезгинском языке значение ‘муж по отношению к жене’ актуализируется с помощью нескольких лексем-терминов родства: *гъуьл*, *итим*, которые вне семейного общения употребляются в значении ‘мужчина’. При обращении к жене используются лексемы: *наб* ‘женщина’, ‘жена’, *къари* ‘старуха’ (перен. ‘жена’) [409]. При этом более продуктивна форма *я наб!* ‘эй, жена’, которая может развивать вторичное значение и адресоваться представительнице женского пола в возрасте после 30-ти лет: *Я наб, им чІехи мурад тушни, жуваз хва хъана, хва чІехи хъана, адан мехъер, межлис акун* ‘Эй, женщина, разве это

не самая главная твоя цель – родить сына, увидеть, как он стал большим и сыграть ему свадьбу’. Разговорный, доброжелательный характер имеет обращение *я къари* ‘жена’ (букв. ‘старуха’), которое муж адресует своей жене, общаясь с ней наедине: *Я къари, чехир гъваи* ‘Жена, принеси вино’.

В украинском языке референтному термину ‘муж’ соответствует лексема *чоловік*, которая в просторечии часто адресуется постороннему мужчине. По данным толковых словарей, слово *чоловік* имеет несколько значений: 1) лицо мужского пола, противоположное – женщина; 2) женатый человек относительно своей жены; 2) то же, что и человек [430, т. 11, с. 349]. Таким образом, понятия «человек» и «мужчина» тождественны по семантике и обозначаются одной лексемой. В просторечии форму *чоловік* нередко используют и женщины как по отношению к незнакомому мужчине, так и по отношению к мужу: *От жінка й каже своєму чоловікові: «Візьми, чоловіче, сокиру та йди на заробітки, бо нема чим і в хрест дитину ввести»* [416]. Несмотря на просторечный, фамильярный оттенок, обращение *чоловіче* в украинском языке в большинстве случаев имеет позитивную семантику и не вызывает негативной реакции собеседника.

2.3.1.4 Обращения со значениями ‘сын’, ‘дочь’

В лезгинском языке референтному термину ‘сын’ соответствует заимствованное из персидского языка стилистически нейтральное обращение *гада*, которое может быть адресовано как родному сыну, так и любому младшему по возрасту лицу мужского пола [392; 409]. В рамках семейного общения в широко распространена более ласковая форма – *хва* ‘сынок’, ‘сыночек’, которая в сочетании с местоимением *зі* ‘мой’, а также существительным *чан* (букв. ‘душа’, ‘милый, дорогой’) усиливает степень эмоциональности: *чан хва* ‘сынок, сыночек’. Подобные ласковые обращения уместны только в разговоре матери с сыном: *вирибуру, чан хва, кІвалахзава* ‘все, милый сынок, работают’. Мужчины в общении со своими сыновьями отдают предпочтение стилистически нейтральным вариантам. Проявление

отцом нежных чувств к ребенку (особенно сыну) у лезгин считается слабостью [52].

В РЭ лезгин термину ‘дочь’ соответствует апеллятив *руш*, который в рамках семьи активно используется отцом и матерью в общении с дочерью, а также родителями мужа в общении с невесткой. За пределами семьи данное обращение реализует значение ‘девочка, девушка’ и является универсальным средством установления контакта с молодыми представительницами женского пола независимо от пола и возраста адресанта.

Следует отметить, что кроме стилистически нейтральных *руш* ‘дочка’, *хва* ‘сын’, в семейном этикете лезгин при обращении к детям широко функционируют ЭРЕ, не указывающие на пол адресата, – *аял*, *велед*, *бала* ‘ребенок’: *аялар*, *иниз ша* ‘дети, идите сюда’. В общении матери с ребенком такие формы чаще всего сочетаются с лексемой *чан*, придающей обращениям нежной, ласковой окраски: *чан бала* ‘милый ребенок’.

Интересный способ обращения к ребенку встречается в фольклоре и разговорной речи лезгин: вместо традиционных терминов родства ‘сын’, ‘дочь’, ‘ребенок’ используются притяжательные прилагательные, указывающие на степень родства и выражающие ласкательное значение: *инал ша*, *халадин* ‘иди сюда, тетин’ (т. е. ‘мой племянник’), *к’вализ х’ша*, *чан дидедин* ‘иди домой, милый мамин’ (т. е. ‘мой сынок’).

В украинском языке термины родства со значением ‘сын’, ‘дочь’ отличаются стилистическим разнообразием и высокой степенью продуктивности. В рамках семьи при обращении к сыну широко распространены апеллятивы: *сину*, *синку*, *синочку*, *синоньку*, *синусю*, *синятко*, а также диалектные варианты – *сену*, *сенку*. ЭРЕ *сину*, *синку* могут использоваться в абсолютном значении – как ласковые обращения взрослого (пожилого) человека к юноше, мальчику: – *Добрий вечір, дідусю*, – *каже парубок, підходячи. – Добрий вечір і тобі, сину* [448].

Референтному термину ‘дочь’ в украинском языке соответствует широкий синонимический ряд обращений: *доню*, *доцю*, *донечко*, *дочечко*, *доньцю*,

доцюню, доненько, доненько, оторые имеют ярко выраженное уменьшительно-ласкательное значение. Данные ЭРЕ активно используются матерью по отношению к своей дочери, а также свекровью по отношению к невестке. Апеллятивы *доню, доцю*, которые характеризуются наименьшей степенью эмоциональной нагрузки, часто функционируют за пределами семейного общения при обращении к любой девушке или женщине, которая значительно моложе адресанта [431, т. 1, с. 245]. Обращения *сину, доню* могут употребляться самостоятельно или в сочетании с притяжательным местоимением *мій*, а также этикетными определениями *коханий(-а), любий(-а), милий(-а), рідний(-а)* и др., усиливающими эмоциональный фон высказывания.

В общении родителей и детей в украинском семейном дискурсе активны обращения *дитино, дитиночко, дитяточко*, а также обобщенные формы *діти (діточки)*, которые, как правило, сопровождаются определениями (*мої*) *дорогі, любі, кохані, рідні*, передающими теплоту и гармонию семейного общения.

2.3.1.5 Обращения со значениями 'брат', 'сестра'

В сопоставляемых языках специфические особенности наблюдаются в использовании обращений, соответствующих терминам 'брат', 'сестра'. Следует отметить, что в семейном общении обоих народов данные ЭРЕ функционируют довольно ограничено.

В лезгинском РЭ терминам родства 'брат', 'сестра' соответствуют обращения *стха* 'брат' и *вах* 'сестра'. Данные апеллятивы активнее функционируют в своем абсолютном значении, т. е. при обращении к собеседнику, с которым адресанта не связывают родственные связи. Как свидетельствуют наблюдения, это наиболее эффективный способ установления контакта с незнакомым собеседником-ровесником в дружеской тональности общения. Примечательно, что по сравнению с другими народностями Дагестана лезгины пользуются им чаще. Вокативы *стха* и *вах* придают общению оттенок фамильярности, поэтому их употребление в общении людей, принадлежащих к разным поколениям, недопустимо. Дети и подростки их также не используют,

разве что в своем кругу, подражая взрослым. Функционирование таких форм в семейном общении ограничено. В современной лезгинской семье сестры и братья обращаются друг к другу преимущественно по имени.

В украинской культуре в качестве обращения к брату и сестре используются формы *brate* (*братуку*), *sestro* (*сестричко*) соответственно, которые, как правило, сочетаются с притяжательным местоимением *мій* и определениями *любий(-а)*, *рідний(-а)*, *дорогий(-а)*: *дорога моя сестричко, мій рідний брате*. Подобные формы характерны преимущественно для письменной речи, в устном общении к брату и сестре украинцы обращаются, как правило, по имени.

В украинском РЭ обращения *brate* (*братуку*), *sestro* (*сестричко*) могут развивать вторичные значения, употребляясь по отношению к собеседникам, с которыми говорящий не состоит в родственных отношениях. Ученые отмечают, что обращение *brate* в речевом этикете славян используется в переносном значении, т.е. при обращении к постороннему лицу мужского пола еще со времен Киевской Руси. А. Бурячок выделяет следующие вторичные значения этого апеллятива (преимущественно во множественном числе): а) друзья, товарищи; б) княжеская дружина; в) земляки; г) названный брат [44, с. 66–67]. Обращение *brate* и производное от него *братуку* в речевом этикете украинцев и сегодня широко используется за пределами семьи в общении с близкими друзьями, единомышленниками, соотечественниками, выступая индикатором дружеской тональности общения и равных отношений между собеседниками-представителями мужского пола: *Та цур йому, не думай, братуку, про мене нічого поганого* [454]. Наряду с литературными формами *brate*, *братуку* в украинском языке функционируют диалектные варианты *братіку*, *братчику*, *братю* (при обращении к одному лицу), *братя* (при обращении к коллективному адресату), которые в XIX в. активно функционировали в мужском общении между представителями одного социального статуса, близкими друзьями, единомышленниками: *Але даруйте, братчику, що-м си тутки розписав, кільки не потрібно; Братю мій дорогий, хіба один Бог мені*

вірить, а більше ніхто [445]. В этом же значении употребляются собирательные лексемы *братіки, братця, братіє, братчики*.

Доброжелательным обращением к незнакомому собеседнику женского пола (преимущественно одного с адресантом возраста) является обращение *сестро (сестричко)*, свидетельствующее о симпатии и благосклонном отношении к адресату: *Ідіть, сестро, до Семена, йдіть, любо! Вам буде краще* [404, т. 1, с. 44]. Вокатив *сестро* в значении ‘близкий человек, товарищ, единомышленник’ часто встречается в письмах украинских писателей XIX в.: *Нехай же ся печаль іде мимо Вас, сестро моя по пісням!* [454]. Уменьшительно-ласкательная форма *сестричко* адресуется ровеснику, с которым сложились теплые, близкие отношения: *Обізвись, сестричко, хоч словом* [440]. В современном общении украинцев обращения *сестро, брате* как в прямом, так и в переносном значении постепенно архаизируются.

2.3.1.6 Обращения со значениями ‘дядя’, ‘тетя’

Существенные различия наблюдаются в лезгинском и украинском языках в использовании обращений к близким родственникам отца и матери (дяде и тете). У лезгин существует четкая дифференциация обращений к родственникам по материнской и отцовской линиям. Причем это характерно как для литературного языка, так и для диалектов. Обратиться к дяде в лезгинском языке можно с помощью нескольких лексем – *халу, дайи, ими, амле*, выбор которых зависит от характера родственных связей. Обращение *халу* (или диал. *дайи*) употребляется в следующих значениях: 1) брат матери; 2) муж тети; 3) вежливое обращение к взрослому человеку – родственнику по материнской линии или любому мужчине, старшему по возрасту. Функционирование обращений *ими* и *амле* ограничено сферой семейного общения. Их лезгинки адресуют брату и другим родственникам мужского пола по отцовской линии. Компонент *ими* является производящей основой для обращений к другим родственникам: *имидин руш* – ‘двоюродная сестра’ (дочь дяди со стороны

отца), *имидин хва* – ‘двоюродный брат’ (сын дяди со стороны отца). Однако в роли обращений такие формы практически не используются.

В лезгинском языке функционирует несколько обращений к тете: *эме*, *хала*, *имид свас*, *халуд свас*, *бах*, выбор которых определяется характером родственных связей. Так, к сестре отца, а также всем родственникам женского пола по отцовской линии (речь идет о взрослых адресатах, которых не принято называть просто на имя) обращаются *эме* (в некоторых диалектах *мума*, *биби*, *бубавах*), а к сестре матери и родственницам по матери – *хала*. Следует отметить, что вокатив *хала* употребляется не только в общении с родной тетей, но и при обращении к какой-либо старшей по возрасту женщине, а в повседневном общении – молодой женщине, девушке, тогда как обращение *эме* не развивает вторичных значений и не выходит за пределы семейного общения.

К тете – жене дяди по отцовской линии – обычно обращаются *имид свас*, а по материнской линии – *халуд свас* (букв. ‘невеста дяди’).

Особенности использования в лезгинском языке обращений, называющих родственников со стороны отца и матери, свидетельствуют о более высоком ранге родственников со стороны отца. Подтверждением этого служит и тот факт, что в ахтынском диалекте при обращении к отцу нередко употребляется вокатив *даш*, который используется в этом же диалекте при обращении к дяде по отцовской линии [52].

Обращение к братьям и сестрам отца и матери в обоих языках могут сочетаться с личными именами. Различие заключается в том, что в украинском языке обращения ‘дядя’, ‘тетя’ стоят перед личным именем, например: *Дядьку Тарасе!*, *Тітко Галино!*, а в лезгинском языке – после него: *Сабир ими!*, *Имамат бах!*

В украинском РЭ при обращении к брату отца или матери пользуются традиционным обращением *дядьку*, распространенным на территории всей Украины. Украинские лексикографические источники (в т. ч. и староукраинские словари) фиксируют прямое и переносное значение этого слова: ‘дядя’, ‘брат

отца или матери’, ‘мужчина среднего возраста’ [431, с. 462]. В современном украинском языке обращение *дядя* является стилистически нейтральным. Однако А. Бурячок отмечает, что в древнерусском языке оно было производным, «имело диминутивный характер и образовалось от непроизводной формы ‘дядя’» [44, с. 84].

В украинских диалектах (в частности, в юго-западном наречии) синонимами обращения *дядьку* являются формы *вуйку*, *стрию*, выбор которых зависит от характера семейных отношений: первое используется в ситуации обращения к дяде по материнской линии, второе – к брату отца. Обращение *вуйку* может употребляться и в переносном значении при вежливом обращении к старшему по возрасту мужчине [431, т. 1, с. 785]. Наряду со стилистически нейтральными обращениями *дядьку*, *вуйку*, *стрию* функционируют эмоционально окрашенные формы с разнообразными диминутивными суффиксами: -ечк-(о) – *дядечко*, -усь- (ю) – *дядюсю*, -к-(о) – *стрийко*.

При обращении к сестре отца или матери либо жены дяди используется вокатив *тітко*. В юго-западном диалекте украинского языка это обращение имеет синоним *дядино*: *Дядино! Дядино! Тітко!* – кричу я до молодиці, а вона біжить [416]. Обращение *тітко* может адресоваться женщине, старшей по возрасту: *Будь ласкава, тітко, не сердься на мене і вибачай, що так з тобою прийшлося...*[400]. Кроме того, существуют формы *стрийна* – тетя по отцу, сестра отца или жена брата отца, *вуйна* – тетя по матери, сестра матери или жена брата матери. Обращение *вуйна* может выполнять функции учтивого обращения к старше по возрасту женщине [430, т. 1, с. 785].

В Галиции при обращении к сестре матери используются вокативы *тета* или *цьоцю*. Вокатив *тітко* и его диминутивные варианты *тітонько*, *тіточко* часто употребляются в переносном значении – в качестве уважительно-ласковых обращений к старшей по возрасту женщине [430, т. 10, с. 150].

Таким образом, в использовании терминов родства в качестве обращений у лезгин и украинцев наблюдаются общие черты, которые свидетельствуют о том, что феномен родства является определенным универсальным кодом,

синтетическим знанием человечества об окружающем мире. Вместе с тем структура и семантика анализируемых обращений, практика их реализации через систему традиционных социальных институтов, обряды, ритуалы, бытовой уклад жизни для каждого народа индивидуальны. И это не случайно, поскольку содержание исследуемых ЭРЕ и их место в традиционной языковой картине мира того или иного этноса определяются конкретно-историческими условиями его развития.

Наблюдения над использованием обращений-терминов родства в качестве индексов позволяют сделать вывод о том, что семейное общение украинцев имеет более демократичный характер, тогда как коммуникация лезгин в рамках семьи строится на патриархальных принципах, согласно которым приоритетные позиции в семье занимает отец и старшие по возрасту родственники [62, с. 54].

В сопоставляемых языках выявлены различия в номинации родственников, занимающих равное положение в структуре родственных отношений, которые свидетельствуют о неодинаковой трактовке и оценке родства по мужской и женской линии лезгинами и украинцами. Как свидетельствует проведенный анализ, для обоих языков характерна устойчивость обращений-терминов родства в их переносном употреблении, которая свидетельствует о том, что и для лезгин, и для украинцев приоритетными являются межличностные отношения, построенные по принципу родственных. Вместе с тем следует отметить, что использование обращений-терминов родства в переносном значении, т. е. в качестве регулятивов, в большей мере характерно для лезгинского РЭ.

Примечательной особенностью украинского языка являются различия в стилистической маркированности обращений-терминов родства, употребляемых в переносном значении. Например, формы *батьку*, *матінко* (реже), *сину*, *дочко*, которые свидетельствуют о глубоком уважении к адресату, номинации *дядьку*, *тітко* (диал. *вуйку*, *вуйно*) являются нейтральными. В лезгинском языке подобные стилистические различия не зафиксированы.

2.3.2 Антропометрические обращения

Антропометрические обращения характеризуются тем, что указание на пол и возраст адресата является их семантической доминантой, например: лезг. *я гада* ‘мальчик, юноша’ – *я руш* ‘девочка, девушка’, *я кас* ‘мужчина’ – *я наб* ‘женщина’, *чІехи буба* ‘дедушка’ – *чІехи диде* ‘бабушка’; укр. *хлопче, парубоче* – *дівчино, чоловіче* – *жінко, бабусю* – *дідою*. Таким образом, подгруппа «антропометрические обращения» в обоих языках сформировалась преимущественно за счет терминов родства, которые утратили связь с понятием «родство» и расширили сферу своего функционирования. Антропометрические обращения в сопоставляемых языках характеризуются неодинаковой степенью продуктивности. В лезгинском языке они занимают более приоритетные позиции по сравнению с украинским языком (см. табл. 2.4), что свидетельствует о более демократичном характере лезгинского речевого этикета.

В лезгинском языке к наиболее употребительным формам привлечения внимания молодого собеседника (мальчика, юноши, молодого неженатого мужчины) в непринужденной обстановке относится стилистически нейтральная форма *яда!*, образованная в результате сочетания апеллятивной частицы *я* и существительного *гада!* ‘эй юноша!’, ‘эй слушай [409]: *Яда! Яда! Гъей, рекъин къерехда авайди, инал ша!* ‘Парень! Парень! Эй, стоящий на обочине, подойди сюда!’. В украинском языке в аналогичной ситуации используются этикетные единицы *хлопче (хлопчику), парубоче*, которые семантически неравнозначны. По данным толковых словарей, обращение *хлопче* может адресоваться ребенку, подростку, тогда как форма *парубоче* используется по отношению к молодому неженатому мужчине, юноше [430]. В лезгинском языке подобная дифференциация значений отсутствует.

При обращении к молодой представительнице женского пола (девочке, девушке, незамужней женщине) используются ЭРЕ: лезг. *я руш!* ‘девочка, девушка’, укр. *дівчино (дівчинько)*, которые являются маркерами разговорного стиля. Следует отметить, что в лезгинском языке этикетные

единицы *я гада!*, *я руш!* активно функционируют в рамках семейного общения при обращении к сыну (*я гада*) и дочери (*я руш*), например: *Я руш, вун ни руш я?* ‘Девушка, ты чья дочь?’ В украинском языке формы *хлопче* (*хлопчику*), *парубоче*, *дівчино* (*дівчинонько*) однозначны и в рамках семейного общения не употребляются.

В лезгинском и украинском РЭ для привлечения внимания незнакомого адресата зрелого возраста используются вокативы с семами ‘мужчина’, ‘женщина’, которые в рамках семейного общения в обеих лингвокультурах могут адресоваться мужу и жене соответственно.

Наиболее употребительной и эффективной формой привлечения внимания собеседника мужского пола в лезгинской лингвокультуре является обращение *я кас!* ‘эй, кас!’, которая используется в рамках дружеского непринужденного общения мужчин. В украинском языке для обозначения адресата-представителя мужского пола зрелого возраста используется лексема *чоловік*, которая имеет народную основу и является маркером фамильярного общения коммуникантов равных по возрасту и социальному статусу: – *Куди ти, чоловіче, йдеш?* – *На заробітки йду* [Укр. нар. сказка], *От жінка й каже своєму чоловікові: «Візьми, чоловіче, сокиру та йди на заробітки, бо нема чим і в хрест дитину вести»* [Укр. нар. сказка]. Несмотря на просторечный, фамильярный оттенок, обращение *чоловіче* в украинском языке в большинстве случаев имеет позитивную семантику и не вызывает негативной реакции собеседника.

Обращения с компонентом ‘женщина’, в обоих языках относятся к малопродуктивным. В лезгинском языке при обращении к представительнице женского пола зрелого возраста (после 30-ти лет) чаще всего используется форма *я наб!* ‘эй, женщина’, которая также адресуется жене в рамках семейного общения. Разговорный характер имеет форма *я къари-диде* ‘мамаша’, адресуемое взрослой незнакомой женщине. В украинском языке при обращении к незнакомой женщине используется обращение *жінко* и его диминутивный вариант *жіночко*, которые употребляются преимущественно в речи жителей сельской местности,

выступая маркерами непринужденного общения с равной или старшей по возрасту представительницей женского пола как в рамках семейного общения, так и за его пределами: – *Жінко, жінко гарная, Хто ж ты буде обнімати, Як я буду воювати?* [Укр. нар. песня], *Бувай здорова, моя кохана жіночко!* [404, т. 5, с. 194]. В других коммуникативных обстоятельствах данные формы приобретают негативные коннотации и воспринимаются как речевые единицы, выходящие за рамки вежливого общения. Примечательно, что в лезгинском языке при обращении к людям старшего возраста активно функционируют формы *я къари*, *я къужа* (букв. ‘старуха’, ‘старик’), которые не содержат негативных коннотаций, что свидетельствует о культуре старых людей в лезгинской лингвокультуре. В украинском языке аналогичные по значению формы – *старий*, *стара* имеют преимущественно негативную семантику: *Гей, старий, іди собі геть! Чуєш?* [416].

2.3.3 Профессиональные обращения

В данную подгруппу входят обращения, номинирующие адресата по профессии, роду деятельности, должности, званию (научному, военному и т. д.), академическим титулам, например, лезг. *директор*, *духтур/доктор*, *учитель/ муаллим*, *профессор* и др.; укр. *директоре*, *ректоре*, *учителю*, *міністре* и др. Следует отметить, что данные ЭРЕ характеризуются незначительной информативностью, поэтому встречаются нечасто – преимущественно в письменной форме официально-делового стиля. В результате анализа установлено, что в лезгинском языке профессиональные обращения менее продуктивны, чем в украинском языке. Данный факт дает основания предполагать, что лезгинский РЭ характеризуется смещением акцентов со статусных отношений на межличностные, т. е. ориентирован на сокращение дистанции между коммуникантами и искреннее проявление доброжелательности к адресату. Примечательно, что в лезгинском языке многие профессиональные обращения заимствованы из русского языка и используются практически в неосвоенном исконном виде: *Масан тир учитель*

ва буба Мегьамед! Эвела Ваз ва хзанриз зи мецен чими саламар! [390]. В обоих языках большинство профессиональных обращений и обращений-титолов ассоциируются с мужским родом, хотя могут адресоваться представителям как мужского, так и женского пола.

В сопоставляемых языках среди профессиональных обращений часто встречаются наименования военных званий, которые, как правило, сопровождаются лексемой *товарищ*: укр. *товаришу лейтенанте*, лезг. *юлдаш лейтенант* и др. Следует отметить, что в лингвистической литературе сложилось неоднозначное отношение к обращениям-титолов. Так, например, чешский лингвист П. Эйсер в процессе изучения данных этикетных единиц пришел к выводу, что «народ, слишком приверженный церемониалу титулятур, как правило, является народом жестоким (суровым), нечеловечным относительно других народов, относительно индивидуумов чужих и своих. Влюбленность в титулы означает всегда, что человека самого недостаточно, что человек сам по себе ничего не значит и никакого уважения не вызывает, что себе уважение должен только добыть и именно титулом» [322, с. 469]. Аналогичной точки зрения придерживался украинский ученый В. Симович, который еще в 30-х гг. XX в. акцентировал внимание на необходимости упрощения западноевропейского церемониала, который надежно укоренился на Западной Украине, в частности на Буковине и в Галиции. Ученый в экспрессивной манере утверждает, что «украинское ухо никогда не привыкнет к чисто галицким сорнякам да еще и перенесенных поспешно из польских залежей» [229]. В качестве примера приводятся частоупотребительные в польском речевом этикете обращения: к врачу: – а – *konsyljarz*, к адвокату – *tesenas* и др. В последние десятилетия в украинской лингвистике устоялось мнение о том, что «украинцам удалось избежать “болезни” титулирования, которая под влиянием западноевропейской традиции активно развивалась и распространялась в конце XIX – в начале XX столетия» [231].

В лезгинском языке, который был подвержен влиянию западноевропейской традиции в значительно меньшей степени, обращения-

титулы никогда не занимали приоритетных позиций, в системе обращений они являются наименее продуктивными и востребованными.

2.4 Обращения-регулятивы

Специфической особенностью обращений-регулятивов является то, что в отличие от индексов, они не называют адресата по какому-либо социально-ролевому признаку, а «представляют собой инструмент регулирования личных оценок и отношений» [284, с. 287]. В большинстве случаев обращения-регулятивы возникают из обращений-индексов. Происходит это тогда, когда слово утрачивает способность передавать социальные признаки адресата и обретает новые функции – указывает на тип отношений, создаёт определённую атмосферу общения – непринуждённую, дружескую, шутивную и т.д. С помощью обращений-регулятивов говорящий «активно воздействует на общение, придавая ему нужный стиль» [97, с. 38].

В отличие от обращений-индексов, которые в структуре ЭРЕ занимают преимущественно инициальную позицию, обращения-регулятивы, как правило, располагаются в середине или в конце этикетной конструкции и служат не только для поддержания ранее установленного контакта, а, в первую очередь, для регулирования отношений между адресатом и адресантом. В составе обращений-регулятивов в сопоставляемых языках зафиксированы незначительные количественные различия. Вместе с тем в украинском языке данные формы более продуктивны (см. табл. 2.1).

Как отмечалось ранее (см. п. 2.3.1), в качестве регулятивов в лезгинском и украинском языках могут использоваться термины родства, которые утратили семантическую связь с понятием «семья» и стали использоваться по отношению к адресатам, с которыми автор не состоит в родственных отношениях. Помимо терминов родства, используемых в переносном значении, в качестве обращений-регулятивов в сопоставляемых языках используются и другие ЭРЕ, регулирующие отношения между собеседниками в соответствии с закреплёнными в обществе правилами, нормами, традициями, например: в

украинском языке: *пане–пані, добродію–добродійко, товаришу–товаришко, друже-подруго, приятелю-приятелько, побратиме, земляче, хлопче (парубоче)–дівчино, чоловіче–жінко*; в лезгинском языке: *ханум* ‘сударыня, госпожа’, *халум* ‘барыня, госпожа’ и *жанабі* ‘господин, почтенный’ (устаревшие формы), *гьубьрметлу* ‘уважаемый / уважаемая’, *дуст* ‘друг, приятель’, *юлдаш* ‘товарищ, друг, подруга’. Главная функция подобных обращений заключается не в назывании адресата по какому-либо социальному признаку, а в установлении вежливого контакта с ним. Следует отметить, что обращения-регулятивы являются удобным и эффективным способом взаимодействия с незнакомым адресатом, социальные признаки которого неизвестны говорящему.

Специфической особенностью украинского РЭ является функционирование в нем универсальных обращений-регулятивов *пане, пані*. В украинском обществе сложилось неоднозначное отношение к данным этикетным формам – от абсолютного неприятия к полному одобрению и широкому использованию. Противники обращений *пане, пані* усматривают в их семантике указание на высокий социальный статус коммуникантов. Ошибочность такого подхода очевидна, поскольку в украинском языке слово *пан* имеет два значения, которые различаются не только семантически, но и грамматически: *пани* – представители господствующего класса и *панове* – форма множественного числа при обращении к собеседнику безотносительно к его социальному положению [418]. Отсутствие в семантике обращений *пане, пані* указания на социальные признаки собеседника подтверждают произведения украинского фольклора, в которых данные этикетные единицы адресуются людям независимо от их классовой принадлежности: *Добрий вечір тобі, пане-господаре* (колядка); *Ой та ваша пані-господиня, що ясна зірка в небі* (щедрівка).

Украинские ученые единодушны в мнении, что обращения *пане, пані* – древние атрибуты украинского РЭ, которые в советские времена были несправедливо вытеснены из речевого общения и скомпрометированы социальной оценкой [136], а сегодня переживают свое второе рождение. При

этом акцентируется внимание на том, что в разных регионах Украины обращения *пане, пані* имеют неодинаковую степень продуктивности: если для жителей Западной Украины они стали общеупотребительными, то в восточных и центральных регионах данные формы все еще не получили широкого распространения и закрепились исключительно в официально-деловой сфере (при обращении к высокопоставленным должностным лицам, участникам собраний, заседаний, иностранным гостям и т. д.). Примечательно, что в толковых словарях украинского языка прошлого столетия формы *пане, пані* квалифицируются как вежливые формы обращения к представителям мужского пола привилегированных слоев общества в старой Польше, Литве и дореволюционной Украине; в современной действительности – вежливые формы обращения обычно к официальному представителю или гражданину другого государства [430, т. 6, с. 41]. В Новом толковом словаре украинского языка данные ЭРЕ рассматриваются как универсальные и общеупотребительные вежливые формы обращения к лицам мужского пола в Польше, Литве, Украине и Белоруссии [418].

Следует отметить, что в украинском языке обращения *пане, пані* редко функционируют самостоятельно. В большинстве случаев они сочетаются с другими ЭРЕ, образуя распространенные этикетные конструкции. В качестве распространителей чаще всего используются атрибутивы *шановний(-а), поваж(а)ний(-а), вельмишановний(-а) високошановний(-а), високоповаж(а)ний(-а)*, выступающие маркерами официально-делового стиля, а также атрибутивы *дорогий(-а), любий(-а), добрий(-а)*, характерные для дружеского общения. При обращении к высокопоставленным лицам используются формы: *(вельмишановний) пане міністре, (високоповажний) пане Президенте* и др. Возможно также сочетание регулятивов *пане, пані* с именами собственными, что характерно как для официальной, так и для неформальной обстановки, например: *Дорога панно Ольго!* [440, т. 11, с. 140]; *Шановний пане Болеславе!* [447, т. 50, с. 266]. В устно-поэтической речи часто встречаются обращения *пане-брате, пане-свате* и др., имеющие разговорный характер.

Идеологический подход сказался и на украинских обращениях-регулятивах *добродію, добродійко*. В академическом толковом словаре украинского языка в 11 томах они рассматриваются как устаревшие формы вежливого обращения к людям привилегированных слоев общества [430]. Вместе с тем в современной лингвистической литературе данные обращения, в отличие от обращений *пане, пані*, не являются предметом острых дискуссий. Практически все ученые, интересующиеся данной темой, единодушны в том, что это древние по происхождению, традиционные украинские обращения с прозрачной семантикой: *добродій* – ‘тот, кто совершает добро’. Данные этикетные речевые единицы не содержат указания на социальный статус и могут адресоваться любому собеседнику, к которому говорящий испытывает уважение и симпатию: *Запрошуємо Вас, вельмишановний добродію, зробити нам честь, бути нашим співробітником...* [414], *Свідчу Вам, дорогий добродію, свою повну симпатію й найсердечніші бажання здоров'я та сили* [447, т. 6, с. 100].

Обращения *добродію, добродійко* в украинском речевом общении могут использоваться самостоятельно либо в сочетании с разнообразными распространителями (атрибутивами, именами собственными, регулятивами *пане, пані*), что характерно для официального стиля: *Шановний добродію!*, *Вельмишановний добродію Михайле!*, *Вельмишановний добродію Данило Яковичу!*, *Вельмишановний добродію пане Олексо!* и др.

В лезгинском РЭ зафиксированы аналогичные по содержанию обращения-регулятивы: *ханум!* ‘сударыня, госпожа’, *халум!* ‘барыня, госпожа’ (уважительные обращения к замужней женщине), *жанаби!* ‘господин, почтенный’ (уважительное обращение к мужчине). В повседневной речи данные ЭРЕ не встречаются, толковые словари лезгинского языка фиксируют их с пометкой «устаревшее». В сочетании с именами собственными они фигурируют лишь в произведениях фольклора и художественных текстах.

2.5 Обращения-апеллятивы

В повседневной коммуникативной практике лезгин и украинцев в ситуации привлечения внимания собеседника часто используются междометия. Междометия лишены номинативной функции, они не называют собеседника, а лишь выражают эмоционально-волевые реакции говорящего. Функциональные возможности данных речевых единиц достаточно широки. В определенных ситуациях общения, помимо выражения оценочно-экспрессивного значения, они могут также реализовать апеллятивную, контактоустанавливающую, волеустанавливающую (побудительную) функции. Как отмечают ученые, «особенность междометия заключается в том, что это не столько средство выражения чувств и эмоций, сколько сигнал о намерении говорящего вступить в беседу, пообщаться» [247]. Обращения-междометия возникли на ранних этапах развития общества, когда наши предки, объединившись в первобытный коллектив, ощутили потребность в словесном общении. По мнению, Н. И. Формановской, «одним из первых речевых действий человека был призыв, зов “другого”, привлечение его внимания для последующих речевых действий: побудить наделенного коммуникативной ролью адресата к чему-либо, спросить, сообщить что-либо» [283, с. 84]. Это дает основания предполагать, что «зов, призыв собеседника оказался для разных человеческих сообществ коммуникативной универсалией и развился в категорию обращения, поскольку адресация речи лежит в основе коммуникации» [Там же].

Функцию установления контакта с собеседником и привлечения его внимания в лезгинской и украинской лингвокультурах реализуют апеллятивные междометия, в семантике которых присутствуют семы оклика, призыва и побуждения. В процессе общения данные речевые единицы выступают в качестве самостоятельного высказывания либо синтаксически независимого сегмента предложения, направленного на получателя речи с целью сообщить ему следующую информацию: «я зову / окликаю тебя и прошу отреагировать», что сближает их с единицами перформативного характера [57, с. 56].

2.5.1 В роли обращений-апеллятивов в сопоставляемых языках используются ЭРЕ, представляющие собой «застывшие» формы императивов, которые в результате десемантизации перешли в разряд междометий. Использование «застывших» глагольных форм в качестве обращений не является случайным. Как утверждают исследователи, «свои первые коммуникативные потребности древний человек удовлетворял именно посредством глаголов в повелительном наклонении» [247].

Обращения-междометия в обеих культурах многозначны. Функция привлечения внимания в них второстепенна, тогда как основное значение реализуется в ситуациях извинения и приветствия. Например, в ситуациях повседневно-бытового общения (в магазине, на улице, в транспорте и др.) в качестве обращения к незнакомому собеседнику используются следующие ЭРЕ: укр. *вибачте (пробачте), вибачайте, (я) прошу вибачення (пробачення), перепрошую*; лезг. *багъишламиша* ‘простите, извините’, *тIалабда багъишламишун* ‘прошу прощения’, основная функция которых реализуется в ситуации извинения. В современной лингвистике сложилось неоднозначное отношение к использованию таких ЭРЕ по отношению к незнакомому адресату. Одни ученые выступают против употребления данных форм, аргументируя это тем, что их использование приводит к семантическому сдвигу в сознании собеседника, что обусловлено коммуникативным диссонансом между ситуацией общения и семантикой ЭРЕ. Подтверждением факта неприятия подобных обращений является то обстоятельство, что в некоторых словарях при толковании значений лексем *извините, простите* сема ‘обращение к собеседнику’ отсутствует. Другие лингвисты высказывают альтернативное мнение, согласно которому использование ЭРЕ извинения при обращении к незнакомому адресату является вполне уместным и не вызывает дискомфорта [145, с. 125]: «адресант, обращаясь к потенциальному собеседнику, так или иначе, доставляет ему определенные неудобства (нарушает личное пространство, побуждает к выполнению ответных действий и т. д.) и испытывает по этому поводу определенные эмоции (сожаление, чувство вины).

В этом случае формы ‘простите’, ‘извините’ представляют собой удачное сочетание привлечения внимания адресата и извинения – вербальной компенсации за причиненное беспокойство. При этом идея компенсации уходит на второй план, уступая место идее призыва и вербального воздействия на адресата [57, с. 56].

Обращения с семантикой извинения в сопоставляемых языках являются стилистически нейтральными, вежливыми формами общения, удобными и эффективными в ситуации привлечения внимания незнакомого собеседника. «Удобство такого способа обращения заключается в том, что отправитель сообщения может, не владея достаточной информацией о собеседнике, быстро привлечь его внимание, установить коммуникативное равновесие, создав благоприятную атмосферу для межличностного взаимодействия» [57, с. 57]. Лезгинские и украинские обращения с семантикой извинения имеют схожую структуру: большинство из них является неотъемлемой частью небольшого высказывания, построенного в виде вопроса или просьбы об услуге (см. табл. 2.5).

Таблица 2.5

**Обращения-междометия с семантикой извинения
в лезгинском и украинском языках**

Лезгинский язык		Украинский язык
<i>Тлалабда багъишламишун, куъне... лугьудачни?</i>	‘Прошу прощения, вы не скажете...?’	<i>Прошу пробачити!</i> Ви не скажете (чи не могли б Ви сказати)...
<i>Багъишламиша, заз... герек я...</i>	‘Простите, мне нужен...’	<i>Пробачте, мені потрібен...</i>
<i>Багъишламиша, хабар къадай ихтияр авани?</i>	‘Извините, можно вас спросить...?’	<i>(Я) Прошу вибачення, чи можна в Вас запитати?</i>
<i>Инжиклу авунай багъишламиша...</i>	‘Простите за беспокойство...’	<i>Вибачайте, що турбую...</i>
<i>Багъишламиша, инжиклу жемир</i>	‘Извините, пожалуйста...’	<i>Вибачте, будьте ласкаві...</i>
<i>Багъишламиша, квевай (вавай) заз куъмек гуз жедачирни?</i>	‘Простите, не могли бы Вы мне помочь...’	<i>(Я) Прошу пробачення, чи не могли б Ви мені допомогти...</i>
<i>Багъишламиша, квез ... чидачни?</i>	‘Простите, вы не знаете...?’	<i>(Я) Перепрошую (даруйте), Ви не знаете?</i>

Как свидетельствуют приведенные в таблице примеры, в украинской лингвокультуре в ситуации привлечения внимания используется более широкий и разнообразный по сравнению с лезгинской лингвокультурой набор ЭРЕ. Данное наблюдение требует научного обоснования. Как отмечают ученые, «в рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т. д. как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого» [253, с. 143]. Вследствие этого, набор ЭРЕ, функционирующий в «чужом» языке, может ошибочно восприниматься коммуникантами как избыточный или недостаточный.

Различия в количественном составе обращений-междометий в лезгинской и украинской лингвокультурах объясняются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Лексема *багышламиша* в лезгинском языке выражает несколько значений: 'виноват', 'извините', 'простите', которые в украинском языке распределяются между несколькими ЭРЕ. Это дает основание утверждать, что лезгинские ЭРЕ характеризуются семантической ёмкостью и широкой лексической сочетаемостью, поэтому функционирующий в лезгинском языке в ситуации привлечения внимания набор речевых средств вполне достаточен для ее вербальной репрезентации. Система украинских ЭРЕ, в свою очередь, не является избыточной, т. к. каждый ее компонент реализует свою коммуникативную задачу: обращения *вибачте*, *пробачте* стилистически нейтральны, слова *перепрошую*, *даруйте* используются в диалектах, высказывание *Я прошу пробачення!* имеет официальный оттенок и т. д. «Данные этнокультурные различия свидетельствуют о том, что в коммуникативном сознании украинцев ситуация привлечения внимания расчленена и детализирована, тогда как лезгины воспринимают ее целостно» [57, с. 57]. В речевой коммуникации важно учитывать подобные расхождения, поскольку знание правил речевого этикета, принятых в том или ином языковом коллективе, определяет успешность межличностного и межкультурного взаимодействия, в основе которого лежат общепринятые поведенческие нормы,

универсальные коммуникативные правила и принципы, имеющие социокультурную специфику.

В повседневной практике речевого общения лезгин и украинцев в качестве обращения к незнакомому собеседнику с целью привлечения его внимания широко используются ЭРЕ, первичная функция которых реализуется в ситуации приветствия. В сопоставляемых языках данные ЭРЕ имеют схожую структуру: после приветствия-обращения обычно следует вопрос или просьба о чем-либо. Такие обращения имеют подчеркнуто вежливый характер и вызывают положительную реакцию собеседника: лезг. *Салам алейкум! Квевай хабар кьадай ихтияр авани?* ‘Здравствуйте! Можно вас спросить...?’; укр. *Доброго дня, скажіть, будь ласка, як пройти до найближчої зупинки автобуса?* Приветствия-обращения широко используются в повседневной практике общения в различных общественных местах. Данные ЭРЕ активно используются, например, продавцами, консультантами в общении с посетителями с целью привлечь их внимание: лезг. *Салам алейкум! Квез (ваз) вуч кІанзава? / Лагь куь кьуллугь?* ‘Здравствуйте! Что Вам угодно?’; укр. *Доброго дня, що Вас цікавить?, Здрастуйте, чим я можу Вам допомогти?*

2.5.2 В лезгинском и украинском РЭ в качестве обращений часто используются междометия, для которых функция привлечения внимания и побуждения к ответной реакции является основной: лезг. *гьей!, эй!*; укр. *гей!, ей!* Специфическая особенность данного типа обращений – их простая структура и ярко выраженный императивный характер – способность выражать множество эмоционально-волевых значений. По мнению ученых, «чем больше эмоций выражает междометие, тем лаконичнее оно по форме и быстрее в произношении» [161, с. 134]. «В сопоставляемых языках побудительные междометия используются в двух случаях: 1) в ситуации общения с незнакомым собеседником, когда его социальные признаки не определены или чрезмерно обобщены и 2) в ситуации общения со знакомым адресатом в связи с отсутствием необходимости (желания) использовать конкретное обращение, указывающее на какой-либо признак собеседника» [57, с. 58].

В лезгинском языке междометие *гьей!* является многозначным, хотя не все лексикографические источники фиксируют многообразие его семантики. Например, в «Лезгинско-русском словаре» М. М. Гаджиева и Б. Б. Талибова слово *гьей!* имеет следующее толкование – «крик, которым заывают отдаляющегося человека» [409]. Таким образом, акцентируется внимание на аппеллятивной функции данной лексемы, которая заключается в привлечении внимания адресата с одновременным побуждением его к ответному действию. В «Словаре лезгинского языка» под редакцией А. Г. Гюльмагомедова междометие *гьей!* рассматривается как многозначное, с помощью которого: «выражается недовольство, горе, радость, удивление и т. д.; говорящий окликает кого-либо» [392]. Таким образом, «приоритетной считается не аппеллятивная, а эмоционально-оценочная функция, которая заключается в непосредственном выражении разных эмоциональных состояний адресанта, его субъективно-чувственных реакций, индивидуального отношения к ситуации. При этом функция привлечения внимания отодвигается на второй план» [57, с. 58]. Отсутствие единого мнения в определении семантики и коммуникативного потенциала данного слова обусловлено сложной природой междометий, которые имеют высокую степень зависимости от контекста и ситуации общения.

Как свидетельствует поведенный анализ, лезгинское обращение *гьей!* характеризуется смысловой неустойчивостью и диффузностью. В зависимости от параметров коммуникативной ситуации и общей тональности высказывания оно способно выражать различные эмоциональные состояния и волевые побуждения, актуализировать различные речевые действия. Например, при обращении к незнакомому адресату междометие *гьей!* в сочетании с вопросом или просьбой о помощи в рамках симметричной ситуации (общение равных) выполняет исключительно аппеллятивную функцию и ориентировано на установление дружеской либо нейтральной тональности. Например, фраза *Гьей, я руш, инал ша!* ‘Эй, девушка, иди сюда!’ в лезгинском языке является стилистически нейтральной и выполняет функцию привлечения внимания

собеседника, находящегося на значительном от адресанта расстоянии, тогда как представителю украинской лингвокультуры такое высказывание может показаться невежливым. О позитивном отношении лезгин к данному обращению свидетельствует народная пословица: *«Гъей!» эверайла – «гъай!» лугъудай кас* ‘на *эй!* отвечает *ай!*’ (об отзывчивом человеке, который всегда придет на помощь, *гъай!* – отклик на призыв). Хотя в определенном контексте оно может приобретать и негативную окраску: *Гачал, гъей! И зи патав ша кван!* ‘Эй, паршивец! А ну-ка иди ко мне!’ [382] – гнев, недовольство. При этом имя адресата опускается сознательно.

Наряду с междометием *гъей!* в лезгинском языке в качестве обращения используется также междометие *эй!*, которое функционирует в тех же коммуникативных условиях, что и *гъей!* С одной стороны, оно выполняет апеллятивную функцию, с другой – выражает различные эмоционально-волевые состояния говорящего: *Эй эллер, чун инлай чиклин!* ‘Эй, люди, давайте разойдемся отсюда!’ (привлечение внимания и побуждение к ответной реакции), *Эй, Сулейман, на чун ширмир, Ви дердинкай чазни чирмир!* ‘Эй, Сулейман, не заставляй нас плакать, не извещай о своих печалях!’ (сочувствие, сожаление) [390]. В несимметричных ситуациях общения (адресат старше по возрасту или имеет более высокий социальный статус) использование междометий *гъей!*, *эй!* в качестве обращений является неприемлемым.

В украинском языке функцию привлечения внимания адресата реализует междометие *гей!* В украинских лексикографических источниках зафиксировано около пяти его значений, среди которых основными являются: 1) призыв, побуждение к действию: – *Гей! Піднімайтесь, хто сильний та дужий! Гей, хто жити хоче, вилізай з могил! Вставайте, гей!* [394]; 2) оклик при обращении: *Гей, Андрію! А поглянь-но до сіней!* [447], – *Гей! ти! – гукнув голова. – Відчини! Чув? Чітко!* [414]. В качестве оклика собеседника используется также междометие *ей!*: – *Ей, хлопче! А куди це ти, парубоче, мандруєш?* [448], которое в определенном контексте может выступать маркером различных эмоциональных состояний: – *Ей, дівчино, щось ти крутиш словами, – гірко*

заговорив Корній [440] – огорчение, недоверие, разочарование; – *Ей, Андроне, гляди! За такі слова знаєш що буває?* – з погрозою буркнув Гудзик <...> [384] – предупреждение, угроза.

Украинские междометия *гей!*, *ей!* в зависимости от ситуации общения могут содержать как позитивную, так и негативную оценку. При этом негативная оценка, как правило, доминирует. Например, при обращении к незнакомому прохожему с вопросом о том, как пройти к ближайшей станции метро, такие обращения будут неуместными. Не уместно их использование и при обращении к знакомому адресату. Как свидетельствует практика повседневного украинского общения, в большинстве случаев данные междометия являются маркерами недоброжелательных намерений коммуникантов: *Гей, бережись, Осине! Я, твоя правда, безштанько, а в'язи тобі скручу...*[384]; – *Ей ти, як тебе – Ахмет чи Магомет?* [451] и лишь в некоторых ситуациях сохраняют нейтральную стилистическую окраску: *Гей, бережись!* – предупреждение об опасности; *Ей, стій!* – *доніся до них гучний голос із саду* [414] – оклик адресата, который находится на значительном от говорящего расстоянии. Примечательно, что междометие *гей!* часто используется в украинской поэтической речи в качестве призыва, побуждения к действию, создавая атмосферу торжественности, эмоционального подъема: *Гей, вдарте в струни, кобзарі, натхніть серця піснями!* [436].

В лезгинском РЭ при обращении к представителю мужского пола молодого возраста широко используется обращение *яда!* ‘эй, юноша!’, ‘эй, слушай!’ [409], образованное в результате сращения двух компонентов: аппеллятивной частицы *я* и усеченной формы обращения *гада* ‘парень, юноша’. Следует отметить, что данное обращение имеет ограниченную сферу употребления и является маркером повседневно-бытового общения, обслуживая следующие ситуации: 1) общение равных по возрасту мужчин, выражая панибратские отношения между участниками беседы; 2) обращение старшего мужчины к младшему в непринужденной обстановке; 3) обращение женщины к молодому человеку или мужчине, равному с ней по возрасту.

Представителю украинской лингвокультуры, имеющему поверхностное представление о лезгинском РЭ, обращение *яда!* может показаться грубым и фамильярным. Вместе с тем его значение можно определить только в контексте. Обладая значительным семантическим потенциалом, данный вокатив в зависимости от коммуникативных условий может выражать различные эмоционально-волевые состояния. Например, в выражении *Яда, квахь инлай!* ‘Эй, ты, прочь отсюда!’ присутствует явная негативная оценка. А в предложении *Яда! Яда! Гьей, рекьин кьерехда авайди, инал ша!* ‘Парень! Парень! Эй, стоящий на обочине, подойди сюда!’ [407] обращение имеет доброжелательный оттенок. Кроме того, в определенном контексте слово *яда!* может утрачивать самостоятельное лексическое значение, практически растворяясь в общем смысле высказывания. Например, в предложении *Яда, акъваз ман!* ‘ну-ты!’, ‘эй-ты!’, ‘да-ты!’ обращение *яда!* фактически обезличивается, а сама фраза приобретает характер лаконичного восклицания, произносимого в ситуации спора. Факт семантической трансформации наблюдается и в предложении *Яда, ви бармак гьикъван иерди я!* ‘Ух ты, какая красивая у тебя шапка!’ [382], где обращение *яда!* передает исключительно оценочную информацию: комплимент, восхищение, восторг. Перевод ‘эй, парень!’ здесь неуместен.

Как свидетельствует проведенный анализ, в лезгинском языке императивные междометия являются маркерами нейтральной либо дружеской атмосферы общения, тогда как в украинском языке аналогичные по значению речевые единицы чаще всего имеют фамильярный оттенок и выходят за рамки вежливой коммуникации. Данное наблюдение можно объяснить разными представлениями лезгин и украинцев о вежливом и грубом поведении. Кроме того, более активное функционирование императивных междометий в речи лезгин объясняется особенностями их национального характера – «общительностью, взрывной эмоциональностью, ярко выраженным стремлением к самопрезентации» [151, с. 161]. «Междометия предшествуют мыслям, поэтому для представителей холерического и сангвинического типов

темперамента, которые торопятся высказаться и часто проявляют эмоциональную несдержанность, они являются эффективным средством самовыражения и установления контакта с партнером по общению» [57, с. 59]. Украинцы при обращении к адресату отдают предпочтение другим ЭРЕ, что свидетельствует об их индивидуализме, более сдержанном характере, стремлении «держать дистанцию» в несимметричных ситуациях общения.

Выводы к главе 2

Сопоставительный анализ лезгинских и украинских этикетных речевых единиц, функционирующих в ситуации «Обращение», позволяет сделать следующие выводы.

1. В лезгинской и украинской лингвокультурах обращения относятся к наиболее продуктивной группе (см. табл. 2.1). Данные ЭРЕ играют важную роль в достижении эффективности общения в силу своей полисемантической, полифункциональности, способности решать сложные коммуникативные задачи. В процессе коммуникации обращения выполняют различные функции, среди которых основными являются: номинативная, апеллятивная, контактоустанавливающая, регулятивная, экспрессивная и др.

2. В сопоставляемых языках в составе обращений обнаружены существенные количественные расхождения (см. табл. 2.1). В украинском языке данных ЭРЕ зафиксировано вдвое больше. Данный факт объясняется в первую очередь функционированием в украинском языке большого количества диминутивных форм с эмоционально-оценочным значением. В лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, подобные словообразовательные средства отсутствуют. На количественный состав обращений влияют и другие факторы. Например, большинство лезгинских обращений-терминов родства являются полисемантическими и могут адресоваться членам семьи, занимающим разные позиции в семейной иерархии, например, *хтул* – обращение к внуку, правнуку, племяннику; *буба* – обращение к отцу, деду, сыну; *бажси* – обращение к матери и бабушке. В украинском языке

термины родства, используемые в рамках семьи, однозначны, вследствие чего по отношению к разным категориям родственников используются разные этикетные единицы.

В украинском речевом этикете наблюдается последовательное разграничение обращений к адресатам мужского и женского пола (например, *синку–доню* и многочисленные производные от них), тогда как в лезгинском языке в некоторых случаях такое разграничение отсутствует (например, обращение *хтул* адресуется племяннику и племяннице).

3. На основании функций, реализуемых в процессе коммуникации, лезгинские и украинские обращения классифицируются на 4 группы: 1) обращения-апеллятивы (апеллятивная функция); 2) обращения-индексы (номинативная функция), 3) обращения-регулятивы (регулятивная функция); 4) обращения-экспрессивы (эмоционально-оценочная функция). В каждой конкретной ситуации общения на основную (доминантную) функцию накладываются другие – второстепенные, которые, однако, играют не менее важную роль в достижении эффективности коммуникативного процесса. В рамках каждой подгруппы выделяются более мелкие структурные образования, объединяющие этикетные речевые единицы по семантическому признаку. При этом в лезгинском и украинском языках ЭРЕ, входящие в состав выделенных подгрупп, характеризуются разной степенью продуктивности, что обусловлено как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

4. Наибольшей степенью продуктивности в обоих языках характеризуются обращения-экспрессивы (см. табл. 2.1). Данный факт свидетельствует о том, что категория эмоциональной оценки, тесно связанная с культурой этноса и национальным менталитетом, в обоих языках занимает приоритетные позиции и обладает широкими возможностями для языковой экспликации. Второе место по продуктивности в обоих языках занимают обращения-регулятивы (см. табл. 2.1), которые демонстрируют заинтересованность говорящего личностью собеседника как субъекта коммуникации и ориентированы на

установление и регулирование контакта с ним. Наименьшие количественные показатели имеют обращения-апеллятивы и обращения-индексы, которые характеризуются минимальной информативностью.

Интересные этнокультурные особенности наблюдаются в использовании ЭРЕ, входящих в состав каждой из подгрупп. Так, например, императивные междометия в качестве обращений-апеллятивов более активно используются в лезгинском языке, тогда как в украинском языке данные формы менее продуктивны, поскольку являются маркерами фамильярного стиля. В обоих языках высокой степенью продуктивности отличаются обращения-термины родства, выступающие в качестве индексов, т. е. функционирующие в рамках семейного общения, что является отголоском древнего родового культа и свидетельствует о высокой культуре семейных отношений. Обращения-термины родства в роли регулятивов чаще используют лезгины, что говорит об адресной направленности лезгинского речевого этикета, его ориентации на максимальное сокращение дистанции с собеседником. Данный вывод подтверждает также низкая продуктивность в лезгинском языке профессиональных обращений, которые в украинской лингвокультуре используются намного чаще.

Характерной особенностью украинского неформального симметричного общения является использование в качестве обращений имен собственных (как в рамках семьи, так и за ее пределами). В лезгинской лингвокультуре считается, что такой способ обращения к адресату не способствует сокращению дистанции между коммуникантами, поэтому в доброжелательной непринужденной атмосфере имена собственные чаще всего вытесняются обращениями-терминами родства.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [57; 61; 68; 69].

ГЛАВА 3

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СИТУАЦИИ «ПОЖЕЛАНИЕ ДОБРА»

3.1 Вводные замечания

Под пожеланием добра в лингвистике традиционно понимается «вежливое речевое действие, которое реализуется говорящим с целью выразить внимание и симпатию по отношению к адресату и надежду на благополучие в его жизни в будущем и тем самым соответствовать нормам этикета, принятым в данном обществе» [71, с. 15]. Выражая надежду на будущее исполнение пожелания, говорящий не побуждает адресата к какому-либо действию и не берет на себя ответственность за его осуществление [354, с. 1991].

Пожелания добра характеризуются ярко выраженным прагматическим характером. Их семантика формируется не из буквального смысла компонентов, образующих высказывание, а определяется с учетом прагматического контекста – времени, места, субъекта и объекта речи, а также фоновых знаний коммуникантов. Устойчивость лексического состава, воспроизводимость в типичных ситуациях общения, отсутствие полноценной семантики позволяют рассматривать данные формы как высокочастотные стереотипные речевые единицы, закрепленные за определенными коммуникативными ситуациями [215; 261].

Вместе с тем перечисленные выше характеристики не дают основания рассматривать пожелания добра как формальные вербальные знаки, главная функция которых – обеспечение фатического взаимодействия коммуникантов и декорирование речи. Данные ЭРЕ выступают носителями различных этнокультурных смыслов и эффективным средством регуляции поведения человека в обществе, а значит, представляют собой самостоятельное лингвокультурное и коммуникативное явление.

Пожелания добра являются одновременно категорией универсальной и национально-специфической. С одной стороны, они строятся в соответствии с устоявшимися моделями и принципами поведения, входящими в общее

пространство коммуникативной культуры, и отражают общие мировоззренческие установки и нравственные понятия. Однако, с другой стороны, освоение окружающей действительности через пожелания добра происходит специфическим, присущим определенной национально-культурной общности способом, что позволяет рассматривать их как национально-маркированные элементы языковой системы, своеобразные культурные знаки, которые указывают на особое видение вещей и характер познания действительности представителями различных культурных сообществ [67].

3.2 Классификация пожеланий добра

В коммуникативной практике лезгин и украинцев пожелания добра являются неотъемлемой частью общения, сопровождая практически все жизненные ситуации (свадьба, рождение ребенка, прием гостей, болезнь, покупка, принятие пищи, новоселье и т. д.) и стадии вербального взаимодействия (привлечение внимание собеседника, установление и завершение контакта). Данные ЭРЕ обладают высокой степенью вариативности, широкими функциональными возможностями и играют одну из главных ролей в достижении коммуникативного успеха, что дает основания рассматривать их как ключевые элементы этнического сознания лезгин и украинцев, неотъемлемые компоненты их национальной картины мира.

В лезгинской культуре пожелания добра, удачи являются обязательными при любых обстоятельствах общения. Без них в дагестанском джамаате (джамаат – сообщество, коллектив, жители одной местности) не может обойтись ни одна жизненная ситуация – производственная, бытовая, обрядовая, семейная и др. Как отмечают ученые-кавказеды, наличие в языке специализированного оптатива (морфологической категории глагола, которая выражает желание говорящего) – ареальная черта Кавказа, что обусловлено особенностью местных культур: пожелания добра входят в повседневный этикет многих кавказских народов [см. об этом 108; 291].

Украинская культура также отличается высокой степенью ориентации на пожелания добра. Данные вербальной формулы с древних времен сопровождали различные этапы жизни украинского крестьянина: трудовую деятельность, праздничные события общественного и семейного значения, повседневно-бытовые ситуации. Для украинской традиции, пишет Н. Ф. Сумцов, как правило, характерны краткие высказывания из двух-трех слов, которые генетически связаны с древними клятвами и договорами, а в некоторых случаях органически сливаются с ними [246].

Выбор пожеланий добра в обеих культурах детерминируется рядом факторов, среди которых в первую очередь следует назвать социальные характеристики адресата и адресанта (пол, возраст, социальное положение, степень знакомства, национальная и конфессиональная принадлежность), ситуация общения (будничная или праздничная), а также место в коммуникативном пространстве (участники диалога общаются на «нейтральной» территории или для кого-либо из них она является «чужой»). В связи с этим ситуации пожелания добра можно дифференцировать на симметричные (собеседники равны по социальным признакам и общаются на «нейтральной территории») и асимметричные (адресант и адресат выполняют неодинаковые коммуникативные роли). Чем больше признаков, по которым участники общения «не совпадают», тем выше степень этикетности ситуации и обязательности соблюдения правил [248].

Функционирование в различных культурах разветвленной системы пожеланий добра актуализирует вопрос о классификации данных этикетных единиц. В лингвистике попытки классификации благопожеланий осуществлялись неоднократно. При этом учитывались различные факторы (временной, ситуативный, социальный и др.). Так, например, С. Мартен-Клиф классифицирует пожелания добра в соответствии с поводами для их реализации. В связи с этим ученый выделяет два типа этикетных единиц: пожелания благополучия (высказываются по поводу общих праздников, знаменательных дат в жизни человека, сопровождают принятие пищи, сюда

относятся пожелания здоровья и выздоровления при посещении больных) и пожелания успеха (выражаются по поводу успешного завершения действия, относятся к будущей деятельности адресата как при однократном действии, так и регулярной деятельности человека [354, с. 164].

Г. Хинделанг, рассматривающий ритуальные пожелания, делит их по ситуативно-временному критерию на сезонные пожелания, пожелания, обусловленные временем суток, и пожелания, обусловленные случаем [335, с. 67].

И. Соса-Майор, исследующий специфику функционирования пожеланий в немецком и испанском языках, в зависимости от повода делит пожелания добра на: 1) тосты и застольные пожелания; 2) общие пожелания благополучия; 3) пожелания по поводу событий частного (например, день рождения) и коллективного (например, Рождество) характера [371].

Следует отметить, что практически все существующие на сегодняшний день классификации основываются в первую очередь на коммуникативных особенностях исследуемых речевых единиц, тогда как их структура и семантика не принимаются во внимание. В настоящем исследовании классификация пожеланий добра осуществляется на основе двух критериев:

- 1) коммуникативного и 2) структурно-семантического.

3.2.1 Коммуникативные типы пожеланий добра

Выделение коммуникативных типов пожеланий добра в сопоставляемых языках осуществляется с учетом ситуаций, в которых они используются. По коммуникативно-ситуативному принципу все лезгинские и украинские пожелания добра можно поделить на два типа:

- 1) *коллективные* – ЭРЕ, которые произносятся по случаю какого-либо позитивного события в жизни всего общества;
- 2) *индивидуальные* – ЭРЕ, которые произносятся по случаю какого-либо позитивного события в жизни одного человека или семьи.

Пожелания добра, входящие в состав данных коммуникативных подгрупп, выполняют разные функции и соотносятся с разными фрагментами

объективной реальности, что способствует их более детальной классификации. Так, в рамках первой группы выделяются: *коллективные трудовые пожелания добра* (высказывания, непосредственно связанные с трудовой деятельностью коллектива) и *коллективные праздничные пожелания добра* (фразы, приуроченные к определенному празднику – светскому или религиозному).

В рамках второй группы пожелания добра делятся на: 1) *индивидуальные праздничные* и 2) *индивидуальные повседневно-бытовые*. Данная классификация, на наш взгляд, является достаточно логичной и приемлемой как для лезгинского, так и для украинского языков. Однако следует заметить, что провести четкую границу между выделенными типами в обоих языках достаточно трудно, что обуславливается многозначностью и многофункциональностью исследуемых ЭРЕ: одно и то же пожелание добра в зависимости от конкретной ситуации общения можно отнести к разным группам и подгруппам [69, с. 121].

3.2.1.1 Коллективные пожелания добра

Пожелания, касающиеся общества, народа в целом, в коммуникативном плане характеризуются определенными особенностями, т. к. предусматривают обмен пожелательными текстами. В современной культуре лезгин и украинцев наибольшее количество коллективных пожеланий являются трудовыми. Это объясняется тем, что данная категория ЭРЕ относится к наиболее древнему классу. На архаической стадии развития духовной культуры словесное творчество выполняло магические функции и было тесно связано с трудовой деятельностью человека. Каждая важная стадия земледельческого труда – обработка почвы, посев, сбор урожая – сопровождалась определенными обрядами, цель которых заключалась в достижении желаемого результата путем определенного воздействия на предмет или явление окружающего мира. Пожелания добра были неотъемлемой частью обрядового творчества, а их использование считалось залогом успешной трудовой деятельности и своеобразным прогнозированием счастливого будущего семье [51].

С развитием общества пожелания добра выделились из календарной обрядности и стали самостоятельным словесным жанром, трансформировавшись в вербальные миниатюры-пожелания важных для крестьянской среды благ: богатства, материального достатка (приумножения скота и домашней птицы, богатого урожая), здоровья, долгой жизни, добра, благополучия в хозяйстве и семье, рождения детей, счастья и т.д.

3.2.1.1.1 Коллективные трудовые пожелания добра

С древних времен народы Дагестана с большим уважением относились к труду, который считался залогом благополучной жизни. Лезгинская пословица гласит: *Зегьмет чIугун тавурда аш недач* ‘Кто не поработает, тот плова не съест’ (ср. с украинской пословицей *Хто не працює, той не їсть* ‘Кто не работает, тот не ест’). Человеку, занятому на момент общения какой-либо трудовой деятельностью, лезгины всегда адресовали пожелания, наделенные особым смыслом: то, что желается, обязательно должно осуществиться, например: *Салам алейкум! Куь кьуватар цIуд сеферда артух хьурай!* либо *Куь кьуват цIудра артух хьурай!* ‘Мир Вам! Пусть Ваши силы увеличатся в десять раз!’, *Куь кIвалахар Аллагьди вичи вилик кутурай!* ‘Пусть пойдут Ваши дела удачно!’ (букв. ‘Пусть Аллах сам продвинет вперед Ваши дела!’), *Квез кьуватлу!* ‘Аллах Вам в помощь!’ (букв. ‘Силы Вам!’), *Ваз кьуват хьуй!* ‘Помоги Аллах!’ (букв. ‘Пусть у тебя сила будет!’), *Куь зегьметди хьсан бегьер гурай!* ‘Пусть Ваш труд принесет Вам прибыль!’ Такие пожелания взаимны и обязательно предполагают ответ: *Баркалла! Сагьрай! Куь кIвалахарни вилик фирай* ‘Спасибо! Желая здоровья, благополучия! Пусть удачными будут и Ваши дела!’, *Аллагьди ваз багьширай!* ‘Пусть наградит тебя Аллах!’, *Аллагьди куьн (вун) шадаррай!* ‘Пусть обрадует тебя (Вас) Аллах!’

В зависимости от рода трудовой деятельности собеседнику адресовались особые пожелания добра, например:

– земледельцу: *Ваз кьуватлу! Ви цанар кьалинбур хьурай, техилар лап бул!* ‘Пусть поможет Вам Аллах! Чтоб вспахать Вам глубоко и много! Пусть будет

год для Вас богат!’, на что традиционно отвечали: *Баркалла! Квез Аллагдади берекат гурай!* ‘Спасибо! Пусть Аллах даст достаток и Вам!’;

– жнецу: *Къуй техилдикай Квез шаддиз жедай ризкьи хъурай! Къуй Квевай ам клусни хкат тавуна кІватІуз хъурай!* ‘Пусть будет урожай для Вас радостной пищей! Чтоб собрали Вы его без потерь!’ Ответ: *Аферин! Чухсагъул! Къуй Аллагдадиз ван хъурай ви гафар! Къуй Куь крарни (кІвалахарни) дуьзмиши хъурай! Къуй Аллагдади Квез сагъ-саламатвал ва рагъим гурай! Къуй Аллагдади Куь берекатарни артухаррай!* ‘Чтоб услышал Аллах Ваши слова! Пусть пойдут и Ваши дела благополучно! Пусть Аллах даст Вам здоровья и добра!’;

– косарю: *Квез гзаф векъ хъурай* ‘Пусть будет у Вас сена много!’, *Квез векъ язгун шадвиллиз хъурай!* ‘Чтоб накосили Вы сено на счастье!’, на что отвечали: *Баркалла! Чухсагъул! Куьне язавай векъ берекатлуди хъурай! А векъ квез куьтягъ тежедай къванди хъурай!* ‘Спасибо! Пусть трава, которую Вы косите, будет Вам в достаток! Пусть и Ваше сено будет неисчерпаемым!’;

– животноводу (чабану, пастуху, табунщику): *Куь нехирар, сурьурьар, рамагар са шумудра артух хъурай! Квез гъабуруз килигдай сагъвал ва сабур хъурай!* ‘Пусть увеличатся Ваши стада! Быть Вам возле них добрым и здоровым!’ В ответ звучало: *Баркалла! Квез Аллагдади сагъвал ва шадвал гурай!* ‘Пусть даст Аллах Вам здоровье и радость на всю жизнь!’

Немало пожеланий-благословлений во время трудовой деятельности высказывали и украинцы, поскольку трудовая обрядность была одним из важных элементов их общественной жизни. Человеку, занятому на момент общения какой-либо работой, адресовались пожелания: *Бог на поміч!, Боже Вам помагай!, Помагайбі вам на усе добре!, Щоб легко почалося та вдало скінчилося!, Нехай день святиться!, Разом з Божим розказом!, Дай, Боже, час і пору добру!, Щоб у вас руки не боліли!, Дай, Боже, щоб робилося, не псувалося!, Дай, Боже, на прожиток!, Дай, Боже, жартувати, аби не хорувати!, Жити вам, поживати та добра наживати!, Щоб ви і ми щасливі були!, Щоб в вас і в нас все було гаразд!* и др., на что, как правило, отвечали: *Спасибі! Нехай і Вам Бог помага!* [51, с. 135].

Украинские трудовые ЭРЕ, как и лезгинские, дифференцируются в зависимости от характера трудовой ситуации: собеседникам, выполняющим ту или иную работу, адресовались особые пожелания добра, например:

– людям, которые молотили зерно: *Щоб Ви носили і не переносили!*;

– жнецам: *Благослови, Боже, в щасливу дорогу на лицарське жниво, і дай, Боже, щасливо повернутися, Господи-Боже, помози легенько, добренько, щоб вижати хутенько!, Дай, Боже, час добрий і пору в доброму здоров'ї пожати та й на той рік дождати!, Щоб Господь родив пшеницю і всяку пашиницю, щоб діждали жать, і споживать, і людям честь воздавать!, Даруй, Боже, щастя, долю, хліба вволю, а хліба найбільш!*;

– косарям: *Дай, Боже, сто кіп, де був торік один сніп!, Дай, Боже, нам легко, весело цю траву зняти!,* на что отвечали: *Посилай, Господи! Женщины в этой ситуации желали: Дай, Боже, щоб нашим косарям і трава легко лягала, і коса брала!*

– тем, кто сеет зерно: *Дай, Боже, хлібові урожай, а людям здоров'я! Многая літа!, Господи помози! Дай, Господи, час добрий. Роди, Боже, на всякого долю – і на кривого, і на сліпого, і на бачущого, і на видючого!, Щоб було людям дати і продати!, Дай, Боже, в добрий час! Щоб Господь уродив хліб святий нам!* и др.

– собирателям сена: *Дай Бог сей год убрати, і на той діждати!, Здорові будьмо!, Дай Бог у годину в добрім здоров'ї сіно упорати, гребовицю кінчити!*

В украинском речевом этикете функционируют и универсальные пожелания, уместные в любой трудовой ситуации: *Дай, Боже, нам урожаю!, Так дай же вам, Боже, щастя!* и др.

3.2.1.1.2 Коллективные праздничные пожелания добра

Пожелания, приуроченные к конкретному празднику, – более позднего происхождения. В лезгинской и украинской лингвокультурах специфика праздничных пожеланий определяется характером события (светское или религиозное) и его местом в жизни общества.

В лезгинском РЭ наиболее яркими и распространенными являются благопожелания к праздникам весеннего цикла: *Квез Яран сувар мубаракрай!* *Куь тІалар, чандин сагъсузвелер вири квахърай!* ‘С праздником весны! Ваши несчастья, болезни с приходом этого праздника пусть исчезнут!’, *Квез шадвилер хъурай!* ‘Много радости и веселья Вам!’, *Куь кІвалера берекат хъурай!* ‘Пусть в Ваш дом приходит удача!’ и др. Кроме того, широко распространены благопожелания, приуроченные к главным мусульманским праздникам – Ураза Байрам и Курбан Байрам, во время которых, по мнению лезгин, можно в несколько раз приумножить добрые деяния: *Куь сив хуьнуьн сувар мубаракрай!* *Куьне хвейи сивер Аллагъди къабулрай!*, *Куьн виш суваррихъ агакърай!* ‘С праздником Ураза Байрам! Пусть Аллах примет Ваши честные посты, Ваши жертвоприношения!’, Пусть Аллах помилует Вас за Ваши грехи!’, *Квез Къурбанд сувар мубаракрай!* *И куьне авунвай къурбандар, садакъаяр Аллагъди къабулрай!*, *Куь сувабар гзаф хъурай!* ‘С праздником Курбанда! Ваши жертвоприношения пусть Аллах примет!’, Пусть Аллах Вас бережет от разных бед!’ и др. Приведенные выше пожелания отличаются высокой степенью стереотипности, ритуализированности, поэтому, адресант, используя их, преследует преимущественно символические, а не прагматические цели.

В украинской культуре пожелания успешной трудовой деятельности содержат колядки и щедривки, до настоящего времени сохранившие магически-пожелательную сущность, величальный пафос – желаемые хозяйственные успехи, достаток, семейное счастье и благополучие выдаются за жизненную реальность: *Дай же ти, Боже, на двір щастічко, Дай же ти, Боже, в городі зело, В городі зело, в дому весело. На двір щастічко на худобочку, На худобочку на роговую, На роговую і на всякую <...> [443], Будьмо здорові з Колядою, з ясним-красним сонцем, з медовою кутьою, із живлющою водою!* и др. Как видим, для украинских трудовых пожеланий добра характерна хозяйственная тематика: желание благополучия домашнему скоту, богатого урожая, успехов в земледелии и т. д.

В украинской культуре с утверждением христианства традиционные трудовые пожелания, имеющие ярко выраженные языческие корни, трансформировались в религиозные высказывания богословского характера, приуроченные к новым праздникам – таким как Рождество, Новый год, Святвечер и др. Вместе с тем структура и семантика пожеланий добра существенно не изменилась: *На щастя на здоров'я з Святвечором!, Благослови, Боже, ще й цей Новий рік, щоби був щасливий кожний чоловік!, Нехай Бог (святий Василій) дасть вам багато пшениці, багато жита, багато дітей!*

Характерной особенностью пожеланий, сопровождающих календарные праздники, является то, что они произносятся только на ближайший год до следующего такого же праздника.

3.2.1.2 Индивидуальные пожелания добра

Индивидуальные пожелания добра характеризуются тем, что адресуются конкретному собеседнику. В коммуникативно-прагматическом плане данные ЭРЕ имеют одностороннюю направленность: они не предусматривают обмена доброжелательными словами (благами), поскольку произносятся по поводу события, которое касается непосредственно слушателя. Однако это не означает, что при таких условиях ситуация пожелания лишена диалогичности: реплика адресанта, представляющая собой развернутое пожелание добра, обязательно предполагает ответ-благодарность, который свидетельствует о том, что адресат заметил и оценил коммуникативное намерение своего собеседника. Коммуникативно ценное для адресата событие, по случаю которого произносятся пожелания добра, может иметь праздничный или бытовой характер, в связи с чем данные ЭРЕ дифференцируются на *праздничные* и *повседневно-бытовые*.

3.2.1.2.1 Индивидуальные праздничные пожелания добра

Пожелания, связанные с праздничными событиями в жизни отдельного человека (например, рождение ребенка, свадьба, крестины, новоселье и др.), менее ритуализированы по сравнению с повседневно-бытовыми ЭРЕ.

Большим разнообразием в лезгинской и украинской культурах отличаются пожелания добра по поводу семейных праздников. Лезгины и украинцы чаще всего используют их во время таких важных в жизни каждой семьи событий, как свадьба, рождение ребенка, новоселье и др. При этом произносятся следующие фразы:

– по поводу рождения ребенка: лезг. *Квез куь бала мубаракрай! Ам куь тухумдин дестег хьурай!, Диде-бубадиз мукьвабуруз гьуьрмет авай хва хьурай!, Адакай квез анжах шадвилер акурай!, Ам чан сагь ва бахтлу аял хьурай!* ‘Поздравляем! Пусть он будет опорой Вашего рода!, Родителям и старшим благодарным сыном!, Пусть Аллах даст увидеть от него только радость!, Пусть он будет здоровым и счастливым ребенком!’; *Бахтлу бала хьурай!; Диде-бубадин къадир авай бала хьурай!, Акьуллу, зирек, Ватан кІандай велед хьурай!* ‘Пусть он будет счастливым ребенком!, Чтоб он ценил, уважал труд своих родителей!, Чтоб был умным человеком, любил свою Родину’ и др.; укр. *Хай Господь годує і добру долю готує, батькові й матері на послугу, а людям – на потіху!, Най буде донечка як сонечко!, Сонця у душу, мир у господу!, Най Бог несе щастя, а сонце – красу!, Най буде дорога красна!, Щоб був сильним, як дуб!, Щоб здорова росла на радість батькам!, Дай їй, Боже, добру долю, довгий вік ряст топтати!, Щоб весело жило і щасливе було!, Хай росте – світ великий! Хай росте велике на зріст, хороше на вроду!, Хай росте велике, хай здорове буде!, Дай Боже, щоб росло Вам на потіху, на послугу!, Хай же великий росте та щасливий буде, много літ йому!* и др.;

– по случаю свадьбы (пожелания молодым): лезг. *Куь кІвал къени хьурай!* ‘Пусть будет крепок Ваш дом!’, *Мехьерардай кІвал хьурай!* ‘Пусть будут свадьбы в этом доме!’, *Хтулар, иштулар акурай квез!* ‘Видеть Вам внуков и правнуков!’, *Шад йикъар къисмет хьурай квез!* ‘Счастливых Вам дней!’, *Чем уьмуьрлух юлдашар хьурай!* ‘Чтоб всю жизнь были друзьями!’, *Чпихъ кІвал ацІай рухварни рушар хьурай!* ‘Чтоб были сыновья и дочери!’, *Арада гьуьрмет, кІанивал аваз яшамии хьурай!* ‘Чтоб жили в уважении, любви между собой!’, *Гьуьрметлу хизан арадал атурай!* ‘Чтоб в семье было уважение!’,

Вазни Аллагьди сагьвал гурай! ‘Дай Аллах вам здоровья!’, *Куьнни сагьвилелди яшамии хьурай!* ‘Дай Вам Аллах жить здоровыми!’; укр. *Щоб ви міряли гроші мискою, а діти колискою!*, *Хай дїм ваш бїди минають, а вороги не знають!*, *Дай Вам Боже і щастя, і сили!*, *Дай, Боже, діждати онуків!*, *Жити вам, поживати та добра наживати!*, *Живіть з Богом!*, *Живіть мирно!*, *Живіть в добрі та здоров’ї!*, *Живіть у добрі та злагоді!*, *Дай же Боже!*, *Пошли Боже!*, *Даруй Боже (Господи)!*, *Поможи, Боже!*, *Дай, Боже, разом двоє – щастя і здоров’я!*, *Дай, Боже, нашим молодятам віку довгого і здоров’я доброго!*, *Нехай вам Бог дає щастя, здоров’я і многі літа!*, *Дай же господи нашим молодятам і щастячка, і здоров’ячка, і віку довгого та розуму доброго!*, *Дай вам, Боже, і внуків дочекались!*, *Хай вас Господь подержить на цїм світі!*, *Дай (пошли) Боже много літ!*, *Дай (пошли) їм Боже много літ на світі пожити!*, *Пошли Вам Боже всього найкращого, а найпаче доброго здоров’я і довгого віку!*, *Дай Боже Вам ще довгого та гарного віку!*, *Хай тобі Бог дає вік – і щасливий і добрий!* и др.

В лезгинском языке функционирует разветвленная система пожеланий, адресуемых девушке, которая выходит замуж: *Вун бахтлу хьурай, чан руш!* ‘Будь счастлива, моя доченька!’, *Вун фейи кІвале ислягьвал, бахт хьурай!* ‘Чтоб было счастье, покой в доме, в который ты войдешь!’, *КІвалин кьайда яхь!* ‘Береги домашний очаг!’, *Чехибуруз гьуьрмет ая!* ‘Уважай старших!’, *Жува незвай са кьас фу баркаладахди неь!* *КІвале авай ихтилат масабуруз лугьумир!* ‘Не выноси сор из избы!’, *Инсанвилелди жуван балаярни галаз яшамии хьухь!* ‘Живи со своими детьми по-человечески!’ и др.;

– в ситуации приема гостя: лезг. *Ви атун хийирлуди хьуй!*, *Ви кІвачихь галаз бахтни атурай, берекатни галаз мадни хьша!* ‘Пусть к добру будет Ваш приезд!’, *Пусть к счастью будет Ваш приход!*, *С добром увидет Вас снова!*, которые предполагают пожелание-ответ: *Кьунни сагьвилелди яшамии хьурай!* ‘Дай Вам Аллах жить здоровым!’; гостю, который уезжает, принято говорить: *Хьсан, саламат рехь хьурай!* *Куьн Аллагьдал аманат хьурай!*, *Куьн сагь-саламатдиз кІвализ агакьрай!* ‘Счастливой дороги! Пусть приведет Вас Аллах

к лучшему!, Счастья и благополучия Вам в дороге!, Пусть вернет благополучно Вас Аллах в Ваш дом!’, на что отвечают: *Баркалла! Квез Аллагдади сагъвилер, хъсанвилер гурай!* ‘Спасибо! Быть Вам в здравии и благополучии!’ и др.; укр. *Дай Боже добро у Вашу хату!, Щастя, здоров’я Вам у хаті!* и др.

– во время застолья: лезг.: *Куь стол гъамиша ачухди хъурай!, Куь кІваліз берекат, девлет атурай!, Къазанмишзавай ксариз сагъвал гурай!, Куь столдал вири няметар хъурай!*: ‘Пусть Ваш стол для всех всегда будет открытым!, Пусть в Ваш дом придут достаток и богатство!, Кто работает и зарабатывает, тому Аллах даст здоровье и силу!, Пусть Ваш стол от разных блюд и угощений ломится!’; укр. *Будьмо здорові!, Будьмо (будьте) здорові, пивши!, Нехай (хай) здоров (здорова, здорові) буде (будуть, живутъ і т. ін.)* – пожелания здоровья при угощении, упоминании кого-либо; *Ваше (твое) здоров’я!* – пожелание человеку, за здоровье которого пьют: *Щоб нам добре жилося, щоб колосся велося!, Щоб нам ще сто років зустрічатись!* – застольные пожелания;

– по случаю новоселья: лезг. *Квез цІий кІвалер мубарак хъурай!* ‘Пусть Вам новый дом подарком будет!’, *Аукуьдай сагъвал хъурай!* ‘Пусть войдет в него здоровье!’, *Куь цІийи кІвале гъуьрмет, берекат, девлет хъурай!* ‘Пусть в новом доме уважение, достаток, богатство будут!’, *Сусар гъана, хтулар хъана, рикІ динж хъана, яшамии жедай дарамат хъурай!* ‘Чтоб в доме жили невестка, внуки, чтоб сердце было спокойно!’, *Куь кІвал къени хъурай!* ‘Пусть крепким будет Ваш дом!’, *Мехъерардай кІвал хъурай!* ‘Пусть будут свадьбы в этом доме!’, *Хтулар, штулар акурай квез!* ‘Видеть Вам внуков и правнуков!’, *Шад йикъар къисмет хъурай квез!* ‘Счастливых дней Вам!’ и др.; укр. *Дай вам, Боже, легкого прожитку в новій хаті!, Щастя, здоров’я, добробуту Вам у новому домі!* и др. Данное разнообразие обусловлено особым, трепетным отношением лезгин к дому, семье, роду, домашнему очагу [60]. Следует отметить, что приведенные выше фразы являются многофункциональными, поскольку используются не только в праздничных ситуациях, но и в повседневно-бытовом общении, в частности, во время приветствия, благодарности, прощания и т. д.

3.2.1.2.2 Индивидуальные повседневные-бытовые пожелания добра

Пожелания добра, связанные с повседневными событиями (болезнь, выздоровление, покупка, принятие пищи, встреча, прощание и др.) – формы с ослабленным ритуализированным характером. Это, как правило, нормативные высказывания, соответствующие принятым в обществе этикетным нормам. Коммуникативная структура таких пожеланий добра в обоих языках является максимально простой и универсальной. В лезгинской и украинской лингвокультурах функционируют схожие конструкции, имеющие лаконичный, эллиптический характер и обслуживающие аналогичные ситуации общения. Например:

1) перед приемом еды: лезг. *Шитягъ ачух хьурай!* ‘Приятного аппетита!’; укр. *Смачного!, На здоров'я!, Їжте на здоров'я!*;

2) перед питьем воды: лезг. *Хьухъ гьалал хьурай, нуш хьурай!* ‘Пейте на здоровье!’; укр. *На здоров'я!, Пийте на здоров'я!*;

3) перед сном: лезг. *Геже хийирар!, Квез ширин ахвар атурай, хийирдин хабарар!* ‘Доброй ночи! Приятных, сладких снов тебе!, Хороших Вам известий!’; укр. *Добраніч!, Приємних (гарних, солодких) снів!*;

4) перед отъездом: лезг. *Ваз физвай яргьал рехъ къезил, регьятди хьурай!, Ви к'валахар Аллагьди тук'Іуррай!, Вун сагъ-саламатдиз элкьвена хтурай!* ‘Пусть твой далекий путь будет легким и удачным!, Твои дела пусть пойдут на пользу с Божьей помощью!, Чтоб ты благополучно вернулся!’; *Квез хьсан рехъ хьурай, куь физвай рехъ куьруь, уьмуьр куь яргьи хьурай!, Квез Аллагьди хьсанвилер гурай!, Куьнни Аллагьди хьсанвилихъ тухурай!* ‘Пусть будет доброй Ваша дорога!, Пусть короткой будет Ваша дорога и долгой будет Ваша жизнь!, Пусть Аллах приведет Вас к лучшему!’; укр. *Щасливої дороги!, Дай боже час добрий!, У добрий час!*;

5) тем, кто работает: лезг. *Квез къуватлу!* ‘Бог в помощь!’, *Куь зегьметди хьсан бегьер гьурай!* ‘Пусть Ваша работа принесет Вам прибыль!’, *Куь къуват цІудра артух хьурай!* ‘Пусть Ваши силы удесятятся!’; укр. *Боже помози (помагай)!, Бог на поміч! Хай (нехай) тобі (вам) щастить!, Нехай день*

святиться!, Разом з Божим розказом!, Дай, Боже, час і пору добру!, Щоб у вас руки не боліли!, Дай, Боже, щоб робилося, не псувалося!, Дай, боже, на прожиток!;

б) перед началом какого-либо дела: лезг. *Куь кІвалахар Аллагдаи вичи вилик кутурай!* ‘Дай, Аллах, чтоб Ваши дела пошли удачно!’; укр. *З богом!, Хай щастить!, Дай, Боже, в добрий час!;*

7) человеку в обновке: лезг. *АлукІдай сагъвал хъурай, мад жедай затІар генани хъсанбур хъурай!* ‘Добром сносить, и добрым сменить!’, *Гъа шейинихъ галаз куь кІвализ девлетар атурай!, Ам кІвачихъ бахт галайди хъурай!* ‘Чтоб увидели Вы от нее добро!, Счастье большим пусть будет для Вас!’, на что отвечают: *Чухсагъул!* ‘Спасибо!; укр. *Носи (носить) здоров (здорова, здорові)!, Носи (носить) на здоров'я!, Здоровий носи, скачучи порви!;*

8) больному: лезг. *Квез Аллагда куьмек хъурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!, *Ваз Аллагдаи къуват гурай!* ‘Чтобы Бог дал тебе силы!, *Аллагдаи вичи ганвай тІал, фад алатдайди хъурай!, Вичи вегъей тІал вичи алудрай!, Аллагдаиз вичиз язух атурай!, Квез Аллагда куьмек хъурай!* ‘Пусть Аллах сделает, чтобы ваша болезнь быстро прошла!’, ‘Пусть облегчит (заберет) Аллах Вашу болезнь!’, ‘Пусть проявит Аллах к Вам сочувствие!’, ‘Чтобы поправились Вы!’, на что отвечают: *Баркалла! Квезни Аллагдаи куьмек гурай!* ‘Спасибо! Чтобы Аллах Вам помог!; укр. *Одужуй(-те)!, Найскорішого одуження (Вам) тобі!, Дай (Вам) тобі Бог здоров'я!;*

9) ребенку, который пошел в школу: лезг. *Вуна сифте къачунвай кам бахтлуди хъурай!* ‘Чтоб первые шаги были счастливыми!’, *Ваз сагъ чан хъурай!* ‘Чтоб душа была здорова!’, *КІелунин рекъе еке агалькунар хъурай!* ‘Чтоб в учебе были большие достижения!’, *Вакай акъулла, савадлу, диде-бубадин гъуьрмет хуьдай бала хъурай!* ‘Чтоб был умным, уважал родителей!; укр. *Бажаяю тобі успіхів у навчанні!, Хай тобі щастить!, Щоб ти добре вчився!* и др.;

10) юноше, которого провожают в армию: лезг. *Вач югъур хъурай ваз и сефер, хва!* ‘Легкой дороги тебе, сынок!’, *Ватандиз хъсандиз къуллугъ ая!* ‘Служи на благо Родины!’, *Дидедин, бубадин зегъмет рикІелай алудмир!*

‘Работу родителей не забывай!’, *Чехибуруз яб це!* ‘Слушайся старших!’, *Къегьал хъана, хъша!* ‘Вернись домой мужественным!’, *Вун Аллагдадал аманат хъурай!* ‘Пусть Аллах бережет тебя!’, укр. *Щоб був мужнім захисником Вітчизни! Щоб пізнав ти славу на смак!, Щоб був хоробрим воїном!*

Характерной особенностью пожеланий добра является их способность к прагматическому варьированию, что обусловлено потенциальной многозначностью этих языковых единиц. В обоих языках повседневно-бытовые пожелания добра могут развивать вторичные значения, сопровождая или замещая этикетные единицы других тематических групп [67].

Все пожелания по вторичными семантическими функциями в лезгинском и украинском языках можно поделить на четыре основных типа: а) пожелания во время встречи; б) пожелания во время прощания; в) пожелания во время благодарности; г) пожелания при выражении соболезнования. Произношение пожеланий в рамках каждого из этих пространственно-временных контекстов носит системный характер. Отсутствие пожеланий добра в любой из названных ситуаций объясняется, как правило, исключительными обстоятельствами и свидетельствует о нарушении этикетных норм.

В лезгинской и украинской культурных традициях пожелания добра чаще всего используются **во время встречи**, сопровождая основное приветствие или замещая его. В этой коммуникативной ситуации данные ЭРЕ выполняют контактоустанавливающую функцию, что способствует формированию у адресата положительной установки на взаимодействие. Специфика пожеланий добра этой группы определяется тем, что в процессе общения коммуниканты пользуются идентичными ЭРЕ, преследуя общую коммуникативную цель – установление контакта, создание доброжелательной атмосферы общения, в результате чего диалог приобретает симметричный характер. Например, в Украине жители сельской местности при встрече часто говорят: *Здоров був!*, на что отвечают: *Здорові будьте й Ви!*, в речевом этикете лезгин в этой же ситуации используют формы: *Салам алейкум! Ви атун хийирлуди хъуй!, Ви кІвачихъ галаз бахтни атурай берекатни галаз мадни хъша!* ‘Мир Вам! Пусть

добрым будет Ваш приезд!, Пусть будет счастливым Ваш приход!, С добром увидеть Вас снова!, на что традиционно отвечают: *Квез Аллагьди сагьвал ва шадвал гурай!* ‘Пусть даст Аллах Вам здоровье и радость на всю жизнь!’ [407].

Как видим, различия между репликами коммуникантов в данной ситуации общения в обоих языках формальны: приветствие-ответ фактически дублирует первую реплику и переадресовывает содержащийся в ней позитивный смысл собеседнику. Противоположная ситуация наблюдается, когда обмен приветствиями-пожеланиями происходит в условиях асимметричного общения. В таких случаях выбор ЭРЕ детерминируется социальными признаками коммуникантов или обстоятельствами встречи.

В украинской культурной традиции во время встречи чаще всего используются традиционные формы: *Дай, Боже, здоров'я!, Будь здоров!, Доброго здоров'я (здоров'ячка!)!*, характерные для разговорного стиля. Данные ЭРЕ отличаются многофункциональностью, поскольку могут обслуживать и другие ситуации общения: прощание, ответ на благодарность, благословение и др. Распространенными формами пожелания во время встречи в украинском языке являются также фразы: *Здрастуйте!, Здоров був!, Здорова була!, Здорові будьте (з неділею, з понеділком, у хату й т. ін.)!*, *Доброго дня (ранку, вечора)!*, *Добрый день (Вам) у хату!*, *Добрый день у Вашій хаті!* и др. Устоявшиеся конструкции *Боже помози (помагай)!*, *Бог на поміч!* используются как приветствия с пожеланием успехов тому, кто выполняет ту или иную работу.

Пожелательный характер имеют и лезгинские традиционные приветствия. Так, одно из часто употребляемых высказываний во время встречи *Салам алейкум!* в переводе с арабского языка означает ‘Мир Вам!’. Пожеланиями добра, счастья, благополучия являются устоявшиеся формы: *Хийир!* ‘Будь здоров!’, *Абатхийир!* ‘Будь щаслив!’ (приветствие-ответ при встрече и расставании), *Я абатхийир хьайиди!* ‘Пусть будет у тебя благополучие!’ (приветствие-ответ), *Пакаман хийирар хьуй!*, *Сабагь хийирар!* ‘Доброе утро!’, *Нисин хийирар хьуй!* ‘Добрый день!’, *Няни хийирар хьуй!* *Ахшам хийирар!* ‘Добрый вечер!’, *Йифен хийирар хьуй!* ‘Доброй ночи!’ [392] и др.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, приветственные пожелания в обоих языках имеют устойчивую форму: стереотипная тематика дополняется достаточно жесткой структурой. Это в основном стандартные фразы, которые со временем утратили первоначальную семантику и трансформировались в традиционные устойчивые выражения.

Общепринятым в обоих лингвокультурах является использование пожеланий во время **прощания**. Своим содержанием такие ЭРЕ могут эксплицировать заинтересованность говорящим делами слушателя, желание продолжить общение в будущем. В лезгинском языке семантику пожелания имеют традиционные прощания: *Геже хийирар!*, *Квез ширин ахвар атурай, хийирдин хабарар!* ‘Спокойной ночи!, Сладких, приятных снов тебе!, Хороших Вам вестей!’, *Сагърай!* ‘Всего наилучшего!, Желаю здоровья, благополучия!’, *Сагъсаламат хьуй / хьурай!* ‘Оставайся здоровым (счастливым)!, Всего наилучшего!’, *Хъсан рехъ хьуй / хьурай!* ‘Счастливой дороги!’, *Хийир!* ‘Будьте здоровы!’, *Хийирдин хабарар хьуй!* ‘Добрых вестей!’ и др.

В украинской культурной традиции к продуктивным прощальным пожеланиям относятся: *Будь(-те) здоров(-ий, -а, -і)!*, *Бувай(-те) здоров (-ий, -а, -і)!*, *Щасливої дороги!*, *Усіх благ!*, *Усього найкращого!*, *На все добре!* Как вежливые формы пожелания счастья в знак прощания с кем-либо звучат фразы: *Бувай(-те) щаслив(-ий, -а, -і)!*

Высказывания *Будь(-те) щаслив(-ий, -а, -і)!* и *Щаслив(-ий, -а, -і) будь(-те)!* многозначны и могут употребляться не только как вежливые пожелания счастья, добра в знак прощания с кем-либо, но и как пожелания кому-либо счастья в жизни.

Традиционными украинскими прощаниями-пожеланиями являются ЭРЕ: *Усього доброго (найкращого)!*, *На все добре!* – прощания с пожеланием добра, *Иди здоров!* – прощание с пожеланием здоровья, *Иди з миром!* – прощания с пожеланием покоя, согласия и всего хорошего, *Усіх благ!* – устоявшаяся форма прощания с добрыми пожеланиями и др. Прощальные высказывания добра нередко порождают ответные пожелания. В условиях симметричного общения

семантические отличия между репликами адресанта и адресата практически полностью нивелируются. Так, например, в украинской культурной традиции фразы: *Прощайте!*, *Зоставайтеся здорові!* предполагают ответ: *Прощайте!*, *Ідіть здорові!*, а на реплику *Здорові були!*, как правило, отвечают: *Здорові будьте й Ви!* Аналогичная ситуация наблюдается и в лезгинском речевом этикете, где на фразу *Сагърай! Хъсан саламат рехъ хъурай!* ‘Счастливого пути! Пусть приведет Аллах Вас к лучшему!’ следует ответить: *Баркалла! Квез Аллагъди сагъвилер, хъсанвилер гурай!* ‘Спасибо! Дай Аллах Вам здоровья и благополучия!’ либо *Сагълугъ хъуй!* ‘Оставайся здоровым!’

Пожелания добра в обоих языках широко используются и в ситуации **благодарности**. В украинском языке это, как правило, стереотипные пожелания здоровья – лаконичные конструкции религиозного содержания: *Дай Боже!*, *Дай Вам (тобі) Бог здоров'я (благополуччя)!* и др., которые могут функционировать самостоятельно или сопровождать традиционные высказывания-благодарности: *Дякую!*, *Спасибі!*

В лезгинском РЭ в ситуации благодарности к традиционным фразам *Чухсагъл!*, *Баркалла!* ‘Спасибо!’ добавляются пожелания добра, широко используемые и в других ситуациях общения: *Квез (ваз) бахтар гурай!* ‘Счастья тебе / Вам!’, *Бахтар гурай!* ‘Удачи во всем!’, *Мурадар кьилиз акъатрай!* ‘Пусть осуществляются мечты!’, *Яргъл уьмуьрар гурай (хъурай)!* ‘Долгих лет жизни!’, *Ваз шадвилер хъурай!* ‘Радости тебе!’, *Вазни Аллагъди сагъвал гурай!*; *Балаяр бахтсузвилер вавай яргъа хъурай!* ‘Дай Аллах и тебе здоровья!, Чтоб беда и несчастья обходили тебя стороной!, Чтоб ты никогда не видел горя!’ и др. Кроме того, высказывания благодарности в лезгинском языке могут сопровождаться ситуативными пожеланиями добра, например, человеку преклонного возраста адресуют фразы: *Яргъл уьмуьрар хъурай!* ‘Пусть продолжаться Ваши дни / года’, мужчине или женщине: *Хъсанвилер хъурай!* ‘Пусть будет с Вами благополучие!’, больному желают: *Квез Аллагъ куьмек хъурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’ и др.

В обеих лингвокультурах пожелания добра часто употребляются и в ситуации **соблезнования**. В лезгинском РЭ в этой ситуации широко распространены ЭРЕ: *Рагьметлу касдин яшар, куь аялрин яшарихъ агал хъувурай Аллагьди!*, *Къейидаз женнет къисмет хъурай!*, *Им куь эхиримжи фикир, хажалат хъурай!*, *Квез мад къведайбур шад, хъсан хабарар хъурай!* ‘Пусть добавит Аллах Вам / Вашим детям не дожитые им годы!, Рай местом покоя ему пусть будет!, Пусть будет горе Ваше последним!, Пусть будет порог Ваш освещен добрыми вестями!, Пусть посетит Вас только радость!’ и др., на которые, как правило, отвечают: *Куь къейибурузни рагьметар гурай!* ‘Пусть помилует Аллах и Ваших покойников!’

Украинцы в данной ситуации пользуются следующими ЭРЕ: *Царство йому небесне!*, *Нехай царствує!*, *Царство небесне його душі!*, *Померлому царство небесне, вічний покій!*, *Нехай над ним земля пером!*, *Нехай з богом спочиває!*, *Нехай легко згадається, а нам пошли, Боже, вік і здоров'я!*, *Даруй, боже, нам щастя й здоров'я, а померлим пошли царство небесне!*

Следует отметить, что в обоих языках встречаются многофункциональные, не закрепленные за определенными ситуациями общения, благопожелания. Например, традиционные украинские выражения: *Дай Боже!*, *Щастя тобі (Вам) Боже (доле)!*, *Щастя Вам, Боже, на все добре!* и лезгинские: *Сагърай!* ‘Всего наилучшего! Желаю здоровья, благополучия!’, *Хийирдихъ хъуй!* ‘Пусть все будет к лучшему!’, *Ви эхир хийир хъуй!* ‘Желаю добра!’ могут выступать в роли приветствия, прощания, благодарности, пожелания по поводу какого-либо события либо входить в состав развернутых пожеланий, произносимых во время семейных или календарных обрядов. Общими для этих ЭРЕ являются: семантика добра, адресная направленность текста. Специализация значений осуществляется в контексте. Подобные формы широко распространены в лезгинском языке, например: *Куь к'валахар Аллагьди вичи вилик кутурай!* ‘Пусть пойдут Ваши дела удачно!’ (букв. ‘Пусть Аллах сам продвинет вперед Ваши дела!’), *Аллагьди ваз багъишрай!* ‘Пусть наградит тебя Аллах!’, *Аллагьди куьн (вун) шадаррай!* ‘Пусть обрадует тебя / Вас Аллах!’, *Ваз Аллагьди*

хъсанвилер гурай! ‘Пусть Аллах даст тебе все хорошее!’, *Аллагъди ваз члехи бахтар гурай!* ‘Пусть Аллах даст тебе счастье!’ и др.

Функционирование пожеланий добра в различных коммуникативных обстоятельствах (во время приветствия, прощания, благодарности и т.д.) приводит к мысли о том, что данные ЭРЕ полифункциональны и строго не закреплены за определенной ситуацией общения.

Таким образом, в коммуникативной организации пожеланий добра и условиях их функционирования в РЭ лезгин и украинцев наблюдаются интересные аналогии, обусловленные универсальностью человеческого мышления, склонностью обоих народов к образному восприятию мира, общей магической функцией исследуемых этикетных знаков в прошлом. Как отмечают исследователи, «как бы ни были несхожи языки в генетическом и структурном отношении, как бы далеко ни отстояли они друг от друга в пространстве и времени, они обязательно обнаруживают единство по своим фундаментальным свойствам, различаясь в то же время по *внутренней форме* или «порождающему язык духу» [103, с.75].

Вместе с тем, как показывает проведенный анализ, пожелания добра – это национально специфические этикетные формы, которые отражают своеобразное видение вещей представителями различных культур, а, следовательно – особую стратегию и тактику их речевого поведения.

3.2.2 Семантические типы пожеланий добра

В семантическом плане пожелания добра характеризуются наличием мотивов. Под мотивом подразумевается один из компонентов лексического значения (или «составная часть» внутреннего содержания ЭРЕ), указывающий на то, что желает адресант своему собеседнику. Мотив в структуре пожелания является транслятором этнокультурных смыслов, отражая ментальные установки и моральные приоритеты носителей языка, например: лезг. *Хийирдин хабарар хъуй!* ‘Добрых известий!’, *Ваз сагъ чан хъурай!* ‘Чтоб душа была здорова!’, укр. *Дай, Боже, здоров’я!*, *Щоб ви були такі веселі, як весна!* и др.

Мотивы благопожеланий являются общими для разных этносов, поскольку формируются вокруг таких абсолютных общечеловеческих ценностей, как здоровье, долголетие, радость, успех, добро, богатство, расположение Бога и др., что позволяет трактовать их как универсальные культурные доминанты. Вместе с тем эти мотивы специфически реализуются в различных лингвокультурных традициях, а следовательно, отмечаются локальными этническими особенностями, выступая своеобразными эмпирическими индикаторами национального менталитета [67].

В лезгинских и украинских пожеланиях добра реализуются общие для исследуемых языков мотивы: “покровительство Бога”, “здоровье”, “рождение детей”, “добро”, “счастье”, “удача”, “богатство”, “долголетие”, “мир” и т. д. Однако особенности их коммуникативного воплощения, а также степень значимости для представителей исследуемых лингвокультур различны, о чем свидетельствуют количественные данные, приведенные в таблице 3.1

Таблица 3.1

**Мотивы пожеланий добра и их количественные характеристики
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

Мотивы пожеланий добра	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
	к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
покровительство Бога/Аллаха	265	27,9	252	25,8
рождение детей, в т.ч.	147	15,5	124	12,7
- независимо от пола:	40		73	
- рождение сына	73		25	
- рождение дочери	34		26	
здоровье	128	13,5	156	16
долголетие	110	11,6	78	8
добро	95	10	105	10,7
счастье и удача	83	8,7	99	10,1
богатство	56	5,9	91	9,3
мир	27	2,8	40	4,1
другие	39	4,1	33	3,4
Итого	950	100	978	100

Таким образом, в лезгинской и украинской лингвокультурах ценностные приоритеты, отраженные в пожеланиях добра, распределяются следующим образом (см. табл. 3.2.).

Таблица 3.2

**Иерархия мотивов пожеланий добра
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

Место в иерархии	Мотивы пожеланий добра	
	Лезгинская лингвокультура	Украинская лингвокультура
первое	покровительство Аллаха	покровительство Бога
второе	рождение детей	здоровье
третье	здоровье	рождение детей
четвертое	долголетие	добро
пятое	добро	счастье и удача
шестое	счастье и удача	богатство
седьмое	богатство	долголетие
восьмое	мир	мир

Как свидетельствуют приведенные в таблицах 3.1–3.2 данные, первое место в иерархии традиционных духовных ценностей обоих языков занимает мотив “покровительство Бога / Аллаха”. В лезгинском языке зафиксировано 265 ЭРЕ с этим мотивом, что составляет 27,9% от общей выборки, в украинском языке – 252 ЭРЕ, что составляет 25,8% от общей выборки. Данный факт свидетельствует о том, что вера в могущество Всевышнего – ключевой элемент национального сознания украинцев и лезгин. [373].

Мотив “здоровье” в сопоставляемых языках занимает разные позиции. В украинском языке количественные показатели использования ЭРЕ с данным мотивом выше (156 единиц, что составляет 16%), нежели в лезгинском языке (128 единиц, что составляет 13,5%). Это дает основания предполагать, что в украинской лингвокультуре здоровье ценится больше. Кроме того, следует отметить, что украинские пожелания здоровья более разнообразны, что объясняется, с одной стороны, структурными и грамматическими особенностями сопоставляемых языков, с другой стороны, экстралингвистическими факторами, в

частности, особенностями национального сознания и мировосприятия. Как отмечают ученые, «каждый естественный язык имеет свой определенный способ восприятия и концептуализации мира» [36, с. 48]. В результате анализа зафиксировано, что украинским пожеланиям здоровья, употребляющимся в качестве прощания, – *Будь здоров!, Бувай здоров!, Иди здоров!, Ходи здоров!, Залишайся здоров!, Зоставайся здоров!* в лезгинском языке соответствуют всего лишь две фразы – *Сагъ хьуй!, Сагърай!* ‘Будь здоров (‘Желаю здоровья!’), которые имеют универсальный характер и уместны в любых ситуациях общения. Данный факт говорит о том, что украинцы склонны к вариативности и более детальному членению коммуникативной ситуации, тогда как лезгины в выборе ЭРЕ опираются на традицию и воспринимают мир более абстрактно и синкретично. Кроме того, расширению состава пожеланий добра в украинском языке способствуют диминутивные суффиксы: *-еньк-, -ечк-, -к-* и др. (*Здоровенькі були!, Доброго здоров'ячка!*), которые в лезгинском языке отсутствуют, несмотря на его агглютинативный характер.

Примечательно, что количество пожеланий добра с мотивом “долголетие” в лезгинском речевом этикете выше (110 единиц) по сравнению с украинской лингвокультурной традицией (78 единиц). Это можно объяснить тем, что долголетие с древних времен является мировоззренческой доминантой всех кавказских народов. По мнению ученых, данное явление имеет этнопсихологическую природу и заложено в особенном менталитете и культурных традициях кавказских горцев, согласно которым почетная роль в обществе принадлежит именно глубоким старцам.

Этнокультурные особенности имеют конструкции с мотивом “рождение детей”. В лезгинской и украинской культурах зафиксировано приблизительно одинаковое количество данных ЭРЕ (147 единиц и 124 единицы соответственно). Это обусловлено тем, что наличие потомков и для лезгин, и для украинцев – главное условие семейного благополучия, то, без чего семья не может считаться полноценной. И все же в иерархии моральных и духовных ценностей лезгин “рождение детей” занимает более высокую ступень (второе

место), чем в культуре украинцев (третье место). При этом следует отметить, что если в украинских пожеланиях добра на половой принадлежности ребенка внимание, как правило, не акцентируется, то в лезгинской лингвокультурной традиции молодым на свадьбе принято желать побольше сыновей, поскольку именно они являются продолжателями рода, тогда как дочь создает семью для чужих. Ср.: укр. *Щоб у вас було стільки діточок, як у небі зірочок!, Бодай на вас добра година та грошей торбина, а до того дівчорі сотні півчорі!, Скільки в стелі дощок, щоб у тебе було стільки дочок!, Скільки в лісі пеньків, щоб у тебе було стільки синків!* и лезг. *Хадайбур рухаяр хьуй!* ‘Чтоб рожала только сыновей!’, *Къул ацІай рухваяр хьуй!* ‘Пусть вокруг очага много сыновей будет!’ и др.

Высокую степень продуктивности в обоих языках имеют ЭРЕ с мотивами “добро” (95 и 105 единиц соответственно), “счастье и удача” (83 единицы и 99 единиц соответственно). В представлениях обоих народов это ключевые понятия народного сознания, главные моральные категории, о чем свидетельствует приблизительно одинаковое количество ЭРЕ с данными мотивами. Вместе с тем, в украинской лингвокультуре эти понятия ценятся выше. К наименее значимым мотивам в лезгинском языке относится “богатство” (56 единиц), “мир” (27 единиц), украинском – “долголетие” (78 единиц), “мир” (40 единиц).

3.2.2.1 Мотив “покровительство Бога / Аллаха”

Первое место в иерархии традиционных духовных ценностей обоих языков занимает мотив “покровительство Бога / Аллаха” (см. табл. 3.2). Данный факт свидетельствует о том, что вера в могущество Всевышнего – ключевой элемент национального сознания украинцев и лезгин. В обоих языках большинство пожеланий добра имеют религиозную основу. Семантическим центром данных ЭРЕ является компонент *Бог / Аллах*, который выступает в роли прямого или косвенного обращения (*дай Бог, пусть Бог даст*) и сочетается с глаголом в форме императива, например: лезг. *Къуй Аллагъди Квез сагъ-саламатвал ва*

рагым гурай! ‘Пусть Аллах даст Вам здоровья и добра!’; укр. *Подаруй тебе, Боже, ласков свойов!, Пошли тобі Боже, на цім світі панство, а на тім світі вічне царство!, Дай тобі, боже, щоб твої думки були повні, як криниця водою, щоб твоя річ була тиха та багата, як нива колосом.* ЭРЕ религиозного характера являются полфункциональными и уместны в любой ситуации общения.

3.2.2.2 Мотив “здоровье”

В национальном сознании многих народов мира здоровье воспринимается как естественное состояние человеческого организма, основа счастливой благополучной жизни, ценность высшего порядка, которая претендует называться базовой культурной универсалией. Понятие «здоровье» охватывает различные сферы культурного опыта человека: философскую, религиозную, эстетическую, коммуникативную и т.д. Не является исключением и речевая практика общения.

Пожелания здоровья известны с древних времен как славянским, так и неславянским народам. В прошлом взаимное информирование о здоровье было основным видом приветствия при встрече [267; 452]. Латинской фразой *vale* ‘будь здоров’, ‘будь силен’, ‘будь крепок’ древний римлянин приветствовал равного себе во время прощания. Позже данная этикетная форма закрепились в европейских языках. По свидетельству этимологов, слово *здоровый* происходит от индоевропейского *deru-*, которое является элементом общеиндоевропейского словарного фонда и буквально означает ‘крепкий, как дерево (как дуб)’ [452]. В таком толковании здоровья ярко прослеживаются архаические языческие коннотации. В мировоззренческих представлениях древних славян дуб – священное дерево, которое стояло у истоков мироздания, символ могущества, силы, полноты, а также сакральности, вечной плодовитости, абсолютной реальности и бессмертия [427].

В сознании славян слово *здоровый* многозначно, что подтверждают лексикографические источники. Так, например, Словарь украинского языка Б. Гринченко [431] фиксирует такие значения данной лексемы: ‘крепкий’,

‘сильный’, ‘большой’. Более широкий синонимический ряд представлен в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Черных [452], где слово «добряк» толкуется как сильный, здоровый человек. Это дает основания утверждать, что здоровье в прошлом ассоциировалось еще и с проявлением доброго начала. Кроме того, славянские этимологические труды фиксируют наличие семантической связи между словами ‘здоровый’ и ‘целый’ на том основании, что древнерусская и старославянская формы *цел*, *целый* имели в своей семантической структуре признаки ‘целостный’, ‘здоровый’, ‘невредимый’ (ср.: *целовать* – наделять здоровьем) [434; 452].

Следует отметить, что наличие семантической связи между понятиями ‘целый’ и ‘здоровый’ не является уникальным для славянских языков фактом. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых дагестанских языках, в частности, в лезгинском. Так, в современных лезгинских словарях понятия ‘здоровый’, ‘целый’, ‘неповрежденный’, ‘тот, кто не имеет недостатков’ рассматриваются как синонимические [425; 392]. Сегодня понятие «здоровье» в сознании украинцев и лезгин сохраняет свою полисемантическую и связано с идеей не только телесного, но и духовного благополучия.

В национальном сознании обоих народов здоровье – ценность наивысшего порядка, обязательное условие жизнедеятельности человека, синоним слова *жизнь*. Примечательно, что в лезгинском языке понятия «жизнь», «здоровье», «благополучие» передаются одной лексемой (*сагъвал/сагълугъ*) [425], что свидетельствует о наличии между ними тесной семантической связи. Мотив здоровья часто встречается как в лезгинских, так и в украинских, пожеланиях, что подтверждает его универсальный характер. Однако в семантике и коммуникативной реализации данного понятия в сопоставляемых языках наблюдаются существенные различия [55, с. 79].

В первую очередь следует отметить, что мотив “здоровье” в сопоставляемых языках по степени продуктивности занимает разные позиции. В украинском языке количественные показатели использования ЭРЕ с данным мотивом выше, нежели в лезгинском языке (см. табл. 3.1). Это дает основания

предполагать, что в украинской лингвокультуре здоровье ценится больше. Кроме того, следует отметить, что украинские пожелания здоровья более разнообразны, что объясняется, с одной стороны, структурными и грамматическими особенностями сопоставляемых языков, с другой стороны, экстралингвистическими факторами, в частности особенностями национального сознания и мировосприятия. В результате анализа зафиксировано, что украинским пожеланиям здоровья, употребляющимся в качестве прощания, – *Будь здоров!, Бувай здоров!, Иди здоров!, Ходи здоров!, Залишайся здоров!, Зоставайся здоров!* в лезгинском языке соответствуют всего лишь две фразы – *Сагъ хьуй!, Сагърай!* ‘Будь здоров / Желаю здоровья!’, которые имеют универсальный характер и уместны в любых ситуациях общения. Данный факт говорит о том, что украинцы склонны к вариативности и более детальному членению коммуникативной ситуации, тогда как лезгины в выборе ЭРЕ опираются на традицию и воспринимают мир более абстрактно и синкретично. Кроме того, расширению состава пожеланий добра в украинском языке способствуют диминутивные суффиксы: *-еньк-, -ечк-, -к-* и др., например: *Здоровенькі були!, Доброго здоров’ячка!* В лезгинском языке подобные словообразовательные средства отсутствуют.

В украинском РЭ пожелания здоровья, как правило, имеют вид самостоятельных этикетных конструкций, которые обслуживают ключевые ситуации общения праздничного и бытового характера: 1) приветствия: *Здоров (здорова, здорові) [був (була, були, будь, будьте і т. ін.)], Здоров (здорова, здорові) [був (була, були, будь, будьте і т. ін.)] з неділею (з понеділком, у хату й т. ін.), Доброго здоров’я (здоров’ячка!)!, Дай, Боже, здоров’я!; Бодай здоров(а)! – устаревшая сокращенная форма пожелания *Дай Бог здоров’я!, Будьте здорові з тим, що сьогодні!*; 2) прощания: *Бувай (бувайте, будь, будьте, іди, ходи, зоставайся, залишайся й т. ін.) здоров (здоровий, здорова, здорові): Мотря взяла гребінь, поцілувалася з кумою і подалась до дверей: **Будьте здорові! – Ідїть здорові!** [440]; 3) благодарности: *Дай Вам / тобі) Бог (Боже) здоров’я!, Дай (Вам / тобі) Господи доброго здоров’я!* та ін.; 4) поздравления с**

праздником: *Будьте здорові з колядою!* – календарные пожелания; *Хай здорові живуть молодята!* – пожелания молодым во время свадьбы и др.; 5) застолья (пожелания-тосты): *Будьмо (будьте) здорові (пивши)!*; *За здоров'я (чие)!*, *Нехай (хай) здоров (здорова, здорові) буде (будуть, живуть і т. ін.);* 6) угощения: *На здоров'я!*, *Пийте (їжте) на здоров'я!* [446] – устоявшиеся высказывания, которые используют при подаче питья, еды либо как ответ на слова благодарности за что-либо. Кроме того, пожелания здоровья могут адресоваться человеку, который купил новую вещь: *Носи (носить) здоров, здорова (здорові)!*, *Носи (носить) на здоров'я!*, *Здоровий носи, скачучи порви!*, а также использоваться при чихании: *Будь здорова, як корова, а плодюча, як земля!*, *Будь здоровий, як дуб та міцний, як зуб!* (шуточные); при случайном падении: *Здоров був, кулика вбивши!*; при вежливом упоминании кого-либо: *Дід мій, нехай здоров буде, коли зачина розказувать що-небудь таке, що не сам бачив, а чув, то спершу скаже: «Коли старі люди брешуть, то й я з ними»* [454] и в других ситуациях общения.

Благопожелания являются результатом образного народного мышления, поэтому в их оформлении важную роль играют разнообразные художественные приемы. Так, большинство украинских пожеланий здоровья строятся на сравнениях фольклорного характера: *Будьте здорові здоров(-ий, -а), як риба!*, *Щоб здорові були, як вода!*, *Будь великий, як верба, а здоровий, як вода!*, *Будь здоровий, як дуб!*, которые ярко иллюстрируют анимистические представления украинцев. Выбор объектов для сравнений в приведенных выше пожеланиях добра не является случайным. Украинцы издавна называют воду священной, поклоняются ей. С дохристианских времен считалось, что вода имеет очистительную силу, является полезной для здоровья и способна исцелить самую тяжелую болезнь. С водой неразрывно связана рыба – олицетворение здоровья, счастья, а в Христианстве – символ Иисуса Христа и новокрещенных. Целебные свойства, по народным представлениям, имеет и верба, олицетворяющая человеческую силу, жизнеспособность, которые она черпает из воды, возле которой обычно растет. Усилению образности способствует

прием гиперболизации, использование которого свидетельствует о стремлении украинского народа идеализировать свое будущее: *Дай тобі, Боже, повні груди здоров'я, щоб ніколи було й дихати!*, *Здорові заживайте, а що зісталось, те сховайте!* и др.

В украинских пожеланиях мотив здоровья часто сочетается с другими, семантически близкими к нему понятиями: «счастье», «радость», «богатство», «долголетие», образывая распространенные пожелательные конструкции, которые активно используются в различных коммуникативных ситуациях преимущественно праздничного характера, а также в художественной речи: *Бажаю Вам міцного здоров'я, щастя й успіхів у праці!*, *Будь здорова, як вода, а багата, як земля!*, *Будь же, дочко, здорова, як риба, гожа, як рожка, весела, як весна, робоча, як бджола, а багата, як свята земля!* [416] и др.

Мотив здоровья в украинских пожеланиях может быть представлен имплицитно: *Щоб пилось та їлось, та й на завтра хотілось!* Как известно, в представлениях украинцев понятия «здоровый» и «веселый» являются синонимами. Поэтому как пожелания здоровья можно рассматривать и такие народно-поэтические высказывания: *Щоб ви були такі веселі, як весна!*, *Щоб був веселий, як сонце!* В эпистолярном наследии классиков украинской литературы определения *здоровый*, *веселый* используются как однородные, образуя семантически неделимую пожелательную конструкцию: *Будь мені веселенька і здоровенька!*, *Будь мені здорова й весела!* [404]; *Бувайте здорові й веселі!* [414; 440; 455 и др.].

Представлением о здоровье как обязательном условии жизнедеятельности человека объясняется активное использование этого мотива и в лезгинских традиционных пожеланиях. Для его текстовой реализации лезгинки используют ЭРЕ: *Хийир!* ‘Будь здоров!’, *Сагърай!* ‘Желаю здоровья!’, *Сагъсаламат хъуй!* / *Сагълугъ хъуй!* ‘Оставайся здоровым!’, *Вазни Аллагъди сагъвал гурай!* ‘Дай Аллах тебе здоровья!’, *Куьнни сагъвилелди яшамии хъурай!* ‘Дай Вам Аллах жить здоровым!’, *Квез Аллагъди сагъвилер, хъсанвилер гурай!* ‘Быть Вам во здравии и благополучии!’, *Заз кланзвайди тек ви сагъвал!* ‘Я желаю только

твоего здоровья, чтоб ты был здоров!’, *Ацукьдай сагъвал хьурай!* ‘Пусть войдет в Ваш дом здоровье!’, *Хизан сагъ хьайди!* ‘Семья твоя пусть здорова будет!’, *Куь сагълугъдай / Нуш хьуй!* ‘На здоровье!’ [392], которые используются в разных ситуациях общения: во время приветствия, прощания, поздравления с праздником, благодарности и т. д.

В лезгинском РЭ мотив здоровья часто реализуется имплицитно. Подтверждением этого служат высказывания: *Ви кип сагърай!* ‘Пусть живет твой кип!’ (кип – символ здоровья, капля материнского молока, которая есть в теле каждого человека), *Йак алаштIа, кIарабар сагъ хьый!* (ахтын. диалект) ‘Будь здоров!’ (букв. ‘Если нет мяса, то пусть кости будут здоровы!’). Как пожелание человеку здоровья, долголетия используется высказывание *Вичин атIай чIарни кукIун хьувурай!* ‘Пусть и отрезанный волос присоединится!’ Функции пожелания здоровья маленькому ребенку выполняет фраза: *КIвачер къванер хьиз хьуй!* ‘Пусть твои ножки будут крепкие, как камни’, а своеобразным семейным оберегом является пожелание *Хзан текъей!* ‘Семья (твоя) пусть будет жива (здорова)’ [398].

Понятие «здоровье» в представлении лезгин и украинцев связано с идеей не только телесного, но и духовного благополучия. О гармоничном единстве здорового тела и здоровой души упоминается в народных пословицах: укр. *У здоровому тілі здоровий дух*; лезг. *Сагъ беденда сагъ рикI жеда* ‘В здоровом теле бывает здоровое сердце (здоровая душа)’. Эту идею воплощают и благопожелания обоих народов: укр. *Щоб душа була здорова!*; *Боже вам ударуй на тіло здоров’є, на душу спасеніє!* и др.; лезг. *Ви кьил сагъ хьуй!* ‘Чтоб голова была здорова!’, *Жуван усти рекъимир!* ‘Не убивай свою душу!’, *Ваз сагъ чан хьурай!* ‘Чтоб душа была здорова!’, *Ви эхир хийир хьуй!* (букв. ‘Пусть будет благополучным твой конец!’). Последнее высказывание используется лезгинами в двух значениях: 1) пожелание, чтоб человек не прожил жизнь зря и после смерти был доволен своими делами, своим окружением; 2) пожелание, чтоб душа попала в рай.

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что в традиционных пожеланиях добра обоих народов мотив здоровья семантически глубже и богаче по сравнению с современным пониманием данного понятия. Это не только телесное благополучие – физическая сила и отсутствие болезней, а целая философия жизни: счастье, ясный ум, удовлетворение собой и своим окружением, душевное спокойствие, гармония с окружающим миром, т. е. позитивное восприятие личностью всей сложности и противоречивости жизни. Сегодня такое понимание здоровья постепенно вытесняется на периферию национального сознания, однако надежно хранится в культурной памяти лезгин и украинцев, а следовательно, нуждается в актуализации [373].

3.2.2.3 Мотив “долголетие”

Семантически близким к мотиву здоровья является мотив долголетия, который в благопожеланиях исследуемых культур находит специфическую интерпретацию. Следует отметить, что концентрация пожеланий добра с мотивом долголетия в лезгинском РЭ значительно выше по сравнению с украинской лингвокультурной традицией (см. табл. 3.1). Это можно объяснить тем, что долголетие с древних времен является мировоззренческой доминантой всех кавказских народов. Исследователи, которые изучали феномен долголетия на Кавказе, пришли к заключению об этнопсихологической природе данного явления, заключающейся в особенном менталитете и культурных традициях кавказских горцев, согласно которым почетная роль в обществе принадлежит именно глубоким старцам [238]. В лезгинском языке мотив долголетия чаще всего реализуется в прямых пожеланиях жить сто лет, прожить долгую счастливую жизнь, адресуемых людям преклонного возраста: *Квез бахтлу кьуьзуьвал хьурай!*, *Куьн чахь яргьалди яшамии авурай!* ‘Старости счастливой Вам!, Быть Вам еще долго с нами!’, *Яргьал уьмуьрар гурай (хьурай)!* ‘Долгих лет жизни!’), *Куь уьмуьр яргьиди хьурай!* / *Яргьал уьмуьрар хьурай!* ‘Пусть продолжатся Ваши дни / года!), *Виш йис рагь алайбур акурай!* ‘Чтоб у тебя было еще сто светлых лет!’ Вместе с тем встречаются и высказывания с

имплицитной семантикой: *Хтулар, итулар акурай квез!* ‘Видеть Вам внуков, правнуков!’, *Мехьерардай кІвал хьурай!* ‘Пусть будут свадьбы в этом доме!’ и др., в которых упоминаются понятия, способствующие долголетию.

Пожеланиями добра в лезгинском языке являются высказывания *Вун кьуьзуь хьурай!* ‘Чтоб ты постарел’; *Ви чуру рехи хьурай!* ‘Пусть твоя борода поседеет’ (в значении: ‘Чтоб ты прожил до глубокой старости!’), которые представителю славянской культуры, поверхностно знакомому с культурой лезгин, могут показаться оскорбительными.

Мотив долголетия присутствует и в украинских пожеланиях добра. Это, как правило, высказывания праздничного характера по случаю свадьбы или других семейных событий, которые содержат прямое пожелание долгих лет жизни: *Дай (пошли) Боже много літ!*, *Дай (пошли) їм Боже много літ на світі пожити!*, *Пошли Вам Боже всього найкращого, а найпаче доброго здоров'я і довгого віку!*, *Дай Боже Вам ще довгого та гарного віку!*, *Сніп на сто кіп, а хазяїну на сто літ!*, *Щоб нам ще сто літ зустрічатись!*, *Хай тобі Бог дає вік – і щасливий і добрий!*, *Даруй, боже, нам і нашим дітям вік довгий та щасливий!* [416] и др.

Особого внимания заслуживает устаревшее высказывание *Многая(-її) літа!*, издавна используемое украинцами в качестве пожелания кому-либо долгих лет жизни на начальном и заключительном этапах общения: – *Будь здоров на многії літа!* [400, т. 4, с. 527]. Позже положительная семантика этого оборота позволила использовать его для выражения доброжелательного отношения к собеседнику без указания на начало или завершение контакта, в частности, во время свадьбы (иногда в сочетании с пожеланием здоровья).

Мотив долголетия в украинской лингвокультуре может реализовываться опосредованно: *Дай, Боже, діждати онуків!*, *Дай вам, Боже, і внуків дочекатись!*, *Жити вам, поживати та добра наживати!*, *Живіть з Богом!*, *Хай вас Господь піддержить на цім світі!*, *Щоб на той год діждати зілля (рясту) топтати!* (старинная обрядовая формула – *топтати ряст* употребляется в значении ‘жить’), *Хай зозуля тобі вік довгий кує!* (высказывание,

отражающее древние представления украинцев о том, что продолжительность жизни можно определить по голосу кукушки). Пожеланиями долголетия в украинском языке являются фразы с глаголами ‘посесть’, ‘побелеть’: *Щоб на старість посивів, як той подарок сивий!* [387].

Вместе с тем важно отметить, что в сознании украинцев не всякое долголетие воспринимается позитивно: «Занадто довгий вік, особливо при лихім здоровлю, се велике нещастє» [387, т. 3, с. 568]. Именно этим фактом, на наш взгляд, обусловлено функционирование в речевом общении украинцев пожеланий долгой жизни без смерти: *Бодай му ніколи смерти не було!* [387, т. 3, с. 166], *Аби жив сто роки, аби си облупив на оба боки!, А вмирав бис два рази* [387, т. 3, с. 314].

Сопоставительный анализ семантики украинских и лезгинских благопожеланий с мотивом “долголетие” позволил выявить общие черты в философском понимании украинцами и лезгинами смысла жизни, их нравственных ориентирах и оценках: это признание быстротечности человеческого существования, безвозвратного течения времени.

3.2.2.4 Мотив “добро”

Высокую степень в анализируемой иерархии ценностей занимает универсальный мотив добра (см. табл. 3.1). В представлениях обоих народов добро – ключевое понятие народного сознания, главная моральная категория, способная сделать человека счастливым. Борьба добра и зла является основой морального и духовного развития любого общества.

Толкование понятия «добрый» в контексте славянской культуры находим в «Материалах к словарю древнерусского языка» И. Срезневского: «Добрый день – день, в який всяка справа повинна вдатися <...> це день добрий на все: землю обробляти, по воді плавати, купити, продати”, “В день злий і лютий дуже ні купити, ні продати, ні сіяти, ні садити. Якщо ж весілля зробити, скоро розлучаться”. Отже, при зустрічі, говорячи “добрий день” чи “доброго дня”, люди бажали одне одному дня вдалого, до всього успішного» [434].

В украинском РЭ мотив добра реализуется преимущественно в прощальных пожеланиях: *Усього доброго!*, *На все добре!*, *Усіх благ!*, а также традиционных высказываниях с указанием на временной фактор: *Добрий ранок (день, вечір)!*, *Доброго ранку (дня, вечора)!*, *Доброї ночі! (Добраніч!)* и в других ситуациях общения, например: *Дай, Боже, час і пору добру!* – человеку, который трудится; *Живіть у добрі та злагоді!*, *Дай Боже добро у Вашу хату!* – молодым на свадьбе. В качестве дружеских пожеланий успеха, счастливой дороги функционируют высказывания: *У добрий час!*, *Дай боже час добрий (у добрий час)!*: – *Спасибі, – міцно стискаючи простягну руку, промовив Коваль. – Ну, в добрий час!* [432]; *Ну, то й дай їй боже в добрий час!* [440]. В Толковых словарях украинского языка они фиксируются с пометой «устаревшее».

Понятие «добро» в украинской культурной традиции часто сопровождается мотивом здоровья, например: *Доброго здоров'я (здоров'ячка)!* в украинском речевом этикете – традиционное взаимное дружеское приветствие: – *Здорові!* – *кивнув становий головою Чіпці. – Доброго здоров'я, – одказав, підводячись, Чіпка і зняв шапку* [414]; – *Доброго здоров'ячка, Аркадію Валеріановичу, – низько вклоняється Майборода* [435].

Мотив добра активно разрабатывается и в репертуаре лезгинских пожеланий. Лезгины, как и украинцы, высоко ценят это моральное качество. Дагестанские мудрецы считают днем рождения человека тот день, когда он совершил свое первое в жизни доброе дело. Необходимость проявлять добро в межличностном общении дагестанцы осознали еще в древние времена, о чем свидетельствуют лезгинские паремии: *Хъсанвили девлетни гъуърмет гъида, писвили лянетни – туьгъмет гъида* ‘Добро приносит богатство и уважение, зло приносит проклятья и унижения’, *Хъсанвили хъсанвал гъида* ‘Добро приносит добро’, *Хъсанвал йисаралди, писвад йикъаралди* ‘Добро творить нужно годами, зло – днями’ и др. Большую роль проявлению доброты отводила и религиозная мораль, что нашло отражение в хадисах (сборниках, комментирующих

действия и высказывания Пророка Мухаммеда), например: ‘Добрые дела делай без шума’ и др.

В составе лезгинских пожеланий понятие «добро» передается с помощью лексем *хийир*, *хъсанвал*, функциональная нагрузка которых неодинакова. Так, компонент *хийир* отличается высокой степенью продуктивности и является основой для создания традиционных пожеланий приветственного содержания: *Пакаман (сабагъ) хийирар (хъуй!)* ‘Доброе утро!’, *Нисин хийирар (хъуй!)* ‘Добрый день!’, *Няни (ахшам) хийирар (хъуй!)* ‘Добрый вечер!’, *Йифен (геже) хийирар (хъуй!)* ‘Доброй ночи!’ и др. Следует отметить, что слово *хийир* в лезгинском языке имеет несколько значений: 1) польза; 2) прибыль; 3) добро, благо [425], поэтому буквальный перевод приведенных выше высказываний выглядит так: ‘Утренние пользы пусть будут!’, ‘Полуденные пользы пусть будут!’, ‘Вечерние пользы пусть будут!’. Произнесенное с особой восклицательной интонацией, слово *хийир!* может употребляться и в других ситуациях общения, выполняя функцию, например, пожелания здоровья при чихании ‘Будь здоров!’ или приветствия при встрече (буквально ‘Здравствуй!’) [425]. В сочетании с компонентом *абат*- оно используется как приветствие-ответ при встрече и расставании: *Абатхийир!* ‘Будь щаслив! Пусть будет благополучие!’ Как видим, между понятиями «добро», «благополучие», «польза», «здоровье», «счастье» в лезгинском языке существует тесная семантическая связь. Все они имеют общее семантическое ядро – понятие «жизнь», необходимым условием которого являются указанные выше факторы.

Компонент *хийир* часто используется в составе пожеланий добра, которые произносятся по поводу определенного события праздничного или бытового характера: *Хийирдихъ хъуй!* ‘Пусть будет это к добру!’, *Ви эхир хийир хъуй!* ‘Желаю тебе добра!’, *Хийирдин хабарар хъуй!* ‘Добрых известий!’, *АлукІдай сагъвал хъурай, мад жедай затІар генани хъсанбур хъурай!* ‘Добром сносить, еще добром сменить!’ – человеку, купившему какую-либо вещь *Гъа шейинихъ галаз куь кІвализ девлетар атурай!* ‘Чтоб увидели Вы от нее добро!’ – человеку в обновке, *Ви атун хийирлуди хъуй!* ‘Пусть к добру будет Ваш

приезд!’, *Ви кІвачихъ галаз бахтни атурай, берекатни галаз мадни хъша!* ‘Пусть к счастью будет Ваш приход, с добром увидеть Вас снова!’ – приветствие гостю; *Хийир сят хъуй!* ‘У добрый час!’ – пожелание человеку, который уезжает [392; 393; 409].

Компонент *хъсанвал* ‘добро’ в лезгинских пожеланиях встречается реже, преимущественно в высказываниях прощальной семантики: *Хъсанвилер хъурай!* ‘Пусть будет благополучие!’, *Хъсан сят хъурай!* ‘Всего доброго / наилучшего!’ – гостю, который уезжает. Это же значение можно передать фразами: *Саламат хъуй!*, *Югъур хъуй!* [409].

3.2.2.5 Мотив “счастье”

Мотив счастья в пожеланиях обоих народов является общепринятым и продуктивным (см. табл. 3.1). В коллективном сознании лезгин и украинцев это понятие не имеет четкого определения и воспринимается как состояние определенного эмоционального благополучия, поэтому часто соотносится с понятием «радость». Ср.: лезг. *Ваз шадвилер хъурай!* ‘Радости тебе!’, укр. *Будьте веселі!*

В украинских лексикографических работах зафиксировано несколько значений слова *щастя* ‘счастье’: 1) состояние абсолютного удовлетворения жизнью, чувство глубокого удовлетворения и безграничной радости, которые испытывает кто-либо; 2) достижение, успех, удача; 3) судьба (ср.: *Таке її щастя, така її доля* [454, т. 2, с. 573]. Таким образом, «счастье» в украинской лингвокультурной традиции – синоним радости, удовольствия, успеха, т. е. позитивное эмоциональное состояние, переживание которого жизненно необходимо человеку. Поэтому не случайно этот мотив используется в украинских пожеланиях в ключевых ситуациях общения, в частности, во время прощания: *Бувай щасливий (щаслива)!*, *Бувайте щасливі!* – вежливая форма пожелания счастья в знак прощания с кем-либо, *Хай (нехай) тобі (вам) щастить!*, *Щасти тобі (вам) доле (Боже)*, *Хай (нехай) тобі (вам) щастить* (устар. *Боже, Господи*) – пожелание счастья, успеха кому-либо в жизни, труде

(преимущественно при прощании): – *Щасту тобі, сину, на твоїй пуні!* [389], – *Бувайте здорові!* – *Щасту боже!* [385], *Щасливі будьте!* – вежливое пожелание счастья, добра в знак прощания с кем-либо.

Яркой иллюстрацией первобытных космогонических представлений украинцев-язычников являются пожелания: *З роси і води (кому)!*, *Щоб тобі з води й роси йшло!*, *Щоб пливло тобі щастя з роси і води!*, *Пошли, Господи, тиху воду да теплу росу!* (в мировоззренческих представлениях украинского народа роса – символ святости, благодати, животворящей силы, плодovitости, вода – символ здоровья, чистоты, очистительной силы, способной принести счастье [427]. В прошлом такие формулы выполняли магическую функцию, в речевом этикете современных украинцев они используются как пожелания удачи, счастья, благополучия: *Нехай же щастить нашому ювілярові!* *Нехай ніколи не цурається його творче натхнення!* *З роси йому та з води!*

В украинском сознании счастье воспринимается как нечто недостижимое, поэтому человеку желают, чтобы его было много. Для реализации этого значения украинцы часто используют высказывания гиперболического характера: *Бажаємо Вам щастя без краю!*, *Щоб вашим дітям щастя на кожному пальці сиділо, щоб воно вам усім у ваші двері не вмещалося!*, *Щасту вам боже на все добре, на весь ваш вік, на весь рід, на ваших дітей, на ваших унуків і правнуків!*, *Хай життя ваше буде між солодкими медами, між пахучими квітками!*

Счастливые семейные отношения в представлении украинцев по ценности приравняются к здоровью, долголетию и другим благам, о чем свидетельствуют пожелания: *Дай, Боже, разом двоє – щастя і здоров'я!*, *Дай, Боже, нашим молодятам віку довгого і здоров'я доброго!* [405], *Дай же господи нашим молодятам і щастячка, і здоров'ячка, і віку довгого та розуму доброго!* [405], *Нехай вам Бог дає щастя, здоров'я і многі літа!* [430, т. 11, с. 573], *Пошли тобі, боже, вік веселий, як рибі в морі* [416].

В лезгинском языке *бахт* ‘счастье’, как утверждают исследователи, не принадлежит к базовым эмоциям. Данное понятие является специфической,

достаточно сложной разновидностью интеллектуально-эмоциональной оценки: это, с одной стороны, эмоция («переживание полноты бытия»), с другой – позитивная интеллектуальная оценка собственной жизни [9]. Отношение лезгин к счастью отражают пословицы: *Бахтунин кьил буьркьуь хьайила дустуникай душман жеда* ‘Когда счастье проходит, даже друг становится врагом’, *Гуьрчегвилелай бахтлувал хьсан я* ‘Счастье лучше, чем красота’ и др.

В традиционных представлениях лезгин «счастье» многопланово: оно отождествляется с понятиями «радость», «успех», «благополучие», что подтверждают пожелания: *Абатхийир!* ‘Будь щаслив!’ – ответное приветствие при встрече и расставании), *Квез (ваз) бахтар гурай!* ‘Счастья тебе / Вам!’, *Шад йикьар кьисмет хьурай квез!* ‘Счастливых Вам дней!’, *Ваз физвай рехь угьур хьуй!* ‘Пусть твой путь будет счастливым!’, *Куь кIвалахар Аллагда вичи вилик кутурай!* ‘Дай, Аллах, чтоб Ваши дела пошли удачно!’, *Занжурда алай кьуба хьуй яр!* ‘Пусть у тебя будет удача!’, *Я абатхийир хьайиди!* ‘Пусть будет у тебя благополучие!’ – ответное приветствие, *Хьсан, саламат рехь хьурай!* ‘Счастливой дороги!’, *Куьн Аллагда аманат хьурай!* ‘Пусть приведет Вас Аллах к лучшему!’, *Куьн сагь-саламатдиз кIвализ агакьрай!* ‘Счастья и благополучия Вам в дороге!, Пусть вернет благополучно Вас Аллах в Ваш дом!’ – гостю, который уезжает, *Вуна сифте кьачунвай кам бахтлуди хьурай!* ‘Чтоб первые шаги были счастливыми!’ – ребенку, который идет в школу [392].

В лезгинском языке мотив счастья часто реализуется через противопоставление: «иметь счастье – значит не иметь горя», поэтому «желать счастья – это значит не желать зла»: *Хуьн уьмуьр хьуй дерт амачиз гьамиша гур!* ‘Пусть ваша жизнь проходит без горя, всегда в радости!’, *Балаяр бахтсузвилер вавай яргьа хьурай!* ‘Чтоб беда и несчастье обходили тебя стороной!, Чтоб ты никогда не видел горя!’, *Ин азабар ваз такурай!* ‘Таких страданий пусть ты не увидишь!’ [390] и др. Подобные формы присутствуют и в речевом этикете украинцев: *Щоб твоє лихо пропало!*, *Щоб тебе біда не побачила!*, *Нехай наше лихо скаче!*, *Хай дiм вашi бiди минають, а вороги не знають!* и др. Наличие таких пожеланий в РЭ обоих народов мотивируется

верой древних людей в магию слова, органичность связи между предметом (процессом, действием) и знаком и их взаимозаменяемость.

В лезгинском языке встречаются пожелания с имплицитной семантикой счастья. В сознании дагестанца счастье заключается в семейном благополучии. О важной роли семьи в жизни каждого человека свидетельствуют лезгинские пожелания: *Ялгъуз тар тама тахъуй!* ‘Пусть одинокого дерева в лесу не будет!’ (в значении: «Человеку без семьи и среди людей будет одиноко»). Молодым на свадьбе желают: *Куь кIвал къени хьурай!* ‘Пусть крепок будет Ваш дом!’, *Куь кIвале гьамиша мисят хьурай!* ‘Чтоб всегда в твоём доме было согласие!’, *Тахт барка хьуй!* ‘Пусть постель мягкой будет’ (мягкая постель – символ счастливой жизни молодых) и др.

Глубокие исторические корни имеет высказывание *Сад цIай хьайила, муькуьди яд хьухъ!* ‘Если один из Вас огонь, пусть другой станет водой’. В лезгинской мифологии огонь и вода символизируют мужчину и женщину. Согласно древним представлениям, эти противоположные стихии способны мирно сосуществовать. В лезгинском обществе семейное счастье зависит в первую очередь от жены, ее верности и покорности мужу. Поэтому женщинам желают: *Хуз хьиз кIвалик кукIуй!* ‘Пусть привыкнешь к дому мужа, как оса, которая прилипает к месту’, *Яр кьилеваз йифен мажлыс гур хьуй, я аллагь!* ‘О Аллах, свадьба во главе с любимым пусть будет веселой!’ Кроме того, счастливой женщиной считается та, у которой много сыновей: *Ракарых пара шаламар хьый* (ахтын. диалект.) ‘Пусть в доме много мужчин будет!’ (букв. ‘Пусть за дверью много чарыков будет!’) [87].

3.2.2.6 Мотив “рождение детей”

С мотивом счастья семантически связан мотив рождения детей. В сопоставляемых языках он имеет разную продуктивность (см. табл. 3.1). В обеих культурах наличие потомков – главное условие семейного благополучия, то, без чего семья не может считаться полноценной, что подтверждают пословицы: лезг. *Аял авачир кIвал, яд авачир рехв я* ‘Дом без

ребенка как мельница без воды', *Баладин дерт душмандиз акурай* 'Горе не имеет ребенка, только врагу можно пожелать' и др.; укр. *Без гілок – не дерево, без дітей – не сім'я, Бездітний, як дуплисте дерево: ні лика, ні дров, Де діти, там і радість, Діти – основа щастя, З дітьми багато клопоту, та без них – і світ немилый, Діти – окраса дому* и др. [442].

Нежное, приветливое отношение к детям как залог счастливой жизни наблюдаем и в пожеланиях обоих народов. В украинской культурной традиции мотив рождения детей реализуется преимущественно в застольных пожеланиях, которые произносятся по поводу свадьбы. Так, молодым желают иметь много детей, причем на половой принадлежности будущего ребенка внимание, как правило, не акцентируется: *Година вам щаслива! Щоб ви бачили сонце, світ і дітей перед собою!* Продуктивными в этой группе являются гиперболизированные формулы фольклорного характера, которые отражают позитивное отношение украинцев к многодетности: *Скільки квіточок, щоб стільки було діточок!, Щоб у вас було стільки діточок, як у небі зірочок!, Бодай на вас добра година та грошей торбина, а до того дівчорі сотні півчорі!, Скільки в стелі дощок, щоб у тебе було стільки дочок!, Скільки в лісі пеньків, щоб у тебе було стільки синків!* и др. Родителям новорожденных детей украинцы традиционно желают счастья, здоровья, удачи и др.: *Щоб добре (здорове, щасливе) росло (на радість батькам і т. ін.)!, Щоб здорове (щасливе) було!, Щоб життя було солодке!* и др. В прошлом такие высказывания должны были охранять ребенка от злых сил. Среди пожеланий этой группы встречаются и более распространенные конструкции народно-поэтической стилистики, которыми нередко пользуются украинские писатели: *Хай тобі, дитинко, буде все і з землі, і з води, і з роси, щоб ти був, мов золото, ясний, наче весна, красний, мов хліб, добрий* [435].

В украинской лингвокультурной традиции функционируют и специализированные пожелания, адресованные девочке либо мальчику. Так, девочке, например, чаще всего желают быть красивой: *Щоб була як калина!, Щоб була гожа, як рожка!*, а мальчику – сильным: *Будь міцний, як дуб!* [446].

Как видим, в современных украинских пожеланиях добра не акцентируется внимание на половой принадлежности будущего ребенка: рождение как мальчика, так и девочки украинцы воспринимают одинаково радостно. Вместе с тем на некоторых высказываниях сказалось влияние патриархата – приоритет сына перед дочерью, т. к. именно сын продолжает отцовский род, а дочь, уходя в чужую семью, поддерживала уже род своего мужа. В некоторых регионах Украины до настоящего времени сохраняются пословицы, которые свидетельствуют о более значимой роли сына в семье: «Як сын родыться, то й углы в доми веселяться, а як дочка, то й углы смутяться», «Сын родыться на хазяйство, а дочка на злыдни» [413, с. 310]. Примечательно, что мотив рождения детей в украинской культуре часто сопровождается другими семантически близкими мотивами, в частности, пожеланиями богатого урожая, приумножения скота: *Роди, боже, жито й пшеницю, а куму й кумі – дітей копицю.*

Специфически реализуется мотив рождения детей в лезгинских пожеланиях. С древних времен для дагестанских семей характерна высокая рождаемость, которая давала рабочие руки хозяйству, что определяло гарантированное материальное обеспечение родителей в старости. Большой трагедией для любой дагестанской семьи была и есть бездетность, поэтому пожелания бездетной жизни – самое страшное проклятье, которым пользуются лезгинские женщины [373]. Семье с одним ребенком, как правило, желают: *Тек тар тамани тахъурай!* ‘Пусть не будет одинокого дерева даже в лесу!’

Следует отметить, что в современной лезгинской семье, в отличие от древних обычаев патриархальной семьи, одинаково радостно воспринимают рождение как мальчика, так и девочки. Молодой семье желают иметь много детей, независимо от пола: *Чнихъ кIвал ацIай рухваярни рушар хъурай!* ‘Чтоб были сыновья и дочери!’ После наступления радостного события желают, чтобы ребенок был здоров, счастлив, послушен, трудолюбив и самое главное – уважал своих родителей: *Ам куь тухумдин дестег хъурай!* ‘Пусть будет опорой вашего рода!’, *Диде-бубадиз мукъвабуруз гъуърмет авай хва (руш) хъурай!*

‘Родителям и старшим благодарным сыном / дочкой пусть будет!’, *Ам чан сагъ ва бахтлу аял хъурай!* ‘Пусть он / она будет здоровым и счастливым ребенком!’ и др. [373].

Совершенно другое отношение к рождению детей наблюдаем в далеком прошлом лезгинского народа. Специфические природные условия жизни лезгин, а также особенности их патриархально-феодалного быта, отголоски которого сохраняются в некоторых селах до настоящего времени, наложили отпечаток на формирование лезгинского речевого этикета, в частности, пожеланий добра. Так, некоторые лезгинские благопожелания с мотивом рождения детей являются отголоском древних представлений лезгин, согласно которым сын – гордость семьи, радость для отца, продолжатель рода, тогда как рождение дочери – печальное событие, т. к. девочка создает семью для чужих. Лезгинская пословица гласит: *Хъиз авурди бурж гайдай я, рушаз авурди вацӀуз вегъейдайя* ‘Что сделал сыну – в долг дал, что сделал дочери – в речку выкинул’; *Тади кткайда руш хада!* ‘Кто поспешит, тот девочку родит’ (ср. в русском языке ‘Поспешишь – людей насмешишь’). Лезгины часто сравнивают дочку с камнем, который придется вложить в чужую стену, поэтому на свадьбе традиционно желают невесте: *Цла тунвай къван хъиз ана амукърай!* ‘Пусть как камень, вложенный в стену, там останется! – т. е. чтобы надежно и крепко вошла в новую семью’.

Самым ценным пожеланием молодой женщине было пожелание иметь побольше сыновей: *Хадайбур рухаяр хъуй!* ‘Чтоб рожала только сыновей!’ Мужчине, в свою очередь, желали, чтоб жена родила ему много наследников: *Къул ацӀай рухваяр хъуй!* ‘Пусть вокруг очага много сыновей будет!’ Роль своеобразных оберегов выполняли пожелания, адресованные матери (сестре) младенца: *Хва текъей!* ‘Сын твой пусть не умрет / будет жив!’, *Хва текъий тараллай хвад къванди!* ‘Пусть сын, подобно сливе, не умрет!’, *Стха текъий хтун къеневай цил къванди!* ‘Пусть брат, подобный сливовой косточке, не умрет!’ Подобные архаичные мотивы часто встречаются в устно-поэтическом творчестве лезгин, в частности, обрядовых песнях, сказках, героическом эпосе

«Шарвили». Так, в лезгинской свадебной песне «Пожелание невесте» девушке желают родить семь сыновей (символ продолжения рода, богатства) и одну дочку и то с пожеланием ей смерти: *Ирид хва хьуй // Хват хьтин са руш хьуй // Гьамни хтун тарцяй // Аватва кьий*, что в переводе означает: 'Семь сыновей пусть будет // И как слива дочка пусть будет // И та пусть, как слива, // С дерева упадет и умрет' [425, с. 43]. В прошлом такие пожелания сопровождалось специальным обрядом: на руки или на колени невесты клали мальчика в знак того, чтоб у нее рождались только сыновья.

Незнание исторического опыта лезгин, особенностей их образа жизни может привести к ошибочному толкованию этого архаичного высказывания и формирования неправильного представления о национальной специфике семейных отношений жителей гор. Важной в этой ситуации является правильная интерпретация фактов чужой культурной реальности. Достаточно убедительной в этом отношении является точка зрения американского психолога Г. Триандиса, который отмечает: «Когда мы видим, варианты поведения, которые кажутся нам странными, экзотичными и даже неприемлемыми, желательно попробовать подумать, что стоит за ними? Что было такого в условиях жизни, в экологии этой культуре, что стало причиной подобного поведения?» [260, с. 36].

Таким образом, ключ к пониманию приведенного выше лезгинского пожелания следует искать в древней культуре и истории лезгинского народа. Суровые условия существования горцев, вынужденных постоянно бороться с природными условиями и набегами иностранных захватчиков, страх перед смертью и желанием жить способствовали возникновению специфических магических высказываний, которые могли бы противостоять разным неурядицам и позитивно влияли на судьбу человека. Способствовать рождению сыновей, в которых так нуждалось лезгинское общество, должно было пожелание: 'Семь сыновей пусть будет, и как слива дочка пусть будет, и та пусть, как слива, с дерева упадет и умрет!', которое адресовалось преимущественно женщинам, рожавшим подряд несколько дочек. Можно

предположить, что подобное пожелание использовалось не по прямому назначению, а для предупреждения какого-либо нежелательного события, т. е. чтобы человек, испугавшись осуществления того, о чем говорится в пожелании, пересмотрел свои намерения. В контексте древних мировоззренческих установок лезгин значение этого высказывания следует понимать так: 'Пусть не будет больше дочек, а будут только сыновья'.

При более глубоком знакомстве с историческим опытом лезгинского народа, образом его жизни и особенностями мировосприятия становится очевидной имплицитность семантики и многих других лезгинских пожеланий. Например, высказывание *Ракарых пара шаламар хьый!* (ахтын.) 'Пусть в доме много мужчин будет!' (букв. 'Пусть за дверью много чарыков будет!'), адресуемое молодой женщине, имеет значение 'Пусть родишь много сыновей!'.

Примечательно, что имплицитность семантики пожеланий в лезгинском языке не является случайной. Как отмечает известный английский этнограф и культуролог Б. Тайлор, занимающийся изучением архаичных высказываний, «в этих присказках, которые являются иногда остатками старинной магии и религии, можно порой отыскать более глубокое содержание, чем то, которой теперь кажется бессмыслицей» [249, с. 134].

Для лезгин важно, чтобы дети были послушными и уважали старших. Как гласит лезгинская пословица: *Чехидаз яб тагайди члехи баладик акатда* 'Кто не послушал старшего, тот попадет в большую беду' либо *Чехиди авачир квале берекат жедач* 'В доме, где нет старшего, не будет достатка'. Такой взгляд на воспитание детей подтверждает пожелание *Ферсуз рухварь пачагьдизни тахьуй!* 'Пусть и у царя детей недостойных не будет!' [391].

В Дагестане мальчикам, как правило, желают быть мужественными, сильными, иметь много друзей: *Вакай еке кьегьел хьуй!* 'Пусть будешь мужественным юношей!', *Зурба кьегьал хьурай!* 'Пусть сильным будет!', *Джигит хва хьуй!* 'Чтоб сын героем был!', *Ви душманар кур хьуй!* 'Пусть твои враги сгинут!', *Ваз дуитар лап бул хьуй!* 'Пусть у тебя будет много друзей!' Девочкам желают быть красивыми, выйти замуж: *Вилер хтар хьиз хьуй!* 'Пусть

твои глазки будут как бусинки!’, *Яр кылеваз йифен мажлыс гур хьуй, я аллагь!*
 ‘Свадьба во главе с любимым пусть будет веселой!’

3.2.2.7 Мотив “богатство”

Достаточно специфично реализуется в пожеланиях обеих культур мотив “богатство”. В современных лексикографических источниках понятие «богатство» рассматривается как многозначное. Так, в «Словаре украинского языка: в 11 томах» зафиксировано 4 значения данного слова: 1) большое имущество, ценности, деньги; 2) совокупность материальных ценностей (о недрах земли, животном и растительном мире; 3) большое количество, разнообразие; 4) перен. о чем-то очень ценном, важном, значительном [430]. Подобные значения фиксируют и лезгинские словари [392; 409].

В славянской культуре богатство не принадлежит к приоритетным ценностям и значительно уступает другим благам. В христианской концепции это понятие трактуется неоднозначно: с одной стороны, – это источник негативных черт характера человека и причина его аморальных поступков, с другой – позитивное явление, но при условии, что его обладатель щедрый и заботится о других. Для украинской нации характерно положительное отношение к приобретенным тяжелым честным трудом деньгам. При этом следует отметить, что в украинском национальном сознании богатство – это в первую очередь не имущество и деньги, а богатый урожай, большое количество скотины и птицы в хозяйстве (ср. укр. пословицу: «Щаслива та хата, де худоби багато»): *Повних амбарів, комор, конюшень, хлівів, засік!, Щоб у коморі і в оборі всього було доволі!, Дай Боже тобі з неба, чого тобі треба!, Щоб на твоїм да городі пшениця родила!* и др. Как отмечают исследователи, пожелание богатого урожая в поле и огороде, приумножение скота и домашней птицы, богатого урожая, т. е. успехов в хозяйстве – славянский ареальный мотив [2].

Мотив богатства в пожеланиях обоих языков представлен менее разнообразно. В украинских текстах он реализуется с помощью коротких сравнительных оборотов типа *Будь багатий, як земля (як осінь, як козух*

волохатий)!, которые входят в состав более развернутых пожеланий, содержащих перечень других благ: *Абисте були багаті, як весна, плідні, як перепелиця!*, *Аби-с була весела, як весна; багата, як осінь!*, *Повних амбарів, комор, конюшень, хлівів, засік!* и т. д. Среди украинских благопожеланий с мотивом “богатство” центральными по значимости и степени распространения являются тематические группы: «приплод скота и домашней птицы», «богатый урожай». Высказывания данных тематических групп строятся по нескольким структурным моделям: 1) лаконичные формулы (в прошлом – заклинательного характера) с союзом *щоб*: *Щоб добре росло! Щоб багаті були!*; 2) одночленные формулы «множества» (пожелания большого количества скота и птицы в хозяйстве), реализуемые с помощью слов *повно, багато, достатньо* в сочетании с однородными членами предложения, перечисляющими хозяйственные блага или качественные характеристики будущего урожая: *Дай тобі, Боже, ой, повний хлівець, ой, телят да овець! Ой, повний терем синів і дочок!*, *Дай тобі, Боже, густі сходи, чисті посіви без бур'яну, золотисте колосся, повне зерна, мідна солома, високі стебла* и т. д.; 3) двучленные формулы «множества», реализуемые с помощью двойного сопоставительного союза *скільки-стільки*. Функционирование большого количества данных высказываний в украинском языке связано с аграрным культом, в частности, культом Земли-Матери, который сформировался у древних славян еще со времен язычества. В украинских благопожеланиях Землю называют святой и считают ее символом богатства: *Будь багатий, як свята земля!*

Как видим, в украинском языке пожелания с мотивом “богатство” имеют вид коротких сравнительных оборотов фольклорного характера: *Будь багатий, як земля!*, которые могут входить в состав более развернутых пожеланий: *Абисте були багаті як весна, плідні як перепелиця!*, *Аби-с була весела, як весна; багата, як осінь!* и др. В подобных высказываниях отражается народная философия единства человека и природы.

В сознании украинцев богатство чаще всего ассоциируется с нематериальной сферой, поэтому в пожеланиях добра данный мотив

сопровождается другими мотивами, например, мотивом здоровья, которое для украинцев является ценностью высшего порядка (ср. укр. пословица: «Найбільше багатство – здоров'я»). Такие высказывания, как правило, построены на сопоставлении человека и природы: *Дай Боже хлібцеві урожаю, а вам здоров'я!*, *Будь багатий, як земля і здоровий, як бик!* и др.

В лезгинском языке, как и в украинском, понятие «богатство» полисеманлично. В лезгинских толковых словарях зафиксировано два основных значения данного понятия: 1) *zamlar* – вещи, необходимые для жизни (т. е. материальная сфера: земля, урожай, дом, прибыль и др.) и 2) *shamlar* – условия, необходимые для жизни (т. е. духовная сфера: здоровье, физические, умственные, моральные возможности человека, его окружение семья, друзья и т. д.) [392].

Лезгины, как и украинцы, к богатству относятся неоднозначно. В иерархии моральных ценностей горцев это понятие не занимает приоритетных позиций. Лезгинская пословица гласит: *Aɟlaj klamlal alaj itim kylyaj akʔatda* ‘Богатство портит человека’ (буквально: ‘Из-за полного гумна человек становится развращенным’). Вместе с тем, как считают в народе, нет ничего плохого в том, что человек имеет богатство, добытое честным трудом, поэтому традиционно желают: *Kuʔ klvaliz berekat, devlet aturaj!* ‘Пусть в Ваш дом придут достаток и богатство!’, *Kuʔ zegʔmetdi xʔsan begʔer gʔuraj!* ‘Пусть Ваш труд принесет Вам прибыль!’), *Kuʔ ɟliyi klvale gʔuʔrmet, berekat, devlet xʔuraj!* ‘Пусть в новом доме уважение, достаток, богатство будут!’, *Klval kʔeni xʔuy* ‘Да будет богат твой дом!’ и др. [391].

Как свидетельствует проведенный анализ, под достатком и материальным богатством лезгины понимают в первую очередь не деньги, а вещи, без которых невозможно полноценное существование человека: *Bagʔ kʔaɟu di xʔuy!* ‘Пусть сад зеленым будет!’, *Kuʔ stolɟar viʔri nyemtar xʔuraj!* ‘Пусть на Вашем столе много разных блюд будет!’, *Kʔuy texildikaj Kvez shaddiz jeɟaj rizkyi xʔuraj!* ‘Пусть будет урожай для Вас радостной пищей!’ и др. Подтверждением этого является и то, что в прошлом лезгины желали невесте ткать только ковры

(а не паласы), которые издавна считались основным украшением в доме, неотъемлемым атрибутом дагестанского быта, лучшим подарком для дорогого гостя, приданным для невесты: *Храдайбур гамар хьуй!* ‘Чтоб ткала только ковры’. Материальные ценности воспринимаются лезгинами как позитивное явление только в том случае, если они направлены на благо. Поэтому если лезгины и вспоминают в пожеланиях о деньгах, то желают, чтобы они тратились исключительно на благородные дела: *Хийир рекьера харж ийида пулар хьуй!* ‘Чтоб заработанные деньги тратились только на добрые дела!’, *Куь хизанди мекьериз харж ийидай пулар хьурай!* ‘Чтоб в Вашей семье были деньги, которые можно было бы потратить на свадьбу!’ и др. Таким образом, в сознании лезгин богатство ассоциируется в первую очередь с духовной сферой, что касается материальных ценностей, то они необходимы для реализации исключительно добрых, благородных дел. Причины такого философского восприятия мира, очевидно, следует искать в древних традициях лезгинского народа. Как свидетельствуют этнографические источники, у лезгин был обычай хоронить покойника со всем нажитым им добром: традиций передачи материальных ценностей по наследству от отца к сыну не существовало, поэтому не существовало и непреодолимого желания ими владеть [43].

3.2.2.8 Мотив “мир”

В сопоставляемых лингвокультурах данный мотив относится к наименее продуктивным. В лезгинском и украинском языках зафиксировано практически одинаковое количество пожеланий мира (см. табл. 3.1). Однако если в украинском языке данные ЭРЕ имеют ограниченную сферу функционирования, то в лезгинском языке они являются общепотребительными.

Несмотря на то, что понятие «мир» имеет общечеловеческий характер, лезгины и украинцы воспринимают его сквозь призму своего социально-исторического и языкового опыта. В украинских лексикографических источниках слово *мир* имеет следующие толкования: 1) отсутствие разногласий, вражды, ссор; 2) отсутствие вооруженной борьбы между двумя

или несколькими народами, государствами (антоним – война); 3) согласие сторон, которые воюют между собой, о прекращении военных действий, мирный договор; 4) спокойствие, тишина. Все они объединены общей семьей ‘согласие, спокойствие’. Кроме того, в украинском языке слово *мир* имеет омоним, который означает: ‘земля со всем, что на ней существует’ [430, т. 4, с. 712]. В лезгинском языке омонимичные значения: ‘согласие, спокойствие’ и ‘свет, земля, вселенная’ передаются разными лексемами. При этом выявлено, что носителями первого значения являются слова-синонимы: *ислягъвал* ‘мир, миролюбие; тишина, спокойствие’; *баришугъвал* ‘мир, примирение’; *умунвал* ‘спокойствие, мир’; *фаракъатвал* ‘спокойствие, безмятежность’ [392; 393]. Семантику ‘мир, спокойствие’ реализует и заимствованная из арабского языка лексема *салам*, которая в речевом общении лезгин наиболее продуктивна [409].

Как видим, в лезгинском и украинском языках понятие «мир» в его морально-этической трактовке имеет общие семы: ‘согласие’, ‘спокойствие’, ‘тишина’. Однако наблюдаются и существенные расхождения. В украинском языке понятие «мир» характеризуется бóльшим семантическим объемом и более детальной дифференциацией значений, тогда как в лезгинском языке оно имеет обобщенное толкование. Данное наблюдение дает основания предполагать, что лезгинский язык ориентирован на абстрактное и синкретичное отражение объективной реальности, тогда как украинский язык склонен к ее членению и детализации.

В украинском РЭ высказывания с компонентом *мир* немногочисленны: *Мир Вам!*, *Мир Вашій оселі (хаті, домові сьому)!*, *Мир Вам і благодать!*, *Мир у всьому (у цілому) світі!*, *Мир душі!* Наибольшей продуктивностью отличаются приветствия *Мир Вам!*, *Мир Вашій оселі (хаті, домові сьому)!*, которые традиционно используются украинцами в качестве приветствия в ситуации «гостеприимство». Обе ЭРЕ имеют глубокую религиозную основу и восходят к Библии, где рассказывается о том, что Иисус Христос, явившись своим ученикам сразу после Воскрешения, обратился к ним со словами *Мир вам!*, чем даровал людям благодатный мир, возможность жить во взаимной любви и

согласии. Выражение *Мир Вашій оселі (хаті, домові сьому)!* также восходит к Библии. Посылая своих учеников проповедовать слово Божье, Иисус Христос учил их: «А входя в дом, приветствуйте его, говоря *Мир дому сему!*; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него, если же не будет достоин, то мир ваш к вам вернется» [37, Евангелие от Матфея 10, 12–13]. Приветствия: *Мир вам!*, *Мир Вашій оселі (хаті, домові сьому)!* в речевом этикете украинцев предполагают обязательную ответную реплику: *І духові твоєму!* либо *З миром приймаємо!*

Религиозный характер имеют и другие ЭРЕ. Так, фраза *Мир вам і благодать хай примножиться!*, используемая сегодня в качестве приветствия-поздравления с христианскими праздниками, производна от слов святого апостола Петра «*Благодать вам та мир хай примножаться в пізнанні Бога й Ісуса, Господа нашого!*», произнесенных им в начале второго Соборного послания. Пожелания *Мир душі!*, *Спочивай з миром!*, с которыми украинцы провожают человека в последний путь, восходят к древней молитве о том, чтобы умерший в ожидании Судного Дня мог покоиться без мучений.

Как видим, в далеком прошлом приветствия с компонентом “мир” имели отличное от современного их понимания значение – пожелание адресату спасения путем установления мира между его душой и Богом, что возможно лишь в случае соблюдения Божьих законов. В современном украинском языке сакральная семантика данных ЭРЕ сохраняется лишь в рамках религиозного дискурса. В повседневно-бытовом общении этикетные единицы с компонентом “мир” подверглись семантическим трансформациям, преобразовавшись в стереотипные пожелания, демонстрирующие доброжелательное отношение к адресату: *Мир вам!*, *Мир сьому (вашому) дому!* – приветствия в общении гостя и хозяина; *Иди (ідіть), їдь (їдьте), зоставайся (зоставайтесь) з миром!* – доброе напутственное пожелание тому, кто уходит либо остается; *Мир душі!*, *Спочивай з миром!* – пожелания умершему как знак уважения к нему [430, т. 4, с. 712]. Однако следует отметить, что в данных ЭРЕ, несмотря на идиоматизацию их значения, все еще прослеживается семантическая близость

слова *мир* со словом *Бог* (спасение, Божья благодать). В праздничных приветствиях (по случаю календарных либо семейных праздников) актуализируется иное значение – ‘отсутствие вражды, ссор и разногласий’: *Живіть мирно!*, *Миру і спокою у Вашій оселі!* и др. Примечательно, что в составе подобных ЭРЕ компонент “мир”, как правило, сочетается с другими морально-этическими понятиями: “добро”, “благополучие”, “счастье” и др.: *Мир и щастя в Вашій хаті!*, *Хай у ваших оселях завжди панують мир, злагода і добробут!*, *Живіть у мирі, добрі та згоді!*, *Мир і любов хай вам примножаться!* и др.

Как показывают наблюдения, в современном украинском языке ЭРЕ с компонентом ‘мир’ функционируют ограничено. В лексикографических источниках многие из них либо вообще не упоминаются, либо фиксируются с пометой «устаревшее». Чаще всего данные формы встречаются в художественных текстах, где они выполняют определенные стилистические функции, в частности, способствуют созданию торжественной, учтиво-набожной атмосферы общения: *Мир дому цьому й живущим в йому! – вирікає солідним тоном отець дякон привіт у стародавньому стилі* [405].

Компонент ‘мир’ – основа украинских свадебных пожеланий молодым: *Доброго здоров'я, мир вашому дому!*, *Живіть мирно!*, *Живіть у добрі та згоді!*, *Мир і любов хай вам примножаться!*, *Щоб не довелось вам хліб-сіль ділити!* – ‘чтоб жили дружно, общими интересами и заботами’. В повседневном общении украинцев приветствия с компонентом ‘мир’ используются преимущественно в разговорной речи представителей среднего и старшего поколений, чаще всего – в диалектах: *Мирóм!:* *Мирóм! ск ся маеш? чи здоров, братчику?* – *Дякувать! миром! А у вас, братчику, мирно?* – *Мирно, Богу дякувать!* (гуцульский говор юго-западного наречия) [430, т. 2, с. 426].

В лезгинском языке украинскому приветствию *Мир Вам!* соответствует близкое по значению высказывание *Салам алейкум!* ‘Мир Вам!’ При этом следует подчеркнуть, что данные ЭРЕ имеют схожую, но не тождественную семантику. Важно отметить, что в РЭ лезгин, равно как и других народов

Дагестана, фраза *Салам алейкум!* ‘Здравствуйте!’ (в дословном переводе с арабского языка ‘Мир Вам!’) занимает особое место, что обусловлено историческими факторами. Дагестан с древних времен отличался сложной этнополитической ситуацией и постоянно оказывался в зоне межэтнических конфликтов, поэтому мир, спокойствие, отсутствие разногласий в жизни абсолютно всех дагестанцев являются моральной ценностью высшего порядка. Семантическим центром фразы *Салам алейкум!* является арабское слово *салам*, которое в переводе на русский язык означает ‘мир’, ‘безопасность’, ‘благополучие’ [392]. В качестве обязательного приветствия при встрече оно используется во многих странах, исповедующих ислам. Не отдать «салам» (т. е. не поздороваться) для мусульманина – значит нанести оскорбление собеседнику. Слово *салам* имеет религиозное происхождение. В хадисах (толкованиях высказываний пророка Мухаммеда) сообщается, что Ас-Салям ‘Мирный, Миротворящий’ – это одно из имен Аллаха. Он облагодетельствовал этим именем землю, поэтому необходимо распространять это имя между собой [10]. Данный факт свидетельствует о том, что понятие «мир» в сознании мусульман является высшей духовной категорией, равнозначной понятию «Бог».

К Корану восходит и само приветствие *Салам алейкум!* В сборниках хадисов приводятся следующие слова Пророка: «Бог создал Адама (мир ему) <... >. И когда Он сотворил его, то сказал: “Иди и поприветствуй ту группу ангелов, и прислушайся, как они поприветствуют тебя. Воистину, это будет твоим приветствием и приветствием твоего потомства”. Адам (мир ему) сказал им: “Мир вам! (Ас-салям алейкум!)”, и они ответили: “Мир тебе и милость Аллаха! (Ас-салям алейка ва рахматуллах!)”» [10]. Как видим, первоначальный смысл исследуемой фразы – исключительно религиозный: ‘мир с Богом’. Только исполнив все религиозные предписания, человек сможет обрести душевное спокойствие и достичь гармонии с окружающим миром. Сакральное значение имеет и обязательная ответная фраза – *Алейкум салам!* (*Алейксалам!*) ‘Здравствуйте!’ (букв. ‘Мир и тебе!’) [409, с. 12]. В священных книгах ислама мусульманам рекомендуется отвечать на приветствие, используя

не меньше слов, чем тот, кто поприветствовал первым: «Когда вас приветствуют, отвечайте ещё лучшим приветствием или тем же самым. Воистину, Аллах подсчитывает всякую вещь» [139]. Следуя данным предписаниям Корана в повседневной жизни, мусульманин получает двойной саваб – благосклонность и благословление Всевышнего: один – за то, что приветствуешь, другой – за то, что даешь возможность другому человеку получить саваб, ответив ему тем же.

Сегодня первичная семантика слова *салам* в языковом сознании лезгин практически стерлась. В лексикографических источниках оно имеет следующие дефиниции: 1) приветствие, привет; поклон; 2) *Здравствуйте!, Привет!* (букв. ‘Мир вам!’) [409, с. 190], т. е. *салам* рассматривается, с одной стороны, как коммуникативный акт, с другой – как этикетное высказывание его обслуживающее. В современном лезгинском языке слово *салам* в качестве приветствия используется ограничено. Оно функционирует преимущественно в молодежной среде в условиях дружеского, непринужденного общения. При этом значение ‘мир’ в языковом сознании лезгин актуализируется довольно редко. Фраза *Салам алейкум!* (иногда в редуцированной форме – *Саламалейк!*) имеет более широкую сферу функционирования. Она является стилистически нейтральной и уместна в любой ситуации общения. И хотя в Коране рекомендуется использовать данное приветствие только в отношении единоверцев, в современном общении лезгин оно адресуется людям, независимо от их религиозных взглядов, возраста, пола, этнической принадлежности, поскольку согласно убеждениям горцев мира нужно желать всем, кто не находится с вами во вражде. Сегодня в приветствие *Салам алейкум!* уже не вкладывается тот глубокий религиозный смысл, который вкладывали в него наши предки. И все же, оно имеет гораздо большее значение, нежели просто норма этикета или дань традиции. Каждый, кто использует приветствие *Салам алейкум!*, не только желает собеседнику мира, но и сообщает ему следующую информацию: ‘Я такой же мусульманин, как и ты. Ты можешь не опасаться меня. Мир тебе!’. В лезгинском языке, помимо

лексемы *салам*, носителями семантики ‘миролюбие, согласие, спокойствие’ являются слова: *ислягьвал, баришугьвал, фаракъатвал, умунвал*. В пределах данного синонимического ряда наибольшей продуктивностью характеризуется компонент *ислягьвал*, который служит семантической основой для различных праздничных приветствий и пожеланий: *Къуй чилел гьамиша ислягьвал хьурай!* ‘Пусть на Земле всегда будет мир!’, *Дуьнья ислягь хьурай!* ‘Пусть будет мир во всем мире!’ (календарные пожелания); *Чеб арада ислягьвал, гьуьрмет аваз яшамии хьурай!* ‘Пусть между ними царит мир, уважение!’ (пожелания молодоженам) и др. Фразы схожей семантики находим и в речевом этикете украинцев: *Хай буде мир на всій Землі (у всьому світі)!* и др. Однако, как показывают наблюдения, в речи лезгин такие высказывания звучат чаще. Таким образом, ЭРЕ с компонентом “мир”, несмотря на низкую продуктивность, занимают важное место в РЭ лезгин и украинцев. В обеих лингвокультурах они представляют собой древние по происхождению тексты, которые в далеком прошлом выполняли ритуально-магические функции, а впоследствии утратили сакральную семантику, трансформировавшись в стереотипные этикетные фразы, главная цель которых – выражение доброжелательного отношения к собеседнику.

3.2.3 Формально-грамматические типы пожеланий добра

Существенные различия наблюдаются в формально-грамматической организации лезгинских и украинских ЭФ пожелания добра. В формально-грамматическом плане ЭФ пожелания добра представляют собой речевые конструкции, оформленные в виде оптатива, – грамматической категории глагола, которая служит для выражения желания адресанта. Оптатив выражает желание «в чистом виде»; с его помощью говорящий сообщает, что ему хотелось бы, чтобы та или иная предполагаемая ситуация осуществилась [299].

В различных языках категория оптатива выражается по-разному. В одних – она имеет специализированные формы, предназначенные для реализации

именно этого значения, в других – выражается посредством альтернативных грамматических категорий.

В лезгинском языке, как и в других кавказских языках, оптатив – специализированная грамматическая категория, которая, по мнению исследователей, является ареальной чертой Кавказского региона, сформировавшейся под влиянием местных культур. Как отмечают исследователи, пожелания добра входят в повседневный этикет многих кавказских народов [108].

В лезгинском языке первостепенную роль в реализации оптативной семантики играет следующая грамматическая модель: глагольная форма, совпадающая с основой масдара (масдар в дагестанских языках – начальная форма глагола, сочетающая в себе признаки глагола и имени) + аффикс *-рай*, например: *авун* ‘делать’ – *авурай* ‘пусть сделает’; *хьун* ‘быть’ – *хьурай* ‘пусть будет’; *агакьун* ‘достигать’ – *агакьрай* ‘пусть достигнешь’: *Алад, чан хва, ваз хьсан рехь хьурай, вун ви метлебрихь агакьрай!* ‘Ступай, сын, счастливого тебе пути, да сопутствует тебе успех’ (букв.: ‘Иди, дорогой сын, тебе хорошая дорога пусть будет, ты своих целей пусть достигнешь’); *Хьсанвилер хьурай!* ‘Пусть будет с Вами благополучие!’; *Бахтар гурай!* ‘Удачи во всем!’ (букв.: ‘Пусть будет счастье/удача’); *Квез Аллагь куьмек хьурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’; *Квез Аллагьди сагьвал ва шадвал гурай!* ‘Пусть даст Аллах Вам здоровье и радость на всю жизнь!’; *Куь кьвалахар Аллагьди вичи вилик кутурай!* ‘Дай, Аллах, чтоб Ваши дела пошли удачно!’; *Ви кьвалахар Аллагьди туькьуррай!*; *Вун сагь-саламатдиз элкьвена хтурай!* ‘Твои дела пусть пойдут на пользу с Божьей помощью!’; ‘Чтоб ты благополучно вернулся!’ и др. В коммуникативной практике лезгин ЭФ подобной структуры наиболее востребованы.

Оптатив в лезгинском языке может иметь отрицательную форму, показателями которой являются аффиксы *т-/та-/те-*: *Ин азабар ваз такурай!* ‘Таких страданий пусть не увидишь ты’.

В украинском языке оптатив не выделяется в качестве самостоятельной грамматической категории, однако его значение реализуется с помощью других грамматических средств, в частности императива. Пожелания добра в форме императива имеют явные черты формально-смыслового сходства с обычными императивными высказываниями со значением побуждения к действию. Однако в пожеланиях добра предикат выражен «неволевым» глаголом, который не оказывает прямого воздействия на собеседника, представляя собой своего рода «заклинание словом», выражение надежды на ближайшее осуществление желаемого (так называемый «вежливый императив»): *Будь здорова та весела!* Императив с семантикой 'желание' в составе ЭРЕ может быть представлен эксплицитно – формой глагола 2–3 лица единственного или множественного числа повелительного наклонения *Дай Боже (Бог) здоров'я!; Живіть з Богом!, Хай тобі Бог дає вік – і щасливий і добрий!* либо имплицитно, например, с помощью инфинитива – *Жити вам, поживати та добра наживати!* В украинском языке широко распространены ЭРЕ с компонентом *щоб*: *Щоб у вас руки не боліли!; Щоб ти добре вчився!; Щоб ви були такі веселі, як весна!*

В обоих языках ЭРЕ, реализующие оптативное значение, обнаруживают структурную неоднородность и представлены 2 типами:

1) ЭРЕ, в которых пожелание обращено непосредственно к собеседнику: лезг. *Ацукьдай сагьвал хьурай!* 'Пусть войдет в Ваш дом здоровье!', *Ваз шадвилер хьурай!* 'Радости тебе!', *КІвал кьени хьуй* 'Да будет богат твой дом!'; укр. *Будь здорова, як вода, а багата, як земля!; Щоб у вас руки не боліли!; Щоб ти добре вчився!*;

2) ЭРЕ, в которых желание выражается опосредованно – через обращение к третьему лицу (чаще всего Богу / Аллаху), на которого возлагается ответственность за реализацию желаемого: укр. *Дай, Боже, час і пору добру!; Дай вам, Боже, легкого прожитку в новій хаті!;* лезг. *Вазни Аллагьди сагьвал гурай!* 'Дай Аллах тебе здоровья!'; *Квез Аллагь кьумек хьурай!* 'Пусть Аллах поможет тебе!'. В современной коммуникативной практике обоих народов ЭРЕ первой группы встречаются чаще. Пожелания добра второй группы относятся к

более древним по происхождению ЭРЕ, которые в прошлом использовались при совершении магических ритуалов.

Выводы к главе 3

Сопоставительное исследование пожеланий добра в лезгинской и украинской лингвокультурах позволяет сделать следующие выводы.

1. Пожелания добра в сопоставляемых языках занимают второе по продуктивности место и активно используются в различных ситуациях общения с целью проявления внимания и симпатии к адресату, выражения надежды на благополучие в его жизни в будущем. Практически одинаковое количество данные ЭРЕ, обнаруженное в исследуемых лингвокультурах (см. табл. 2.1.), дает основание утверждать, что высокая степень ориентации на пожелания добра – типичная особенность как лезгинского, так и украинского речевого этикета.

2. По коммуникативному принципу пожелания добра в лезгинском и украинском языках дифференцируются на коллективные и индивидуальные, которые соотносятся с разными фрагментами объективной реальности. В рамках первой подгруппы высокую степень продуктивности имеют трудовые пожелания, сопровождающие различные виды трудовой деятельности человека. В сопоставляемых языках трудовые пожелания добра относятся к наиболее архаичному классу и имеют, как правило, религиозный характер. В рамках второй группы высокой степенью продуктивности отличаются пожелания добра, обслуживающие различные ситуации повседневно-бытового общения (приветствие, прощание и т.д.). Многие пожелания добра в лезгинском и украинском языках не закреплены за определенной ситуацией общения, т.е. имеют универсальный характер. Значение данных ЭРЕ конкретизируется в контексте.

3. В сопоставляемых языках пожелания добра имеют общие черты и в структурно-семантическом плане. Универсальность человеческого мышления, тенденция к образному восприятию мира, общие прагматические функции

данных ЭРЕ в прошлом, а также история становления системы пожеланий в условиях широких межкультурных контактов, которая является историей взаимовлияний и заимствований, обусловили наличие определенного сходства в их структуре и семантике. Неотъемлемым компонентом пожеланий добра в обеих лингвокультурах является мотив – лексический элемент, содержащий указание на то, что именно желает адресант своему собеседнику. Набор мотивов в лезгинских и украинских пожеланиях добра общий: “покровительство Бога/Аллаха”, “здоровье”, “добро”, “рождение детей”, “долголетие”, “мир” и др. Вместе с тем в иерархии духовных ценностей лезгин и украинцев данные понятия занимают разные позиции (см. табл. 3.1).

В украинском языке мотивы “здоровье”, “добро”, “богатство”, “счастье и удача” относятся к более востребованным по сравнению с лезгинским языком. В свою очередь, в лезгинской лингвокультуре мотивы “долголетие” и “рождение детей” ценятся выше по сравнению с украинской лингвокультурой. Примечательно, что в лезгинском языке продуктивным является мотив ‘рождение сыновей’, тогда как в украинском языке внимание на гендерной принадлежности ребенка, как правило, не акцентируется. Самую низкую степень в иерархии лезгинских ценностных приоритетов занимает мотив “богатство”, украинских – “долголетие”.

4. В формально-грамматическом плане лезгинские ЭФ пожелания добра представляют собой оптативные высказывания, которые имеют специализированные формы выражения – положительные и отрицательные. В украинском языке оптативность реализуется преимущественно с помощью императива, т.е. является семантической, а не грамматической категорией.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [68; 68; 69].

ГЛАВА 4

РЕЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СИТУАЦИИ «ПОЖЕЛАНИЕ ЗЛА»

4.1 Вводные замечания

Пожелание зла представляет собой «выраженное словами пожелание какой-либо беды, являющееся отражением известного душевного состояния человека» [121, с. 6]. Данные речевые единицы ведут свое происхождение от древнего жанра заклятий – магических словесных формул, действие которых было направлено на то, чтобы причинить вред адресату –уничтожить благосостояние, вызвать болезнь и даже причинить смерть. Как отмечают ученые, с точки зрения язычества «слово, уместно и своевременно сказанное, имеет большую чудодейственную силу, – оно лечит, приносит добро (“благословение”) или наоборот, сильно вредит. Злое слово, сказанное в определенное время колдуном, обязательно сбудется, как может сбыться и слово доброе» [120, с. 18]. По мнению ученых, архаичные пожелания зла характеризовались определенной структурой, которая включала следующие компоненты: имя врага, имя призванного демона либо божества; пожелание в форме сравнения или просьбы, обращенное к сверхъестественному существу либо обычное пожелание [121, с. 49–51]. С развитием общества и накоплением знаний об окружающем мире пожелания зла утратили магический смысл и подверглись семантической трансформации, перейдя из сакральной сферы ритуала в практику повседневного общения.

В современных лексикографических источниках пожелания зла рассматриваются в контексте понятия «проклятье», под которым подразумевается «действие по глаголу проклинать, проклясть кого, црк. предать анафеме, отлучить от церкви; в гражд. быту: лишать благоволения; изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения; ругать, поносить, призывать на кого бедствия, желать кому зла, ненавидеть» либо «официальное отлучение от церкви, анафема; крайнее и бесповоротное осуждение; бранное слово, выражение негодования» [380; 396]. Таким образом, современные

пожелания зла используются в состоянии аффекта для выражения резко негативного отношения к адресату (осуждения, негодования, презрения, ненависти и т.д.) [430, т. 8, с. 202]. Главная их прагматическая цель – выразить эмоционально-оценочное отношение к ситуации, а не способствовать реализации определенного действия.

Несмотря на негативную семантику, данные высказывания играют важную роль в процессе речевого взаимодействия, ориентируя коммуникантов на внимательное отношение к друг другу, накопление жизненного опыта, предупреждение ошибок. По мнению психологов, «высказывания негативного содержания являются эффективным способом эмоциональной разрядки, снятия напряжения, стресса, то есть своеобразными заменителями, субститутами проявлений физической агрессивности» [112, с. 105].

Рассмотрение пожеланий зла в контексте проблемы РЭ обусловлено следующими обстоятельствами. Пожелания зла – неотъемлемая часть коммуникативной культуры того или иного этноса, глубоко укорененные в народном сознании экспрессивные высказывания, которые явились следствием таких естественных для человеческой психики аффектов, как гнев, злость, ненависть, страх, отчаяние и др. Подобные речевые формулы отличаются особым эмоционально-экспрессивным характером, образностью, национальным колоритом и содержат богатую и ценную информацию об особенностях мировосприятия этноса, его характера, мышления, норм поведения в различных ситуациях общения [64]. Кроме того, данные речевые единицы представляют собой обязательный компонент бинарной оппозиции «добро–зло» и поэтому играют не менее важную роль в регуляции речевого общения, чем пожелания добра. Как отмечают ученые, существование каких-либо норм и правил становится заметным только тогда, когда они нарушаются, маловероятно предостережение в тех случаях, когда в речи нет никаких отклонений [15; 114; 119; 284 и др.].

4.2 Коммуникативные особенности пожеланий зла

В речевой культуре практически всех народов мира пожелания зла активны и востребованы, что обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Обосновывая причины широкого распространения пожеланий зла в человеческом общении, Н. Ф. Сумцов указывал на то, что «цивилизованные народы на длинном и тернистом пути своей жизни испытали много разных бедствий, поэтому древний человек в своем личном опыте и в опыте других имел больше материала для выбора проклятий, чем для выбора пожеланий» [246, с. 2].

В лингвистическом плане пожелания зла характеризуются яркой этнокультурной семантикой, языковым богатством, образностью, риторическим характером, стилистической выразительностью и являются интересным объектом для лингвистических исследований. Вместе с тем длительное время данные высказывания были незаслуженно вытеснены на периферию лингвистического знания. Лишь во II пол. XX в., с зарождением в языкознании антропоцентрической парадигмы с ее вниманием к человеку как создателю, носителю и пользователю языка, ученые осознали, что значение пожеланий зла в процессе коммуникации нельзя преуменьшать, поскольку «инвективная стратегия поведения строится как отрицание этикетной и воспринимается именно на ее фоне» [24, с. 104], а значит – требует не менее детального рассмотрения.

Пожелания зла в разных лингвокультурных традициях имеют много общих черт (экспрессивность, четкая прагматическая направленность, оценочность, метафоричность) и выполняют одинаковые коммуникативно-прагматические функции, что свидетельствует об их универсальном характере. На эту важную особенность злопожеланий впервые обратил внимание известный фольклорист Н. Ф. Сумцов: «Между проклятіями разныхъ народовъ, близкихъ и дальнихъ по племенному родству и по географическому разстоянію, обнаруживается значительное сходство, иногда прямыя совпаденія въ зависимости отъ сходной или тождественной точки зрѣнія и общаго психологическаго настроенія» [246].

Вместе с тем следует отметить, что анализируемые единицы, помимо универсальных черт, имеют и яркую национальную специфику, поскольку детерминируются в рамках определенного языкового коллектива, отражая его духовные приоритеты, особенности мировосприятия, национального характера, мышления, социального опыта и т. д. Справедливым в связи с этим является замечание В. И. Карасика о том, что магические формулы в трансформированном виде пронизывают ежедневный быт современного человека, своеобразно преломляясь в разнообразных этнических и социальных группах [127].

В современном лезгинском и украинском языках пожелания зла – обязательный элемент повседневной коммуникации. «Несмотря на то, что согласно религиозным канонам и нормам народной морали использование таких высказываний недопустимо, и в обеих лингвокультурах они подлежат табуированию, как лезгины, так и украинцы довольно часто прибегают к такому средству выражения негативного отношения к оппоненту» [64, с. 16]. Наличие большого количества пожеланий зла в лезгинском и украинском языках объясняется социально-историческими, географическими и психологическими факторами. На ранних этапах развития общества человек был более эмоционально неустойчив и подвержен различным психологическим стрессам, чем в последующие периоды. Вследствие тяжелых условий существования первобытный человек имел высокую степень эмоционального возбуждения и при этом слабо развитое логическое мышление, что не всегда позволяло ему контролировать свои эмоции.

Пожелания зла в первобытном обществе выступали своеобразными информационными каналами связи между человеком и высшими силами, эффективными средствами воздействия на окружающую действительность. Кроме того, широкое использование недобрых пожеланий – свидетельство особенностей национального характера лезгин и украинцев, которые одинаково склонны к проявлению обостренной эмоциональности и использованию резких высказываний в критических ситуациях общения.

П. Чубинский, описывая характер украинского крестьянина, обращает внимание на то, что бранные выражения он использует в качестве самозащиты: «Малоросс вообще горд и самолюбив; он нелегко переносит обиды <...>. Насмешка его не обижает, потому что он и сам юморист и сумеет сам состричь. Но бесчестие его волнует и раздражает. Оporочить его безнаказанно нельзя <...>. Эта личная щепетильность и нелюбовь ко всему циническому отразилась и на брани Малороссов <...>», которая «состоит в проклятиях, в желании какого-либо зла человеку или его близким, причем чаще всего отцу того, кого бранят» [448, с. 355].

Этнографы отмечают также гендерные особенности украинских пожеланий зла, в частности, эмоциональную сдержанность украинских мужчин, которые редко бранятся или проклинают, и чрезмерную экспрессивность некоторых украинских женщин, о которых в народе говорят: «У неї губа аж торохтит ляяться» ‘У нее губа аж трясется ругаться’ [413, с. 308].

На эмоциональность украинского характера, преобладание чувств над интеллектуальной и волевой сферами указывают и этнопсихологи. Так, Б. Цимбалистый считает, что эти особенности поведения украинцев берут начало от матриархального типа семьи, преобладания роли матери в воспитании детей [294].

Речевое поведение народов Дагестана также ориентировано на использование пожеланий зла: «клятвенные формулы, формулы пожелания зла и блага встречаются почти во всех традициях, но особенно цветистую и развитую систему они имеют у восточных народов» [291, с. 135]. По мнению этнопсихологов, «народы Дагестана экспансивны и горячи, наделены чертами преимущественно холерического и сангвинического типов темперамента, взрывной эмоциональностью, повышенной восприимчивостью к чужим поступкам и суждениям, ярко выраженным стремлением к самовыражению и самопрезентации» [151, с. 162]. Их речь отмечается импульсивностью, излишней эмоциональностью, резкостью в передаче мыслей, а во время конфликтных ситуаций перенасыщена угрозами и проклятиями: «такая речевая

стратегия позволяет дагестанцам эмоционально разрядиться, снять напряженность ситуации, в результате чего чрезмерная экспрессивность быстро проходит [164, с. 126].

Как отмечают ученые, идеальное речевое поведение для дагестанских мужчин – это минимальное проявление чувств и эмоций» [Там же], поэтому пожелания зла используются в основном в речи женщин, уровень эмоциональной сдержанности которых значительно ниже. На проклятия лезгины реагируют очень остро, особенно если они адресуются близким родственникам, в частности, представительницам женского пола (матери, сестре, дочери, жене и др.).

4.3 Семантические типы пожеланий зла

Пожелания зла представляют собой оптативные высказывания, схожие по структурной организации с пожеланиями добра, однако противоположные им по значению. Наиболее яркое отличие пожеланий зла от пожеланий добра состоит в заложенной в них модели адресата. Как отмечают ученые, в стандартной коммуникативной ситуации адресатом речи является собеседник. В пожеланиях зла реальный собеседник «не является субъектом тех перемен в состоянии дел, которых ожидает отправитель», он оказывается всего лишь объектом, во вред которому произносится текст. Подлинным же адресатом становится «некая высшая – сила Бог, святые, духи, умершие предки или нечистая сила» [256]. Реальный собеседник все время незримо присутствует где-то рядом, являясь до момента произнесения проклятия лишь пассивным наблюдателем коммуникации.

Пожелания зла, как и пожелания добра, характеризуются наличием мотивов – «устойчиво повторяющихся семантических компонентов, в которых концентрируются образные представления, многоплановые ассоциации народа об окружающем мире» [67]. Мотивы лезгинских и украинских пожеланий зла являются общими и формируются вокруг таких универсальных понятий, как отсутствие детей, болезнь, смерть, бедность и т. д.

Вместе с тем степень их продуктивности в сопоставляемых языках, а также особенности коммуникативной реализации имеют культурно обусловленный характер (см. табл. 4.1.)

Таблица 4.1

**Мотивы пожеланий зла и их количественные характеристики
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

№ п/п	Мотивы	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
		к-во ЭРЕ	%	к-во ЭРЕ	%
1.	смерть	257	35,7	290	37,2
2.	отсутствие детей	150	20,8	89	11,4
3.	физические увечья	107	14,9	120	15,4
4.	несчастье, печаль, невезение	87	12,1	63	8,1
5.	бедность	67	9,3	61	7,8
6.	болезнь	38	5,3	139	17,8
7.	другие	14	1,9	18	2,3
	Всего	720	100	780	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в сопоставляемых языках наибольшей степенью продуктивности характеризуются пожелания зла с мотивом “смерть”: в лезгинском языке обнаружено 257 единиц, что составляет 35,7% от общей выборки, в украинском языке – 290 единиц, что составляет 37,2% от общей выборки. Второе место в сопоставляемых языках занимают разные мотивы: в лезгинском языке – мотив “отсутствие детей” (150 единиц, т.е. 20,8%), в украинском языке – мотив “болезнь” (139 единиц, т.е. 17,8%). Третье место по продуктивности в лезгинской и украинской лингвокультурах занимают речевые единицы с мотивом “физические увечья” (107 и 120 речевых единиц соответственно). В лезгинском языке четвертую позицию занимают речевые единицы с мотивом “несчастье, печаль, невезение” – 87 единиц, т.е. 12,1%, в украинском языке – речевые единицы с мотивом “отсутствие детей” – 89 единиц, т.е. 11,4%. Наименьшие количественные характеристики в лезгинском языке имеют речевые единицы с мотивами: “бедность” (67 единиц, т.е. 9,3%) и “болезнь” (38 единиц, т.е. 5,3%), в

украинском языке – речевые единицы с мотивами: “несчастье, печаль, невезение” (63 единицы, т. е. 8,1%) и “бедность” (61 единица, т.е. 7,8%).

Наибольшие количественные расхождения в сопоставляемых языках зафиксированы в составе речевых единиц с мотивами: “отсутствие детей” (в лезгинском языке на 61 единицу больше) и “болезнь” (в украинском языке на 101 единицу больше).

4.3.1 Мотив “физические увечья”

Важную роль в конструировании пожеланий зла с мотивом физического увечья играют *соматизмы* – лексемы для обозначения частей и органов человеческого тела. Использование соматизмов в пожеланиях зла обусловлено антропоцентричным характером языка, а также особенностями физиологии и процессов мышления человека, который познает окружающий мир с помощью таких рецепторов, как глаза, нос, рот, язык и др., и сравнивает предметы, которые его окружают, с частями своего тела. Как отмечают ученые, «человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения объектов, и слова, обозначающие части тела человека», такие же древние, как и само человеческое сознание» [45, с. 159].

Таким образом, соматизмы относятся к наиболее архаичным слоям лексики и характеризуются значительной хронологической устойчивостью, а следовательно, образуют основу словарного фонда любого языка, выступая наиболее надежным источником познания истории, этнографии, психологии, духовной культуры его носителей. Кроме того, соматизмы отмечаются актуальным содержанием (поскольку обозначают вещи, чрезвычайно важные для жизнедеятельности человека), лаконичной формой, высокой частотой употребления, а также способностью к метафоризации, что свидетельствует об их важной роли в создании таких экспрессивных выражений, как пожелания зла. Традиционный соматический код украинских и лезгинских пожеланий зла представляют лексемы: *глаза, руки, ноги, сердце, голова, язык, губы* и др., которые играют приоритетную роль в восприятии объективной реальности [69].

В сопоставляемых языках данные речевые единицы образовались в результате семантических трансформаций путем метафоризации и метонимизации:

глаза – укр. *Нехай [хай] повілазять очі [кому]!* [446], *Бодай тобі [очі] засліпило!*, *Сіль тобі в оці [око, очі]!* [430, т. 5, с. 665], *Баньки їм бодай посліпило!* [419, № 3714, с. 192], лезг. *Вилер акъатуй [акъатрай]!* ‘Чтобы глаза вышли из орбит!’ [392, с. 152], *Вилер авахъуй!* ‘Чтобы глаза вытекли!’ [382], *Яд хъуй ви вилер!* ‘Чтоб ты ослеп!’ (букв. ‘Глаза твои пусть будут водой!’) [392, с. 1065], *Вун аквадай вилер авахърай зи!* ‘Пусть ослепнут мои глаза, чтоб не видеть тебя!’ (букв. ‘Пусть вытекут мои глаза, видящие тебя!’) [409, с. 3];

язык – укр.: *Щоб [хай, нехай і т. ін.] тобі [йому, їй і т. ін.] язык покорчило [відсох, усох; руба, колом став і т. ін.]* [430, т. 11, с. 627]; лезг. *Ви гъа мез атлуй!* ‘Чтоб твой язык отрезали!’ [392, с. 558], *Мез къуруй!* ‘Чтоб язык отсох!’, *Мез къве чихел хъурай!* ‘Пусть умрет!’ (букв. ‘Пусть язык на две части разорвется!’);

зубы – укр. *Бодай вас за зуби брало!* [386, с. 419];

губы – лезг. *Ви нІузарар кукІурай, кепеюгъли!* ‘Чтоб лопнули твои губы!’ [382];

ноги – лезг. *КІвач хъурай!* ‘Чтоб нога сломалась!’ [382]; укр. *Бодай [хай, нехай] ноги повсихають!* [430, т. 6, с. 693], *Щоб ти на милицях пішов!* [Ном., № 3720, с. 192];

руки – лезг. *Гъил къуруй!* ‘Пусть рука отсохнет!’ [392, с. 209], *Гъилер хъурай!* ‘Чтоб руки сломались!’ [392, с. 212]; укр. *Бодай [хай, нехай] руки повсихають!* [430, т. 6, с. 693], *Щоб тобі руки покорчило [посудомило]!* [Ном., № 3719, 192];

сердце – лезг. *РикІ над хъуй!* ‘Чтоб сердце лопнуло!’ [382]; укр. *Бодай тебе за серце взяло!*; *Щоб тебе за серце скребло!* [386, с. 419]; *Бодай ті сім кольок уколело в саме серце!* [387, т. 2, с. 286];

голова – лезг. *Къил атлуй!* ‘Чтоб голову отрубили!’ [410]; укр. *Бодай би в тебе репнула макітра!* [386, с. 419];

нос – укр. *Щоб тобі крутило в носі!* [397, с. 486];

горло – лезг. *Ви туьтуьна кIараб акIурай!* ‘Чтобы в горле кость застряла!’ [382]; укр. *Бодай [хай, щоб і т. ін.] йому [тобі і т. ін.] кістка в горло!* [430, т. 4, с. 169] и т. д.

Низкой степенью продуктивности отличаются компоненты со значениями: ‘живот’, ‘пуп’, ‘поясница’, ‘ребро’. Обозначаемые ими органы человеческого тела играют менее приоритетную роль в познании окружающего мира, поэтому процесс их вербализации осуществляется сложнее [69]. Например, лезг. *Вин руфун пад хьуй!* ‘Чтобы твой живот лопнул!’ [382], *Юкъ хурай!* ‘Чтоб поясница сломалась!’ [382]; укр. *Хай тебе за живіт візьме!* [419, № 3724, с. 192], *Бодай тобі добро поза кожне ребро!* [397, с. 486], *Тряся тобі в пуп!* [430, т. 8, 390], *А сто дідьків у твої бебехи та печінки!* [419, № 3734, с. 192] и др.

Как показывает анализ, большинство пожеланий зла с соматическим компонентом в лезгинском и украинском языках имеют семантические соответствия, что объясняется универсальностью человеческой физиологии, основных законов человеческого мышления, способов освоения окружающего мира и антропоцентричностью языка. Однако степень продуктивности тех или иных речевых единиц в сопоставляемых лингвокультурах, их сфокусированность на той или иной части тела, а также семантический потенциал в конкретных коммуникативных условиях существенно различаются: «обязательная соотнесенность ощущений человека с различными органами его тела является универсальным свойством всех языков, различия заключаются в том, как распределяются ощущения на наивной “анатомической карте” человека» [201, с. 155].

По степени активности в образовании пожеланий зла соматизмы можно поделить на две группы: 1) продуктивные (ядерные); 2) непродуктивные (периферийные). К соматизмам, которые принимают наиболее активное участие в создании пожеланий зла, принадлежат лексемы со значениями: ‘глаза’, ‘рука’, ‘нога’, ‘голова’, ‘сердце’, ‘язык’, ‘горло’, что объясняется не только их способностью к метафоризации, но и тем, что основные сведения об окружающем мире человек воспринимает с помощью именно этих органов.

При этом степень продуктивности данных речевых единиц в сопоставляемых языках имеет культурно обусловленный характер (см. табл. 4.2)

Таблица 4.2

Соматические компоненты пожеланий зла и их количественные характеристики в лезгинской и украинской лингвокультурах

№ п/п	Соматический компонент	Лезгинская лингвокультура	Украинская лингвокультура
		к-во ЭРЕ	к-во ЭРЕ
1.	глаза	5	8
2.	язык	3	7
3.	зубы	–	1
4.	губы	2	1
5.	ноги	2	5
6.	руки	2	5
7.	сердце	1	3
8.	голова	1	1
9.	нос	–	1
10.	горло	1	1
11.	другие компоненты	2	4
	Всего	19	37

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, среди компонентов ядерной группы наиболее продуктивны в обоих языках сенсорные лексемы. И это не случайно, поскольку через такие рецепторы, как слух, зрение, осязание, обоняние человек получает больше всего информации об объективной реальности. В лезгинском и украинском языках среди сенсорных соматизмов предпочтение отдается компоненту “глаза”. Украинцы и лезгины воспринимают глаза как один из самых важных органов, с помощью которого человек познает мир (воспринимает около 90% информации) и выражает все разнообразие своих эмоций. В лезгинских и украинских пожеланиях зла компонент “глаза” сопровождают глаголы деструктивного действия типа лезг. *акъатун, авахъун* ‘ослепнуть’, ‘вытечь’, ‘выйти из орбит’ и укр. *засліпити, повилазити*, например, лезг. *Вилер акъатуй (акъатрай)!* ‘Чтобы глаза вышли из орбит!’, *Вилер авахъуй!* ‘Чтобы глаза вытекли!’, *Яд хъуй ви вилер!* ‘Чтоб ты

ослеп!’ (букв. ‘Глаза твои пусть будут водой!’), укр. *Нехай (хай) повилазять очі (кому)!, Бодай тобі очі (баньки) засліпило!*

Второе место по степени продуктивности среди сенсорных лексем занимает соматизм “язык”. Активность данного компонента в создании пожеланий зла объясняется его полисемией: с одной стороны, язык – анатомический орган вкуса, с другой стороны, – орган, продуцирующий речь. В пожеланиях зла в сопоставляемых языках доминирует второе значение, поскольку в представлении обоих народов способность говорить – главный признак, по которому человек отличается от других живых существ: лезг. *Мез кьве чихел хьурай!* ‘Пусть умрет!’ (букв. ‘Пусть язык на две части разорвется!’), укр. *Щоб (хай, нехай і т. ін.) тобі (йому, їй і т. ін.) язык покорчило (відсох, усох; руба, колом став і т. ін.).*

Высокой продуктивностью в обоих языках характеризуются пожелания зла с компонентом “название части тела”. Активную роль в создании пожеланий зла этой группы играют компоненты ‘рука’, ‘нога’. Ноги в сознании многих народов мира традиционно связаны с движением: хождением, бегом, без чего невозможно представить полноценную жизнь человека. Рука выполняет функцию опоры движения, защиты внутренних органов от повреждений и воздействия окружающей среды. Кроме того, согласно древним представлениям многих народов рука – символ деятельности, защиты, силы и власти. Именно эти значения актуализируются в лезгинских и украинских пожеланиях зла.

Следует отметить, что в украинском языке система пожеланий зла данного типа является более разветвленной за счет использования глаголов деструктивного действия различного семантического наполнения – *повсихати, відсохнути, поламатися, покорчити, посудомити*, например, *Бодай (хай) ноги повсихають!, Хай тобі руки покорчить (посудомить)!* В лезгинском языке вариативность пожеланий такого рода более низкая, в качестве глагола деструктивного действия чаще всего используется лексема *кьурун* ‘отсохнуть’, ‘сломаться’, например, лезг. *Гьил (кІвач) кьуруй!* ‘Пусть рука (нога) отсохнет!’.

Данные примеры свидетельствуют о том, что украинское языковое сознание склонно детализировать данную коммуникативную ситуацию, тогда как лезгины воспринимают ее более целостно [64].

В лезгинских и украинских пожеланиях зла с компонентом “голова” актуализируются разные семы. В украинском языке данный соматизм сопровождается глаголом *облізти* ‘лишиться волос’, например, *Щоб твоя голова облізла!* Согласно древним представлениям многих народов, волосы обладают магической силой и выступают символом связи с Высшим миром. В современном восприятии это важный элемент человеческой внешности. В лезгинских пожеланиях зла с компонентом “голова” используется глагол деструктивного действия *атІун* ‘отрубить’, т. е. ‘отделить часть от целого’. Благодаря такому сочетанию актуализируется сема ‘смерть’. Можно предположить, что подобные пожелания в речи лезгин относятся к тому историческому периоду, когда обезглавливание считалось одним из способов наказания врага либо того, кто осквернил Коран или посягнул на авторитет Аллаха, ср.: лезг. *Кьил атІуй!* ‘Чтоб голову отрубили!’

Разной степенью продуктивности в лезгинском и украинском языках отличаются пожелания зла с компонентом “сердце” (в украинском языке продуктивность данных форм выше). Согласно древним представлениям лезгин и украинцев сердце – не только средоточие жизненной силы, но и центр духовной деятельности, интеллекта, чувств. В украинском языке пожелания зла с компонентом “сердце” имеют преимущественно безличную форму, например, *Щоб тебе за серце взяло!* Использование безличных предложений для обозначения физического состояния человека можно объяснить влиянием первобытного института табу – запрета на называние болезней, демонов и других деструктивных элементов, которые могли накликать беду. Кроме того, в представлении древнего человека многие явления не имели четкого описания и поэтому не именовались. В лезгинском языке пожелания с компонентом “сердце” реализуют значение “смерть”, например, *РикІ над хьуй!* ‘Чтоб сердце лопнуло!’

Таким образом, продуктивную роль в создании пожеланий зла играют соматизмы с компонентами “глаза”, “рука”, “нога”, “голова”, “сердце”, роль которых в жизнедеятельности человеческого организма прозрачна и понятна, что способствует их легкому метафорическому и метонимическому переосмыслению. К малопродуктивным относятся лексемы, обозначающие такие части человеческого тела, как ребро, поясница, пуп, печенка, живот, которые играют менее приоритетную роль в познании окружающего мира, поэтому процесс их вербализации осуществляется сложнее, например, лезг. *Юкъ хьуй!* ‘Чтоб поясница сломалась!’, *Вин руфун над хьуй!* ‘Чтоб твой живот лопнул!’, укр. *Біса в ребро!*, *Бодай тебе за пуна взяло!*, *А щоб тобі черево луснуло!*, *Сто чортів (триста болячок) в печінку!* и др.

Как свидетельствует поведенный анализ, в лезгинских и украинских пожеланиях зла используются общие лексемы-соматизмы, однако архетипы сознания, зафиксированные в них, являются разными, маркированными национально-культурной спецификой восприятия мира и особенностями жизненного уклада этносов.

Обращает на себя внимание тот факт, что в украинском языке пожелания зла с соматизмами характеризуются структурно-синтаксической вариативностью и склонностью к образованию широких синонимических рядов, тогда как в лезгинском языке арсенал таких высказываний более ограничен и однообразен, что обусловлено национальными особенностями категоризации и вербализации явлений окружающей действительности [69].

В некоторых случаях в обеих культурах врагу желают ощутить физические страдания путем употребления еды: *Незвайди зегьер хьуй ваз!* ‘Чтоб ты отравился тем, что ешь!’, *Ваз а фу къалум хьуй!* ‘Чтоб ты удавился тем куском хлеба!’, *За гайи фу ви вилерай хтурай!* ‘Чтоб ты лопнул, удавился хлебом, которым я тебя кормил!’ (букв. ‘Чтоб тот хлеб назад через глаз вырвался!’); укр. *Щоб ти галушкою вдавився!*

4.3.2 Мотив “болезнь”

Функционирование в языке пожеланий зла с мотивом “болезнь” обусловлено бережным отношением человека к собственному здоровью. Основу мировоззрения первобытного человека составляют религиозно-мистические представления о болезнях как о безобразных фантастических существах, способных нанести вред здоровью человека, навести на него порчу и даже привести к смерти: «предметы неодушевленные или даже известные изменения в предметах (напр. различные болезни) кажутся народу живыми и разумными существами; потому упоминание их названий может вызвать их самих» [152, с. 33].

В украинском языке пожеланий зла с мотивом “болезнь” достаточно продуктивны и образуют разветвленную систему речевых единиц, семантическим центром которых являются ключевые лексемы: *гостець, грець, завійниця, колька, нічниці, пранці, родимець, тряся, холера, чума, шляк* и др.:

гостець ‘хронический ревматизм в суставах’ [431, т. 1, с. 318]: *Нехай тебе середь шляху гостець побье!* [403, с. 78], *Гостець би тобі пальці повикручував!* [387, т. 1, с. 438];

грець ‘апоплексический удар, паралич’ [431, т. 1, с. 324]: *Хай [нехай] йому [тобі, їй, їм] грець!* [431, т. 2, с. 164], *Грець тебе побивай!*, *Щоб тебе грець попоносив на вилах!*, *Щоб його кінський грець узяв!* [431, т. 1, с. 324], *Щоб вас греці мордували!* [419, № 3734, с. 629];

завійна (завійниця) ‘резкая жгучая боль в груди или животе’ [430, т. 3, с. 51]: *Бодай тебе взяла Завійниця!* [419, № 3725, с. 191];

колька ‘резкая острая боль в животе, боку, которая создает ощущение укола’ [430, т. 4, с. 238]: *Щоб тебе колька сколола!*, *Вхопили б тебе кольки!*, *Колька тебе бери!* [387, т. 2, с. 286];

нічниці ‘отсутствие сна, бессонница’ [430, т. 5, с. 430]: *Нічниця би тьби простріляла!* [387, т. 2, с. 454];

пранці ‘народное название венерической болезни – сифилиса, якобы занесенной в Европу матросами с Гаити и называемой с XV ст. «французской»

(сокращенно – *франці*, а в разговорной речи – *пранці*) [397, с. 478]: *Хай тобі на язиці сядуть... пранці!* [419, № 3717, с. 192];

родимець ‘приступ болезни у маленьких детей, беременных и рожениц, который сопровождается судорогами и потерей сознания’ [430, т. 7, с. 593]: *Щоб тебе родимець побив (взяв)!* [419, № 3729, с. 192];

тряця ‘лихорадка, болезненное состояние, при котором человека бросает то в жар, то в холод’: *Тряця йому (їй, вам, тобі й т. ін.) в печінки [в печінку, в пуп, у бік і т. ін.], Бий (бери) його (її, їх і т. ін.) тряця!* [430, т. 10, с. 307].
Синоним: **хиндя** – *Хай тебе хиндя попотрясе!* [419, № 3728, с. 192];

холера ‘острое инфекционное желудочно-кишечное заболевание’ [430, т. 11, с. 113]: *Щоб холери наївся!, Холера б на тебе напала!* [446];

чума ‘острое инфекционное заболевание человека и животного, которое распространяется часто в форме эпидемий’: *Чума б його (тебе, їх, вас і т. ін.) забрала!* [430, т. 11, с. 382], *А щоб на вас чума насила, матері вашій чорт!* [419, № 3731, с. 192];

шляк ‘диалектное название радикулита’: *Шляк би (аби) трафив (кого)!* [430, т. 11, с. 492] и др.;

сказ ‘бешенство’ – острая инфекционная болезнь, возникающая после укуса зараженного бешенством животного. Болезнь сопровождается сильным поражением нервной системы и обычно заканчивается смертью: *Бодай (щоб, хай, нехай) ти (він, воно і т. ін.) сказився (сказилося і т. ін.), Сказись (сказився б) ти!, Сказіться (ви)!;*

безсоння ‘расстройство сна’: *Сон би від тебе втік!;*

зубний біль: *А зуби би тобі затєло!;*

епілепсія (чорна хвороба, падуца хвороба) ‘хроническое нервное заболевание, которое характеризуется приступами расстройства сознания, которые обычно сопровождаются судорогами’: *Щоб тебе (його, її, їх) чорна хвороба вдарила!*

В подобных формулах проявляется специфика языческого восприятия, в частности, мифологизация болезней. В пожеланиях зла они предстают как

внеземные существа, на которых можно повлиять словом: испугать, выгнать, задобрить, умиловить. Значительно реже в украинской речи используются пожелания без указания на конкретную болезнь: *Бодай на тебе болячка!*, *Аби тебе хвороба підтяла!* [386; 419].

Примечательно, что в составе украинских пожеланий зла с мотивом 'болезнь' иногда встречаются диминутивы, что несколько смягчает негативную направленность высказывания, придавая ему шутливо-ироничной окраски. Например, популярное среди жителей Западной Украины пожелание зла *Шляк би тебе трафив!* иногда встречается в следующем варианте: *Шлячок би тебе трафив!* [419].

В лезгинской лингвокультуре пожелания зла с мотивом 'болезнь' менее продуктивны. Несмотря на то, что в лезгинском языке сформировалась достаточно широкая система терминов, обозначающих болезни человека [87], в недобрых пожеланиях такие лексические единицы встречаются достаточно редко, что свидетельствует о синкретичном восприятии лезгинами окружающей действительности в данной ситуации общения. Структурообразующим компонентом речевых единиц данной группы являются, как правило, лексемы с общей семантикой: *азар* 'болезнь', *мерез* 'тяжкий недуг' [409], которые в составе пожеланий зла воспринимаются лезгинами как синонимы слова 'смерть': *Вак азар куткурай!* 'Чтоб тебя болезнь взяла!'; *Вун мерез хьурай!* 'Чтоб ты умер!' [409].

В большинстве лезгинских пожеланий зла мотив болезни реализуется имплицитно, при этом внимание акцентируется не на самой болезни, а на ее последствиях для человека, например: *Вун чулава ярай!* 'Чтоб ты околел!' (букв. 'Чтоб тебя поразила головня!', головня – болезнь злаковых растений, при которой зерно превращается в черную пыль либо твердую черную массу) [409], *Ви ван атлуй!* 'Пусть прервется твой голос!', *Лал хьуй вун!* 'Чтоб ты онемел!', *Ви сес атлуй!* 'Чтоб ты умолк!', *Ирид ийисуз месел аллуй!* (букв. 'Чтоб семь лет лежал в постели парализованный') [168, с. 23] и др.

В качестве пожелания тяжелой болезни используется выражение *Хамуна гьатуй вун!* ‘Чтоб ты в шкуру попал!’ (т.е. заболел), связанное с приемами народной медицины (при тяжелой простуде на больного одевали только что содранную шкуру овцы, чтоб вызвать сильное потение) [409]. Пожеланием тяжелой болезни является высказывание *Сивин хъвер атІурай, кІвачин эвер!* ‘Чтобы не стало улыбки на лице, быстроты в ногах’.

Самыми страшными в представлении лезгин были психические болезни, поэтому врагу часто желали: *Дилини хъуй вун, кичини, кепеюгълидин кач!* ‘Чтоб ты стал сумасшедшим!’, *Ялтан хъуй!* ‘Пусть отдаст душу!’ (букв. ‘Пусть не в себе будет!’) и др.

Во многих украинских пожеланиях также не указывается конкретная болезнь, а главное внимание сосредотачивается на ее последствиях: *А щоб тобі рачки лазити!, Бодай же ти оглухла!, Щоб тебе заціпило!, Бодай вона отемніла й оніміла!, А щоб тобі заклало!* В украинском языке такие конструкции часто имеют форму безличных предложений. Ученые объясняют возникновение подобных конструкций национальным характером и особенностями мифологического мышления. Так, А. Ф. Лосев о подлежащем в безличных предложениях пишет следующее: «Подлинный субъект безличного предложения для древнего мышления есть демон, который всё ещё мыслится слепо-чувственно, животной инстинктивно, недифференцированно, который всё ещё остается на ступени чувственно-воспринимаемого предмета, ещё не отражается полностью в мышлении, а только предполагается им безотчетно и потому не именуется и даже не может именоваться» [цит. по: 113]. А. А. Потебня по этому поводу писал: «о безличных предложениях, которые описуют физиологическое состояние человека, можно сказать, что мы видим сейчас явления, там, где древние – субстанцию» [207, с. 383].

4.3.3 Мотив “смерть”

4.3.1 Высокой степенью продуктивности в обеих лингвокультурах характеризуются пожелания с мотивом смерти (см. табл. 4.1). Данные

вербальные формулы образуют разветвленную систему речевых единиц широкого семантического диапазона. Семантика смерти в них может реализоваться прямо (эксплицитно) и опосредованно (имплицитно). В эксплицитных высказываниях значение 'смерть' имеет непосредственное словесное выражение. В украинском языке в роли лексических индикаторов этого понятия выступают лексемы: *смерть, згинути, здохнути, сконати*, которые в сочетании с частицами *щоб, бодай, нехай* образуют распространенные высказывания с оптативной семантикой: *Бодай (щоб) тебе смерть у могилу забрала!*, *Бодай (щоб) ти, він (вона й т. ін.) згинув (згинула й т. ін.)*, *Бодай (щоб) ти, він (вона й т. ін.) здох (здохла й т. ін.)!*, *Нехай ти (він, вона, вони) здохнеш (здохне, здохнуть)!*, *Бодай (щоб) ти, він (вона, вони) сконав (сконала, сконали)!* Глаголы деструктивного действия, входящие в состав украинских пожеланий смерти, отличаются семантико-стилистическими оттенками: *здохнути* 'умереть' (бранное); *згинути* 'преждевременно умереть в результате уничтожения' (устаревшее); *сконаати* 'умереть, погибнуть, испытыв перед этим страшные физические муки' (экспрессивное), что свидетельствует о склонности украинского языкового сознания к ассоциативной детализации данной коммуникативной ситуации [56, с. 172].

Эксплицитные пожелания зла в украинской лингвокультуре малопродуктивны и используются в наиболее критических ситуациях общения, например: укр. *Бодай [щоб] тебе смерть у могилу забрала!*, *Щоб ти здох як собака!* [387, т. 3, с. 37], *Щоб тебе домовина взяла!* [386, с. 420], *Щоб тебе в домовину поклато!* [386, с. 422], *Щоб тобі така смерть!* [386, с. 423].

В лезгинском языке эксплицитные пожелания смерти имеют форму «специализированного оптатива», наличие которого исследователи объясняют ареальной особенностью кавказской культуры [108, с. 48]. Формальными показателями оптативной семантики в лезгинских высказываниях являются компоненты *хьуй, хьурай* 'пусть будет!', 'да будет': *Кунфа-кунф хьурай (хьуй)!* 'Пусть сгинут, умрут!', *Мур хьуй!* 'Пусть умрет!', *Ви эхир пуч хьуй!* 'Чтоб ты погиб, пропал!', *Гиликьрай!* 'Пусть сдохнет!' и др. Следует отметить, что в

лезгинском языке пожелания смерти (преимущественно ответные проклятья) могут иметь форму императива: *Йикь!* ‘Умри!’, *Гиликь!*, *Зегьримар!* ‘Сдохни!’, *Кьиникь!* ‘Сам умри!’ [409, с. 129] либо номинативного предложения: *Ажал!* ‘Смерть тебе!’ [409, с. 6], которые свидетельствуют о том, что лезгины в силу экспансивности и эмоциональной несдержанности в критических ситуациях склонны выражать свое отношение к оппоненту более жестко и категорично: *Вун гурба-гур хьуй!* ‘Чтоб ты из могилы в могилу переходил!’ [409, с. 47].

Пожелания с имплицитной семантикой смерти в сопоставляемых лингвокультурах более продуктивны. Объяснение данному факту следует искать в нормативной системе первобытного общества, в частности, в институте словесного табу – религиозно-магического запрета на произношение отдельных слов и фраз, нарушение которого могло привести к неизбежному тяжелому наказанию со стороны высших сил. По убеждению наших предков, использование в речи табуированных слов (как правило, обозначающих смерть, несчастья, болезни и другие деструктивные и малопонятные человеку явления), могло навлечь гнев духов. При этом сам факт смерти рассматривался как результат деятельности сверхъестественных сил. Стремясь задобрить духов, демонов и других фантастических существ, человек старался избегать табуированных слов, заменяя их эвфемизмами с завуалированной семантикой.

В обоих языках имплицитные пожелания смерти отличаются образностью, сложной ассоциативной природой, несоответствием между планом выражения и планом содержания, поэтому понять их истинное значение можно лишь в контексте коммуникативной ситуации при условии наличия у участников диалога общих фоновых знаний. По сравнению с эксплицитными высказываниями, такие формулы менее категоричны, поскольку адресант открыто не сообщает о своих желаниях и намерениях, а лишь намекает на них, оставляя возможность адресату самому догадаться, о чем идет речь [64, с. 173].

В имплицитных пожеланиях смерти глаголы деструктивного действия со значением ‘умереть’, ‘сгинуть’, ‘сдохнуть’ заменяются эвфемизмами со значением ‘пропасть’, ‘исчезнуть’, ‘закончиться’: лезг. *Вун баят хьуй!* (букв.

‘Чтоб ты пропал!’), *Чулава ягърай!* ‘Пусть умрет!’ (букв. ‘Пусть исчезнет, закончится!’) [392, с. 999], *ХаранI(a) хъуй!* ‘Пусть умрет, исчезнет!’ [392], *Ви эхир пуч хъуй!* ‘Чтоб тебе конец пришел!’ [382], *Къван хъуй вун!* ‘Чтоб ты умер’ (букв. ‘Чтоб окаменел!’) [409, с. 116], *Ви сес атIуй!* ‘Чтоб ты умолк (сдох)!’ [409, с. 194]; укр. *Щоб ти пропав!, Бодай нагло зслиз!*

Репрезентантами основного лексического значения в пожеланиях зла данного типа являются речевые единицы, построенные на основе метафор, метонимий, сравнений, фразеологизмов, символов, перифразов, которые актуализируют национально специфические ассоциативные представления лезгин и украинцев об окружающем их мире. Например: лезг. *Къиникъал ви къил эцигъй!* (букв. ‘Чтобы на смерть твою голову положили!’) [87, с. 277], *Ви къавал тIиб ацукъуй!* ‘Чтобы на твою крышу сова села!’, *Ви кIвалел пехъ ацукърай!* ‘Пусть ворон сядет на крышу твоего дома!’ (т. е. ‘пусть кто-нибудь из твоей семьи умрет!’; сова, ворон – предвестники смерти, несчастья) [409, с. 217], *Ви кIвал байкъушди ягърай!* ‘Пусть филин посетит твой дом!’ (пожелание смерти всей семье, филин – символ несчастья) [87, с. 267], *Ви ван атIуй!* ‘Да прервется твой голос!’ (т. е. ‘да умрешь ты!’) [409, с. 33], *Вун шиблитIдей виниз акъатай!* ‘Чтобы ты умер!’ (букв. ‘Чтоб ты из фундамента вверх вышел’) [87, с. 277], *Чилериз [чилииз] филерай [фий]!* ‘Пусть умрет!’ (букв. ‘Пусть под землю пойдет!’) [392, с. 975], *Буй суа хъурай!* ‘Пусть умрет!’ (букв. ‘Чтоб тело оказалось в могиле!’) [87, с. 23], *Ирид чилиз аватрай!* ‘Пусть упадет под семь земель!’ [Там же, с. 24]; *Къуьн къуна свас акъуддай югъ гъич такурай!* (букв. ‘Чтобы никогда не видел дня вывода невесты из дома!’, т. е. ‘Чтобы не дожил до своей свадьбы!’ [7] и др.; укр. *Щоб не діждав більш рясту топтати!* (*топтати ряст* – ‘жить’), *Щоб ти зозулі не чув!* (по голосу кукушки узнавали о продолжительности жизни человека) [419, № 826, с. 77], *Щоб тобі дубовий хрест (смерть)!* [419, № 3783, с. 194], *Щоб ти головою наложив!* [419, № 3782, с. 194] (*головою накласти* – ‘погибнуть’), *Нехай над ним ворони крикають!* [397, с.115] (ворон – предвестник смерти), *Щоб ти сканав, як віск!* (пожелание быстрой смерти) [386, с. 423] и др.

4.3.2 Пожелания с семантикой смерти в обоих языках образуют разветвленную систему речевых единиц, которые отражают как универсальные, так и национально специфические представления этносов об этом феномене человеческого бытия. Как показывают наблюдения, в национальном сознании украинцев и лезгин сформировались три подхода к пониманию смерти: биологический (смерть как конец жизни, прекращение жизнедеятельности человеческого организма), философский (неизбежность смерти, смерть как переход в другой мир и начало новой жизни), религиозный (взгляд на смерть как явление ритуальное, связанное с действием сверхъестественных сил).

Биологический взгляд на смерть у лезгин и украинцев является общим: смерть рассматривается как конечная стадия существования человеческого организма, необратимое угасание его жизненно важных функций, в первую очередь дыхания и кровообращения. Этот опыт в осмыслении человека как биологического механизма, который имеет свою структуру, отражают пожелания: лезг. *Ван амлуй!* ‘Пусть умрет!’ (букв. ‘Пусть звук замолчит’), *Нефес акъатуй (акъатрай)!* (букв. ‘Пусть дыхание вылетит!’), *Гум амлуй (амлурай)!* (букв. ‘Пусть дыхание прекратится!’), *Ви ван амлуй!* (букв. ‘Пусть прервется твой голос!’) [392]; укр. *Щоб тобі дихати не дало!*, *Бодай ти не видихав!*, *Кров би тебе нагла заллела!* [386] и др.

После смерти в организме человека происходят необратимые биологические процессы распада клеток и тканей, поэтому в роли пожеланий смерти часто используются высказывания, в состав которых входят глаголы деструктивного действия с семами: ‘разрушаться’, ‘разлагаться’, ‘распадаться от длительного лежания’: лезг. *Баяд хьуй!* ‘Чтоб ты сгнил!; укр. *Щоб (бодай) ти зітлів (скис)!*, *Щоб ти прахом розпався!*

Философское понимание смерти у обоих народов также общее, что обусловлено общностью взглядов лезгин и украинцев на ключевые моменты человеческого бытия. В любой национальной культуре существует страх смерти, на преодоление которого направлены огромные человеческие усилия. Общество желает победить смерть, но такая победа недостижима. Поэтому уже

в архаических коллективах сформировалось смиренное отношение к этому явлению как к неизбежному этапу на пути к новой жизни. В национальном сознании лезгин и украинцев смерть тесно связано с понятием «душа». После наступления физической смерти душа отделяется от тела и продолжает свое существование в другой ипостаси. В лезгинском языке значение 'умереть' передается словосочетанием *чан акъатна, къена* 'душа вышла из тела' [409]. О существовании души напоминают и пожелания: *Чан акъатуи!* 'Пусть умрет!' (букв. 'Пусть душа вылетит'), *Ялтан хъуй!* 'Пусть отдаст душу!' и др. О тесной семантической связи понятий «душа» и «смерть» в украинском языковом сознании свидетельствует как фразеологический материал (*віддати Богові душу* – 'умереть'), так и пожелания зла: *Чорт би тебе за душу взяв!* [446].

Таким образом, в обеих культурах уже на начальных этапах их существования сложилось одинаковое отношение к смерти как к неизбежному событию, закономерному завершению жизненного пути. Эта идея получила свое последующее развитие в монотеистических религиях. Так, в Священном Коране имеется аят, в котором сказано: «Каждое одушевленное создание обречено познать смерть». В христианстве аналогичное понимание смысла жизни и смерти восходит к ветхозаветному положению: «День смерти лучше дня рождения» и новозаветной заповеди Христа «... я имею ключи от ада и рая». Данные религиозные принципы вербализуются в лезгинском пожелании *Гурдиз фий!* (букв. 'Пусть присоединится к большинству'). В украинской речи часто встречаются пожелания: *Щоб ти ні жив, ні вмер!*, *Щоб ти не був ні тут ні там!* [387, т. 3, с. 395], которые свидетельствуют о том, что принадлежность человека к одному из миров (живых или мертвых) является закономерным, тогда как неопределенное положение (между двух миров) неестественно и может привести к несчастью.

Вместе с тем в обеих культурах наблюдается примирение только с естественной («своей») смертью, обусловленной законами природы (старением организма, неизлечимыми болезнями и т. д.). Другие виды смерти вызывают резко негативную реакцию – страх, беспомощность, глубокое эмоциональное

потрясение. Поэтому в критических ситуациях украинцы и лезгины часто используют пожелания, в которых представления о смерти детализируются. Оппоненту желают:

– преждевременной смерти (лезг., укр.): *Уьмуьр куьруь хьуй!* ‘Чтоб ты молодым умер!’, *Вун хайи йикъал къван акъалтуй!* ‘Чтобы в тот день, когда ты родился, камень упал!’); *А щоб тобі віку, як у кози хвіст!, А безголов’я та короткий вік на тебе!, Бодай єс не зріс більший!, Щоб ти луснув був маленьким!, Щоб ти маленьким був пропав!*;

– насильственной смерти (укр.): *А вмирав би не своєю смертю!, Щоб тебе не минули катівські руки!, Враг тебе бери!*;

– мгновенной, неожиданной смерти (укр.): *Сканав би як свічка!*;

– различных неестественных действий над телом покойного: (укр.): *Щоб ти здох як собака, Розтягли би ти пси кості* [387, т. 3, с. 37]; *Хай тобі собаки губи лижуть (марша грають)* [386];

– смерти в муках (укр.): *Бодай же кінець ваш був нудний та гіркий!*;

– смерти без наследников (лезг.): *Адан кІвалин гум атІуй!* ‘Пусть навсегда погаснет его очаг’ (т. е. ‘Пусть умрет, не оставив наследников’), *Тум хкатуь!* ‘Пусть сгинет, умрет’ (букв. ‘Пусть род закончится’), *Ви жинс хкатуь!* ‘Чтобы твой род (тухум) сгинул, вымер!’, *КІвал чІур хьуй (вичин)!* ‘Пусть у него будет беда!’ (букв. ‘Пусть его дом разрушится’);

– смерти близким родственникам (родителям, детям) либо всему роду (лезг.): *Велед лагъайла цавуз кили грай!* (букв. ‘При имени сына чтобы в небо смотрел’), *Буба къена ажуз хъурай!* (букв. ‘Пусть осиротеет со смертью отца’), *Иеси кый!* (букв. ‘Чтобы умер хозяин!’), *РакІарихъ цацар, тавунихъ къаІ(ар) хъурай!* (букв. ‘Чтобы под дверьми выросли колючки, а гостиная поросла зеленью’) – пожелание смерти всему роду [9].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в пожеланиях зла отражаются разные ценностные ориентиры лезгин и украинцев. Если в украинском языке более продуктивными являются пожелания преждевременной и насильственной смерти, то в лезгинской культуре

преобладают пожелания смерти близким родственникам и всему роду. Кроме того, в лезгинской культурной традиции широко распространены пожелания бесславной, бесчестной смерти. Актуализатором данного значения в лезгинских проклятьях выступает компонент «папаха» – своеобразный символ мужества, достоинства и чести в лезгинской культуре [133; 259]: *Вун ви бармакдин кІаник кьий!* ‘Чтоб ты умер!’ (букв. ‘Чтоб ты под своей папахой умер’ – проклятие в адрес мужчины); *Вун гьа и кьилел алай бармак галаз кьий, алчах!* ‘Чтоб ты умер вместе с папахой на вот этой голове, подлец!’ [444] и т. д. Подобные высказывания присутствуют в речевом общении практически всех народов Дагестана. Это обусловлено тем, что на Кавказе головной убор всегда считался самым важным и престижным элементом национального костюма, по которому судили о чести и достоинстве горца. В народе считалось, что замена папахи каким-либо другим головным убором равносильна переходу в другую веру. Если кто-то в семье совершал недостойный поступок, ее глава снимал с головы папаху, плевал в нее, затем бросал на землю и с досадой произносил: ‘Вы не оставили на моей голове папаху, вы опозорили меня’ [133; 259].

Аналогичным по содержанию «женским проклятием», т.е. адресованным женщине, является высказывание *Ви киф амІуй!* (букв. ‘Чтоб косу тебе отрезали!’), которое в лезгинском языке имеет несколько толкований. Одни исследователи считают, что данная фраза адресуется женщине, которая опозорилась и лишилась чести, что в дагестанском обществе равнозначно смерти (как известно, во многих мифопоэтических системах волосы – символ радости жизни, духовного развития, девичей чистоты и целомудренности). Другие – связывают его с древним дагестанским обрядом, согласно которому женщине отрезали косу в знак глубокого траура. Это символизировало скорбь и печаль по умершему близкому человеку – отцу или брату: «Существенное место в похоронном обряде занимало самоистязание, самобичевание, аскетизм... Сестры отрезали косы» [86]. В связи с этим данное высказывание можно квалифицировать как пожелание смерти кому-либо из членов семьи. Примечательно, что в некоторых регионах Украины, в частности, на

Гуцульщине в аналогичных обстоятельствах косу рубили топором, а на Вольте отрезали ножом девушке, которая выходила замуж. После этого она должна была прятать голову под платком [413].

Важное место в системе народных представлений о смерти занимает религиозная ее трактовка. В эпоху доминирования религиозного типа сознания внимание людей было сконцентрировано на «последнем этапе жизни», что способствовало возникновению фантастических идей о жизни после смерти, наличии потустороннего мира, Страшном суде и др. Согласно представлениям лезгин и украинцев, потусторонний мир имеет дихотомическую структуру. Он состоит из рая – места на небе, где находятся праведные души и ада – места под землей, куда попадают души грешников для вечных мучений, озеро кипящей смолы (в представлении украинцев), царство огня (в представлении лезгин). Эти древние размышления сконцентрированы в пожеланиях зла: лезг. *Тахсарадиз фий!* ‘Пусть провалится в преисподнюю’; укр. *Щоб ти на Страшний суд не встав!*, *Щоб тебе чорти у пеклі смажили!*, *Щоб нечистий вас забрав!*, *А бодай ти смоли в пеклі напився!* [386].

В обоих языках встречаются пожелания, в которых упоминаются различные обряды и ритуальные действия, связанные с похоронами: укр. *Щоб тебе очеретиною зміряли* (от старинного обычая мерять покойника для гроба стеблем камыша), *Бодай (щоб) на марах винесло (винесли)!*, *Винесли би те на марах!* (*мари* – носилки для перемещения мертвецов), *Щоб тебе положили на лаву!*, *Щоб тебе на лаві витягло!* (*лава* в украинской погребальной символике – освященное ритуалом место покойника под иконами, куда кладут омытого и одетого усопшего); лезг. *Гамунал эцигуй вун!* (букв. ‘Чтобы тебя положили на ковер!’ – омытого и одетого покойника клали на ковер), *Ви пекер чихейдаз гый!* (букв. ‘Чтобы твою одежду отдали тому, кто тебя помыл!’) – обычай, согласно которому одежду покойника отдавали тем, кто его омывал).

Следует отметить, что в обеих культурах функционируют и пожелания так называемой «нечистой смерти» – с нарушением погребальной церемонии: укр. *Щоб тебе ніп не ховав!*, *Щоб на тебе образи падали!*, *Щоб тебе поховали на*

розстанях (роздоріжжі)! (в значенні: ‘Чтоб ты и после смерти не имел покоя, отдыха’), КІваляй кьве кьил кьуна акьудрай! (букв. ‘Пусть его из дома вынесут, держа за голову и ноги’), которые свидетельствуют о том, что соблюдение традиционных ритуалов является чрезвычайно важным для обоих народов.

В лезгинских и украинских пожеланиях смерти сконцентрирована информация и о способах захоронения умершего. В разных культурах мира тело покойника передают одной из четырех стихий – земле, огню, воздуху или воде. Для лезгин и украинцев традиционным является захоронение тела в землю, что подтверждают пожелания: лезг. *КІвачерик квай чил хана!* ‘Земля под ногами пусть разверзнется!’, *Чилерик фий!* ‘Пусть умрет!’ (букв. ‘Пусть под землю пойдет!’), *Ирид чилиз аватрай!* (букв., ‘Пусть упадет под семь земель’ и др. [392]; укр. *Покрий тебе сира земля!, Бодай ти в землю ввійшов!, Щоб тебе сира земля пожерла!, Бодай тебе земля поглинула!, Землі б ти наївся!, Земля би ти побила!, Земля би тя помкла!, Наївбися сирої землі!* [387] и др.

Согласно религиозным представлениям украинцев грешников земля может не принять, и тогда их души бродят по миру, не зная покоя. Носителями этой семантики являются пожелания: *Нехай (хай, бодай) тебе (вас) земля не прийме!, Бодай (щоб) тебе (Вас) земля не прийняла!* [446], *О, щоб твою кість викидало з того світа!, Щоб тебе, окаянного, земля не прийняла* [446]; *А щоб вас та земля свята по смерті з гробів повикидала!*, которые относятся к наиболее экспрессивным.

О том, что лезгины также испытывают страх перед страданиями, ожидающими грешника после смерти, говорят фразы: *Вун гурбагур хьуй (хьурай)! ‘Чтобы сквозь могилу провалился!’*, *Сурай суруз фий!* ‘Чтоб из могилы в могилу переходил!’, которые употребляются в значении: ‘Чтоб не знал покоя после смерти’.

4.3.3 В основе религиозного понимания смерти как формы перехода в мир иной лежат универсальные идеи вечного круговорота перевоплощений. У лезгин и украинцев еще во времена язычества сложилось устойчивое представление о том, что смерть – это наказание со стороны высших сил,

стремящихся навредить человеку. Чувство страха перед загадочностью окружающего мира породило многочисленные пожелания зла, в которых функцию «карающей силы», способной привести человека к смерти, выполняют боги, демоны, персонифицированные явления природы. Данный факт нашел непосредственное отражение в лезгинских и украинских пожеланиях зла, смысловая структура которых характеризуется повышенной концентрацией сакральных сем, реализующихся в мифологемах – содержательных лексических единицах знакового характера, выступающих репрезентантами свернутых текстов мифологического содержания.

В обоих языках основной вербальный способ представления мифологемы в составе пожелания зла – лексемы, обозначающие того или иного мифологического персонажа, названия земных и небесных стихий, которые прошли процесс демифологизации – утраты первоначального сакрального значения в связи с разрушением стереотипов мифопоэтического мышления. Имя мифологического персонажа (образа, явления) выступает смысловым и эмоциональным стержнем высказывания, в котором сконцентрированы мировоззренческие доминанты этноса, особенности его национального характера. Национальная маркированность мифологем усложняет восприятие пожеланий зла представителями других культур. Поэтому применение данных речевых единиц актуально только в общении коммуникантов, обладающих определенными фоновыми знаниями.

В роли мифонимов в сопоставляемых языках чаще всего выступают лексемы, обозначающие явления природы: небо, солнце, луна, земля, гром, молния, огонь, град, времена года, а также имена языческих богов и демонов, которые в сопоставляемых языках характеризуются различной степенью продуктивности (см. табл. 4.3).

**Компонент “мифоним” и его количественные характеристики
в лезгинской и украинской лингвокультурах**

№ п/п	Пожелания зла с компонентом «мифоним»	Лезгинская лингвокультура	Украинская лингвокультура
		К-во	К-во
1.	небо	2	1
2.	солнце	4	3
3.	луна	1	–
4.	земля	3	7
5.	гром и молния	4	5
6.	огонь	5	3
7.	град	1	–
8.	времена года	1	–
9.	буря, ветер	1	4
10.	языческие боги и демоны	15	21
	Всего	37	44

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, наиболее продуктивными в сопоставляемых языках являются пожелания зла с компонентом “явления природы”. При этом в обоих языках в пожеланиях зла чаще всего используются понятия: “огонь”, “земля”, “гром и молния”, другие компоненты менее продуктивны, например:

“земля”: лезг. *KIвачерик квай чил хана!* ‘Земля под ногами пусть разойдется!’, укр. *Щоб тебе сира земля пожерла!* [419, № 3793, с. 194];

“гром и молния”: лезг. *Вун алпанди ярай!* ‘Пусть тебя метеорит ударит, да разрушишься ты!’ [409, с. 13]; *Вун алпанди ягърай!* ‘Пусть гром тебя ударит’; *Вун цIалапанди ягърай!* ‘Чтоб молния тебя ударила!’; укр. *Щоб грім убив [побив] і блискавка спалила!* [446];

“солнце”: лезг. *Ваз рагъ къалим хъуй!* ‘Пусть покарает тебя солнце!’, *Агъ вун ярагирмиш хъуй!* ‘Чтобы тебя солнце сожгло!’; укр. *Щоб ти крiзь сонце пройшов!* [419, № 3665, с. 190], *Сонце би тя побило!* [419, № 3666, с. 190];

“огонь”: лезг. *Вун цIаю тухуй!* ‘Пусть тебя огонь унесет!’, *ЦIай акатрай [кткуй]!* ‘Чтоб огнем охвачен был!’ [392, с. 946];

“луна”: лезг. *Варз къалим хьуй!* ‘Пусть покарает луна!’ [392, с. 46];

“ветер, буря”: лезг. *Экуьнахъ атай гару тухурай, нисинлай атай чайгъунди!* ‘Чтоб унес и утренний ветер, и послеобеденный ураган!’ [227, с. 24];
укр. *О, щоб їх вихром винесло!* [419, № 3667, с. 190], *Щоб тебе буря вивернула!* [419, № 3668, с. 190], *Щоб тебе горою підняло!* [419, № 3670, с. 191];

“град”: лезг. *Хару ярай!* ‘Чтобы градом побил!’;

“времена года”: лезг. *Вун яра атлуй!* ‘Пусть скосит тебя весна!’ и др.

В составе пожеланий зла обоих языков активно функционируют имена языческих богов, например, лезг. *Сед (Афат)* – властитель Царства злых сил, *Алпан* – громовержец, бог огня, *Малкамут* – божество смерти, *Цехем* – бог сна, *Шайтан* – злой дух [21]: *Ваз Сед хьурай!* ‘Пусть тебя настигнет несчастье!’ (букв. ‘Окажись в руках Седа!’) [268, с. 81]; *Вун Афатди тухурай!* ‘Пусть тебя заберет Афат!’ [Там же], *Алпандин цукурай!* ‘Пусть сожжет огонь Алпана!’, *Вун Алпандин ярай!* ‘Пусть тебя ударит Алпан!’, *Вун Алпандин цу ягьурай!* ‘Пусть тебя ударит огонь Алпана’ [228, с. 170], *Агь, вун Малкамутди тлуйрай!* ‘Съел бы тебя Малкамут!’ [453, с. 63], *Вун Цехема кьурай!* ‘Чтоб ты долго не просыпался!’ (букв. ‘Пусть схватит тебя Цехем!’) [268, с. 81] и др.; укр. *Бодай (щоб) тебе Перун побив [уперіцив]!*, *А нехай же тебе Перун ясний трісне!* [430, т. 6, с. 334], *Бодай тебе Перун забив темньоюї ночі!* [431, т. 3, с. 147] (у восточных славян Перун – бог дождя, молнии и грома [430, т. 6, с. 334], *Щоб тебе Чорний бог убив!* [419, № 3742, с. 193] (в дохристианских верованиях Чернобог – бог зла, ночи, враг людей и света; властитель подземного царства [397, с. 642–643], *Щоб на тебе Див пришов!* [419, № 3743, с. 193] (*Див* в славянской мифологии – зловещая сила в виде птицы [СУМ, т. 2, с. 269], *Цур тобі, пек тобі!* [419, № 5128, с. 248], *Цур тобі й Пек!*, *Цур та пек лихим очам!* [419, № 8359, с. 374] (в дохристианских верованиях Цур и Пек – божества войны, кровопролития, беды [397, с. 632]).

Носителями смерти нередко выступают демоны и другие фантастические существа. Среди демонологических существ в украинских пожеланиях зла чаще всего упоминается *чорт (біс, дідько)*: *Чорт би (чорти б) тебе (його, вас і*

т. ін.) *побрав (побрали)!* [430, т. 11, с. 362], *Хай (нехай) йому (їм і т. ін.) дідько!* [430, т. 2, с. 300], *Біс твоєму батькові!* [431, т. 1, с. 33], а также другие представители злых сил – *злидні, вихор, морока, мара* и т. д.: *Бодай вас злидні побили [посіли]!* [430, т. 3, с. 591], *Побила б їх морока!* [419, № 3741, с. 193], *Бий тебе нечиста сила тричі навхрест!* [386, с. 419], *Щоб тебе руда глина вбила та лиха година та невітський сором!, А щоб тебе грець в діжі спік!, Хай тебе поб'є те, що в хмари гуде!* и др.

В лезгинском языке названия демонологических существ в составе пожеланий встречаются нечасто. Исключением является лексема *шайтан* ‘черт’: *ШейтІанди вун тухурай!* ‘Пусть шайтан тебя заберет!’. Шайтан – в дагестанской мифологии – дух зла, выгнанный Аллахом из сонма ангелов за то, что не хотел поклониться Аллаху. С тех времен шайтан мстит человеческому роду, заставляя его действовать вопреки заповедям Аллаха.

Об освобождении адресата от охраняющей функции судьбы свидетельствуют украинские пожелания зла: *Бодай тобі долі не було* [446], *А відвіла би ті лиха доля, Щоб ти долі не знав* [446]. Представления о злой судьбе (укр. *лиха доля, недоля*) отразилось в пожелании зла *Гнала би сі за тобов лиха доля* [387, т. 4, с. 345]. Это свидетельствует о том, что в национальном сознании лезгин судьба является биполярной сущностью, символизирующей и добро, и фатум [9, с. 193]. Таким образом, доля (судьба) становится элементом благодетельственной магии, недоля – злой дух, враг доли, который приносит человеку несчастья. Если человек не ладит с долей – то ждать недолю в гости. Бывает, что недоля карает человека за грехи ее предков.

В составе украинских злопожеланий в качестве синонима слова *недоля* часто используется лексема *година* в сочетании с эпитетами: *лиха, тяжка, нещаслива, нагла*: *Нехай тяжка йому година та лиха!, А бий (бери) тебе (його, її, їх) лиха (нещаслива, година!, Бодай (щоб) тебе (його, вас, їх і т. ін.) взяла (не минула, побила) лиха година* [386].

Следует отметить, что в украинском национальном сознании *доля, година* – живые существа, предстающие в образе женщины.

В результате анализа выявлено, что пожелания зла, в состав которых входят названия демонологических существ («низшая мифология») в обеих культурах оказались более стойкими и жизнеспособными и активно используются до настоящего времени, тогда как пожелания зла, апеллирующие к представителям «высшей мифологии» (главным языческим богам) оказались менее устойчивыми и уже практически стерлись в народном сознании. Это связано с тем, что с принятием христианства у славян и ислама – у народов Дагестана функцию карающей силы в пожеланиях зла переключают на Бога / Аллаха. Показательными в этом отношении являются фразы: лезг. *Аллагьди ваз бала гурай!* ‘Пусть Аллах тебя покарает!’, *Ваз Аллагьди куьмек дагурай!* ‘Пусть Аллах не окажет тебе помощи!’ [382]; укр. *Щоб тебе Біг покарав!* [419, № 3697, с. 191], *Щоб вас Господь побив праведним громом!*, *Бий тебе сила божжа!* [430, т. 1, с. 168].

В лезгинской лингвокультуре преобладают пожелания зла, в состав которых входят имена отдельных богов, тогда как в украинском языке более распространены пожелания с именами демонологических существ и природных явлений. Это свидетельствует о том, что лезгинская мифология структурирована четче. Подтверждением этого можно считать и тот факт, что в украинских пожеланиях зла носителями деструктивной функции часто выступают «неизвестные темные силы». Такие высказывания имеют вид безличных конструкций со значением ‘чтоб плохо было’: *Хай тебе вдире/вдре/вирве!*, *А щоб вам пусто було!*, *Аби тебе побило!*, *Щоб тебе підняло та гепнуло/вертіло!*, *Бодай тобі дихати не дало!*, *А щоб/бодай би тобі повилазило!*, *А щоб/бодай тобі заклало/заціпило!*, *Аби тобі усе клином було!*, *А щоб тобі чорне було!* [386] и др. Возникновение таких конструкций в речевом общении украинцев не случайно, ведь на начальных стадиях своего развития древние славяне воспринимали окружающую реальность как неделимую невидимую силу, способную воздействовать на жизнь человека. Как справедливо отмечает Н. И. Толстой, «до христианства в представлении славян была только одна надприродная сила, которая имела достаточно нечеткие и

расплывчатые формы» [258, с. 235]. Более-менее конкретные формы данная сила в сознании человека начала обретать гораздо позже. С утверждением монотеизма религиозное толкование смерти постепенно оформилось в систему норм и ритуалов, регламентирующих формы обращения с умершим. Такие высказывания характеризуются яркой национальной спецификой, поскольку отражают представления, сформированные под влиянием разных религиозных систем – ислама (у лезгин) и христианства (у украинцев).

Генетическая черта украинского языка – наличие пожеланий, в которых в роли карательной силы выступают христианские атрибуты – крест и иконы (укр. *образи*): *Щоб на тебе образи падали!*, *Бий (нобий) тебе (його, її, їх) (святий) хрест!* Наличие данных символов в украинских пожеланиях зла объясняется влиянием христианской традиции. Так, в культуре христианского мира крест – один из древнейших сакральных знаков, символ Солнца и Огня, а также Вселенной и жизни. Икона – символическое изображение, играющее роль мифического посредника между миром земным и миром небесным.

В мусульманском мире такие объекты поклонения отсутствуют, поскольку в исламе божественное скрыто, оно не может быть явным, зримым и улавливается только через намеки. По мнению мусульманина, условные образы упрощают основную идею, лишают мысль утонченности, глубины, тогда как главная роль отводится слову, произнесенному внутренним либо написанному. Так, с фразой «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного» в сознании мусульман ассоциируется весь мир. Именно поэтому в пожеланиях лезгины апеллируют исключительно к Всевышнему, который един и которого нельзя описать, а можно только почувствовать. В более поздних по происхождению украинских пожеланиях смерти носителем деструктивного действия выступает, как правило, реальный, а не вымышленный персонаж: *Щоб тебе татари вбили!*, *Враг тебе (його, її, їх) беру!*, *Хай йому враг!* Возникновение таких высказываний связано с историческим прошлым украинского народа, вынужденного в течение многих веков сражаться с множеством внешних и внутренних врагов.

Таким образом, пожелания смерти в лезгинском и украинском языках являются частоупотребляемыми речевыми формулами, в которых лаконично и образно сконцентрировался духовный опыт, накопленный народами в течение многовековой истории их существования. В пожеланиях смерти отражаются схожие взгляды лезгин и украинцев на смерть как биологическое явление и философский феномен, что обусловлено универсальностью физиологии человека и общностью философских взглядов на ключевые аспекты человеческого бытия. Однако в религиозном осмыслении этого понятия наблюдаются этнокультурные различия, обусловленные спецификой духовного и социально-исторического опыта этносов.

4.3.4 Мотив “бездетность”

В обоих языках зафиксировано большое количество пожеланий зла с мотивом бездетности. Вместе с тем в лезгинском языке продуктивность данных форм выше (см. табл. 4.3.1). В лезгинской лингвокультурной традиции такие высказывания считаются самыми страшными, поскольку счастье и благополучие семьи у народов Дагестана определяется в первую очередь наличием наследников: *Ви менсеб хкатрай!* ‘Чтоб твой род вымер!’ [409, с. 151], *Ви куц кхий!* ‘Пусть умрет твой вид!’ [167, с. 59], *Адан кІвалин гум атІуй!* ‘Пусть прекратится дым в его доме, пусть навсегда погаснет его очаг!’ (в значении ‘Пусть умрет, не оставив потомства!’) [409, с. 46], *Вун хъана – валай масад алад тавурай!* ‘Ты появился на свет, а от тебя пусть не родится другой!’ [409, с. 11], *Ви жинс хкатуй!* ‘Чтобы той род сгинул (вымер)!’ [409, с. 73], *Аял такуй ви вилиз!* ‘Пусть не увидит твой глаз ребенка!’ [167, с. 59]. В украинском языке такие пожелания менее продуктивны: *Бодай его корінь звівся!* [419, № 3787, с. 194], *Щоб ваш пропав собачий рід!* [386, с. 421], *Бодай его кодро з накоренком перевелось!* [419, № 3788, с. 194].

4.3.5 Другие мотивы

Распространенными в пожеланиях зла обеих культур являются и другие мотивы, например:

мотив “несчастье, печаль, невезение”: лезг. *Инад хьуй!* ‘Много бед ему!’ [392, с. 337], *Дердиниз дава тахьуй!* ‘Пусть печаль не заканчивается!’ [392, с. 266], *Я гуж хьайиди!* ‘Да падет на твою голову несчастье!’ [392, с. 46], *Батинди ягърай!* ‘Пусть ни в чем не везет!’ [392, с. 101], *Чулава гьатрай!* ‘Много печали ему!’ (букв. ‘Пусть в черном ходит!’) [392, с. 999], *Чулавди ярай вун!* ‘Пусть тебя побьет черное!’, *Ви квалел байкьуш ацукърай* ‘Чтоб несчастье пришло в твой дом!’ (букв. ‘Чтоб на твой дом села сова!’), *Далдамар дапдадик акатрай!* (букв. ‘Чтобы музыканты оказались в тени, в укрытии’ т. е. ‘Чтобы не было радости!’) и др.; укр. *Щоб ти в старцях щастя не мав!* [419, № 3683, с. 191], *Хай Вам лихо!* [419, № 5131, с. 248], *Бодай (хай) йому (йй, їм) добра не було (не буде)!* [430, т. 2, с. 323], *Бий (побий, побила б) тебе (його, ї, їх) лиха (та нещаслива) година!* [446], *Щоб його смуток узяв!* [386, с. 421]. Примечательно, что в лезгинской лингвокультуре самым большим несчастьем для женщины, помимо отсутствия детей, считается отсутствие семейного благополучия, т.е. крепкой семьи. Этим фактом обусловлена продуктивность лезгинских пожеланий, чтобы:

1) женщина не нашла себе мужа: *Ирид гьуьлукъай хтуй!* ‘Пусть будешь семь раз замужем!’, *Ирид гьуьлукъз фий, цликъвед квализ!* ‘Пусть семь раз замуж выходит, пусть в семи домах побывает!’, *Ирид къевцилин кьилел хьуй!* (букв. ‘Чтоб была старшей из семи жен’, т.е. ‘Чтобы муж женился семь раз!’), *(Садрани) динж тахьуй!* ‘Пусть никогда тебе не будет спокойно!’ (в значении ‘Чтоб ни с одним мужчиной не складывалась у тебя жизнь!’) [391];

2) разрушился ее дом: *Квализ цай аватуй* ‘Да сгорит твой дом’ (букв. ‘В дом пусть огонь упадет!’), *Ви квал члур хьуй* ‘Да разрушится твой дом!’ (букв. ‘Твой дом разрушенным пусть будет!’), *Ви квалин йукъ аватуй* ‘Чтоб провалился твой дом!’ (букв. ‘Твоего дома середина пусть упадет!’);

мотив бедности: укр. *Бодай вас злидні побили (посіли)!* [430, т. 3, с. 591], *Нужда б тя побила!* [419, № 3659, с. 190], *Щоб тобі ні кола ні двора!* [386, с. 423], лезг. *Вун вара-зара хьуй!* ‘Чтоб ты разорился!’ [382], *Ви гум атІуй (атІурай)!* ‘Пусть прекратится дым над его дымоходом!’ (пожелание бедности) [392, с. 191] и др.

Не последнее место в формулах негативной семантики принадлежит оценке деятельности человека с позиций законов социума. Древние традиции общего ведения хозяйства, особенности регуляции и самоорганизации жизни сельской общины отразились на стереотипных правилах поведения, в частности, пожеланиях зла: *А плював би на вас світ увесь!* [387, с. 209], *Слава б тобі пропала!* [419, с. 90], *А щоб тебе люди не знали!* [419, с. 89], *Щоб тебе побив невітський сором, як ти нас осоромив!* [419, с. 89], *Щоб не вийшло з нього ні кравця, ні шевця, ні плотника, ні молотника...* [394, с. 32], *А щоб тобі відмовили, як чогось попросиш!* Пожелания аналогичного содержания встречаются и в речевом этикете лезгин: *Вуна лугьузвай гафар гъавурда такьурай ви кар туюкІуързавай касди!* ‘Чтоб твои слова не так понял человек, к которому тебя послали!’, *Вун хай хуъриз хтайла яргъала лугьудай хъсан гафар рикІелай алатрай!* ‘Чтобы забыл ты сказать слова приветствия родному аулу, когда будешь возвращаться из далекого путешествия!’ и др. [388], *Им кІвалин мур я, хуъруьн нур* (букв. ‘Он для дома – холод, а для села – свет’) – о человеке, который добр к чужим и неприветлив с родными. В украинском языке в качестве пожеланий утратить способность говорить (общаться) используются высказывания: *Щоб тебе занімило!*, *Бодай тобі заціпило!*

Специфической особенностью речевого общения украинцев является функционирование пожеланий зла, в которых отсутствуют четко очерченные мотивы. Это, как правило, высказывания, которые отсылают адресата к различным нечистым локусам, например: *Щоб тебе понесло по нетрях та по болотах!* [428, с. 228]. Данное высказывание имеет глубокие исторические корни. В народных поверьях восточных славян болото – опасное и нечистое место, где водятся черти. Сам черт создал его наперекор добрым творениям

Бога. Склонность славян воспринимать и оценивать окружающий мир в пространственных категориях отражает пожелание *Щоб тебе взяло та понесло поверх дерева (понад лісом)! [386], Щоб тебе горою (доверху) підняло! [427, с. 62].* Данное высказывание свидетельствует о том, что в этической сфере украинцев верх не только символизирует позитивное начало (нравственность, благородство, духовность), но может также иметь и негативную репутацию – отсылание адресата к чужому пространству. Для человек как существа грешного и не принадлежащего к небожителям подняться на символический верх – злое пожелание. В лезгинском языке подобные высказывания не зафиксированы.

В отдельную группу следует выделить пожелания зла, в которых текст, адресованный оппоненту, произносится во вред третьего лица. Такие высказывания в обеих культурах характеризуются наивысшей степенью экспрессивности и воспринимаются собеседником как тяжелое оскорбление. В данных речевых единицах присутствуют два объекта злопожелания: первый из них – слушатель, которому непосредственно адресуется текст, второй – определенное третье лицо, которое не принимает непосредственного участия в коммуникативном акте, а выполняет функцию постороннего наблюдателя, во вред которого произносится пожелание зла. Чем выше оценивается адресантом личность оппонента, тем большей степенью экспрессивности обладают пожелания зла и тем больший эффект достигается при их использовании. Поскольку в лезгинской и украинской культурах высоко ценятся семейные отношения, то объектом пожеланий зла чаще всего выступают близкие родственники, в частности, отец и мать, которые, безусловно, играют первостепенную роль в жизни каждого человека. В речевой практике обоих народов доминируют пожелания зла с компонентом «мать» (т.е. адресованные матери), которые, по мнению ученых, вначале адресовались демоническим персонажам и преследовали цель – обидеть «чертову мать» [222, с. 118]: лезг. *Ви диде кьерай!* ‘Чтоб твоя мать умерла!’; укр. *Матері його грець нехай!, Матері його (її і т. ін.) ковінька* (ковінька – палица из загнутым концом),

Матері його (її і т. ін.) хиря! (хиря – болезнь) [430, т. 4, с. 205], *Матері (чийї) тряся (біс і т. ін.)!*, *Тряся їх матері!* (тряся – болезнь) [430, т. 4, с. 647].

Не менее популярны и востребованы обидные пожелания, адресованные отцу: укр. *Чорт би мучив твого батька!*, *Нехай твій батько сказиться!*, *А щоб тобі крові свого батька напитися!*; лезг. *Агь вин иеси кьий!* ‘Чтоб хозяин дома умер!’, *Ирид буба вак хьуй!* ‘Пусть семь отцов твоих станут свиньями!’, *Бубадикай вак хьайиди!* ‘Чтоб твой отец стал свиньей!’ Следует отметить, что у народов Дагестана свинья относится к «нечистым» животным, поэтому к последним двум пожеланиям горцы особенно восприимчивы. Пожелания, адресуемые близким родственникам, лезгины и украинцы используют в крайних случаях, адресуя их только кровному врагу, при этом, как показывают наблюдения, их уничижительный и оскорбительный эффект у лезгин проявляется намного сильнее, нежели у украинцев.

Значительно реже пожелания зла адресуются другим членам семьи, например, жене или мужу: лезг. *Мекьи кьубдни кьий, кьубзуь гьублни!* ‘Пусть пропадут холодная зима и старый муж!’, укр. *А щоб (бодай) твоя дружинонька з кумом повелася!*, которые свидетельствуют о том, что гармоничные взаимоотношения между супругами высоко ценятся в обеих культурах.

Таким образом, лексемы родства в пожеланиях зла являются формальными объектами, однако они играют важную роль в достижении максимального коммуникативного эффекта.

Специфической категорией украинских пожеланий зла являются так называемые «псевдопроклятья» или «проклятья с отрицанием», например: *Щоб тобі голову потилицею назад повернуло!*, *Щоб тебе чорти не забрали!*, *А бодай тобі лиха не було!* Данные высказывания более вежливы, благозвучны, поскольку негативное содержание в них выражается имплицитно (завуалированно), в аллегорической форме.

Кроме того, наблюдаются случаи, когда одно и то же пожелание в зависимости от контекста может обретать либо позитивную, либо негативную функциональную направленность. Так, фразы *А щоб вас лиха біда стороною*

обходила!, А щоб ти здоровий був!, А щоб тобі добре було!, Бог би тебе любив!, Побий тебе щастя! могут быть и проклятьями, и пожеланиями добра. Объяснение данному факту следует искать в глубинах человеческой психики времен язычества, где полярные сущности могли отождествляться либо взаимозаменяться (жизнь и смерть, добро и зло, начало и конец и т. д.). Амбивалентность символики бессознательного приводила к тому, что осуждение превращалось в похвалу, а пожелание удачи считалось залогом успеха. Именно поэтому магические формулы, имеющие в конечном итоге позитивный результат, часто выстраивались как ругательства или проклятья. По мнению ученых, именно древней амбивалентностью объясняется живучесть злопожеланий: в глубинах народного подсознания это не только хула и уничижение, но также хвала и возвышение [20]. Кроме того, использование подобных высказываний в речевом общении объясняется стойким убеждением древних славян в том, что слово действительно обладает магической силой, поэтому произносить ругательства нельзя, дабы не навлечь на себя гнев высших сил.

Пожелания зла в лезгинском и украинском языках имеют гендерные особенности. Так, в лезгинском языке сугубо «женскими» пожеланиями зла являются следующие: *Ви куц кый!* ‘Пусть умрет твой вид (род)!’, *Вунни кый, вакай жедайдини!* ‘Пусть умрешь и ты, и тот, кем ты станешь!’, *Яллагь, ви стха кый!* ‘Пусть умрет твой брат!’, которые характеризуются высокой степенью эмоциональности. Аналогичным по силе воздействия на адресата «мужским» пожеланием зла являются: *Вун ви бармакдин кІаник кый!* (букв. ‘Чтоб ты под своей папахой умер’, папаха – символ мужского достоинства). Примечательно, что использование подобных фраз женщинами по отношению к представителям мужского пола является недопустимым.

В украинской лингвокультуре наблюдаем противоположную тенденцию. Поскольку женщина в украинской семье занимает равноправное с мужчиной положение, часто фиксируются случаи семейных ссор, во время которых жена не стесняется адресовать проклятья своему мужу: *Щоб ти туди пішов, куди*

людський глас не заходить! На оборот світа!, Щоб ти не діждав!, Щоб тобі не було ні життя, ні пуття, куди не повернешся!, Щоб тебе таке взяло, щоб ти не діждав і світа!, Щоб ти прахом рознався!, Матері твоїй хрін!, Куна чортів твоїй матері! та ін. [178 с. 308].

Таким образом, пожелания негативной семантики, несмотря на стереотипный характер, отличаются полнотой информации, эмоциональностью, общей прогностической направленностью. Они возникли на основе образного представления о действительности и отражают социально-исторический и духовный опыт языкового коллектива.

Выводы к главе 4

1. Пожелания зла представляют собой лаконичные высказывания с оптативной семантикой, схожие по структурной организации с пожеланиями добра, однако противоположные им по значению. Данные речевые единицы ведут свое происхождение от древнего жанра заклятий – магических словесных формул, действие которых было направлено на причинение вреда адресату. С развитием общества и накоплением знаний об окружающем мире пожелания зла утратили магический смысл и подверглись семантической трансформации, перейдя из сакральной сферы ритуала в практику повседневного общения. Сегодня главная их прагматическая цель – выразить эмоционально-оценочную реакцию на ситуацию, а не способствовать реализации определенного действия.

2. Пожелания зла в сопоставляемых языках характеризуются высокой степенью продуктивности, что обусловлено, с одной стороны, особенностями национального характера лезгин и украинцев, с другой стороны – суровыми условиями существования этносов в прошлом.

3. В современной лезгинской и украинской коммуникативных культурах пожелания зла образуют разветвленную систему речевых единиц, которые представлены эксплицитными и имплицитными формами. Эксплицитные речевые единицы содержат мотив – лексический компонент, указывающий на то, что конкретно желает адресант собеседнику. Мотивы пожеланий зла в

сопоставляемых языках общие: “болезнь”, “смерть”, “физические увечья”, “бедность”, “отсутствие детей” и т.д., однако степень их продуктивности и особенности коммуникативной реализации имеют культурно обусловленный характер. Наибольшие количественные характеристики в сопоставляемых языках имеют пожелания зла с мотивом “смерть”, который может выражаться эксплицитно и имплицитно. В обоих языках преобладают высказывания с имплицитной семантикой, построенные на основе метафор, метонимий, фразеологизмов, символов, сравнений, которые актуализируют национально специфические ассоциативные представления лезгин и украинцев об окружающей действительности. Остальные мотивы в сопоставляемых языках занимают разные позиции. В лезгинском языке более распространены пожелания зла с мотивом “отсутствие детей”, в украинском языке – с мотивом “болезнь”, что свидетельствует о разных ценностных ориентирах лезгин и украинцев. Приблизительно одинаковые количественные характеристики имеют пожелания зла с мотивом “физические увечья”, а также мотивом “несчастье, печаль, невезение”.

4. В обоих языках активно функционируют пожелания зла с соматическим компонентом, при этом наиболее продуктивны речевые единицы с лексемами, обозначающими глаза, язык, руки, ноги – части тела, которые играют первостепенную роль в освоении окружающей действительности. При этом в украинском языке пожелания зла с соматизмами характеризуются структурно-синтаксической вариативностью и продуктивностью, тогда как в лезгинском языке набор таких высказываний более ограничен и однообразен, что обусловлено национальными особенностями категоризации окружающей действительности средствами языка.

5. Языческие представления лезгин и украинцев нашли отражения в пожеланиях зла с компонентом “мифоним”, в роли которого выступают имена, обозначающие того или иного мифологического персонажа, названия земных и небесных стихий, которые прошли процесс демифологизации – утраты первоначального сакрального значения в связи с разрушением стереотипов

мифопоэтического мышления. В лезгинской лингвокультуре преобладают пожелания зла, содержащие имена отдельных богов, тогда как в украинском языке более распространены пожелания с именами демонологических существ и природных явлений, что свидетельствует о более четкой структурированности лезгинской мифологии. Подтверждением данного обстоятельства можно считать и тот факт, что в украинских пожеланиях зла носителями деструктивной функции часто выступают «неизвестные темные силы».

6. Пожелания зла в сопоставляемых языках имеют выразительные гендерные особенности. В лезгинском языке наблюдается четкая дифференциация «мужских» и «женских» пожеланий зла. В украинском языке такое разграничение отсутствует. В лезгинской лингвокультуре использование пожеланий зла женщинами в отношении мужчин неприемлемо. В украинской лингвокультуре наблюдается противоположная тенденция: в рамках семейного общения зафиксировано большое количество разнообразных экспрессивных высказываний, которые во время семейных ссор жена адресует своему мужу.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [50; 56; 63; 64; 68; 69].

ГЛАВА 5

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ СИТУАЦИЯХ «ПРИВЕТСТВИЕ», «ПРОЩАНИЕ»

5.1 Речевой этикет в ситуации «Приветствие»

5.1.1 Общая характеристика приветствий

Приветствия и прощания в современном речевом общении воспринимаются как акты, противоположные по значению и коммуникативным функциям: приветствия способствуют установлению контакта с собеседником, прощания – завершают диалог. Однако в разные исторические периоды слово *приветствие* наполнялось различным содержанием и играло неодинаковую роль в процессе коммуникации. По мнению ученых, антонимические отношения между приветствиями и прощаниями оформились относительно недавно. Вначале сформировались приветствия в широком понимании данного понятия – лаконичные высказывания с позитивной оптимистической семантикой, использование которых было направлено на устранение агрессии, установление доброжелательных отношений с адресатом и достижение желаемого результата. Исследовательница восточнославянского приветствия Н. С. Гребенщикова утверждает, что «особые формулы прощания фиксируются в памятниках несколькими столетиями позже, нежели приветственные (в широком смысле), они несут в себе идею хорошего будущего (*Счастливо!*), христианского прощания грехов друг другу (*Прощай!*), содержат перспективу встречи (*До свидания!*). Все это коренным образом отличается от приветственного вопроса (обнюхивания) и прочих вербальных способов начала общения, которым можно найти аналогию у животных в виде помахивания хвостом» [101, с.14–15]. При этом акцентируется внимание на том, что ситуация прощания характерна только для человеческого общения, в коммуникации животных она не наблюдается.

Анализ толкований различных этикетных единиц, помещенных в современных лексикографических источниках, подтверждает предположение о том, что происхождение приветствий и прощаний соотносится с разными

историческими периодами. Так, в энциклопедическом словаре «Древний мир» отмечается, что в античные времена фраза *Будь здоров!* (у древних римлян *Salve!*) произносилась как при встрече, так и при расставании, а изначально полифункциональное этикетное высказывание *Будь сильным, здоровым!* на определенном этапе развития общества стало употребляться только в качестве прощания. В церковнославянском словаре Г. Дьяченко лексема *Здравствуй!* объясняется как «привѣтствіе, поставляемое въ концѣ письма и соотвѣтствующее нашему: прощайте» [422, с.199], а в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля *Здравствуй, -те!* трактуется как «привет при свиданье», при этом прослеживается четкая дифференциация приветствий и прощаний: *Богаты, так здравствуйте, а убоги, так прощайте!»* [437]. Приведенные выше примеры подтверждают предположение о том, что на ранних этапах существования человеческого коллектива приветствия в силу своей благожелательной семантики, выражающей намерения и стремления говорящего воздействовать на окружающий мир и изменять его к лучшему, имели универсальный характер и не были закреплены за определенной стадией общения. Одни и те же высказывания могли использоваться как при встрече, так и при расставании. С развитием общества и усовершенствованием коммуникативного процесса из приветствий вычленились формулы прощания, которые постепенно утратили связь с ситуацией «встреча» и закрепились за финальным этапом диалога.

В современном общении приветствия относятся к ЭРЕ, которые способствуют установлению контакта с адресатом и созданию доброжелательного микроклимата общения. Приветствие выступает своего рода коммуникативным зачином, определяя дифференциальные признаки участников диалога и задавая соответствующий стиль и тональность дальнейшего разговора. Как отмечают исследователи, приветствие – это «начинание, исходный акт; это даже не сам поступок, а прелюдия к какому бы то ни было поступку» [191, с. 635].

Рассматривая современные приветствия, большинство ученых отмечают в первую очередь их стереотипность, семантическую неполноценность, неинформативность. Например, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, анализируя природу приветствия, называет его «актом внеличного происхождения», который не воспроизводится человеком самостоятельно, а повторяется за другими людьми. Ученый утверждает, что, произнося приветствие, человек выполняет «действие, лишенное двух его наиболее существенных признаков, которыми характеризуется всякий в строгом смысле слова человеческий поступок, – свойства возникать в уме субъекта действия и порождаться его волей. Поэтому данный акт больше похож на механическое, безличное движение, нежели на поведение человека» [191, с. 592]. Постепенно теряя смысл в силу своего частого использования и привычности, форма приветствия изменяется до тех пор, пока не приобретет наконец того абсолютно бессмысленного вида, который характерен для рудимента. В известной мере всякое приветствие – это дань уважения, это «внимание», отсутствие которого вызывает гнев окружающих, поскольку означает «невнимание» [191, с. 594].

Джон Лайонз, рассматривая приветствия, подобные английскому *How do you do?* ‘Здравствуйте!’, отмечает, что они имеют характер «готовых» образований, которые не конструируются заново в каждом случае их употребления и могут описываться как «условные реакции» на ситуации, в которых встречаются [157, с. 441].

Аналогичной точки зрения придерживаются и российские ученые, которые отмечают, что в ситуации приветствия «обмен репликами служит не для обмена информацией, а для установления контакта между собеседниками либо для обозначения того, что между ними существуют определенные социальные отношения. Такими, например, являются расспросы о здоровье при встрече <...>» [85, с. 636].

Приведенные выше утверждения, на наш взгляд, абсолютно справедливы. Действительно, современные приветствия характеризуются частичной

семантической опустошенностью и воспроизводятся автоматически в типичных коммуникативных ситуациях. Обращаясь сегодня к собеседнику с приветствием *Здравствуйте!*, мы вряд ли подразумеваем что-либо иное, нежели соблюдение определенной традиции и проявление внимания к адресату. Вместе с тем данное приветствие нельзя рассматривать исключительно как рудиментарное образование, т. к. оно выполняет определенные коммуникативные функции (привлечение внимания, установление контакта, воздействие на собеседника) и является транслятором определенной информации – «я тебя замечаю, хочу с тобой общаться, отношусь к тебе доброжелательно».

Кроме того, если обратиться к этимологии приветствий в различных языках, можно реконструировать некоторые фрагменты языковой картины мира того или иного этноса, поскольку внутренняя форма слова коррелирует со структурой мышления и способами познания объективной реальности. Абсолютно справедливым в связи с этим является вывод Г. Спенсера о том, что за кажущейся простотой приветствий и прощаний кроются сложные формы человеческих взаимоотношений на различных ступенях исторического развития общества [372].

5.1.2 Роль приветствий в речевом этикете лезгин и украинцев

Ситуация приветствия в своей основе универсальна, но ее структура и языковая экспликация имеют, безусловно, национально специфический характер. Лезгинские и украинские приветствия генетически восходят к древним по происхождению магическим вербальным текстам, которые в первобытном обществе являлись неотъемлемой частью определенного ритуала и произносились с целью воздействия на окружающую действительность и достижения желаемого результата. Из глубины веков лезгины и украинцы с особым уважением и почтительностью относились к приветствиям, верили в их магическую силу, способность наделять человека здоровьем, добром, счастьем, мудростью, влиять на объективную реальность и изменять ее к лучшему.

Каждый компонент приветствия имел свой глубокий смысл и был вплетен в канву древних верований и представлений обоих народов, соотносясь с особенностями их духовной и материальной культуры, традиций, национального характера.

Общие коммуникативные функции приветствий в прошлом обусловили сходство их структурного и семантического оформления во многих языках мира, в том числе и неродственных. Большинство приветствий в речевом этикете лезгин и украинцев представляют собой лаконичные тексты-пожелания с предсказуемой синтаксической структурой и лексическим составом, в которых в сконденсированной форме нашли отражение моральные приоритеты и духовные ценности обоих этносов. Набор основных мировоззренческих установок и моральных понятий, заложенных в семантике лезгинских и украинских приветствий, является общим: мир, здоровье, добро, счастье, удача, помощь Бога и т.д. Однако их актуализация в структуре высказывания, а также место в иерархии национальных духовных ценностей имеют, несомненно, культурно обусловленный характер [69].

В славянской культуре с древних времен приветствие было обязательным элементом общения, признаком воспитанности и благородства. Даже незнакомого человека всегда встречали искренним и светлым высказыванием, содержащим пожелание добра, здоровья, удачи и Божьей помощи. Такая вежливость до настоящего времени сохраняется во многих селах России, Украины, Белоруссии, где принято здороваться со всеми, кого встретишь на своем пути: родственником, соседом, незнакомцем.

О важности приветствий в жизни славян свидетельствуют исторические и этнографические источники. Так, например, еще Владимир Мономах в своем «Поучении» советовал детям: «Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите» [209, с. 65].

В прошлом отсутствие приветствия на начальной стадии общения могло привести к коммуникативной неудаче, обидеть собеседника. О последствиях

проявления подобной невежливости рассказывает старая украинская народная песня:

*Да йшов ляшок мановиком,
надибав жінку з чоловіком.*

***Помагайбо** не дав і шапочки не здонняв.*

*Мужик його привітав,
За чуприну вихитав.*

От так, ляшку, добре знай,

***Помагай Бог** давай [209, с. 532].*

В украинском языке *Помагайбі* (образовано в результате сращения слов *Помагай Боже!*) – устаревшая форма приветствия с пожеланием успехов в работе [430, т. 7, с. 110].

Негативные последствия имело не только отсутствие приветствия, но и его несоответствие характеру ситуации. Подтверждением этого является традиционная украинская шутка, приведенная в работе Номиса: *Дай, Боже, на пожиток (як колють кабана). Один дурень сказав: «Боже помози», так сміялись з його, поки й вмер – не забули!»* [419]. Причиной коммуникативной неудачи могла быть также замена религиозного высказывания фразой светского характера. Для верующего человека это считалось оскорблением. Украинская пословица гласит: *Яке «помагайбі!», таке й «доброго здоров'ячка!»* [442, с. 270]. Это означает, что в национальном сознании украинцев эффективность общения напрямую зависит от правильно выбранного приветствия.

Не менее важную роль играли приветствия в жизни лезгинского народа. Дагестанцы, как и другие представители мусульманского мира, с большим уважением и ответственностью относились к приветствиям, тщательно придерживались всех правил их использования. Существует древняя кавказская легенда, в которой рассказывается о том, что если двоих прохожих, которые встречаются на дороге, разъединяет дерево, то, оказываясь рядом, они снова должны поприветствовать друг друга. Особое внимание к приветствиям у народов Дагестана имеет религиозную основу. Все условия их использования

прописаны в хадисах (сборниках высказываний, комментирующих действия пророка Мухаммада), которые вместе с Кораном считаются священными книгами ислама. Так, в известных сборниках «Аль-Джами Ас-Сахих», составленных аль-Бухари и Муслимом, приводится хадис о том, что когда кто-то спросил Посланника Аллаха: «В чем наилучшее появление Ислама?», тот ответил: «В том, чтобы ты угощал едой и приветствовал тех, с кем знаком и незнаком». Мусульмане свято верили в то, что приветствуя единове́рца надлежащей формой, можно получить двойной *саваб* (у лезгин – *суваб*) – благосклонность Аллаха: один – за то, что приветствуешь, другой – за то, что даешь возможность другому человеку получить *суваб*, ответив ей тем же. В одном из хадисов написано: «Самые угодные Аллаху те из вас, кто первым начинает приветствие». В Коране сказано: «И когда вас приветствуют каким-нибудь приветствием, то приветствуйте лучшим или верните его же. Поистине, Аллах всякую вещь подсчитывает!» [139, с. 86].

В лезгинских приветствиях нашли отражение не только религиозные представления народа, но и особенности его социально-исторической жизни. Как свидетельствуют исторические и этнографические источники, в древние времена лезгины жили тухумами (родами). В зависимости от того, здороваются или не здороваются между собой представители разных тухумов, можно было узнать, в каких отношениях они находятся, – мирных или враждующих. О порядочности, воспитанности человека свидетельствовало его отношение к тухуму. Поэтому при встрече лезгины и другие народы Дагестана в первую очередь задавали вопрос: ‘Из какого ты тухума?’

В каждом ауле соседи обязательно приветствовали горца, когда он возвращался из далекой поездки. Не поприветствовать человека, который идет навстречу, даже незнакомого, считалось большим грехом. О благородстве, высокой культуре и воспитанности лезгин свидетельствует и тот факт, что они проявляют вежливость даже по отношению к своим врагам. Так, когда мирили кровников, виновник должен был первым поприветствовать пострадавшего [133]. В этом поступке проявлялось глубокое раскаяние, которого с

нетерпением ждал весь аул. Недаром дагестанцы говорят: «Добро добром отплатишь – молодец, зло добром отплатишь – ты мудрец». Обязательным остается приветствие и в современной жизни лезгин: «При встрече словом *Здравствуй!* устыди непоздоровавшегося друга», – пишет дагестанский поэт Гамзат Цадаса.

Как видим, традиция приветствовать друг друга при встрече – древний обычай как в лезгинской, так и в украинской культуре. В общекультурном плане лезгинские и украинские приветствия имеют много общего, т. к. в них отражаются стремления собеседников к миру, добру, взаимопониманию, благородству, мудрости. Так, лезгины, встретив человека, говорят *Салам алейкум!* (в переводе с арабского языка означает ‘Мир Вам!’), а украинцы – *Здрастуйте! Доброго здоров’я!*, т. е. ‘желаю Вам здоровья, добра!’ Общим является и набор факторов, которые регулируют выбор приветствий в каждой конкретной ситуации общения: время (когда именно здороваются – утром, днем или вечером), цель общения, социальные признаки собеседников (возраст, пол, социальный статус, уровень образования), обстоятельства общения (праздничный или будничным день, занят ли человек на момент встречи какой-либо работой). Согласно этим условиям в речевом этикете обоих народов сложились определенные традиции приветствия, которые имеют национальную специфику.

5.1.3 Факторы, влияющие на выбор приветствий

Приветствия в коммуникативной практике и национальном сознании лезгин, как и многих других дагестанских народов, с древних времен существовали в форме императивов, а их использование регулировалось различными запретами (табу) и предписаниями, изложенными в Коране и Священной Сунне. Так, например, согласно Сунне (высказывания и действия пророка Мухаммада, сумма хадисов, являющаяся авторитетной для всех мусульман) не разрешается приветствовать незнакомых молодых женщин, игроков в азартные игры, человека, читающего молитву и т.д. Старший первым

приветствует младшего, горожанин – жителя сельской местности, всадник – пешего, стоящий – сидящего, хозяин – слугу, отец – сына, мать – дочь. Каждое из этих правил имеет свое объяснение. Например, старший по социальному положению всегда должен здороваться первым, т. к. в Ночь Вознесения (Мирадж) Всевышний приветствовал первым. Старший по возрасту первым приветствует младшего, т. к. старший пришел в этот мир раньше него, а значит – имеет больше жизненного опыта, знаний и умений, которыми может поделиться. «В ауле, где нет старшего, достатка не будет», – говорят в народе. Всадник (либо тот, кто едет в транспорте) первым приветствует того, кто идет пешком, т. к. пеший пребывает в невыгодном положении, он утомлен долгой дорогой и должен еще много пройти. Пришедший первым приветствует участников собрания. Его приветствие является для них, с одной стороны, извинением, т. к. он опоздал, с другой стороны, пожеланием успеха и благополучия. Тот, кто опускается с горы, обязан поприветствовать того, кто поднимается в гору, т. к. первому легче, нежели второму. По этой же причине человек, идущий налегке, первым приветствует человека, который идет с грузом. Свободный приветствует занятого делом, здоровый – слабого, хозяин – гостя, тот, кто приехал домой, посещает и приветствует людей преклонного возраста, старожиллов аула и т.д. Согласно этим правилам образовалась стойкая этическая система, которая деликатно регулирует отношения между людьми. Дагестанцы искренне верили в то, что выполняя данные предписания, они могут добиться благосклонности Аллаха. Со временем люди, отдалившись от Всевышнего, забыли его заповеди, однако приветствие в течение многих веков не утратило своей значимости.

В украинской культуре выбор приветствий также строго регламентирован. Он зависит прежде всего от времени суток, характера ситуации (будничная, праздничная), рода занятий коммуникантов. Кроме того, украинские приветствия имеют ярко выраженные региональные особенности. Исследователь украинского народного быта В. П. Милорадович в очерке «Житье-бытье лубенского крестьянина» описывает следующие особенности

использования приветствий в повседневной сельской жизни жителей Полтавщины: «Местные приветствия таковы: утром – *Добрыдень!*, днем – *Боже, поможы; помага-би; з постом; прыкончением посту; з недилею, з празныком будьте здорови!* Но работающего в праздник нельзя поздравлять с праздником, а следует сказать, как и в будень: *Боже, поможы.* Иногда разнообразят приветствия: *Здрастуйте вам! А чы ради вы нам? А хоч ради, хоч не ради, то спасыби вам*» [178, с. 310].

О приветствиях русинов писал известный украинский этнограф, исследователь культуры и быта жителей Карпат Я. Ф. Головацкий: «Ввійшовши в хату або здибавшись, заодно кажуся: «*Слава Богу (слава Ісусу Христу)!*» – Відповідають: «*На віки слава (слава во віки)!*» – Або: «*Помагай Біг вам!*» - Відповідають: «*Дай Боже здоров'я!*» – Перший каже: «*Як ся маєте?*» – Другий: «*Гаразд, Богу дякувати; ви собі як ся маєте?*» – Перший: «*Гаразд, поки здорові, хвалити Бога*» [93, с. 293].

Сегодня данные фразы используются ограниченно, как правило, в речи жителей сельской местности. Этикетная единица *Слава Ісусу Христу!*, обслуживающая как начальную, так и завершающую стадии диалога, – характерная особенность повседневного общения представителей западной Украины. В просторечии (преимущественно жителей горного Прикарпатья) встречается ее сокращенный вариант *Славайсу!* Обе этикетные формулы предполагают ответ: *Слава навіки!* или *Навіки слава!*

5.1.4 Классификация приветствий

Система приветствий у лезгин и украинцев представляет собой совокупность ЭРЕ, которые различаются по семантике, стилистической окраске и функциональной нагрузке. В обоих языках выделяются две группы приветствий: 1) универсальные высказывания, уместные в любой ситуации общения и 2) функционально ограниченные ЭРЕ, использование которых детерминировано определенными коммуникативными факторами.

5.1.4.1 Универсальные приветствия

В лезгинском РЭ стилистически нейтральным и уместным в любой ситуации общения является высказывание *Салам алейкум!* – древнее исламское приветствие, известное всему мусульманскому миру. В современном общении лезгин это всего лишь вежливое обращение к адресату. Однако раньше данное этикетное высказывание обладало более высокой степенью коммуникативной нагрузки. Каждый, кто использовал это освященное Благородным Кораном и Священной Сунной приветствием, не только желал собеседнику мира, но и напоминал, что он – мусульманин, покорный Всевышнему. Кроме того, *Салам алейкум!*, в отличие от других, присущих отдельным этносам приветствий, свидетельствует также о единении миллионов мусульман.

Историю возникновения приветствия *Салам алейкум!* находим в Священной Сунне. Аллах, создав Адама, сказал ему: «Иди и поприветствуй тех ангелов, которые сидят неподалеку, и внимательно слушай приветствие-ответ, т. к. это будет формой приветствия твоих последователей». Адам Алайхиссалам приветствовал ангелов словами: *Ас-саламу алейкум!* ‘Мир вам!’, на что ангелы ему ответили: *Ва Алейкуму-с-саламу ва рахмату-л-Лахи!* ‘Мир тебе и милость Аллаха!’ С того времени приветствие *Салам алейкум!* и ответ на него – *Алейкум салам!*, который демонстрирует проявление еще большего уважения и доброжелательности по отношению к собеседнику, стали неотъемлемой частью общения мусульман, поскольку *Салам!* ‘Мир!’ укрепляет единение душ. Пророк Мухаммад объяснял важность данного приветствия тем, что это одно из имен Аллаха, которым он облагодетельствовал землю, поэтому это имя следует распространять между мусульманами: «Вы не войдете в Рай, пока не уверуете, и вы не уверуете, пока не полюбите друг друга. Должен ли я указать вам на то, что, если бы вы сделали, то полюбили бы друг друга? Распространяйте мир между вами» [10].

Как отмечают этнографы, в прошлом приветствие *Салам алейкум!* считалось исключительно мужским. Кроме того, к нему не принято было прибегать в общении с родственником, другом, соседом, несовершеннолетним,

представителем иной веры [164, с. 201]. Ближе к XIX веку категоричность подобных запретов существенно смягчилась. В современном общении лезгин и других мусульманских народов приветствие *Салам алейкум!* (и его редуцированная форма *Салам!*) используется практически без ограничений. Вместе с тем следует отметить, что данная форма в настоящее время все же более употребительна в мужской речи и чаще адресуется мужчине, при этом «если разница в возрасте между тем, кто приветствует, и его адресатом велика (например, подросток или юноша приветствует пожилого человека), то форма *Салам алейкум!* может показаться неуместной как слишком высокая по стилю» [164]. Данное приветствие не рекомендуется использовать также при обращении к немусульманину, поскольку *Салам!* – это молитва. Хотя в современном дагестанском обществе не обходится и без исключений из этого правила, поскольку в соответствии с нравственными ориентирами горцев мира нужно желать всем, независимо от национальности и вероисповедания. В современных лезгинских семьях детей с ранних лет приучают использовать приветствие *Салам алейкум!*, особенно в общении с ровесниками.

В лезгинском языке наряду с известным всему мусульманскому миру *Салам алейкум!* широко функционируют и другие приветствия, которые отражают этнокультурную специфику общения и духовные ценности лезгин: *Пакаман хийир!*, *Сабагъ хийир!*, *Хийирар хъуй!* ‘Добрый день!’, ‘Здравствуйте!’, *Абатхийир!* ‘Будь счастлив!’ (приветствие-ответ при встрече и расставании), *Абатхийир хъайиди!* ‘Пусть будет у тебя благополучие!’

В РЭ украинцев наиболее употребительным, стилистически нейтральным приветствием считается фраза *Здраслуй(-те)!*: – *Здраслуйте, дідусю!* – *закричало радісно дитя* [414, т. 1, с. 286]. Как отмечают этимологи, общеславянское слово *здравствуйте* происходит от старославянского *сѣдравствовати*, точнее от формы повелительного наклонения этого глагола – *будь здоров*. В древнерусском языке она означала ‘благополучно жить, существовать’, ‘приветствовать, произносить здравицу в честь кого-, чего-нибудь’, ‘приветствовать при встрече’. Однако ранее слово *здраслуй!* имело

другое значение. В праславянском языке **sъdorvъ съ* = др.-инд. *su* ‘хороший’ и **dorvo-* ‘дерево’, т. е. ‘из хорошего дерева’ [267, т. 2, с. 90; 414, т. 2, с. 82]. Это дает основания предполагать, что используя данную форму, первоначально имели в виду не столько пожелание физического здоровья и благополучия, сколько утверждение: «я живу, имею здоровый дух, выносливость, стойкость».

Примечательно, что в последнее время под влиянием русского языка общеславянское высказывание *Здравствуйте!* вошло и в лезгинское речевое общение (преимущественно жителей крупных городов). Оно не противоречит лезгинскому речевому этикету, поскольку связано с древними народными традициями пожелания добра, здоровья. Вместе с тем в речевом этикете лезгин приветствие *Здравствуйте!* отличается национальным колоритом. Даже в общении с представителем русской культуры его принято сочетать с различными уважительными обращениями. Например, в горном ауле старый крестьянин, встретив русскую учительницу, к традиционному *Здравствуйте!* обязательно добавит *учительница*. Русская учительница, в свою очередь, приветствуя крестьянина, отдаст предпочтение приветствию на местном диалекте в знак уважения к собеседнику.

В украинском РЭ широко распространены и другие приветствия с семантикой ‘здоровье’: *Доброго здоров'я!*, *Доброго здоров'я вам у хату!*, *З понеділку будьте здорові!*, *Доброго здоров'я зичу (жичу)!*, *Здоров (здорова, здорові) [був (була, були, будь, будьте і т. ін.)] з неділею (з понеділку, у хату і т. ін.)*. В XIX в. данные формы служили универсальным средством установления контакта с собеседником, подтверждением чего служат художественные тексты, описывающие события этого периода: – *Здорові були, свате!* – *Здорові будьте й ви! Яким це побитом?* – *здивувався Хома* [404]; – *Здорові, тітко!* – *веселенько привіталася Христя.* – *Здорова,* – *під ніс охриплим голосом мовила Мар'я* [414]; – *Добривечір вам! З понеділку будьте здорові!* – *сказали бурлаки до хазяїна* [416].

В современной коммуникативной культуре украинцев данные фразы функционируют в просторечии. В общении преимущественно жителей

сельской местности часто употребляются приветствия, апеллирующие к Богу: *Дай, Боже, здоров'я!*, *Дай, Боже, щастя!* и др., которые говорят о том, что в национальном сознании украинцев благополучие человека зависит в первую очередь от Божьей милости.

5.1.4.2 Функционально ограниченные приветствия

Кроме стилистически нейтральных, универсальных приветствий, как лезгины, так и украинцы, используют и другие этикетные единицы, функционирование которых ограничено различными коммуникативными факторами. Функционально ограниченные этикетные речевые единицы в свою очередь дифференцируются на 3 подгруппы: 1) темпорально обусловленные ЭРЕ; 2) ситуативно обусловленные ЭРЕ; 3) стилистически маркированные ЭРЕ.

5.1.4.2.1 В обоих языках активно используются приветствия, употребление которых ограничено временным фактором. Данные этикетные единицы в обеих лингвокультурах имеют характер пожелания, мотивом которого является понятие «добро» (лезг. – *хийир*), что говорит о его приоритетных позициях в морально-этическом кодексе лезгин и украинцев: укр. *Добрый ранок!*, *Доброго ранку!*, *З добрим ранком Вас!*, *Добридоsvіток!* (диалектная форма, используемая ранним утром на рассвете) – лезг. *Сабагъ (пакаман) хийирар хьуй!* ‘Доброе утро!’; укр. *Добрый день!*, *Доброго дня!*, *Добридень* (разг.) – лезг. *Нисин хийирар хьуй!* ‘Добрый день!’; укр. *Добрый вечір!*, *Доброго вечора!*, *З добрим вечором Вас!*, *Добривечір!* (разг.) – лезг. *Няни хийирар хьуй!* ‘Добрый вечер!’; укр. *Доброї ночі!* *Добраніч!* (разг.) – лезг. *Йифен хийирар хьуй!* ‘Доброй ночи!’

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, среди темпорально обусловленных приветствий обнаруживаются межъязыковые этикетные соответствия. Однако о полной тождественности семантики ЭРЕ в сопоставляемых языках речь не идет. В лезгинском языке компонент *хийир*, входящий в состав ЭРЕ, имеет несколько толкований, которые в лексикографических источниках фиксируются в следующем порядке: 1) выгода, польза, прок; 2) прибыль; 3) добро, благо [409]. Исходя из этого, можно сделать

вывод, что значение ‘выгода, польза, прок’ является более приоритетным, нежели ‘добро, благо’. Подтверждением данного наблюдения может служить и то, что во многих лезгинских учебниках приведенные выше фразы переводятся на русский язык следующим образом: *Сабагь (пакаман) хийирар хьуй!* ‘Утренние пользы пусть будут!’, *Няни хийирар хьуй!* ‘Вечерние пользы пусть будут!’ и т. д.

В темпорально обусловленных украинских приветствиях возможны позиционные изменения: *Доброго дня Вам! День Вам добрий! День добрий Вам!* Инверсионный порядок слов способствует бóльшей стилистической выразительности и экспрессивности фразы. В украинском речевом этикете наряду с усеченными формулами активно используются их полные варианты с перформативными глаголами *бажаю, зичу*, характерные для торжественной обстановки: *Я бажаю вам доброго ранку!*, *Я зичу вам доброго ранку!* и др.

5.1.4.2.2 К ситуативно обусловленным относятся ЭРЕ, употребление которых уместно в определенной коммуникативной ситуации (приветствие гостя, приветствие работающего и т.д.). Например, приветствие гостя: лезг. *Хвашигелди!* ‘Добро пожаловать!’, *Вун атуй, рагь атуй!* ‘С приездом (возвращением)!’ (букв. ‘Ты пришел – солнце взошло!’), *Вун гьинай, и чкаяр гьинай?!* (букв. ‘Ты откуда, эти места откуда?’) [392, с. 165], *Ви атун хийирлуди хьуй!* ‘Пусть к добру будет Ваш приезд!’ [444]; укр. *Гість в дім, Бог з ним!*, *Вітаємо, вітаємо! Гості до нас!* [387, т. 1, с. 273], *Загостіть, коли ласка ваша!* [387, т. 1, с. 620], *Милості (ласкаво) просимо!*, *Хліб-сіль!*, *Щоб прихід Ваш був добрим!* и др.

Приветствие работающего: лезг. *Аллагь куьмек хьурай!* ‘Бог в помощь!’, *Ваз Аллагьди куьмек гурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’, *Це Аллах!* ‘Дай Аллах!’, *Галат жемир!* ‘Не уставай!’, *Ваз аллагьди кьуват гурай* ‘Пусть тебе Аллах даст силы!’, *Ваз аллагьди куьмек гурай!* ‘Пусть Аллах тебе поможет!’, *Я аллагь ви гьилер галат тахлурай! / Я аллагь ви гьилериз галатвал акунтувурай* ‘О Аллах, чтоб твои руки не уставали!’; укр. *Дай, Боже!*, *Помагай, Боже!*

Боже, поможи!, Боже Вам помагай!, Дай, Боже, щастя! – древние пожелания, постепенно трансформировавшиеся в приветствия и др.

5.1.4.2.3 В обоих языках зафиксированы стилистически маркированные приветствия – официальные, разговорные, диалектные и т. д. Например, в официальной обстановке при обращении к незнакомому адресату или адресату более высокого социального статуса используются формы: лезг. *Лашад я / Кьадарсуз шад я!* ‘Очень рад!’, *Чун гуьруьшмиши хьунал зун шад я!* ‘Я рад нашей встрече!’, *Вун сагьламдиз акулал шад я!* ‘Рад видеть Вас здоровым!’, укр. *Дозвольте привітати Вас!, Радий вітати Вас!, Вітаю Вас!* и т. д.

5.1.4.3 Приветствия-вопросы

Следует отметить, что после традиционного приветствия лезгины не сразу переходят к разговору, а вначале расспрашивают о делах и здоровье друг друга. При этом наиболее распространены ЭРЕ: *Ківалахар гьикІ я? / Вуч гьалар я?* ‘Как дела?’, *Ви квалахар гьикІ ава?* ‘Как поживаешь?’, *Вуч (цІийи) хабарар ава?* ‘Какие (свежие) новости?’, *Вуч цІийивал ава? / Вуч хабарар ава?* ‘Что нового?’, *Хизанар гьикІ я? Ви (Куь) хизанар гьикІ ава?* ‘Как (твоя / Ваша) семья?’, *Аялар гьикІ я?* ‘Как дети?’, *Ви (Куь) диде-буба гьикІ ава?* ‘Как (твои / Ваши) родители?’, *Ви гуьгуьлар гьикІ ава?* ‘Как твоё настроение?’ и др. Данные высказывания относятся к фатической коммуникации, представляя собой неинформативные сообщения, которыми обмениваются из вежливости, уважения к собеседнику, а также с целью заполнить паузу, прервать молчание. Вместе с тем у лезгин подобные фразы не всегда содержательно пусты. Лезгины вкладывают в них искреннюю заботу о том, как живет адресат, как у него обстоят дела дома, на работе, как он себя чувствует и т. д. Существуют и специализированные вопросы о состоянии здоровья человека: *Кефияр-гьалар гьикІ я? Ви (Куь) кефияр гьикІ ава?* ‘Как себя чувствуешь(-те)?’, *Сагьламвал гьикІ я?* ‘Как здоровье?’ Как правило, они адресуются родным, близким, знакомым. Вопросы-осведомления иногда настолько поглощают внимание

коммуникантов, что фатическая (условная) коммуникация незаметно трансформируется в реальную.

Среди приветствий-осведомлений в лезгинском языке особое место занимают конструкции, возникновение которых обусловлено обстоятельствами встречи, поэтому они существенно отличаются от приветствий в традиционном понимании данного понятия, например: ‘Что, Ахмед, на воздух вышел? – Да, брат, хочу воздухом подышать’ или ‘Смотрю, тетя, вы куда-то направляетесь. – Да, дочка, есть кое-какие дела’ [164, с. 202]. Вместе с тем главная цель подобных фраз – привлечь внимание собеседника, продемонстрировать доброжелательное отношение к нему, что позволяет рассматривать их как косвенные приветствия. Использование подобных вопросов имеет определенные ограничения. Считается, что они неуместны в общении молодых представителей противоположных полов. В таких случаях рекомендуется употребление лаконичных приветствий типа ‘Добрый день!’, ‘С приездом!’ и др. [164, с. 203].

Вопросы-приветствия широко функционируют и в речевом этикете украинцев. Они возникли на базе древних приветствий-информирований о здоровье, делах собеседника: *Здоров був?*, *Здорові були?*, *Як ся маєте?*, *Як здоров'я?*, которые были неотъемлемым компонентом общения древних славян и свидетельствовали о добрых намерениях адресанта, проявлении внимания к собеседнику, заинтересованности его физическим состоянием, благополучием и т.д. [101, с. 25]. Со временем некоторые из них утратили вопросительную семантику, например, конструкции *Здоров був*, *Здорова була* из вопросительных постепенно трансформировались в утвердительные.

В украинском языке приветствия-осведомления предполагают использование ответных вопросов: *А ти (Ви) як ся маєш (сте)?* – *А у тебе (Вас) як (ідуть) справи?* – *А тобі (Вам) як ведеться?* – *У тебе (Вас) що нового?* Следует отметить, что этикетные вопросы в славянской культуре активно использовались в XIX в., в частности, в эпистолярном стиле как знак симпатии и расположения к адресату. Эта функция сохраняется за данными речевыми единицами до

настоящего времени. Вместе с тем, сегодня они имеют более формализованный, трафаретный характер.

Согласно нормам этикета на вопросы-приветствия достаточно ответить *Хорошо!* Подробно и долго рассказывать о себе, о своей семье, о состоянии здоровья родственников считается невежливым как у лезгин, так и у украинцев. Старшие по возрасту люди в Дагестане говорят: «От того, что ты пожалуешься каждому встречному, твое здоровье и дела не улучшатся. Этим ты только испортишь настроение своему собеседнику».

В лезгинском РЭ, в отличие от украинского, наблюдаются гендерные ограничения (табу) в использовании приветствий, что связано с древними традициями Дагестана, сформировавшимися под влиянием эпохи патриархата. Например, в бытовом общении горцев (преимущественно в сельской местности) до настоящего времени сохранился обычай избегания, согласно которому мужчина, зайдя в дом и увидев там женщину, не приветствует ее, а молча проходит мимо. Женщина при этом также должна хранить молчание. Фраза *Салам алейкум!* произносится мужчиной в доме только тогда, когда в нем находится представитель мужского пола (даже если это младенец). Данный факт свидетельствует о строгой семейной иерархии, в которой женщина занимает более низкую социальную ступень по сравнению с мужчиной. Однако неравноправное положение женщины в лезгинской семье не стоит преувеличивать. Безусловное превосходство мужчины имеет здесь преимущественно этикетный, ритуальный характер. Внешне строгое либо безразличное отношение к женщине у народов Дагестана с древних времен компенсировалось подчеркнутым уважением к ней. Известно, что в ряде семейно-бытовых вопросов женщины играли приоритетную роль [304].

5.1.4.4 Невербальные приветствия

Следует отметить, что в обеих культурах приветствие – сложный ритуал, включающий, помимо вербальных знаков, жесты, мимику, физические контакты, которые также культурно обусловлены. Так, у лезгин, как правило,

словесное приветствие сопровождается приветственным жестом правой рукой, поднятой к головному убору. Обращает на себя внимание тот факт, что шапка на Кавказе – символ мужского достоинства, поэтому горцы не снимают ее ни при каких обстоятельствах. Снять головной убор в понимании горца – унижить себя в глазах собеседника. Существуют древние лезгинские проклятья, адресованные мужчине: *Вун ви бармакдин кланик кый!* ‘Чтоб ты умер!’ (букв. ‘Чтоб ты под своей папайой умер’ – проклятие в адрес мужчины), *Вун гъа и квилел алай бармак галаз кый, алчах!* [444] ‘Чтоб ты умер вместе с папайой на вот этой голове, подлец!’, которые относятся к разряду «наиболее унижающих мужское достоинство».

В неформальном общении лезгинские мужчины обнимаются, пожимают друг другу правую руку, используя при этом многочисленные благопожелания из богатого фонда кавказского красноречия. В рукопожатие жители Дагестана вкладывают глубокий смысл – с древних времен этот жест символизировал примирение между двумя кровными врагами. В дагестанских языках существует высказывание ‘сошлись руками’, применяемое к кровникам, прекратившим вражду. Поэтому рукопожатием не обмениваются собеседники, между которыми в принципе не может быть вражды и мести. Например, руку не принято подавать женщине, подростку, близкому родственнику, т. к. с ними исключена вражда, а значит, и примирения не потребуется.

Объятия между собеседниками независимо от степени их знакомства и родственных связей в Дагестане на людях не приветствуются (особенно это касается общения представителей разных полов). Любое прикосновение к собеседнику может быть воспринято как неучтивость или оскорбление. Известно, что в некоторых районах Дагестана за случайное прикосновение на улице или в общественном транспорте принято извиняться и произносить пожелание добра ‘Да коснется моя рука тебя добром!’ Приветственные объятия мужчин – исключение из правил.

В украинской культуре, как и в культуре лезгин, невербальные знаки – обязательный компонент приветствия. Вместе с тем использование данных

коммуникативных знаков здесь имеет свои этнокультурные особенности. В соответствии с мировоззренческими представлениями украинцев любой физический контакт (поцелуй, рукопожатие, поглаживание по голове, похлопывание по плечу) связан с верой в его магическую силу, имеющую как благоприятные, так и негативные последствия. Исходя из этого выбор жестов и установление дистанции между общающимися у украинцев с древних времен строго регламентированы. Например, интимные жесты – объятия и поцелуи ранее были возможны только с близкими людьми, от которых не могла исходить опасность, а также с детьми, которые считались «чистыми», не способными принести зло. Вера в опасность магии, передающейся через прикосновение, способствовала формированию различных табу, ограничивающих физические контакты. Не рекомендовалось, например, приветствовать людей с плохой репутацией, ограничивались контакты с женщинами, так как, во-первых, среди них могли быть ведьмы, во-вторых, через прикосновение могло передаваться сексуальное влечение, поэтому мужчина шел под руку с женщиной только под венец. Вместе с тем невербальные элементы коммуникации приобретали иной (священный) характер, если они входили в состав ритуалов. Различные жесты (поцелуи, поглаживания и др.) в сочетании с магическими заклинаниями широко использовались в народной медицине украинцев. Например, считалось, что поцелуй способен передать собеседнику здоровье, о чем свидетельствует этимология слова *целовать* (от *целый*, т.е. здоровый). Кроме того, в соответствии с древними верованиями и нормами поведения целовали адресата тогда, когда хотели засвидетельствовать симпатию, предотвратить беду, успокоить ребенка и т. д. Поцелуй использовался также как знак взаимного прощения при расставании накануне Великого поста (прощенного воскресенья), а также при прощании с усопшим (перед погребением украинцы целуют покойного в лоб). Примечательно, что слова *прощение* и *прощание* в далеком прошлом имели тесную семантическую связь: проститься – значит простить былые грехи и обиды.

В некоторых селах западной Украины, преимущественно в Галиции и Северной Буковине, дети целовали руки старшим по возрасту, в том числе крестным родителям.

Не обходились без физических контактов и различные украинские обряды (свадебные, календарные и др.). Например, соединение рук молодых над караваем представляло собой магический акт скрепления клятвы на верность. Магическую силу имело также целование креста или земли – магические обряды, сопровождающие клятву или присягу и т. д. Кроме того, существовал архаичный обычай целования молодой ног свекру и свекрови во время свадебных обрядов.

Позже данные архаичные представления трансформировались в достаточно строгие морально-этические нормы, нарушение которых резко осуждалось в народе. С развитием общества и социальных отношений сакральный смысл приветственных контактов постепенно стерся из национального сознания, а использование различных жестов и прикосновений стало нормой повседневного общения.

Распространенным приветственным жестом в украинской культуре долгое время был поклон, «глубина» которого зависела от социального статуса адресата. Самым уважительным считался низкий поклон (до земли), для обозначения которого в украинском языке существуют специальные эпитеты: *доземний (земний, низький, низенький, глибокий, шанобливий)*: *Сахно схилилася в глибокому, шанобливому уклоні* [439, т. 1, с. 57]. В период строгой социальной иерархии в общении крестьян с представителями высшего класса бытовали традиции *шапкування* – от глагола *шапкувати* – заискивающе здороваться, кланяясь и снимая шапку, выражать покорность [430, т. 11, с. 408]: *От і шапкуй перед хлопом! Не можна інакше: силу має, ..треба загодить!* [399, с. 308]. С демократизацией общества данные приветствия постепенно архаизировались и вышли из активного употребления.

В современной украинской культуре самыми распространенными невербальными приветствиями являются рукопожатия (среди мужчин),

используемые как в дружеской, так и официальной коммуникации, объятия и поцелуи (среди женщин), которые являются маркерами дружеской, неформальной атмосферы общения: *Мотря взяла гребінь, поцілувалася з кумою і подалась до дверей. — Будьте здорові! – Ідіть здорові!* [440].

Таким образом, приветствие занимает особое место в речевом этикете украинцев и лезгин, выступая основным средством установления контакта с собеседником, демонстрации симпатии и уважительного отношения к нему. В обоих языках приветствия прошли сложный путь эволюции – от ритуально-магических формул, нацеленных на изменение окружающего мира и достижение определенного результата, до стереотипных высказываний, лишенных полноценной семантики и выполняющих исключительно этикетные функции.

5.2 Речевой этикет в ситуации «Прощание»

5.2.1 Общая характеристика прощаний

Неотъемлемой частью повседневного речевого общения человека является прощание, под которым традиционно понимают финальный этап диалога, предполагающий обмен напутствиями, пожеланиями перед расставанием [396, с. 2]. В процессе коммуникации прощания выполняют различные функции. Выступая сигналом о прекращении контакта, данные ЭРЕ в то же время определяют дальнейшие отношения собеседников, выражая их желание или нежелание взаимодействовать в будущем.

Прощание – древний по происхождению ритуал, в котором нашли отражение архаические представления наших предков о «своей» и «чужой» территории. Традиционным символом «своего» – родного, безопасного пространства являлся дом, тогда как локус, находящийся за пределами жилища, считался чужим, враждебным. Границей, отделяющей человека от опасной для него территории, был порог либо ворота. Проводить гостя до порога (ворот) – значит уберечь его от возможных неприятностей. Данные действия обязательно сопровождались специальными вербальными формулами, которые, с одной стороны, выполняли магические функции (воздействие на окружающую

действительность и достижение желаемого результата), с другой – символизировали об уважительном отношении к гостю и желании продолжить общение в будущем. Общие коммуникативные функции прощальных фраз в прошлом обусловили сходство их структурного и семантического оформления во многих языках мира, в том числе и неродственных. Большинство прощаний в РЭ лезгин и украинцев представляет собой клишированные лаконичные тексты с оптативной семантикой, в которых в сконденсированной форме воплотились моральные приоритеты и духовные ценности обоих этносов. Набор основных мировоззренческих установок и моральных понятий, заложенных в семантике лезгинских и украинских прощаний, является общим: здоровье, добро, удача, мир, счастье и т. д. Вместе с тем в каждом из языков сформировалась своя система ЭРЕ, в которой нашли отражение особенности национального мышления и мировосприятия этносов, их многовековой социально-исторический и духовный опыт, накопленный в течение многих веков [69].

В украинском языке прощания образуют разветвленную систему ЭРЕ, которые различаются как в семантическом, так и функционально-стилистическом планах: *До побачення!*, *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!*, *Дозволь(-те) попрощатись!*, *Усього (вам) найкращого!*, *Щасливої дороги!*, *Хай Вам щастить!*, *Будьте (бувайте) здорові (щасливі)!*, *Будь (бувай) здоров(-ий, -а), щаслив (-ий, -а)!*, *На все добре!*, *Добраніч!*, *У добрий час!*, *До зустрічі!*, *До завтра!* и др. Такое синонимическое разнообразие способствует выбору наиболее оптимальной и уместной в каждой конкретной ситуации речевой единицы с учетом различных факторов: времени, на которое расстаются коммуниканты, тональности общения, характера взаимоотношений с собеседником, его пола, возраста, социального статуса и др.

Стилистически нейтральной, уместной в любых коммуникативных обстоятельствах, является конструкция *До побачення!*, в которой предлог *до* в сочетании с существительным в форме родительного падежа указывает на то, что участники диалога расстаются до определенного временного предела: *Ні,*

не прощай, моя Маріє, а до побачення, мій друг [433]. Следует отметить, что формула *До побачення!* закрепила в украинском речевом этикете относительно недавно. В XIX в. она еще не воспринималась как традиционная, устоявшаяся прощальная фраза, о чем свидетельствует тот факт, что в украинских лексикографических источниках этого периода она не фиксируется. Немногочисленные примеры использования данного высказывания находим в эпистолярной украинской литературе и общественных деятелей XIX в., где оно встречается преимущественно в тех ситуациях, когда речь идет о конкретной, заранее запланированной встрече, либо когда автор письма хочет подчеркнуть свое желание еще раз встретиться с адресатом: *Ну, до побачення, дорогий Михайле Михайловичу. Дуже буду радий* [404, т. 7, с. 236], *Бувайте здорові та до побачення скоріш* [440, т. 10, с. 259].

В письменной речи этикетная единица *до побачення* нередко усложняется уточняющими определениями: *скорого, швидкого, щасливого, бажаного, милого, приємного*, благодаря которым она воспринимается не столько как стереотипная фраза, сколько как сложное смысловое образование, указывающее, с одной стороны, на завершение контакта, с другой – на реальность и желательность общения в будущем: *До скорого й так бажаного побачення* [404, т. 5, с. 154]; *До швидкого побачення* [404, т. 7, с. 60] и др. Вследствие многократного использования и освобождения от сопровождающих элементов, прощание *До побачення!* постепенно десемантизируется и преобразуется в повседневную этикетную формулу, которая выполняет исключительно контакторазмыкающую функцию и не несет никакой дополнительной информации.

Если коммуниканты договорились о следующей встрече, то вместо фразы *До побачення!* в украинском языке может использоваться высказывание *До зустрічі!* либо аналогичные по структуре конструкции, в состав которых входят компоненты, указывающие на время (*завтра, наступного тижня, влітку, на Різдво* и др.) или место (*в університеті, на конференції* и др.) будущего контакта, например: *До побачення влітку!* и др.

Особое место в РЭ украинцев занимают финальные формулы *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!*, которые имеют древние корни. Первоначально данные прощания представляли собой формы повелительного наклонения глаголов, произношение которых при расставании подразумевало взаимное прощение грехов [22]. Со временем фразы *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!* утратили сакральную семантику и трансформировались в этикетные междометия, сигнализирующие о расставании коммуникантов на длительное время либо навсегда: *Прощай, дівчино, прощай, рибчино! Вже ж я більше не вернуся!* [укр. нар. песня]. Вместе с тем, элементы первоначального значения в семантике данных высказываний отчасти сохраняются и сегодня. Используя фразы: *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!*, говорящий не только сигнализирует о завершении контакта, но и просит собеседника перед расставанием «простить, если что не так». Это значение особенно ярко актуализируется, когда прощания сопровождаются просьбами об извинении: *не гнівайтесь, не бануйте, не поминайте лихом, не спом'яніть лихим словом: Прощайте і не гнівайтесь* [387, т. 48, с. 191], *Ітак, ще раз прощай і не поминай лихом свого Івана* [387, т. 48, с. 192]. Примечательно, что в украинском языке финальные формулы *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!* могут употребляться и в значении 'до свидания', обслуживая ситуации, когда коммуниканты прерывают общение ненадолго, однако время их будущей встречи четко не определено: *Прощайте, а не надовго* [387, т. 48, с. 9], *Відтепер частіше до Вас буду навідуватися, а на днесь прощайте!* [387, т. 48, с. 15].

В разговорной речи украинцы отдают предпочтение пожеланиям здоровья: *Доброго здоров'я!*, *Бувай (будь, іди, ходи, залишайся, зоставайся) здоров (-а, -ий)!*, *Бувайте (будьте, ідіть, залишайтеся, зоставайтесь) здорові (здоровенькі)!* [430, т. 3, с. 546]. Данные фразы используются преимущественно представителями среднего и старшего поколения для создания дружеской, непринужденной атмосферы: *Мотря взяла гребінь, поцілувалася з кумою і подалась до дверей. – Будьте здорові! – Ідіть здорові!* [440, т. 7, с. 10]. В просторечии прощания-пожелания здоровья нередко сопровождаются

элементами: *за тим, на цім слові, за сим словом, а по сьому*, которые создают атмосферу простоты и легкости общения: *А по сьому – бувайте здорові* [404, т. 5, с. 59], *А за сим словом бувайте здорові* [447, т. 48, с. 446].

В украинских прощаниях мотив здоровья часто сочетается с другими, семантически близкими ему понятиями: «счастье», «радость», «сила», «трудолюбие», «оптимизм» и др.: *Бувайте здорові, дужі та веселі* [440, т. 12, 234], *Бувайте ж здорові, силою кріпкі та духом бадьорі* [414, т. 7, с. 549], *Бувайте ж здоровенькі та до діла охочі* [414, т. 7, с. 488], *Бувайте здорові та богові і людям милі* [414, т. 7, с. 457] и др.

В лезгинском языке в течение многих веков под влиянием исторических, социально-культурных и психологических факторов сформировалась своя система прощаний, в которой отражаются моральные приоритеты и духовные ценности горцев. Следует отметить, что лезгинские и украинские прощания имеют как общие, так и этнокультурные особенности. Общие коммуникативные функции данных ЭРЕ в прошлом обусловили сходство их структурного и семантического оформления во многих языках, в том числе и неродственных. Большинство прощаний в речевом этикете украинцев и лезгин представляют собой лаконичные тексты-пожелания, в которых в сконденсированной форме нашли отражение общие для обоих этносов мировоззренческие установки и моральные понятия: «добро», «благополучие», «здоровье», «счастье», «удача» и т. д. Вместе с тем отмечаются и этнокультурные особенности. В первую очередь обращают на себя внимание различия в семантической плотности лезгинских и украинских прощаний. Так, украинским этикетным формам *До побачення!*, *Прощай (-те)!*, *Прощавай (-те)!*, *Будьте здорові!*, *Бувай здоров (-ий, -а)!* в лезгинском языке соответствует высказывание *Сагъ хьуй (хьурай)!* ‘До свидания! / Прощай! / Будь здоров!’ [409].

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, одно лезгинское прощание содержит в своем значении семы, которые в украинском языке распределены между несколькими этикетными фразами. Данное наблюдение является ярким подтверждением общеизвестного положения о том, что состав и

структура лексико-семантических полей в разных языках не совпадают. Как справедливо отмечает украинский исследователь Н. Кочерган, «если представить себе лексико-семантическое поле как определённую мозаику слов, то эта мозаика в разных языках будет неодинаковой: поля будут иметь разное количество клеток, не все клетки в сопоставляемых языках будут заполнены и то, что в одном языке содержится в одной клетке, в другом может быть распределено между двумя или несколькими меньшими клетками» [143, с. 14]. Причины подобных расхождений следует искать в особенностях национального сознания, в частности, разном восприятии и отображении одних и тех же фрагментов объективной реальности [66].

Высказывание *Сагъ хъуй (хъурай)!* в лезгинском языке стилистически нейтрально и уместно в любой ситуации общения. В толковых словарях зафиксировано несколько его значений: 1) слова, адресуемые собеседнику с целью выражения радости, удовлетворения; добрые пожелания в адрес кого-либо; 2) слова прощания, произносимые теми, кто уходит из гостей; 3) ответные слова гостя на приветствие хозяина дома [392, с. 716]: *Квез хвашкалди, я стхаяр* [Мугьманар]. – *Сагъ хъуй, чан вах* ‘Добро пожаловать, братья [гостям]. – Будь здорова, сестричка’ [Там же].

Таким образом, данное этикетное междометие характеризуется полифункциональностью и в зависимости от контекста может играть роль прощания, приветствия, пожелания добра, благодарности. Следует отметить, что фразы *Сагъ хъуй!* и *Сагъ хъурай!* являются синонимами и обслуживают одинаковые ситуации общения. И все же между ними существуют некоторые функциональные различия. Форма *Сагъ хъурай!* отличается «большей длительностью во времени» и часто используется в качестве доброго пожелания «на долгие годы»: *Сагъ хъурай чи Алидар! Мубаракрай адаз вичин 50 йис!* ‘Будь здоров, наш Алидар! Поздравляем с 50-тилетием!’ [392, с. 716].

Высокой семантической плотностью в лезгинском языке отличается высказывание *Сагърай!* (букв. ‘Будь здоров(-а) / Будьте здоровы!’ – от лексемы *сагъ* ‘здоровый’). В Лезгинско-русском словаре под ред. Б. Б. Талибова,

М. М. Гаджиева оно имеет следующие толкования: 1) до свидания!, всего хорошего!, прощай!; 2) спасибо!, благодарю!; 3) желаю здоровья, благополучия! [409, с. 189]. Таким образом, по мнению авторов, форма *Сагърай!* обслуживает следующие коммуникативные ситуации: «прощание», «пожелание добра», «благодарность». Вместе с тем, как показывает речевая практика, сфера ее функционирования намного шире. Данная этикетная формула может использоваться в качестве поздравления, ответного приветствия, соболезнования, а также тоста или здравицы в честь кого-либо, например: *Сагърай лезги халкъ!* ‘Да здравствует лезгинский народ!’ – тост; *Ваз хвашгелди, Зейнаб. – Сагърай, бала!* ‘Добро пожаловать, Зейнаб’. – Будь здоров(-а), дитя!’ [411] – ответное приветствие; *Ам къенатIа, вун сагърай!* ‘Желаю тебе здоровья, благополучия!’ – соболезнование [409, с. 189]. В толковом словаре А. Гюльмагомедова фразы *Сагърай!* и *Сагъ хъуй (хъурай)!* рассматриваются как синонимы [393].

Как свидетельствует проведенный анализ, в лезгинском языке прощания полифункциональны и отличаются высокой степенью семантической плотности, тогда как в украинском языке они имеют конкретное значение и, как правило, закреплены за одной ситуацией общения. Данное наблюдение подтверждает выводы лингвистов о том, что одни языки отличаются избытком слов со специфическим значением, тогда как другие отдают предпочтение общим названиям, пренебрегая теми частными наименованиями, которые не являются необходимыми.

5.2.2 Прощания с семантикой пожелания

Примечательно, что в РЭ обеих культур чаще всего используются прощания с семантикой пожелания. Основная семантическая нагрузка таких высказываний непосредственно связана с понятиями: «здоровье», «добро», «счастье», «удача», которые лезгины и украинцы ценят больше всего. В сопоставляемых языках такие высказывания имеют схожую семантику и выполняют общие коммуникативные функции, используя, как правило, в качестве добрых напутствий человеку, который уходит или остается.

Помимо проанализированных выше прощаний с семантикой 'здоровье', в РЭ украинцев широко распространены пожелания добра: *Усього доброго (найкращого)!, На все добре!, Добраніч!, Дай боже час добрий!, У добрий час!* [430]. Данные высказывания различаются по семантике и выполняют неодинаковые функции в процессе общения. Прощания *Усього доброго (найкращого)!, На все добре!* являются универсальными, уместными в любой коммуникативной ситуации. Высказывания *Дай боже час добрий!, У добрий час!* имеют напутственный характер и адресуются в качестве дружеского пожелания успеха, счастливой дороги человеку, который уезжает [430, т. 2, с. 321]. В качестве пожеланий доброй ночи непосредственно перед сном используются фразы: *Добраніч! (На добраніч!, Доброї ночі!), Приємних (гарних, солодких) снів!*

К частоупотребительным вежливым формам прощания в украинском языке относятся пожелания счастья, удачи: *Бувай щасливий(-а)!, Бувайте щасливі!* [430, т. 11, с. 571], *Щастя тобі (вам) [доле]!, Хай (нехай) тобі (вам) щастить (в дорозі)!* [430, т. 11, с. 573], характерные для разговорной речи.

Прощания-пожелания мира в речевом этикете украинцев немногочисленны. Формы *Иди, іди́ть (зоставайся, зоставайтесь) з миром (в мирі)!* используются в качестве добрых пожеланий тому, кто уходит либо остается [430, т. 4, с. 712]. В повседневном общении данные фразы встречаются довольно редко, преимущественно в речи жителей сельской местности, представителей старшего поколения. В словарях они фиксируются с пометой «устаревшее».

Лезгинский РЭ также характеризуется высокой степенью ориентации на высказывания с семантикой пожелания. Вместе с тем лезгинские этикетные формулы имеют специфические особенности. Если в украинском языке «добро», «здоровье», «счастье», «удача» и др. воспринимаются как самостоятельные феномены и их вербализация осуществляется с помощью отдельных этикетных фраз, то в лезгинском языке они объединяются в целостное понятие, которое не членится на части и передается одной фразой более широкой семантики. Например, прощание *Саламат хьуй!* (происходит от

лезгинских слов *саламат* ‘благополучный’ и *хьуй* ‘пусть будет’) на русский язык можно перевести по-разному: ‘Всего доброго!’, ‘Всего хорошего!’, ‘Счастливого пути!’, ‘Счастливо оставаться!’, ‘Желаю удачи!’ и др. Данный факт еще раз подтверждает вывод о том, что лезгины воспринимают окружающую реальность абстрактно и синкретично, тогда как украинское языковое сознание склонно к ее членению и детализации.

Следует отметить, что в лезгинской культуре наблюдается и противоположная тенденция. Так, например, ситуация «гостеприимство» воспринимается лезгинами более расчлененно и детализировано, что объясняется особым отношением горцев к этому сложному древнему ритуалу. По мнению лезгин, общение с гостем требует особенной тщательности в подборе языковых средств. Поэтому не удивительно, что именно в этих коммуникативных условиях горцы используют широкий арсенал этикетных высказываний, способствующих созданию доброжелательной и непринужденной атмосферы общения. Таким образом, можно утверждать, что носители языка обращают особое внимание на те объекты и явления окружающей действительности, которые считают наиболее важными и поэтому создают для них большое количество наименований.

Выбор прощаний в ситуации «Прием гостя» в речевом общении лезгин регулируется в первую очередь коммуникативными ролями общающихся (гость / хозяин), а также обстоятельствами общения (свадьба, поминки и т.д.). Например, гостю, который уезжает, как правило, адресуют прощания напутственного характера – пожелания удачи в дороге и благополучного возвращения домой: *Югьур хьуй!* ‘Всего доброго (хорошего)! / Счастливого пути!’ [409, с. 274], *Хьсан (хийир) рехь (сят) хьуй (хьурай)!* ‘В добрый час! / Всего хорошего! / Счастливо!’ [392, с. 929], *Ваз хьсан сефер хьурай!* ‘Желаю тебе хорошего пути!’ [409, с. 194], *Агалкьунар хьурай!* ‘Удачи вам!’, *Хийирдин хабарар хьуй!* ‘Добрых вестей!’ [409, с. 908].

Если гость приехал издалека, то в качестве прощаний используются более сложные по структуре и семантике высказывания: *Ваз физвай яргьал рехь*

къезил, регъятди хъурай! ‘Пусть твой далекий путь будет легким и удачным!’, *Вун сагъ-саламатдиз элкъвена хтурай!* ‘Чтоб ты благополучно вернулся!’, *Квез хъсан рехъ хъурай, куь физвай рехъ куьруь, уьмуьр куь яргъи хъурай!* ‘Пусть будет доброй Ваша дорога!’ [410] и др. В свою очередь, гости, покидающие дом хозяина, произносят: *Ви кIвалер-къар(йикъар) къени хъуй (хъурай)!* ‘Пусть в Вашем доме будет добро, семейное благополучие!’, *КIвале берекат (берекатар) хъуй (хъурай)!* ‘Пусть в доме изобилие (достаток, благо, добро) будет!’ и др. Подобные высказывания выполняют двойную функцию, выполняя одновременно роль прощаний и форм благодарности.

Гости, пришедшие на какое-либо семейное торжество (свадьбу, юбилей и т.д.), в качестве прощаний используют пожелания: *Къуй куь кIвале гъамшиа шадвилер (мехъерар, мелер, суварар) хъуй (хъурай)!* ‘Пусть в вашем доме всегда радостные события (свадьбы, новоселья, праздники и т.д.) будут!’ [410]. Если же собрались по печальному поводу, то, прощаясь, обычно произносят: *Мад ихътин заланвилер тахъурай квез! Къедлай къулухъ шадвилерал (мехъеррал, мел-мехъеррал, суваррал къведай къар(йикъар) акурай!* или *Шадвилерал (мехъеррал, мел-мехъеррал, суваррал къведайвал хъуй (хъурай)!* ‘Дай бог, чтобы отныне таких бед не увидели вы! Пусть отныне в вашем доме только радостные события (свадьбы, новоселья, праздники и т.д.) будут!’ и др. Прощания-пожелания в лезгинском языке активно функционируют и в других ситуациях общения. Например, добрыми пожеланиями хорошего отдыха перед сном являются выражения: *Геже хийирар! Квез ширин ахвар атурай, хийирдин хабарар!* ‘Спокойной ночи! Сладких, приятных снов тебе!’ [410, с. 180] и др.

Примечательно, что в украинском языке некоторые напутственные пожелания-прощания с течением времени пережили семантическую трансформацию и сегодня используются в ситуациях, не связанных с речевым этикетом. Примером такого переосмысления может служить украинское пожелание *скатертю (полотном) дорога (кому)*, которое первоначально выполняло функции доброго напутствия человеку, который собирался в дорогу – ‘чтоб дорога стелилась скатертью, чтобы все было хорошо в дороге’:

Повертайтеся, поспішайтеся! Стелися ж вам путь-доріженька, м'якенько стелися [412], *На танку ще випили, щоб дорога слалася скатертю* [416]. Сегодня фраза *Скатерю дорога!* имеет негативную семантику, выражая желание избавиться от кого-либо: – *Петруся нашого спитати, – хитнув [Артем] головою на перегородку, – і той знає, що до чого. А він... – Скатертю дорога! – каже. Ви бачили!* [389, т. 2, с. 447]. Аналогичную трансформацию пережило и пожелание *Туди й дорога (кому)!*, которое сегодня адресуется тому, кто не достоин сочувствия: *Вона сиділа, сиділа, та як крикне на мене: – Вішайся, дурна бабо! Туди тобі й дорога! І пальцем не поворухну!* [455, т. 1, с. 59].

Неотъемлемой частью лезгинского и украинского РЭ являются прощания религиозного характера, в которых нашли отражение мировоззренческие установки обоих этносов. Можем предположить, что первоначально данные высказывания представляли собой молитвенные обращения к Богу с просьбой о покровительстве. В современном общении они используются в качестве напутственных пожеланий успеха, счастья, добра, удачи: лезг. *Ви кІвалахар Аллагди тукІуьррай!* ‘Твои дела пусть пойдут на пользу с Божьей помощью!’, *Квез Аллагди хьсанвилер гурай!* ‘Пусть Аллах даст Вам добро!’, *Куьнни Аллагди хьсанвилехь тухурай!* ‘Пусть приведет Вас Аллах к лучшему!’; укр. *Щастя тобі (Вам) боже (на все добре, на всяке добро, у всьому, на кожній дорозі)!*, *Нехай (хай) тобі (Вам) Бог (Господь) помагає на все добре!* и др.

В обоих языках данные высказывания полифункциональны. Помимо прощания, они обслуживают и другие ситуации общения: пожелания, благословения, приветствия, одобрения, благодарности и др.

5.2.3 Ответные прощания

В РЭ лезгин и украинцев прощание – симметричный речевой акт, предполагающий обязательное использование ответных реплик. В украинском языке в условиях симметричного общения семантические различия между прощаниями адресанта и адресата практически полностью нивелируются. Так, например, фразы *Прощайте!*, *Зоставайтесь здорові!* предполагают ответ:

Прощайте!, *Ідїть здорові!*, а на реплику *Бувайте здорові!*, как правило, отвечают: *Здорові будьте й Ви!* В нейтральной и официальной тональностях общения реплики адресата и адресанта зачастую совпадают.

В лезгинском языке в качестве универсальных ответных прощаний, уместных в любых ситуациях общения, чаще всего используются выражения: *Сагъвал хьурай!* ‘Будьте здоровы! (букв. ‘Здоровье пусть будет у Вас!’), *Сагълугъ хьуй!* ‘Оставайся здоровым! / До свидания!’, *Сагърай* ‘До свидания! / Прощай(те)! / Будь(-те) здоров(-ы)!’, *Чухсагъул, сагърай (гьелелиг)!* ‘Спасибо, до свидания!’, *Сагъ-саламат хьуй!* ‘Счастливо оставаться! / Всего хорошего!’ Вместе с тем функционируют и ситуативно обусловленные ответные формулы, уместные при определенных коммуникативных условиях. Так, напутственные прощания, адресованные уезжающему гостю (например: *Сагърай! Хъсан саламат рехъ хьурай!* ‘Счастливого пути! Пусть Аллах приведет Вас к лучшему!’) предполагают ответ: *Баркалла! Квез Аллагъди сагъвилер, хъсанвилер гурай!* ‘Спасибо! Дай Аллах Вам здоровья и благополучия!’. На реплику *Геже хийир (хийирар)!* ‘Спокойной (доброй) ночи!’ обычно отвечают: *Чухсагъул! Хийирар Аллагъди гуй!* ‘Спасибо! Дай Вам Бог здоровья (добра)!’ и т.д.

Выводы к главе 5

1. В системе приветствий лезгинского и украинского языков обнаружены как общие, так и национально специфические особенности. В обеих лингвокультурах это клишированные высказывания оптативной семантики схожей синтаксической структуры и лексического состава, в которых отражены общие для лезгин и украинцев моральные приоритеты и духовные ценности: здоровье, мир, добро, благо, радость, заступничество Бога и др. Вместе с тем анализ наиболее употребительных ЭРЕ свидетельствует о том, что украинские приветствия ориентированы в первую очередь на пожелание собеседнику здоровья, лезгинские – мира, что, на наш взгляд, обусловлено социально-историческими факторами, в частности, военизированным бытом и рыцарской культурой лезгин в прошлом.

В сопоставляемых языках функционируют универсальные приветствия, уместные в любых коммуникативных ситуациях и функционально ограниченные, употребление которых обусловлено определенными коммуникативными факторами. В рамках приветствий второго типа выделяются темпорально обусловленные ЭРЕ и стилистически маркированные ЭРЕ – официальные, разговорные, диалектные.

В лезгинском РЭ, в отличие от украинского, наблюдаются гендерные ограничения (табу) в использовании приветствий, что связано с древними традициями Дагестана, сформировавшимися под влиянием эпохи патриархата.

В обеих культурах приветствие представляет собой сложный ритуал, в котором вербальные формулы обязательно сопровождаются различными жестами и физическими контактами. Невербальные знаки, сопровождающие приветствия, также культурно обусловлены. Если в украинской культуре долгое время использовались традиции *шапкування* – поклона в сочетании со снятием головного убора, то в лезгинской культуре снятие головного убора перед собеседником считается унижением мужского достоинства. В современной коммуникативной культуре лезгин и украинцев распространены рукопожатия и объятия, однако в лезгинском этикете они детерминированы гендерными характеристиками собеседников (физические контакты между представителями противоположного пола не только приветствуются, но и осуждаются).

В функционировании лезгинских и украинских приветствий на протяжении веков произошли существенные изменения. Социально-экономические процессы нового времени способствовали исчезновению многих обычаев из повседневной практики общения, но в народной памяти (особенно жителей сел – на Украине, горных аулов – на Кавказе) они все еще сохраняются.

2. Ситуация прощания в своей основе универсальна, но ее структура и языковая экспликация имеют национально специфический характер. Общие прагматические функции лезгинских и украинских прощаний в прошлом

обусловили наличие определенного сходства в их структуре и лексическом значении.

В обоих языках прощания представляют собой благопожелательные тексты, в семантике которых актуализируются такие общечеловеческие духовные ценности, как здоровье, удача, счастье, благополучие. Вместе с тем семантический объем и сфера функционирования данных высказываний в сопоставляемых языках не совпадают. В первую очередь обращают на себя внимание расхождения в семантическом объеме прощаний. Одно этикетное высказывание в лезгинском языке содержит в своем значении семы, которые в украинском языке распределяются между несколькими ЭРЕ. Таким образом, лезгинские прощания характеризуются бóльшей семантической плотностью. Кроме того, в лезгинском языке финальные фразы имеют более широкую сферу функционирования, обслуживая, помимо прощания, и другие этикетные ситуации (благодарности, ответного приветствия, соболезнования, поздравления, тоста и др.). В украинском языке среди прощаний преобладают высказывания с частным, конкретным значением и ограниченным спектром употребления. В связи с этим можно утверждать, что украинское языковое сознание склонно к членению и детализации объективной реальности, тогда как языковое сознание лезгин воспринимает действительность более абстрактно и синкретично. Данное наблюдение является подтверждением общеизвестного положения о том, что каждый язык членит мир по-своему, создавая при этом свою систему форм и значений.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [50; 66; 68; 69].

ГЛАВА 6

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Поведение человека в традиционной культуре определяется взаимодействием ряда механизмов, среди которых особое место занимают:

- 1) мифологические и религиозные представления;
- 2) культ старшинства и семейно-брачные отношения;
- 3) обычаи и ритуалы.

Выработанные в рамках этих комплексов моральные ценности нашли непосредственное отражение в речевом этикете обоих народов.

6.1 Речевой этикет сквозь призму мифологии и религии

6.1.1 Речевой этикет лезгин и украинцев в контексте язычества

На протяжении многих веков религиозные представления регламентировали все сферы человеческой деятельности, в том числе и речевое общение. Существенное влияние на стилистику вербальной коммуникации многих народов мира оказало язычество – политеистическая религия, представляющая собой сложный комплекс архаических обрядов, обычаев, ритуалов, верований, построенных на анимизации и антропоморфизации окружающего мира. Первобытный человек, обладая слабо развитым интеллектом и мышлением, оперирующим преимущественно эмоционально-чувственными образами, в процессе познания объективной реальности пришел к выводу о том, что все окружающие его предметы и явления наделены человеческими свойствами и чертами, а люди являются неотъемлемой частью природы. Подобное восприятие реальности не могло не сказаться на языке, который неразрывно связан с мышлением и, по справедливому замечанию А.А. Потебни, «есть главное и первообразное орудие мифологии» [207, с. 589]. Природные явления (в первую очередь астрономические и метеорологические) пробуждали в человеке творческое воображение, порождающее различные тропы – эпитеты, метафоры, метонимии, персонификации, символы и т. д. При этом важно отметить, что данные образные высказывания следует

рассматривать не только как плоды архаичного мышления и способ удовлетворения любознательности первобытного человека, но прежде всего как тесно связанные с обрядовой жизнью племени вербальные элементы, прагматическая функция которых – регулирование и поддержание определенного природного и социального порядка. Как отмечает Н. Б. Мечковская, «древнейшие бесписьменные религии очень практичны, утилитарны: они учат действовать, примеряясь к мироустройству, и выживать любой ценой, используя и природные, и сверхприродные силы» [177, с. 7].

В лезгинском и украинском языках отголоски язычества нашли отражение во многих жанрах словесного творчества – клятвах, присягах, приветствиях, пожеланиях добра и зла, просьбах, обращениях и др. В первобытном коллективе данные словесные формулы выполняли магические функции, но с развитием общества и научного знания они утратили сакральный характер, трансформировавшись в стереотипные высказывания, и обрели практическую направленность, т. е. коммуникативную привязанность к ситуациям повседневной жизни. Однако, несмотря на то, что исследуемые фразы в современном языке практически оборвали семантическую связь с мифологией и религией, их первоначальный смысл до сих пор живёт в сознании представителей разных поколений [58, с. 128].

Суммарный набор языческих представлений, заложенный в речевых стереотипах общения, представляет собой общую для многих этнических традиций систему признаков: персонификация неба и небесных светил, атмосферных явлений, земли, огня, воды, растительного и животного мира и т.д. Это обусловлено в первую очередь универсальностью биологической сущности человека, его мышления, а также общей историей развития общества, в частности географическими, климатическими и социальными условиями жизни людей в прошлом. Вместе с тем с течением времени в жизнедеятельности, взаимоотношениях и мировосприятии отдельных коллективов происходили существенные изменения, а нормы речевого поведения обретали специфические этнокультурные характеристики. Как

справедливо отмечают исследователи, даже мировые религии (надэтнические по своей сути), тесно взаимодействуя с повседневным бытом народа, обретают определенный национальный колорит [177].

6.1.1.1 Важное место в системе религиозных верований лезгин и украинцев времен язычества занимает почитание неба и небесных светил – солнца, луны, звезд, которые вызывали у первобытных людей различные чувства: страх, уважение, надежду на помощь и заступничество. В разных культурных традициях небо издавна считалось одним из важнейших элементов мироздания, символом Высшего мира. Подтверждением этого является то, что лексема *небо* в разных языках имеет общие семы: ‘лад’, ‘жизнь’, ‘гармония’. Согласно религиозным представлениям украинцев, небо – место пребывания богов, ангелов, святых; потусторонний мир, рай, куда праведный человек попадает после смерти [430, т. 5, с. 249]. Поэтому не случайно, родственникам покойного желали, чтобы его душа попала именно на небо: *Царство [йому, їй] небесне!*, *Царство небесне його [її] душі!*, *Померлим душам царство небесне!*, *Померлому царство небесне, вічний покій!* и др. Представление о небе как царстве богов, месте, где души умерших праведников ведут блаженное существование, характерно и для лезгин, что подтверждают пожелания: *Ви бубадиз регьмет хьуй!* ‘Царство небесное твоему отцу!’, *Ваз женнет кьисмет хьурай!* ‘Пусть попадешь ты в рай!’ и др. Отношение лезгин к небу как неотъемлемой части жизни человека отражает традиционное сравнение *цав такур дана* ‘теленка, который не видел неба’, адресуемое ограниченному либо неопытному человеку.

Лезгинские этимологи считают, что первоначальное значение лексемы *цав* (небо) – ‘тот, кто поливает’. Так, в частности Ф. Нагиев предполагает, что она семантически связана со словами: *цан* – 1) ‘пашня’, ‘борозда’; 2) ‘давай налью’; *цуз* – форма повелительного наклонения от *цун* – ‘пахать, сажать, наливать’; *цер* / *йицер* – ‘воды’; *циф* – ‘туча’, *цил* – ‘плодовая косточка’ и др. По мнению ученого, все они имеют общую фонему *ц*, первоначальное значение которой – ‘жидкость, вода’, т. е. определенная субстанция, дающая жизнь [419].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что древние представления лезгин (как и многих других народов мира) об окружающем мире формировались в тесной связи с трудовой деятельностью человека, в частности, земледелием. По мнению древних хлеборобов, урожай дает не земля, а небо, потому что без него она не могла бы выполнить свою животворящую функцию. Подтверждением этой мысли является также древняя украинская пословица: *Бачить Бог з неба, що кому треба* [419].

В представлении язычников небо персонифицировано, оно способно радоваться и грустить, помогать людям или наказывать их за грехи. Для явлений, связанных с небом, народная фантазия создала разнообразные метафоры, олицетворения, символы, которые легли в основу многочисленных клятв, пожеланий добра и зла, обращений, приветствий, просьб и т.д.: укр. *Дай (подай, пошли), Боже, з неба, чого (тобі, нам) треба!* (пожелание добра); – *Серденько-дівчино... Клянусь тобі місяцем, зорями, Присягаю небом, землю і пеклом, Що не буде іншої між нами!* [406] (клятва); лезг. *Я Цавар! Хата-баладикай вуна хуьх!* ‘О, Небеса! Защитите от бед и напастей!’ (ритуально-магические обращения к небу с просьбой о помощи), *Вили цав къалум хьуй!* ‘Небом клянусь!’, *Заз цавар къалум хьурай гена!* ‘Пусть небеса покарают меня!’, *Заз вили цавар къалум хьурай, за таб рахазватІа!* ‘Пусть покарают меня синие небеса, если я говорю неправду!’ (клятвы, распространенные в речи лезгинских женщин).

Среди небесных светил первобытные люди больше всего почитали солнце, ведь именно от него зависело их благополучие. Лезгины и украинцы и апеллировали к этому небесному светилу в сложные моменты своей жизни, считая: «где солнце, там и сам Бог». В древние времена обращение к солнцу имело вид вежливого императивного послания, которое выполняло магические функции и предусматривало получение адресатом помощи или благословения. Обращаясь к солнцу, украинцы называли его *святим, чистим, Божим, ясним, красним, праведним, поважним: Добрий день тобі, сонечко ясне!* <...>. *Ти*

святе, ти ясне-прекрасне, ти чисте, величне й поважне, Освіти мене, рабу Божу перед усім миром християнським... [383, с. 235].

Персонификация солнца как элемент языческого мировоззрения нашла отражение во многих лезгинских и украинских клятвах, пожеланиях, приветствиях, обращениях и других этикетных высказываниях, которые характеризуются образностью и эмоциональностью. Заход солнца представители обеих культур называют поэтично: украинцы – *сонце сіло, лягло, спочило*, лезгины – *рагъ акІана* ‘солнце село, закотилось’, *рагъакІидай пад* ‘заход’ (дословно ‘сторона, где солнце садится’), *бахтар пайдай бере* ‘время, когда роздается счастье’.

Большим уважением в обеих культурах пользуется восход солнца – сторона земли, где начинается жизнь. Как отмечает И. Огиенко: «На Восток все народы молились <...>. Кто молится богам, должен молиться на Восток, а особенно утром, т.к. утреннее солнце, хорошо выкупанное и выпавшееся, всегда милостиво» [120, с. 27].

Славянские народы в прошлом радостно приветствовали восход солнца: снимали шапки, низко кланялись и крестились. В «Поучении детям» В. Мономах советует: «Пусть не застанет вас солнце в постели. Так делал мой отец и все добрые мужи: отдав богу заутреннюю хвалу, и после солнечного восхода увидев солнце и прославив бога с радостью, открывал совет с дружиной, или судил людей, или ехал на охоту <...>» [209].

В современном украинском языке отголоски почитания культа солнца прослеживаются в обращениях: *сонце (сонечко) моє (ясне, красне, любе и др.)!*, которые, как правило, адресуются, ребенку или любимому человеку. Данные формы утратили первичную ритуально-магическую функцию и в современном языке используются исключительно с прагматической целью – для установления интимно-дружеской тональности общения, выражения теплого, нежного отношения к собеседнику: *Сонечко моє! Без тебе мені поночі, похмуре все, невеселе* [404].

Таким образом, в представлении древних славян солнце занимало одно из самых почетных мест в небесной иерархии. Дагестанцы относились к нему с не меньшим уважением. Совершая Намаз (Молитву), они и сегодня поворачиваются лицом именно на восток. В лезгинском языке ‘восток’ - *рагъэкъечІдай пад* (дословно: ‘сторона, где солнце всходит’) [409]. Уважение к солнцу до настоящего времени остается неотъемлемой частью мышления лезгин, их образа жизни. По солнцу у дагестанских народов определяется первый день весны: «Восхождение солнца над определенным предметом, падение солнечных лучей на определенный участок земли, заход солнца по определенной линии фиксировались как факты, которые сигнализировали о наступлении первого дня весны – ‘яр’ – у лезгин» [86, с. 17].

Доисламские корни имеет весенний народный праздник Яран Сувар (праздник весны). Слово *яр* в лезгинском языке имеет несколько значений: 1) весна; 2) любимый, любимая; 3) заря, зарево. Семантически близкими к данному слову являются лексемы: *яру* ‘красный’, *яргъируш* ‘радуга’ [409]. Кроме того, как свидетельствуют историки и этнографы, *Яр* у лезгин – древнее божество солнца, покровительствующее сельскохозяйственным работам [78], которое, вместе с тем, является и носителем негативной энергетики.

Во время праздника весны Яран Сувар лезгинки обвязывают запястье красной нитью, чтобы *Яр* не опалил их лица своими лучами. Как отмечает А. Г. Булатова, «Яр могло погубить людей, не почитавших его, а красная нить-оберег как бы символизировала причастность носящего ее к культуре, почитанию солнца» [43, с. 90].

Следует отметить, что в лезгинском языке *яр* – первый компонент в слове *яргъируш* ‘радуга’ (букв. ‘высокая девушка’), что полностью соответствует древним представлениям горцев об этом атмосферном явлении. В народной фантазии жителей Дагестана радуга предстает в образе высокой красивой девушки с длинными волосами, заплетенными в разноцветные косы [227, с. 85]. Не случайно, в современном лезгинском языке *яр* – одно из наиболее распространенных обращений к возлюбленной в поэтической речи: *зардин*

къадир заргардиз чир жеда, цуькверин къадир – зи ярдиз ‘цену золотой нити знает ювелир, а цену цветам – моя возлюбленная’ [409], *Зи рикI сефил я, мадни дар имир, яр* ‘Мое сердце тоскует, не огорчай меня больше, любимая’ [395]. Примечательно, что этим же обращением часто пользуются девушки в общении со своим возлюбленным наедине – *зи яр* ‘мой любимый’.

Радуга на небе всегда считалась добрым предзнаменованием, сулящим благоприятные погодные условия и хороший урожай, изобилие и достаток в доме, а также исполнение желаний. При ее появлении дети пели песенку заклинательного характера, призывающую дождь и богатый урожай: *Яргъи рушан чIарар заз хьурай, Зин чIарар Яргъи рушаз хьурай, Марфар къвазва чилеруз, Къуьлер жезва кIатIаруз!* ‘Волосы «длинной девушки» – мне, Мои волосы – длинной девушке, Дожди пусть выпадут на поля, Пшеницу пусть насыпят в лари’. Представительницы женского пола при виде радуги произносили заклинание: *Гъадан гюрчегвал заз гурай, зин гюрчегвал – гъадаз!* ‘Ее красоту – мне, а ее красоту – ей’, которое должно было обязательно исполниться. Если при рождении ребенка на небе появлялась радуга, произносили пожелание: *Яргъи рушаз къван бахтар гурай!* ‘Чтоб тебе было столько счастья, сколько его у радуги!’ Если же она появлялась в момент смерти человека, это означало, что его душа попадет в рай [227, с. 86].

Примечательно, что в славянских языках компонент *яр* имеет схожую семантику и входит в состав многих слов, объединенных общими семами: ‘солнце’, ‘расцвет’, ‘весна’, ‘плодородие’. В славянской мифологии носителем жизненнообразующей силы природы является бог солнца *Ярило*, который олицетворяет мужское, детородное начало и одновременно сливается с понятиями: ‘яркий’, ‘яр’, ‘яровой (весенний)’, ‘весеннее плодородие’.

Почитание солнца в языческой культуре многих народов мира трансформировалось в поклонение отдельным богам. В представлении древних славян солнце имело четыре ипостаси: Сварог (творец солнца и огня, отец всех богов), его дети – Сварожичи: Даждьбог (бог летнего солнца), Ярило (бог весны), Коляда (бог зимнего солнца). Реликты почитания солярных богов

сохранили славянские клятвы, пожелания и другие речевые формулы, связанные с различными ситуациями повседневной жизни: – *Не веришь, – сказал воин с укором. – Клянусь Велесом, клянусь великим Сварогом, Ярилой, клянусь Белбогом и самим Родом, що не видеть мне вирия и своїх родителей, если не доставлю тебя целым и невредимым в Киев к твоему брату Ярополку!* [417] – клятва; *Будьмо здорові з Колядою, з ясним-красним сонцем, з медовою кутьою, із живлющою водою!* и др. – праздничное пожелание зимнего цикла.

Безусловно, наибольшего почитания заслужил Даждьбог, поскольку именно от летнего положения солнца на небесном своде зависел успех земледельцев. По мнению этимологов, слово *Даждьбог* состоит из двух частей: глагола повелительного наклонения *даж(д>)*ь ‘дай’ и существительного *богъ* ‘счастье, благополучие’, т. е. бог, который дарит добро, богатство [20]. Так появилось традиционное украинское приветственное пожелание *Дай, Боже!*, ставшее основой для многих этикетных высказываний, используемых во время трудовой деятельности человека: *Дай, Боже, щастя!*, *Дай, Боже, здоров’я!*, *Дай, Боже, час і пору добру!*, *Дай, Боже, щоб робилося, не псувалося!*, *Дай, Боже, на прожиток!* и др.

В лезгинской культуре почитание солнца трансформировалось в поклонение богу *Рагъ* ‘Солнце’, который во времена язычества считался главным богом лезгинского пантеона. Следует отметить, что его имя созвучно с именем древнеегипетского бога солнца Ра (в лезгинском языке конечное звукосочетание *гъ* не произносится). Это дает основания ученым предполагать, что в далеком прошлом народы Кавказа имели тесные культурные контакты с Древним Египтом [1].

У лезгин известны древние ритуалы заклинания солнца, которые сопровождались обращением к этому небесному светилу с различными просьбами: *А пехъ, пехъ ала пехъ, Пехъ ацукъна, ша, чими рагъ, Ракъар – Варцар инухъди, Цифер – къаяр анухъди. Амин минариз, Къабул урай гъуцари* ‘Эй, чучело, чучело, красное чучело, Чучело село, прийди, теплое солнце, Солнце и Луна – к нам. Аминь воздадим Богам. Пусть примут боги!’ [87, с. 28].

Ала пехъ в лезгинской культурной традиции – чучело с красным лицом, олицетворяющее солнце.

Отголоски почитания Бога *Рагъ* находим в лезгинском речевом этикете. Так, долгожданного гостя лезгины приветствуют особенной поэтической фразой: *Вун атуй, Рагъ атуй!* ‘Приходишь ты – приходит Солнце!’ или ‘Твой приход можно сравнить с приходом Солнца!’ (русский эквивалент – *Добро пожаловать!*). Представители старшего поколения, попадая в безвыходное положение, и сегодня поднимают руки вверх и обращаются к богу *Рагъ* за помощью: *Чан Рагъ ба!* ‘Дорогой Солнце-дед!’. Об обожествлении солнца во времена язычества свидетельствуют лезгинские пожелания и клятвы: *Кьилел гьамиша рагъ хьурай!* ‘Пусть будет всегда солнце над головой!’ – пожелание матери своим детям; *Заз Рагъ къалум хьуй!* ‘Пусть солнце покарает!’ – клятва, равноценная клятве именем Аллаха [1]. С солнцем лезгины сравнивают красивого, доброго человека: *Чина Рагъ авайди* ‘человек, лицо которого светится как солнце’; *Рагъ хьтин кас* ‘солнцеподобный человек’, *Рагъ хьтин руш* ‘девушка, подобная солнцу’, *ракъинин нур чинавай руш я* ‘подобная солнечным лучам девушка’ [227]. Доброжелательным людям адресуют высказывание *Ам сиве рагъ авайди я* ‘У него во рту солнце’. Если человек неожиданно совершил добрый поступок, которого от него не ждали, о нем говорят: *Адаз рагъ атанани хьсанвал авуна акурди* ‘Наверное, он совершил добрый поступок, потому что его осветили солнечные лучи’ [227].

Согласно древним представлениям обоих народов, солнце может не только давать жизнь, но и нести негативную энергетику. Свидетельством этого являются древние лезгинские и украинские пожелания зла, отражающие веру первобытных людей в могущество этого небесного светила: лезг. *Агъ вун ярагирмиш хьуй!* ‘Чтоб тебя солнце сожгло!’; укр. *Щоб ти крізь сонце пройшов!*, *Щоб ти не діждав сонечка праведного побачити [на сонечко праведнеє дивитись]!*, *Щоб над тобою світ не світав і сонце праведне не сходило!*; *Щоб ти до світа сонця не бачив!*; *Щоб на тебе праведне сонце не дивилось!* и др.

6.1.1.2 С почитанием солнца тесно связано поклонение огню, распространенное во времена язычества в культурных традициях обоих народов. В древности верили, что огонь – представитель бога Солнца, послан неба на землю. В мифологии многих этносов огонь трансформировался в отдельного бога. У лезгин это *Алпан* (бог огня и справедливости) – самый могущественный в пантеоне богов времен зороастризма. Он следил за поведением людей и наказывал их за грехи, выпуская молнии. Чтобы заручиться поддержкой Алпана, необходимо было с уважением относиться к огню. Со временем слово *алпан* стало именем нарицательным. В современном лезгинском языке оно употребляется в двух значениях: 1) метеорит; 2) страшное, губительное место [425].

У славян богом огня считался Сварожич. Так, в «Слове Христороубца» XI века отмечается, что наши предки «огню молятся, называя его Сварожицем». Однако в украинском речевом этикете данный теоним не закрепился.

В восприятии древнего человека огонь имел двойную природу, которая отражала две глобальные мировые антитезы: Добро и Зло. С одной стороны, огонь обогревает, поэтому в обеих культурах его с древних времен считали символом семейного благополучия. Им благословляли, клялись. Кроме того, для древних украинцев и лезгин огонь имел целебные свойства, поэтому ему отводилась роль очистительного средства в обрядах весеннего цикла: перепрыгнуть через огонь – набраться сил, очистить тело, избавиться от грехов, приобщиться к божественному духу. Лезгины во время праздника весеннего равноденствия Яран Сувар, перескакивая через костер, произносят фразу: *Зун виниз, чи члеяр агъуз!* ‘Пусть грехи исчезнут с огнем!’ (букв. ‘Если я – вверх, то мои грехи – вниз’), которая в прошлом выполняла функцию магического пожелания в период весенних работ [86]. В украинской культуре подобный ритуал исполняется во время праздника Ивана Купала и свадебных обрядов.

Однако огонь является и носителем негативной энергетики. Пламя огня может принести несчастье – ударить, сжечь, притупить зрение, причинить нестерпимую боль, поэтому с ним связаны и самые страшные проклятья,

например, в лезгинском языке: *Адан кІвалин гум атІуй!* ‘Пусть прекратится дым (огонь) в его доме!’ (в значении ‘Пусть умрет, не оставив наследников!’), *Вун цІаю тухуй!* ‘Пусть огонь тебя унесет!’; *цІай кткуй!* ‘Чтоб огнем охвачен был!’ [409]. В украинской культуре с древних времен бытовали злопожелания: *Щоб тебе вогонь спалив!, А спопелів би ти!; Щоб ти ясним вогнем горів! Бодай (щоб) ти (він, вона, мій ворог і т. ін.) скапав, як віск (свічка)* [386] и др.

С огнем и небом тесно связаны народные представления о громе и молнии, к которым украинцы и лезгины относились с большим уважением и страхом, о чем свидетельствуют народные пожелания зла: лезг. *Вун цІалапанди ягърай!* ‘Чтоб молния тебя ударила!’, *Вун алпанди ягърай!* ‘Пусть гром тебя ударит!’ (рус. *Разрази тебя гром!*); укр. *А щоб [бодай] тебе грім побив!, Грім вдарив би на тебе з ясного сонця!; Грім би тебе [його, її, їх] вдарив [побив]!, Щоб грім убив (побив) і блискавка спалила!* Уважение украинцев к данному атмосферному явлению отражают народные клятвы, в которых слово *грім* сопровождается уважительным эпитетом ‘святой’: *Побий мене [святий] грім!, Нехай мене (святий) грім поб'є!, Грім би мене (святий) побив!, Хай мене грім поб'є, коли брешу!*

В языческих традициях лезгин чествование грома и молнии ассоциируется с именем уже упомянутого ранее бога огня Алпана. По мнению ученых, имя *Алпан* образовано от двух слов: *ал* ‘красный, алый, огненный’ и *Пан* ‘бог природных стихий’ [409] (примечательно, что в древнегреческой мифологии Пан – бог плодородия, покровитель лесов, садов и т.д.). В гневе Алпан метает молнии, направляя их огненные стрелы на демонов и грешников (кстати, молнию лезгины называют *цІайлапан*, что буквально переводится как ‘огонь бога Алпана’). В лезгинской культуре имя Алпана чаще всего упоминается в пожеланиях зла: *Вун алпанди (цІайлапанди) ягърай!* ‘Пусть Алпан (огонь, молния) тебя ударит!’, *Вун ягърай!* ‘Чтобы тебя ударила молния!’

В украинской культуре аналогичные функции выполнял Перун – Бог-громовержец, способный вызывать сильнейшие грозы и метать молнии. Со временем он стал покровителем воинов. По древним представлениям славян,

Перун выделялся огромной физической силой не только среди людей, но и среди богов. Отголоски этих древних представлений сохранили украинские пожелания зла: *Бодай (щоб) тебе Перун (грім) побив!, А Перун би ті ясний тріс!, А нехай же тебе Перун ясний трісне!* [387, т. 2, с. 513]. Не менее часто данный теоним встречается в клятвах. Как свидетельствуют договора русов с греками, записанные в «Повести временных лет», княжеские дружины Олега, Игоря и Святослава неизменно присягали именем Перуна и оружием. Так, повествуя о заключении мира греков с Олегом, летописец отмечает: «А Олега с мужами его водили в клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом». Еще более убедительна клятва 945 года: «Если же кто-нибудь из князей или людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву». Таким образом, согласно древним представлениям лезгин и украинцев гром и молния – направленная богами сила, доказывающая их превосходство над человеком.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, в состав большинства пожеланий, связанных с громом и молнией, в лезгинском и украинском языках входит глагол деструктивного действия ‘бить’, который свидетельствует о том, что согласно древним представлениям обоих народов эти явления природы возникали в результате битвы небесных богов со злыми силами.

В украинской культурной традиции с культом огня связывают также высказывания: *Цур (Сур) тобі й Пек!, Пек тобі, враже, хто тобі каже!, Хай йому цур!, Цур та пек лихим очам!, Цур нас та й далі од нас!* и др., которые в далеком прошлом использовались в качестве вербальных оберегов – формул заклинания, способных отогнать от произносящего «всякую нечисть». Как предполагают исследователи, Чур (у украинцев – Цур) и Пек охраняли семейный очаг, отпугивая злые силы. По мнению А.Н. Афанасьева, Чур – одно из древнейших названий домового пената, т.е. пылающего на очаге огня, охранителя родового состояния [20].

В современном украинском языке слово *цур* многозначно. Оно употребляется в значении условия, запрета, недовольствия, неодобрения или желания избавиться от чего-либо: *Е, ні! стривайте, цур не грать. А то не буду й танцювать <...> [454]* – условие; – *Нехай вам цур, вражим бабам! Од вас усе лихо стає на землі! Лучче з вами зовсім не знатись! [406]* – недовольство, неодобрение; – *А я й не тямлю, що зо мною було, – стогнав Ведмідь. – Те тільки тямлю, що я перший і останній раз в життю [житті] пробував літати! Хай йому цур! [447]* – желание избавиться от чего-либо, не вспоминать что-либо. Примечательно, что слово *відцуратися* в украинском языке означает: ‘отказаться от родового наследства’ [120].

6.1.1.3 В РЭ лезгин и украинцев ярко прослеживаются следы и других небесных культов. Так, в обеих культурах с древних времен почитали луну как источник священной для язычника светлоносной стихии. Веря в чудодейственную силу этого небесного светила, люди кланялись ему, молились, просили достатка, здоровья, любви, хорошего урожая, угадывали свою судьбу, заговаривали разные болезни.

В прошлом украинцы, как и другие славяне, при появлении новой луны вечером или ночью крестились и произносили специальные магические формулы с семантикой пожелания и просьбы: *Місяцеві золоті роги, а нам щастя і здоров'я! [419]*, *Місяцю-князю, дай тобі, Боже, підповня, а мені здоров'я!*, *Молодик-гвоздик, Тобі роги красні, Мені очі ясні! [438]*. Согласно древним представлениям украинцев счастье, здоровье, благополучие должны приумножаться так же, как увеличивается луна. Иногда просьба строилась в виде предложения заключить союз на основе обмена: *Добривечір тобі, молодиче молодий, на тобі хрест золотий!*, *Місяцю молодий, повидаймося тобі золоті роги, а нам воли та корови, тобі виповняться, а нам оздоровляться! [383]*. Первичная функция этих просьб – магическая, заклинательная: с их помощью крестьяне старались обеспечить своей семье урожай, благополучие, здоровье в новом году. В украинском языке лексема *місяць* и сегодня сопровождается эпитетами: *молодий, ясний*.

О почитании лезгинами луны (*варз*) свидетельствует пожелание: *Кьилел экуь варз хьуй!* ‘Пусть над головой всегда будет светлая луна!’ В лезгинском языческом пантеоне *Варз* – бог тайн, к которому относились не только с уважением, но и с опасением, поскольку если его рассердить, он может навредить человеку. Заметив молодую луну на небе, лезгины, особенно представители старшего поколения, произносят пожелания: *Варз хьиз цIийи хьуй, цIицI хьиз дири хьуй, цIай хьиз хуьци хьуй!* ‘Будь молод, как луна, стремителен, как кузнечик, остёр, как огонь’ [87]. Примечательно, что данное высказывание имеет много вариантов, возникших под влиянием диалектов. Так, например, носители кюринского наречия, в частности жители села Нютюг Сулейман-Стальского района Дагестана, при появлении новой луны обращаются друг к другу с заклинанием: *Варз хьиз цIийи хьуй, ЦIицI хьиз тири хьуй, Душманар терг хьуй, Дустар дуст хьуй, Дуйне ислягь хьуй, Чи аялар Аллагьди хуьрай!* ‘Как луна новая, чтоб стал, Как коза зрелая, чтоб стал, Чтоб враги исчезли, А друзья появились, Чтоб наших детей Аллах сохранил!’ [228]. Со временем данные высказывания утратили магическую заклинательную функцию и трансформировались в стереотипные высказывания, обслуживающие повседневно-бытовые ситуации общения, например: *Кьилел экуь варз хьуй!* ‘Пусть над головой всегда будет светлая луна!’, *Варз хьиз цIийи хьуй!* ‘Будьте как молодая луна!’ (в значении ‘красивы’) – пожелания добра, которые, как правило, матери адресуют своим детям, *Варз хьтин чин* ‘луноликая’ – обращение к красивой девушке.

6.1.1.4 В РЭ украинцев нашло отражение почитание богини Зори – сестры Солнца. Согласно представлениям древних славян, утром она выводит Солнце из покровы ночи, а весной – из-за темных облачных покровов зимы. Кроме того, Зоре приписывается творческая, плодородящая сила, которая разливается на природу восходящим солнцем. Следы древних представлений о богине Зоре сохранили украинские ласковые обращения к женщине или ребенку: *Галю, зірочко моя! Не можна мені без тебе пробути...* [400].

6.1.1.5 Вместе с поклонением небу в обеих лингвокультурных традициях утвердилось почитание *земли* как одной из самых главных стихий Мироздания, источника жизни и силы. Культ земли у лезгин и украинцев возник во время перехода от охоты к земледелию, с которым во времена язычества было связано много магических действий в жизни человека. В связи со сложными жизненными условиями, недостатком родящей земли люди обращались за помощью к силам природы, надеясь на благоприятную погоду и богатый урожай. Земля в представлении обоих народов была живым существом, кормилицей, источником благополучия хлебороба. Украинцы и сегодня с большим уважением относятся к земле, называя ее *святой, Божьей, праведной*. Землю целуют, ей кланяются, ею клянутся. Эти древние представления легли в основу многих украинских благопожеланий: *Бувай здорова як риба, гожа як вода, весела як весна, а багата як земля святая!*, *Держімося землі, бо земля держить нас!*, *Будь багатий, як земля, а здоровий, як вода!* Некоторые архаические пожелания представляют собой обращения-просьбы: *Дай, Боже, нам урожаю!*, *Дай, Боже, в добрий час! Щоб Господь уродив хліб святий нам!* либо заклинания-просьбы: *Роди, боже, жито, пшеницю і всякую пашницю!*, тесно связанные с аграрным культом.

Согласно древним представлениям славян земля – самый верный и надежный свидетель, поэтому ею клянутся в доказательство правды. В Украине и сегодня распространены клятвы: *Клянусь святою землею!*, *Щоб нас живими земля пожерла!*, *Щоб мені під землю провалитися!*, *Побила б мене свята земля!* В прошлом, произнося данные высказывания, землю целовали или ели: *Я готова заприсягтись і землі ззісти* [416]. С особым отношением славян к земле связан ритуал хоронить умерших в землю, который сопровождается пожеланиями: *Щоб йому земля пером [лежала]! Земля йому пухом (пером)!* [430] и др.

Святой считалась не только земля, но и все, что она родит. Распространенными добрыми пожеланиями хозяину дома являются пожелания щедрого урожая: укр. *Щоб на твоїм да городі пшениця родила!*, *Сніп на сто*

kip, a hazяіnu na sto lit, Dai Bog sei god ubratъ i na той діждать! (пожелания после жатвы); лезг. *Куьн гзаф сагърай, куь ризкьидик берекет акатрай* ‘Будьте здоровы, пусть ваш хлеб насущный будет щедрым!’, *Багъ къацу ди хъуй!* ‘Пусть сад зеленым будет!’, *Куь столдал вири няметар хъурай!* ‘Пусть на вашем столе много разных блюд будет!’, *Къуй техилдикай Квез шаддиз недай ризкь хъурай!* ‘Пусть будет урожай для Вас радостной едой!’ Страшным для лезгин является пожелание зла: *Ви фу къакъажрай!* ‘Пусть перестанет расти твой хлеб!’

Однако земля не всегда является источником добра. Согласно представлениям древних славян она может расступиться и поглотить злого человека, о чем свидетельствуют традиционные украинские пожелания зла: *Бодай тебе земля поглинула!, Щоб тебе сира земля пожерла!, Землі б ти наївся!, Щоб ти зчорнів, як земля!, Бодай ти в землю ввійшов!* [120]. Пожелания подобного содержания встречаются и в лезгинской лингвокультурной традиции: *КІвачерик квай чил хана!* ‘Земля под ногами пусть разойдется!’

Больших грешников святая земля не принимает после смерти, они долго страдают и мучаются, а затем бродят по миру неприкаянные, вместе с нечистой силой преследуя как чужих людей, так и родственников. Отсюда – украинские пожелания зла: *Бодай [щоб] тебе [свята] земля не прийняла!, Земля б його святая не приймала!, Щоб під ним і над ним земля горіла!, Щоб над тобою земля тряслась!* и др.

Проклинаая, становились на колени, кланялись и целовали землю.

Почитание земли в обеих культурах постепенно трансформировалось в поклонение отдельным богам, принадлежащих к аграрному культу и покровительствующих хозяйственной жизни коллектива. Так, в лезгинской культурной традиции с древних времен с большим уважением относились к *гъуцар* (в единственном числе – *гъуц*) – первым богам, которые вышли из моря и заселили землю [1]. В лезгинской мифологии *гъуцар* считаются богами плодородия. К ним лезгины всегда обращались за помощью при засухах, затяжных дождях, которые наносили урон сельскому хозяйству [86, с. 86]. Многие лезгинские обрядовые песни, связанные с земледелием, заканчиваются

строками: *Амин минариз! Къабул гурай гъуцари!*, что в переводе означает: ‘Аминь воздадим Богу! Пусть примет гъуцар (бог)!’. Домашнему скоту, доставляющему своим поведением много хлопот хозяевам, желали следующее: *Гъуцар тхуй вун!* ‘Пусть тебя заберет Гъуцар!’ Если же животное пропадало, и его не могли найти, говорили: *Гъуцар най хъуй!* ‘Пусть оно будет долей Гъуцар!’ Эти же слова адресовали человеку, раздающему милостыню на поминках. Человек, попавший в беду, призывал на помощь: *Я, Гъуцар, вун куьмек!* ‘О, Гъуцар, помоги!’, *Я, Гъуцари, куьмек гурай чаз!* ‘Пусть гуцар помогут нам (преодолеть эту беду)!’, *Я, Гъуцар, заза тисвал авур касдин къайгъу на авурай!* ‘О, Гуцар, накажите того, кто совершил зло по отношению ко мне!’ [227].

В лезгинском языке теоним *гъуцар* часто встречается в пожеланиях добра и зла: *Гъуцар авурай дуван!* ‘Пусть осудит тебя бог!’, *Гъуцар куьмек хъурай!* ‘Пусть поможет бог!’, *Вун Гъуцари ракларал къван куй!* ‘Чтоб Гуцар сожгли тебя, (поместив) в дверной проем (т.е. в полный рост)!’ [227].

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, слово *гъуцар* вначале употреблялось только во множественном числе, формальным показателем которого является суффикс *-ар*. Но со временем значение множественного числа утратилось. В современных лексикографических источниках лексема *гъуцар* переводится как ‘бог’ [409]. С принятием ислама данный теоним вытеснило слово *Аллах*.

Следы поклонения аграрным богам в лезгинском языке сохранили многие этикетные высказывания. Так, в ситуации просьбы лезгины используют выражения: *Ваз минет хъуй!* ‘Прошу, умоляю тебя!’, *Заз ихътин са минет ава!* ‘У меня такая просьба!’, *Ваз минет я!* ‘Будьте добры, умоляю!’ Слово *минет* ‘просьба’ ведет свое происхождение от теонима *Мин*. В лезгинской мифологии *Мин* – бог плодородия, деторождения и скотоводства. Он поливает всходы и способствует богатому урожаю. В далеком прошлом слово *минет* означало ‘обращение с просьбой к Богу Мину’ и часто повторялось как рефрен в

обрядовых песнях, адресованным богам Дождя и Солнца (Гуди и Гуни): *Амин минариз!* ‘Слава богам мидам!’.

Отголоски сразу двух культов – Луны и Земли – прослеживаются в лезгинской лексеме *меген*, которая часто используется как вспомогательное экспрессивное средство в ситуации просьбы. В современном лезгинском языке данное слово лишено лексического значения, по своей функциональной нагрузке оно равнозначно украинской частице *же* или междометию *ради бога!* Лексема претерпела серьезные семантические трансформации, поэтому сегодня в ней практически не усматриваются мифологические корни. На самом деле, она образована от двух слов – *мен* и *ген*. В лезгинской мифологии *Мен* – богиня Луны, древнее и могущественное божество в лезгинском пантеоне [1, с. 60]. *Ген* – бог Земли (лезг. *гьен* – ‘земля’), который отличается своенравием и капризами. В гневе он способен так сотрясти Землю, что на ней не останется ни одного живого существа [1, с. 61].

Данная информация позволяет уточнить семантику высказываний: *Жув инжикли мийир, меген!* ‘Не обременяй себя, ради богов Мена и Гена!’; *Залай алат, меген!* ‘Оставь меня ради богов Мена и Гена’.

В славянской мифологии среди аграрных богов большим уважением пользовалась *Лада* – богиня юности и весны, красоты и плодородия, покровительница любви и браков. В современных украинских словарях слово *ладо* имеет помету – народнопоэтическое. В украинской народной поэзии и художественных текстах оно используется как нежное обращение к другу, любимому человеку: *Вітрило-вітре мій єдиний, Легкий, крилатий господине! Нащо на дужому крилі На вої любії мої, На князя, ладо моє миле, Ти ханові метаси стріли?* [449], *Не бійся, ладо моє. Нікуди я від тебе не піду* [415].

В речевой практике общения украинцев закрепилось также слово *леле*, используемое (часто с междометием *ой*) для выражения страха, удивления, сожаления, нареkania: *Ой, леле, Христя вже пішла, а я ще сиджу* [381]. Данное междометие имеет языческие корни. В славянской мифологии *Леля* (*Лелия*, *Лелио*, *Лель*, *Ляля*) – божество весны и молодости из свиты Лады,

побуждающее природу к оплодотворению, а человека – к брачным союзам. *Ой, леле!* в далеком прошлом представляло собой ритуально-магическое обращение к богине с какой-либо просьбой или благодарностью.

В славянском пантеоне богов особым уважением пользовался также *Велес* (*Волос*) – бог скотоводства и земледелия. О поклонении богу Велесу свидетельствуют многочисленные клятвы. В «Повести временных лет» сказано, что князья со своей дружиной присягали Перуном и Велесом: «...по закону русскому... клялись те своим оружием и Перуном, богом их, и Волосом, богом скота». Такие клятвы сохранились во всех славянских языках, в том числе и в украинском: *Клянусь богом, у якого вірую, Перуном і Волосом, богом худоби* [419]. Отголоски древних воззрений содержат уже практически забытые в украинском языке архаические проклятия: *Волос те сedy!, Волос тя виточи! Волосень те избей!, Волосатик бы тя взял [изнырял]!, Волости тя возьми!* [386, 387].

6.1.1.6. В коммуникативной практике обоих народов закрепилось также почитание ветров. Специфические верования, связанные с этой природной стихией, сложились у лезгин. Сильный ветер считали божьей силой и никогда не осуждали его за нанесенный хозяйству ущерб. При сильном ветре взрослые произносили заклинание: *Гару тхуй бедбахтвилер, цЛу тхуй паиманвилер!* ‘Ветер чтоб беды унес, а огонь – грусть-печаль!’ (с. Карчаг).

Если ночью снился сон о ветре, то утром во двор выбрасывали соль со словами: *Заз акур чЛуру ахвар, чили чЛугурай!* ‘Чтоб увиденный мною плохой сон впитала в себя земля!’ Вихрь – *жинжи гар* (букв. ветер джинна) считали порождением нечистой силы [1, с. 86].

Древние славяне в бурях и ветрах усматривали дыхание главного божества. Считалось, что ветры не только дышат на землю теплым веянием весны, приносят с собой благодатные дожди, но и несут на своих крыльях град и снега, возбуждают и зимние вьюги и метели [20, с. 279]. В украинской культуре до сих пор сохранились легенды о людях, захваченных сильным ветром и пропавших без вести, а также звучат проклятия, призывающие на

недругов бури и вихри: *Щоб тебе буря вивернула! Щоб їх вихром винесло! Щоб тебе вихрами та бурями винесло! Щоб тебе взяло та понесло поверх дерева! Щоб тебе горою підняло!* [419].

6.1.1.7. В лезгинском и украинском языке функционирует множество стереотипных высказываний, сохранивших до нашего времени ценную этнокультурную информацию о *хтонических* божествах (существах, связанных с подземным миром). Общей эмоциональной первоосновой хтонического культа было чувство страха перед загробной неизвестностью. В связи с этим хтонические божества воспринимались древним человеком исключительно как носители зла. Их задабривали жертвами и просили только одного – не вмешиваться в жизнь людей. Поэтому закономерным является тот факт, что имена этих богов встречаются исключительно в высказываниях с негативной семантикой, в частности в пожеланиях зла, которые в прошлом выполняли ритуально-магическую функцию, направленную против собеседника.

С целью достижения максимального эффекта в состав таких пожеланий сознательно вводились имена наиболее авторитетных и опасных представителей подземного царства.

Отголоски хтонического культа наблюдаем в традиционных лезгинских проклятьях: *Вуна Седан тум яхь!* ‘Ты держись за хвост Седа!’, *Ваз Сед хьурай!*, *Агь вун сед хьуй!* ‘Пусть тебя постигнет несчастье!’ (букв. ‘Чтоб ты был Седом!’), которые часто встречаются в речи лезгинских женщин. В лезгинской мифологии *Сед* – правитель Царства сил зла, символ горя, несчастья и насилия. В современном лезгинском языке слово *сед* означает ‘горе’, ‘несчастье’. В некоторых лексикографических источниках оно фиксируется с пометой – поэтическое [409, с.192], хотя, как свидетельствуют наблюдения, его довольно часто используют и в повседневной разговорной речи. Например, обращение *сед кас* лезгины адресуют злему человеку. В лезгинской мифологии *Сед* имеет и другое имя – *Афат*. Исследователи объясняют это результатом слияния двух близких религиозно-мифологических образов родственных этнических общностей древности. При этом не исключается и факт заимствования. Как

утверждают этимологи, слово «Сед» созвучно с именем «Сет» – бог пустыни, тьмы, зла в египетской мифологии [1]. Теоним *Афат* в лезгинском языке стал основой одного из самых страшных в лезгинской культуре проклятий: *Вун Афатди тухурай!* ‘Пусть тебя заберет Афат!’ В современном лезгинском языке *сед* и *афат* являются синонимами, выражая общую семантику: ‘беда, горе, несчастье’ [425]. Вместе с тем лексема *афат* может употребляться и в переносном значении: ‘красавица, губительница сердец’ [425].

Кроме *Седа (Афата)*, воплощением зла и несчастья в лезгинской мифологии является *Ардавул (Ардав, Парсав, Пардавус)* – божество смерти, правитель Царства мертвых. Согласно лезгинским поверьям, сохранившимся в фольклоре, он принадлежал к первому поколению людей, но был наказан за грехи и назначен богом следить за отделением души от тела у умерших [1]. В лезгинском языке человеку, который много ест, адресуется фраза: *Тух тежедай Ардавул!* ‘Ненасытный ардавул! Правая рука Ардавула – Малкамут – божество смерти, которое посещает могилы и захоронения. Следы древних представлений о нем содержит пожелание зла: *Агь, вун Малкамутди тхуьрай!* ‘Съел бы тебя Малкамут!’ [1], а также сравнение, адресуемое человеку со злыми намерениями: *Малкамутдин чин галайди* ‘лицо как у Малкамута’, *Малкамут хьыз гатлумна* ‘поступил, как Малкамут’. Жадного человека сравнивают с *Пили* – мистическим существом, демоном, который охраняет водные источники (за воду Пили брал себе в жертву молодых юношей и девушек). Отсюда сравнения: *Вун цел алай Пили яни?* ‘Ты что, Пили, который сидит на воде?’ В лезгинском языке сохранились проклятия, донесшие до нас имена и других хтонических божеств: *Вун Маркъула ягърай!* ‘Пусть тебя ударит Маркъула!’, *Вун Чулава ягърай!* ‘Пусть тебя ударит Чулава!’, *Вун Ут ялавдин ягърай!* ‘Пусть тебя ударит Ут!’ [226] и др.

Часто в общении лезгин можно услышать слово *цехем*. В лезгинской мифологии это божок сна. Человеку, который любит поспать, адресуют фразу: *Вун цехема къунвани!* ‘Тебя что Цехем держит?!’ [1]. Данный теоним встречается и в составе проклятий: *Вун цехема къурай!* ‘Пусть схватит тебя

Цехем!’ в значении ‘Чтобы ты долго не просыпался!’. Можно предположить, что упомянутые выше языческие персонажи являются наиболее древними фигурами лезгинской мифологии, представление о которых сегодня уже практически стерлось в народном сознании [58].

В украинском языке стереотипные высказывания, содержащие имена хтонических божеств, также представлены пожеланиями негативной семантики, отражающими веру древних славян в карающую силу обитателей подземного царства. Одним из них является Чернобог – олицетворение зла, властитель тьмы, изображаемый облаченным в броню с копьем в руках. На основе представлений об этом боге возникло проклятие: *Щоб тебе чорний бог убив!* В украинских пожеланиях зла часто упоминается не менее грозный представитель сил тьмы – *Див*. В дохристианских верованиях это божество страха и смерти представлялось в виде дракона, змея, хищной птицы с уродливым женским лицом и т. д.: *Щоб на тебе Див прийшов!*, *Щоб на тебе диво прийшло!*; *А диво на тебе!*, *Диво би на тебе зайшло!* [419]. В украинских проклятиях часто фигурируют номинации представителей низшей мифологии: *чорт (дідько), відьма* и др., которые во времена язычества олицетворяли нечистую силу: *Сто чортів в печінку!*, *Чорт (тебе, його, вас і т. ін.) бери (візьми)!*, *Чорт би тебе за душу взяв!*, *Чорти б тебе вхопили (побрали, узяли)!*, *Хай (нехай) йому (їм, тобі й т. ін.) дідько (біс)!*, *Іди до дідька (чорта)!*; *Іди під три чорти і чотири відьми!* и др. [120, с. 193].

В лезгинской мифологии представителем нечистой силы считался *шейтІан* ‘черт’, имя которого часто функционирует в различных речевых стереотипах: *ШейтІанди вун тухурай!* ‘Пусть шайтан тебя заберет’ (пожелание зла); *шейтІанди ягъалмишарна (рекъяй акъудна)!* ‘бес попутал!’ (извинение). В некоторых высказываниях значение лексемы *шейтІан* ‘черт’ реализуется имплицитно: *Агъ! Мад зун геж хъана!* ‘Чёрт! Снова я опоздал!’ (слово *агъ* буквально означает ‘проклятье’); *Алат, квахъ!* ‘Иди к чёрту!’ (букв. ‘Пошёл вон!’) и др. [409]. Сегодня эти высказывания утратили свою сакральную семантику и используются исключительно как эмоциональные междометия.

6.1.1.8 К глубоким пластам языческих верований лезгин относятся не только проклятья, но и некоторые средства выражения вежливости. В повседневном общении лезгинские мужчины часто пользуются обращением *Я кас!* ‘Эй, кас!’, которое имеет языческие корни. В мифологии лезгин *Кас* – первый человек, который появился на земле, *Касбуба* ‘Дед Кас’ – легендарный прародитель лезгинского народа, свидетель первого обращения богов к лезгинам с вершины Гъуцарсув, юмористический персонаж лезгинского фольклора [1]. В современном лезгинском языке слово *кас* имеет несколько значений: мужчина, женщина, личность, мужественный человек, а также обобщенное понятие «лезгин» [392; 409]. О десемантизации лексемы *кас* свидетельствует фраза: *Алад, я кас!* ‘Ну иди уже!’

Отголоски лезгинских языческих верований наблюдаем также в обращении *члехи ба (буба)* ‘старший дед’, которое в семейном общении адресуется дедушке по отцовской линии. В лезгинской мифологии *Ба* – дух первопредка, главный языческий Бог, создавший мир. Следует отметить, что слово *ба* в лезгинском языке встречается во многих терминах родства: *буба* ‘отец’, ‘дед’, *бажу* ‘мать’ (диал.), *уллу буба* ‘прадед’, *бах* ‘тётя’, *баде* ‘бабушка’, *бубад хва* ‘братик’ и др.

Большинство мифологических образов, которые олицетворяют силы зла, в лезгинских и украинских речевых стереотипах относятся к ранним этапам религиозно-мифологических верований. Под влиянием христианства в украинской культурной традиции и ислама – в лезгинской они утратили первичную семантику, трансформировавшись в имена нарицательные, хотя вера в их существование до этого времени жива.

6.1.2 Речевой этикет лезгин и украинцев сквозь призму монотеистических верований

6.1.2.1 Как отмечалось выше, высказывания религиозного характера представляют значительный пласт в речевом этикете украинцев и лезгин. Большинство из них берут начало из глубины веков, где они выполняли

ритуально-магическую функцию, обеспечивая общение человека с высшими силами. Если на начальных стадиях развития общества речевое поведение украинцев и лезгин регламентировалось язычеством – древней политеистической религией, основанной на антропоморфизации и анимизации окружающего мира, то с развитием общественных отношений, укреплением рабовладельческого строя и созданием монархий почитание многих богов сводится к монотеизму – поклонению одному Богу – вначале главному, а затем – единственному и всемогущему. Считается, что возникновение идеи единого Бога и становление монотеизма связаны не только с социально-историческими факторами, но и с развитием мышления, в частности, его переходом от чувственного отражения действительности к обобщению и абстрагированию, что в свою очередь способствовало усовершенствованию межличностного общения. Как отмечают исследователи, «персонифицированный Бог помог монотеистам оценить священные и неотъемлемые права личности, воспитал уважение к индивидуальным особенностям человека» [14, с. 11].

В любой религии правильное, достойное поведение – обязательное условие спасения человеческой души, возможность заслужить лучшую судьбу в «иной жизни». Данная идея отражена в священных книгах христиан и мусульман – Библии и Коране, которые содержат множество советов и назиданий, касающихся правил поведения человека в различных ситуациях общения. В Библии, например, рассказывается о том, что Иисус Христос, посылая своих учеников проповедовать слово Божье, учил их: «А входя в дом, приветствуйте его, говоря “Мир дому сему!”; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него, если же не будет достоин, то мир ваш к вам вернется». Это приветственное пожелание имеет глубокий религиозный смысл. Человеку, к которому оно обращено, желалось в первую очередь установление мира между его душой и Богом. При наличии мира Бог заботится не только о человеке, но и о его доме. Именно поэтому и желали мира всему дому, когда входили в него.

О необходимости соблюдения этикетных норм в повседневном общении рассказывают и хадисы – священные книги ислама, толкующие высказывания

пророка Мухаммада. В одном из хадисов написано: «Мухаммад (да благословит его Аллах и да приветствует) сказал: “Когда верующий встретится с верующим, и приветствует его, и они берут друг друга за руки, то с их рук падают грехи, как листья падают с дерева”».

Другой хадис рассказывает о том, что когда у Посланника Аллаха спросили: “В чем наилучшее проявление Ислама?”, тот ответил: “В том, чтобы ты угощал едой и приветствовал тех, с кем знаком и не знаком”. Мусульмане свято верят в то, что приветствуя единоверца надлежащей формой, можно получить двойной саваб (у лезгин – суваб) – благосклонность Аллаха: один – за то, что приветствуешь, другой – за то, что даешь возможность другому человеку получить суваб, ответив ему тем же.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что этикетные нормы в культурных традициях украинцев и лезгин действительно имеют глубоко религиозную основу. К Библии и Корану восходит множество этикетных единиц, которые являются не просто устоявшимися словесными оборотами, элементами национальной культуры, данью традиции, общепринятым правилам этикета, а имеют гораздо большее значение, так как Христианство и Ислам не предписывают своим последователям что-либо без причины.

6.1.2.2 Монотеистические представления лезгин и украинцев конденсируются в речевых конструкциях, семантическим центром которых выступают лексемы *Бог / Аллах*. В далеком прошлом данные высказывания представляли собой сакральные формы общения с Всевышним, являясь неотъемлемой частью молитв, с помощью которых люди, начиная или заканчивая какое-либо дело, стремились заручиться поддержкой высших сил. К Богу / Аллаху люди обращались в первую очередь, попадая в сложные жизненные ситуации. При этом использовались ритуально-магические вербальные формулы, содержащие просьбу о помощи и ниспослании милости Всевышнего либо выражающие благодарность и восхваление. С течением времени многие высказывания утратили сакральный характер и расширили сферу своего функционирования, трансформировавшись в стереотипные фразы,

обслуживающие различные ситуации повседневно-бытового общения. В связи с этим высказывания с компонентом *Бог / Аллах* в сопоставляемых языках можно классифицировать на две группы:

- 1) ритуально-сакральные;
- 2) повседневно-бытовые.

Этикетные речевые единицы первой группы реализуют прямое значение, обслуживая религиозную сферу, т.е. содержат сакральные семы, например, лезг. *Бисмиллахи рахмани рахим!* ‘Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!’; укр. *Слава навіки Богу Святому!* Высказывания второй группы подверглись полной или частичной десемантизации и стали использоваться в переносном значении, обслуживая различные ситуации повседневно-бытового общения. Следует отметить, что данные этикетные формы неоднородны по семантике и реализуемым функциям, что позволяет классифицировать их на две подгруппы: 1) эмоционально-экспрессивные речевые единицы, выражающие различные эмоции и волеизъявления говорящего (удивление, возмущение, несогласие, сомнение и т. д.) и 2) собственно этикетные фразы, обслуживающие стандартные коммуникативные ситуации (приветствие, прощание, пожелание добра, соболезнование и др.). Речевые единицы первой подгруппы полностью утратили связь с сакральной сферой, в высказываниях второй подгруппы сакральная семантика частично сохраняется [54, с. 3].

6.1.2.3 Обнаружено, что большинство ЭРЕ с компонентом *Бог / Аллах* в сопоставляемых лингвокультурах имеют схожую семантику, подтверждением чего являются обнаруженные в результате анализа соответствия. Вместе с тем о полной тождественности значений ЭРЕ речь не идет. Это обусловлено тем, что «все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. Однако на уровне языковой картины мира эти различия не видны, и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными» [253, с. 35]. Вследствие этого «мы часто приписываем несуществующую универсальность понятиям, которые обладают достаточно ощутимыми культурными различиями» [48, с. 230].

На широкое распространение высказываний с компонентом *Бог* в повседневном общении украинцев указывает И. Огиенко: «Взагалі слово ‘Бог’ сильно розгалужене в нас, а це вказівка, що воно старе й дуже поширене з глибокої давнини. З дуже давнього часу в нашій мові склалося багато виразів зо словом *бог*, які дійшли й до нашого часу: *бозна* – бог знає, *помагайбі* – помагай Боже, *спасибі* – спаси Боже, *Бог вість*, *боронь Боже* й т. ін. Цікаво, що в нас слово *бог* де-не-де змінилося на *біг*, а це вказує на його глибоку давність та засвоєність...» [120].

ЭРЕ с компонентом *Аллах* широко распространены и в лезгинском РЭ. Данный факт свидетельствует о том, что вера в Аллаха как Создателя всего сущего играет приоритетную роль в формировании национального сознания лезгин. Имя *Аллах* арабского происхождения. Оно образовано в результате сочетания определённого артикля *аль-* ‘этот’ и лексемы *Илах* ‘Тот, Кому поклоняются’, ‘Достойный поклонения’, т. е. ‘Бог’. Иными словами, в буквальном переводе с арабского языка *Аль-Илах* означает ‘этот Бог’, ‘единый, единственный Бог’. Это дает основания утверждать, что слово *Аллах* по сравнению со словом *Бог* имеет более глубокую семантику, указывая на *Единство* и *Единственность Всевышнего*, являющегося в сознании мусульман единоличным создателем мира: «Он – Аллах – единый, Аллах Самодостаточный; Он не родил и не был рожден, и нет никого, равного Ему» [139, Сура «Очищение (веры)», 112:1–4].

В лезгинской лингвокультуре почитание Аллаха отражено запечатлено во многих ЭРЕ, хорошо известных всем мусульманам. Наиболее распространенным является ЭРЕ *Иншаллагь!* (*Инша* + *Аллах*), которая в переводе с арабского языка означает: ‘если будет угодно Аллаху’ [409, с. 86]. Эту молитвенную ритуальную фразу лезгинки, как и все мусульмане, используют в знак смирения перед волей Всевышнего. Выражение восходит к Корану, где в Суре «Аль-Кахф» [18: 23–24] написано: «И никогда не говори: “Я сделаю это завтра”, (не добавив) “Если только этого не пожелает Аллах!”». Исламский богослов VII века Ибн Аббас отмечал, что мусульмане должны

произносить данную фразу, когда речь идет о каких-либо планах и событиях в будущем, поскольку упоминание об Аллахе облегчает выполнение задуманного, помогает человеку получить благословение Всевышнего. В повседневно-бытовом общении лезгин ЭРЕ *Иншаллагь!* является маркером будущего времени: *Адаз зи патайни саламар це. – Иншаллагь* ‘Ему и от меня передай привет. – Хорошо’ (в значении: ‘Передам, если на то будет воля Аллаха’) [409, с. 86], а также может означать вежливый, тактичный отказ выполнить какую-либо просьбу или ответить на неудобный вопрос. Лезгинки считают неприемлемым прямо отказать собеседнику, поэтому вместо категоричного «нет», как правило, используется ответ *Иншаллагь!*, который буквально означает: ‘То, о чём вы просите (или спрашиваете), невозможно, если только не вмешается Всевышний’.

В украинском РЭ функционируют близкие по семантике ЭРЕ: *Дасть Бог; Як Бог дасть; Як дасть (пошле) Господь (милосердний)*, которые в общении верующих означают смирение перед волей Всевышнего. В разговорной речи данные высказывания являются маркерами будущего времени, выражая надежду на реализацию задуманного либо благополучное завершение начатого дела [430, т. 2, с. 142]: *Дасть Бог, вродить хліб, то й заплатимо [подушне]* [416]; *Як дасть Господь милосердний, приїду сам на Січ; Бог дасть, виростуть дітки* [454]. Украинское междометие *Бог дасть!* в определенном контексте может употребляться в качестве отказа, адресованного тому, кто просит о чем-либо материальном: *Так Ви дасте мені грошей? – Бог дасть* (т. е. ‘нет’). ЭРЕ со схожим значением зафиксирована в лезгинском языке: *Аллагьди вичи гудайбурукай хьуй!* ‘Бог пошлет!’ (букв. ‘Аллах сам пусть дает’): *Чав пуд болт гва, кьуд лагьайди Аллагьди вичи гудайбурукай хьуй. Гьилер?* ‘У нас только три болта, четвертый пусть вам Бог пошлет. По рукам?’ [426].

Арабское происхождение в лезгинском языке имеет ЭРЕ *Машаллагь!* ‘так захотел Аллах’, ‘на то была воля Аллаха’, которое мусульмане употребляют как знак изумления, радости, хвалы, благодарности Аллаху и смиренного признания того, что всё происходит по Его воле. Есть основания предполагать, что данная

ЭРЕ восходит к Корану, в частности, к Суре «Аль-Кахф» [18: 39], в которой написано: «Почему, войдя в сад, ты не сказал: «Так пожелал Аллах! Нет мощи, кроме как от Аллаха!». Слово *Машаллагь!* в повседневном общении лезгин, как правило, произносится сразу после получения хороших новостей как выражение радости, удовлетворения, одобрения при обсуждении кого-либо, комментировании каких-либо событий. По смыслу оно равнозначно междометиям: *Вот так!, Прекрасно!, Браво!, Молодец!* [409, с. 149].

Кроме того, в разговорной речи восклицание *Машаллагь!* часто выполняет функции своеобразного вербального оберега от зависти и сглаза, когда адресант восхищается собеседником либо одобряет его поступок (например, после комплиментов в адрес ребенка): *Куьн аялар гыкьван гуьрчегбур я, машаллагь!* ‘Какие у Вас красивые дети!’, *Машаллагь! Вуч гуьрчег затI я!* ‘Какая прелесть!’ (разг.).

В религиозном дискурсе украинцев ЭРЕ *Машаллагь!* соответствует фраза *На все воля Божя (Господня)!*, отражающее веру украинцев в божественное провидение. Данное высказывание восходит к Библии, в частности, к Евангелию от Иоанна [15:5], в котором написано, что Господь однажды сказал: «Без Меня не можете делать ничего». Это означает, что у каждого человека есть много желаний и планов, однако все на земле происходит по Божьему Промыслу, поэтому свершится только то, что определил и решил Бог.

В украинском РЭ фраза *На все воля божя [господня]!*, используемая в рамках повседневного общения, имеет отличное от лезгинского слова *Машаллагь!* значение, выражая смирение, согласие, утешение: *На те воля божя, моя любко, – кажу я* [385].

В лезгинском РЭ религиозные корни имеет восклицание *Аллагьдиз шукур хьурай!* ‘Слава (хвала) Аллаху!’ В одном из хадисов написано: «Пророк (мир ему и благословение) говорит нам: “Есть два слова, которые любит Милостивый, они легки для языка, но тяжелы на Весах: “Слава Аллаху и хвала Ему, слава Аллаху Великому!”» [10].

В повседневном общении лезгин данная ЭРЕ употребляется для выражения радости, одобрения, чувства удовлетворения от услышанного или происходящего: *Аллагъдиз шукур хьурай! Лезгийри чпин адетар хьсан хвена* ‘Слава Аллаху! Лезгины хорошо сохранили свои обычаи’ [408].

В украинской лингвокультуре носителями схожего значения являются высказывания: *Слава Богу!, Слава тобі Боже (Господи)!*, которые также имеют религиозное происхождение. В Библии написано: *Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь* [Римлянам 11:36]; *Единому Премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь* [Римлянам 16:27] и др. В устах верующих данные фразы означают искреннее почитание и благодарение Бога: «только Бог достоин похвалы и прославления за все добро, от Него исходящее». В современном украинском РЭ: *Слава Богу! (Господові), Слава тобі, Боже (Господи)!* функционируют в различных ситуациях общения с частичной или полной утратой первоначального сакрального содержания. Например, ритуально-магический характер данные ЭРЕ частично сохраняют тогда, когда выполняют функции вербального оберега, равнозначного по значению ритуалу постукивания по дереву или символическому плеванью через плечо «чтоб не сглазить». «Несмотря на то, что в таких случаях данные фразы зачастую произносятся неосознанно, они так или иначе имеют целеустановочную мотивацию, продиктованную подсознательной потребностью говорящего оградить себя от внешнего негатива» [59, с. 4].

Активное использование выражений: *Слава Богу (Господові)!, Слава тобі, Боже (Господи)!* в разговорной речи в качестве эмоциональных реакций на ситуацию привело к утрате их сакрального характера. Сегодня они чрезвычайно востребованы в повседневно-бытовом общении для выражения различных оценок и эмоциональных состояний: подтверждения того, что все благополучно: *Я радію: – Слава господові, що і в нас, як і в людей, благодатно!* [385]; удовлетворения от реализации чего-то долго ожидаемого: *Пройшов і піст, відповілись і – слава тобі господи! – дождались воскресенія* [400] и др. Кроме того, в украинском языке подобные высказывания часто используются в

качестве вводных слов и словосочетаний: *А хто ж то женцем у вас? [Мати:] Та там одна сирітка... (Нишком). Таке воно, **простибіг**, ні до чого [440]; Бо ти вже, **слава богу**, дівка, а в тебе і одежі доброї немає! – додала вона [мати] і так тихо, так ласкаво [414]; Вже, **хвалить бога**, не робимо панцини, – обізвався Любчин чоловік [416], что свидетельствует о полной утрате ими первоначального сакрального смысла.*

Неотъемлемой частью речевого общения лезгин является восклицание *Бисмиллагь!* ‘во имя Аллаха!’, ‘с Богом!’ [409, с. 29]. В повседневном РЭ лезгин высказывание *Бисмиллагь!* сохраняет религиозный характер, употребляясь как доброе пожелание перед каким-либо важным делом, в частности, перед трапезой: *Бисмиллагьи рагьим (бисмиллагьи рагьмани рагьим)!* ‘Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!’ [392, с. 118]. Кроме того, произнесение данного высказывания у народов Дагестана считается самым действенным оружием против злых сил.

Примечательно, что в Коране с фразы *Бисмиллагь!* начинаются все суры, кроме девятой. По мнению мусульман, ее следует произносить с чувством любви, поклонения и восхищения перед силой и милосердием Аллаха. В украинском языке используется близкое по семантике высказывание – *З Богом!*, первоначальное значение которого также имеет религиозный характер: по мнению христиан, только с верой в Бога человек может достичь благополучия. В повседневном общении украинцев данное междометие употребляется в качестве пожелания успеха в каких-либо начинаниях: *З богом, Парасю, коли люди трапляються!* – обізвався Балабуха [416].

С именем Аллаха в лезгинском языке этимологически связано междометие *Алла!* В прошлом оно являлось сакральным обращением к Всевышнему с какой-либо просьбой – ‘О, Боже!’ В современном лезгинском языке выражение утратило первоначальную семантику и используется как возглас, выражающий удивление или возмущение недостойным поведением человека – ‘э-э!’, ‘эге-е!’ [409, с. 13]: *Алла, ваз гьикьван лугьуда!* ‘Э-э! Сколько тебе говорить!’, *Алла, ви надинжвал вуча!* ‘Э-э! Что ты такой балованный?’ (разг.).

В украинском языке близкими по значению высказываниями являются: *О Боже! (Господи!), Господи милосердний!*, которые также изначально представляли собой ритуально-магические обращения к Богу. Сегодня они обладают богатой эмотивной семантикой и в зависимости от контекста могут выражать различные эмоциональные состояния адресанта: радость, надежду, восхищение, мольбу, отчаяние, страдание, удивление, и др.: *Господи милосердний! Дай моїй дочечці доброго чоловіка* [400] – мольба; *Ой, Боже мій! Такої муки я ще не терпіла!* [440] – страдание; *О Боже, яка краса!* (разг.) – восхищение и т.д.

Слово *Яллагь!* в лезгинском языке образовано в результате сращения частицы *я*, употребляемой при обращении к собеседнику, и имени *Аллагь*. Первоначальный смысл данной фразы – обращение к Аллаху с просьбой или благодарностью. В современном лезгинском языке она функционирует как благословение, пожелание удачи, побуждение к действию: ‘С богом!’, ‘Начали!’, ‘Пошли!’ [183]. Кроме того, в лексикографических источниках зафиксировано, что слово *Яллагь!* (*Я Аллагь*) часто используется в пожеланиях зла для большего эмоционального воздействия на адресата и достижения желаемого результата: *Ам яратмиш авур касди Вич, я Аллагь, лал авурай!* ‘Дай Аллах, чтоб онемел тот человек, который это натворил!’ [392, 1071]. В украинском языке близкими по значению высказываниями являются: *З богом!; Дай боже!*, функционирующие в качестве приветствий, добрых напутствий и пожеланий удачи перед началом какой-либо деятельности: *Дай боже вам вечір добрий!* [400].

Высказывания с семантическим компонентом ‘Бог / Аллах’ в сопоставляемых языках используются и в ситуации клятвы. Сегодня лезгины и украинцы воспринимают клятву как обычный словесный акт, служащий для уверения собеседника в правдивости слов. Однако в прошлом клятва представляла собой ритуально-магическое действие, подкрепляемое упоминанием чего (кого)-либо священного, дорогого для того, кто обещает, уверяет. В исламе и христианстве отношение к клятвам одинаково: клятва –

священный акт, который не произносится без веской на то причины. По предписаниям Корана, мусульманин должен клясться только именем Аллаха или Его качествами. В одном из хадисов написано: «Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Тот, кто хочет клясться, то пусть клянется Аллахом или молчит”» [10]. Клясться, кем-то или чем-то помимо Аллаха запрещено, поскольку, тем самым, человек приравнивает предмет или объект клятвы Аллаху и совершает “ширк” (*ширк* – вера в многобожие, т.е. тяжкий грех). Клятва в исламе произносится для того, чтобы «возвеличить того, кем клянутся, и подтвердить правдивость того, в чем клянутся» [139, с. 224].

В лезгинском языке в ситуации клятвы используются выражения *Валлагь!*, *Биллагь!*, *Валлагь-биллагь!*, *Аллагьдин калам кьалумрай!*, *Аллагь кьалум хьурай!* ‘клянусь Аллахом!’ [392, с. 53; 409, с. 33], которые дословно означают ‘ей-богу!’, ‘клянусь Богом (Аллахом)!’ и отражают отношение мусульман к Аллаху как к самому дорогому и ценному, что есть в их жизни. С течением времени религиозное содержание данных слов стерлось. В повседневном общении лезгин они все чаще используются с целью убеждения, заверения собеседника в чем-либо: *Аллагьди кьуд калам заз кьалумрай!* (букв. ‘Будь я проклят Богом!’ или ‘Да будут для меня последними четыре слова Аллаху!’). В украинском РЭ для подтверждения истинности сказанного используются выражения: *Їй-Богу!*; *Клянусь Богом (у якого вірую)!* Объяснение их происхождения находим в Библии: «Господа, Бога твоего, бойся и Ему одному служи, и к Нему прилепись и Его именем клянись» [Второзаконие 10:20].

В христианстве, как и в исламе, клятва священна, к ее произношению следует подходить с особой ответственностью. В Библии написано: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» [Исход 20:7]. Таким образом, принося клятву, человек обращается только к Богу как к высшему свидетелю произнесенных слов и гаранту клятв и обещаний. В повседневном общении украинцев для подтверждения чего-либо, уверения в чем-то

используется междометие *ій-богу!* (*ій-бо!*), происхождение которого окончательно не выяснено. В «Словаре української мови» Б. Гринченко оно рассматривается как равнозначное по смыслу междометию *ей-Богу!* [430, т. 2, с. 197]. В «Полном словаре церковнославянского языка» протоиерея Г. Дьяченко частица *ей* объясняется как «слово для подтверждения истины, вместо божбы употреблять дозволенное» [422, с. 171]. В древнерусских рукописях оно встречается как эквивалент слову «да» в повседневной беседе. В современном общении украинцев клятвенные заверения – выразительный коммуникативный прием, который эффективно воздействует на слушателя, избавляя его от сомнений, побуждая лишний раз задуматься над словами собеседника: *Ходім, кажу, а то покину! Ій-богу, покину!* [414].

Древние представления христиан и мусульман о защищающей функции Бога / Аллаха отражают фразы: лезг. *Аллагьди яргъазрай!* ‘Пусть Аллах держит подальше’; укр. *Не дай (не приведи, крий, боронь) Боже!, Нехай (хай) Бог (Господь) боронить (милує)!* Первоначально данные высказывания выступали в качестве молитвы, живого обращения к Всевышнему с просьбой не допустить каких-либо нежелательных последствий. В современном общении украинцев и лезгин их используют для выражения различных эмоций: морального потрясения, категоричного несогласия, отрицания, отказа в сочетании с неодобрением, возмущением, а также предупреждения о негативных последствиях, призыва не совершать какое-либо действие: лезг. *Ибурухъ вуч хъанватІа?! Къенва жал?! Аллагьди яргъазрай!* ‘Что с ними?! Неужели умерли?! Не дай Аллах!’ [426] – потрясение; *Аллагьди яргъазрай!* ‘Не дай бог’; *Аллагьди вичи хъуй!* ‘Избави бог!’ и др. – несогласие; укр. *Повернутись до нього (сонця) спиною – крий боже! Яка невдячність* [404] – сообщение о неприемлемости действия возмущение. Лезгинское выражение *Аллагьди вичи хъуй!* ‘Храни тебя Аллах!’ используется как доброе, напутственное пожелание.

Представления лезгин об исключительных возможностях Аллаха отражает междометия *Аллагьдиз чида!* ‘Аллах знает’, *Аллахдиз чир хъуй!* ‘Пусть Аллах знает!’, имеющие религиозные корни. В Коране написано, что одно из имен

Аллаха – аль-Алим ‘Всезнающий’. Это означает, что Аллах обладает совершенным знанием, которому не предшествовало невежество и которое не сменится забывчивостью. Пророк Муса сказал: «Об этом ведает мой Господь, и это записано в писании. Мой Господь не ошибается и не предаёт забвению» [Сура «Та Ха» 20: 52]. Похожие представления о Боге имеют и христиане, что подтверждает выражение *Бог його знає!* Корни данного высказывания восходят к Библии, где сказано: «Одно из имен Бога – Всевидящий: Господь, – престол Его на небесах, очи Его зрят, вежды его испытывают сынов человеческих. Бог все видит и все знает» [Псалом 10: 4]. В современном общении украинцев и лезгин данные фразы используются для выражения неуверенности в чем-либо: лезг. *Рекъе чун гъикъван вахт жеда? – Аллагъдиз чида!* ‘Сколько времени мы будем в пути? – Бог его знает! (разг.); укр. *І бог його знає, що то за приємність мордувати таку бідну та нешкідливу пташину* [447].

Семантическое сходство в сопоставляемых лингвокультурах имеют фразы: лезг. *Аллагъ патал хъуй!* ‘Ради Бога’ (букв. ‘Пусть Аллах будет сбоку!’) – укр. *Ради (заради) Бога (всіх святих)!* Первоначальная семантика данных этикетных единиц – ‘обращение к собеседнику с просьбой сделать что-либо для кого-то, но во имя Бога (из любви к Нему)’. В современном речевом этикете лезгин и украинцев они используются в схожих ситуациях общения, в частности, при выражении убедительной просьбы, мольбы: укр. *Ради бога, Аркадію, не говори таких слів...* [435]; лезг. *Аллагъ патал хъуй, идан гъилиз килиг* ‘Ради Бога, посмотри на его руку’ [426]. Вместе с тем в семантике данных высказываний присутствуют и семы этнокультурного характера. Так, в украинском языке фраза *Ради бога!* может иметь значение: ‘то, о чем Вы просите, не представляет проблемы’: *Чи можна мені зупинитися у Вас на кілька днів? – Та ради бога!*

Верующие люди всегда боялись божьей кары, поэтому в вопросах справедливости они обращались к Богу, будучи уверенными в том, что от его взгляда не укроется ничто. Веру мусульман в карающую силу Всевышнего, который может не только помогать людям, но и наказывать их за прегрешения,

отражает высказывание *Аллагъдикай кичӀе хьухь!* ‘Бойся Аллаха!’. Хадисы сообщают о том, что Посланник Аллаха однажды сказал: «Бойся Аллаха, где бы ты ни был, и пусть за каждым твоим плохим поступком следует хороший, который загладит предыдущий, и относись хорошо к людям!» [10]. В украинском языке страх перед Создателем отражают междометия *Бійся (бійтеся) Бога!*, *Побійся (побійтеся) Бога!*, происхождение которых объясняется в Библии: «Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд и все тайное, хорошо ли оно, или худо» [Екклесиаст 12:13–14]. В повседневном общении лезгин и украинцев фразы: *Аллагъдикай кичӀе хьухь!*, *Бійся (бійтеся) Бога!*, *Побійся (побійтеся) Бога!* используются в качестве предостережения человеку, который говорит неправду или совершает недостойный поступок.

6.1.2.4 Помимо сакральной и эмотивной функций, высказывания с компонентом “Бог / Аллах” в лезгинском и украинском языках реализуют также этикетную функцию – установления доброжелательных отношений с адресатом, демонстрации заинтересованности в дальнейшем общении и т.д., которая чаще всего реализуется в ситуациях приветствия, прощания и пожелания добра. Высокой степенью продуктивности отличаются трудовые приветствия. В лезгинском РЭ людям, занятым на момент общения какой-либо работой, адресуется множество приветствий, апеллирующих к Аллаху. Исходными можно считать этикетные единицы: *Аллагъ куьмек хьурай!* ‘Бог в помощь!’, *Ваз Аллагъди куьмек гурай!* ‘Пусть Аллах поможет тебе!’, *Це Аллах!* ‘Дай Аллах!’, на базе которых сформировалось большое количество синонимов.

Наиболее употребительными из них являются: *Ваз аллагъди кьуват гурай!* ‘Пусть Аллах даст тебе силы!’, *Я аллагъ ви гьилер галат тахӀурай!* / *Я аллагъ ви гьилериз галатвал акунтувурай!* ‘О Аллах, чтобы твои руки не уставали!’, *Куь кӀвалахар Аллагъди вичи вилик кутурай!* ‘Пусть пойдут Ваши дела удачно!’ (букв. ‘Пусть Аллах сам продвинет вперед Ваши дела!’). Такие приветствия

взаимны, поэтому предполагают ответ: *Баркалла! Аллагъди ваз багъишрай!* ‘Пусть наградит тебя Аллах!’; *Аллагъди куьн (вун) шадаррай!* ‘Пусть обрадует тебя (Вас) Аллах!’; *Баркалла! Квез Аллагъди берекат гурай!* ‘Спасибо! Пусть Аллах даст достаток и Вам!’; *Къуй Аллагъдиз ван хъурай ви гафар!* *Къуй Куь крарни (кІвалахарни) дуьзмиш хъурай!* ‘Чтобы услышал Аллах ваши слова! Пусть пойдут и Ваши дела благополучно!’, *Къуй Аллагъди Квез сагъ-саламатвал ва рагъим гурай!* *Къуй Аллагъди Куь берекатарни артухаррай!* ‘Пусть Аллах даст Вам здоровья и добра!’, ‘Пусть Аллах увеличит Ваше богатство!’; *Квез Аллагъди сагъвал ва шадвал гурай!* ‘Пусть даст Аллах Вам здоровья и радости на всю жизнь!’

Согласно древним украинским обычаям, человеку, занятому на момент встречи какой-либо работой, всегда адресовали особые приветствия и пожелания. Большинство из них содержат смысловой компонент ‘Бог’, ‘Боже’. Одним из наиболее древних и употребительных на протяжении долгих веков в украинском языке остается приветствие-пожелание *Дай Боже!*, которое, по мнению ученых, впервые встречается в Остромировом Евангелии (1056-1057 гг.), а также различных жанрах древнерусской книжности (летописях, оригинальных и переводных произведениях): *Дай Бог здравия и спасения и отпущения грехов творящему благое* [200]. Исследовательница восточнославянского приветствия Н. С. Гребенщикова утверждает, что «приветственное пожелание Божьей помощи активно употребляется в украинском языке, начиная со староукраинского периода, о чем свидетельствует его появление в драматических произведениях, в частности в интермедиях» [101, с. 35].

Фразу *Дай, Боже!* в украинском языке можно считать исходной формой для последующих высказываний религиозного характера, подтверждением чему является большое количество синонимов, возникших под влиянием диалектов: *Бог на (у) поміч!*, *Богпоміч!*, *Помагай Біг (Бог, Боже) [тобі]!*, *Біг, помагай!*, *Помагай, Боже!*, *Боже, помози!*, *Боже Вам помагай!*, *Дай, Боже, щастя!*, *Разом з Божим розказом!*, *Дай, Боже, час і пору добру!*, *Дай, Боже,*

щоб робилося, не псувалося!, Дай, Боже, на прожиток!, на что, как правило, отвечали: *Спасибі! Нехай і Вам Бог помага!* либо: *Дай, Боже, здоров'я!* [430]. Функционирование указанных выше приветствий преимущественно в устной форме привело к разного рода сращениям, что характерно для диалектной речи: *Пома(га)й-бо!, Помагайбі!, Помай Биг!, Помагайбіг!, Магайбі!, Богпоміч!, Дайбоздоровля!, Дай-бо здоровля!* [430] и др.

В украинском РЭ приветствие-пожелание Божьей помощи обычно обращено к работающему и предполагает ответную реплику благодарности. Однако эта ситуация в речевом общении украинцев не является обязательной. Обороты: *Помагайбі! Хай Биг помагає!* могут выступать также в качестве повседневного приветствия, прощания, пожелания добра безотносительно к трудовой ситуации. Об этом свидетельствует изменение ответной фразы: появление синонимичного приветствия вместо изъявления благодарности: *Помагайбі! – Бодай здоров!* [419, с. 231]. Итак, этикетные фразы *Дай Боже!, Помагай (поможи) Боже!* в украинском языке пережили семантическую трансформацию, перейдя из ритуально-магического заклинания в приветственное пожелание адресату. Подтверждением этому является также возникновение иронических либо шуточных ответных фраз: *Поможи Боже! – Роби, небоже, то й Бог допоможе!* [419, с. 2].

Примечательно, что различные этапы трудовой деятельности земледельца в украинской культуре обслуживали разные этикетные формулы. Так, например, если перед началом работы использовалось высказывание: *Благослови і помози нам, господи, у добру путь!*, то ее завершение сопровождалось этикетной единицей: *Спасибі Богу за помогу!*

Религиозный характер имеют и праздничные приветствия. Так, на Рождество и новогодние праздники украинцы используют фразы: *Христос народився!, Христос ся рождає!, Христос рождається!* (которые обязательно предполагают ответную реплику – *Славімо Його!*), а также: *На щастя на здоров'я з Святвечором!, Благослови, Боже, ще й цей Новий рік, Щоби був щасливий кожний чоловік!, Нехай Бог дасть вам багато пшениці, багато*

жита, багато дітей! и др. Кроме того, распространены древние, известные со времен язычества, пожелания в виде заклинаний-просьб: *Роди, боже, жито, пшеницю і всякую пашницю!*, которые органично вошли в украинские колядки и щедривки, сопровождающие приветствия с Рождеством и новогодними праздниками. Такие высказывания представляют собой синтез языческих и христианских представлений украинцев.

Праздник Пасхи (укр. Великодня) в украинской культуре имеет свои приветствия и пожелания, например: *Христос воскрес!*, на что традиционно отвечают: *Воістину воскрес!* В украинском языке функционирует и более архаичная форма: *Христос воскресє!*, которая отличается от предыдущей фразы не только грамматически, но и семантически. Глагол *воскрес* несовершенного вида и указывает на завершенность действия во времени, тогда как глагол *воскресе* свидетельствует о том, что Христос воскресает всегда, т. е. имеет вневременной статус. Некоторые пожелания содержат имена святых, к которым приурочены отдельные праздники: *Нехай святий Василій дасть вам багато пшениці, багато жита, багато дітей!, З Миколаєм будьте багаті!*

В лезгинском РЭ приветствия религиозного содержания используются во время самых значимых для каждого мусульманина праздников Ураза Байрам и Курбан Байрам, которые напрямую связаны с идеями духовного совершенствования и добрыми поступками. Эти праздники принято отмечать добрыми делами, проявляя заботу о ближних и сострадание к нуждающимся. При этом в качестве приветствий используются специальные фразы, неотъемлемой частью которых является имя Аллаха: *Куь сив хуьнуьн сувар мубаракрай! Куьне хвейи сивер Аллагьди кьабулрай!; Куьн виш суваррихь агакьрай!* ‘С праздником Ураза Байрам! Пусть Аллах примет Ваши честные посты, Ваши жертвоприношения!; ‘Пусть Аллах помилует Вас за Ваши грехи!’; *Квез Къурбанд сувар мубаракрай! И куьне авунвай къурбандар, садакьяяр Аллагьди кьабулрай!; Куь сувабар гзаф хьурай!* ‘С праздником Курбанда! Ваши жертвоприношения пусть Аллах примет!’; ‘Пусть Аллах Вас бережет от разных бед!’ и др.

6.1.2.5 Таким образом, как свидетельствуют приведенные выше примеры, высказывания с компонентом “Бог / Аллах” в сопоставляемых языках могут использоваться в прямом значении, обслуживая религиозную сферу, а могут утрачивать первоначальную сакральную семантику, развивая при этом новые значения и выполняя новые функции. Междометия с компонентом “Бог / Аллах” являются ярким отражением древних представлений лезгин и украинцев о Боге как о высшей силе, недостижимой и недосыгаемой для человека, которая может либо помочь в трудную минуту, либо жестоко покарать за грехи. С течением времени данные формулы утратили магическое содержание и перешли в разряд эмоциональных сигналов о чувствах и переживаниях говорящего в рамках бытового общения.

Вместе с тем в религиозном дискурсе сакральная семантика этих выражений сохраняется» [59].

Следует отметить, что в украинском и лезгинском языках большинство высказываний с компонентом “Бог / Аллах” в рамках религиозного общения выражают схожие эмоциональные состояния, что является следствием общности некоторых монотеистических воззрений украинцев и лезгин. Однако в повседневном-бытовом общении в семантике данных языковых единиц наблюдается наличие сем этнокультурного характера, что подтверждает факт национальной специфичности языковой картины мира украинцев и лезгин.

Активное использование высказываний, апеллирующих к Богу / Аллаху, в повседневном общении украинцев и лезгин в качестве повседневных фраз, выражающих различные экспрессивно-оценочные реакции на ту или иную ситуацию общения, позволяет сделать вывод о том, что вера в Бога / Аллаха настолько глубоко укоренилась в сознании украинцев и лезгин, что они находятся в постоянном диалоге с Всевышним, часто не осознавая этого. Так, например, часто употребляемое в ситуации благодарности украинское слово *спасибі* является объединением двух слов: *спаси і Боже*, которые в прошлом имели сакрально-магическое значение, поскольку адресовались Богу с просьбой о прощении грехов. Аналогичную структуру имеют устаревшие

формы *простибі / простибіг*, которые используются в знак большой благодарности: *Спасибі і простибі тобі за твою добрість!* – промовила бідна Маруся ще й поклонилась Климові [416].

Как показывает проведенный анализ, высказывания с компонентом *Бог / Аллах* являются яркими индикаторами религиозного сознания. С развитием общества и накоплением знаний об окружающем мире многие из них утратили свой ритуально-магический характер, однако, не исчезли бесследно, а приобрели другую семантико-стилистическую окраску и функциональную нагрузку, перейдя из обрядов жертвоприношения в ежедневный этикет общения. Это обусловлено тем, что язык не просто консервирует такие пережитки, а семантически обновляет их, наделяя новыми коммуникативными функциями, благодаря чему они еще долго функционируют в его живом организме [181].

6.2 Речевой этикет в ситуациях семейного общения

6.2.1 Следует отметить, что основной причиной различий в стратегиях коммуникативного поведения является тип культуры, к которой принадлежат собеседники: «культура создает особенные формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций человека» [74, с. 45]. В процессе жизнедеятельности и адаптации к окружающему миру люди вырабатывают свои социальные нормы, свой этикет, язык общения – все то, что регулирует их деятельность в определенном коллективе. Выявление доминант коммуникативного поведения представителей разных этнокультурных общностей должно осуществляться с опорой на специфические, социально значимые, принятые в определённом обществе морально-культурные ценности. Специфические элементы традиционной культуры лезгин и украинцев наиболее ярко проявляются в институированных внутриэтнических соседских и родственных взаимоотношениях, например, институтах семьи, почитания старших, уважения к женщине, гостеприимства. С одной стороны, практически все эти институты универсальны, так как характерны для большинства народов

мира, с другой стороны, в них проявляется самобытность жизни того или иного народа, его национальный характер и культурное своеобразие [60, с. 156].

6.2.2 Семейное общение как особый тип коммуникации характеризуется следующими особенностями: ситуативная обусловленность, неформальность, непринужденность, спонтанность, ярко выраженный субъективизм. Семейный диалог реализуется преимущественно в устной форме, поэтому в нем функционируют те же языковые единицы, что и в разговорной речи: эмоционально-оценочная лексика, слова с переносным значением, междометия, местоимения, эллиптические конструкции и т.д., которые способствуют быстрому установлению контакта с адресатом, достижению взаимопонимания для быстрого и эффективного решения повседневных бытовых проблем. Несмотря на то, что для общения в рамках семьи характерен сниженный порог вежливости, важную роль в реализации указанных выше коммуникативных задач играют ЭРЕ – приветствия, обращения, просьбы, прощания и т.д., обеспечивающие бесконфликтное взаимодействие коммуникантов и успешное достижение намеченных ими целей.

6.2.3 РЭ лезгинского и украинского семейного общения базируется на таких универсальных морально-этических ценностях, как почитание старших, забота о младших, взаимное уважение между супругами и др. Вместе с тем каждый народ структурирует семейную коммуникацию по-своему. Степень неформальности семейного диалога, коммуникативные предписания и запреты, понимание принципа субординации в общении членов семьи, выбор стиля общения, вербальных и невербальных этикетных средств имеют национально специфический характер, что обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами [60, с. 157].

С древних времен лезгины и украинцы с особым уважением относились к семье, которая считалась центром духовности, веры, религиозности, источником формирования национального духа. Можно с уверенностью утверждать, что в мировоззренческих представлениях и верованиях обоих

народов, их морали и эстетике жизни этикет семейных отношений составляет своеобразный культ, на котором основывается вся народная этика.

Внутренний уклад традиционного дагестанского общества всегда имел ярко выраженную иерархическую структуру с патриархальными порядками, основанными на беспрекословном подчинении женщин мужчинам, младших – старшим. Данная тенденция характерна для всех сфер общественной жизни горцев. Не является исключением и сфера семейного общения, где взаимоотношения между родственниками строятся по принципу патриархальной регламентации: дети, жена безоговорочно подчиняются главе семьи и ведут себя с ним подчеркнуто вежливо, дочери (в большей степени, нежели сыновья) подчиняются матери, сестры – братьям, младшие братья – старшим и т.д. И хотя социально-исторические преобразования в Дагестане постепенно привели к демократизации внутрисемейных отношений, традиционный уклад современной дагестанской семьи до сих пор отличается строгой семейной иерархией с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников. Данные факторы способствовали формированию особого типа поведения, главной чертой которого является индифферентность – проявление внешнего безразличия, эмоциональной сдержанности, подчеркнутой вежливости, соблюдение разнообразных вербальных и невербальных табу. В основе такой коммуникативной модели – обычай избегания (ограниченного взаимодействия) в общении родителей и детей, мужа и жены и их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа. Взгляды исследователей на происхождение этого древнего обычая разнятся. В советский период он рассматривался преимущественно как негативный, постепенно отмирающий пережиток архаических форм отношений [141; 235; 236]. Однако с развитием этнографической науки и накоплением теоретических знаний ученые стали трактовать его как неотъемлемый компонент этикета многих кавказских народов, один из способов демонстрации их внутренней культуры (скромности,

деликатности, тактичности, взаимного уважения) [34]. Безусловно, обычай избегания играет важную роль в организации семейной коммуникации дагестанских народов, поддерживая порядок в семье, четко регулируя поведение ее членов, сохраняя иерархию отношений между родственниками. «Сегодня в Дагестане, особенно в городах, данная традиция постепенно уходит в прошлое. Вместе с тем, во многих семьях (особенно на западе региона) все еще принято демонстрировать сдержанные отношения между мужем и женой, отцом и детьми (особенно дочерью), зятем и тещей, невесткой и свекром и т. д.» [60, с. 160].

В украинской культуре сложилась противоположная тенденция. Базовой особенностью украинской ментальности является особое отношение к женщине и ее социальным функциям. Как отмечают украинские этнографы и социологи, «даже после утверждения патриархальной системы в Украине матриархат, пусть и не в главенствующей форме, остался навсегда укорененным в украинской психике. <...> Женщина в Украине не только была равноправной с мужчиной, не только находилась в центре духовности украинской семьи, но и вошла в мифологический архетип Богини-Матери» [196, с. 413].

Материнское семейное воспитание, в котором почти не участвовал отец как мужской фактор, формировало женские моральные нормы, идеалы и соответствующие им правила речевого поведения. И. Полищук предполагает, что «из таких преимущественно женских подходов к воспитанию и формированию характера и прежде всего кордоцентричности, эмоциональности возникает в украинском менталитете преобладание чувств над разумом, сентиментальность, чрезмерная чувствительность, определенная непоследовательность, нехватка воли, известный анархизм и т.п.» [204, с. 91]. Данные факторы способствовали формированию иного, нежели в лезгинской культуре, стиля семейного общения, в основе которого – отсутствие жестких правил, регулирующих взаимоотношения между разными категориями родственников, демократичность, эмоциональность, открытое проявление любви и нежности, минимум этикетных ограничений. Тем не менее, отсутствие

строгих норм поведения в семейном общении украинцев не исключает необходимости соблюдения принципа уважения старших, который в украинской культуре, как и в культуре лезгин, имеет глубокие исторические корни, являясь отголоском патриархального строя [60].

6.2.4 В Дагестане главным морально-этическим принципом, определяющим характер взаимоотношений в семье, является уважение к старшим. Каждый лезгин, независимо от возраста и социального статуса, считает своим долгом уважать старшего по возрасту – человека, который прожил много лет, прошел много испытаний, приобрел жизненную мудрость. Почитание родителей закладывается в сознание ребенка как высшая моральная норма, придерживаясь которой, можно достичь успехов в жизни, завоевать авторитет в обществе. Поэтому вполне закономерно, что молодые приветствуют пожилых людей стоя, уступают им место, не садятся и не начинают разговор без разрешения старших, вежливо и лаконично отвечают на их вопросы.

Такое поведение объясняется социально-историческими факторами. В течение многих веков основой социально-политической и экономической жизни дагестанцев являлись джамааты – самостоятельные самоуправленческие общины, состоящие из тухумов – больших семей, объединений родственников, ведущих свое происхождение от одного предка – праотца. Поведение каждого члена тухума контролировалось старшими, авторитетными и уважаемыми людьми. И хотя архаичный род как реальная социальная единица давно прекратил свое существование, родовые связи, нормы поведения и обычаи, с ними связанные, сохранились у народов Дагестана до сих пор. Совместное проживание нескольких поколений одной семьи, которое наблюдается здесь и в наше время, способствует сохранению уважительного отношения младших к старшим, и наоборот [60].

Почитание старших у народов Дагестана имеет и религиозную основу. В Коране это считается одной из наивысших добродетелей мусульманина. Неуважение к отцу или матери, нарушение родительской воли ислам считает

тяжелейшим грехом: «Смертные грехи – это многобожие, непочтительность к родителям, самоубийство и ложная клятва» [10, хадис от Абдаллаха бин Амр]. Почитание старших прочно утвердилось в национальном сознании лезгин, воплотившись не только в их обычаях и традициях, но и в языке. О долге младших перед старшими говорится в лезгинских пословицах: *Дидедин бурж баладивай хгуз жедач* ‘Ребенок перед матерью в вечном долгу’; *Аялди чIехидилай чешне къачуда* ‘Ребенок со старшего берет пример’; *Бубадин писвал рухайри аквада* ‘Недоброжелательность отца сыновья чувствуют’; *ЧIехидаз яб тагайди чIехи баладик акатда* ‘Кто не слушается старшего, тот в большую беду попадет’ и др. В РЭ лезгин почитание старших по возрасту отражают различные предписания и запреты. В разговоре со старшим запрещается использовать грубые и вульгарные высказывания; прерывать собеседника, окликать его или подзывать к себе для передачи информации; спорить с адресатом; при общении смотреть ему в глаза; обсуждать темы, касающиеся общения полов и др. Кроме того, в лезгинской лингвокультуре сложились определенные этикетные нормы, регламентирующие вхождение в контакт со старшими и выход из него. Общение, как правило, начинается с традиционных ЭРЕ, состоящих из обращения к собеседнику, за которым следует извинение либо вопрос, содержащий просьбу о разрешении контакта: *Гьуьрметлу (гьуьрметлуди) буба (чIехи буба)!* ‘Уважаемый отец (дедушка)!’ *Багьишламиша, ихтияр аватIа...* ‘Извини, если можно...’, *Вавай ... хабар къадай ихтияр авани?* ‘Можно ли у тебя спросить?’, *Эгер жедаIа, лагь ман...?* ‘Скажи, можно ли...’; *Багьишламиша, заз... герек я...* ‘Прости, мне нужно...’, *Инжиклу авунай багьишламиша...* ‘Прости за беспокойство...’ и др. Завершение контакта зависит от старшего: младший ожидает, когда ему позволят уйти или в крайних случаях – в почтительных выражениях просит разрешения удалиться: *Багьишламиша, зун кIвализ хьфидай вахт я...* ‘Простите, мне пора идти домой...’ и др.

О высокой культуре родственных отношений у лезгин свидетельствует наличие богатого арсенала обращений-терминов родства, которые широко

используются в общении разных категорий родственников. Выбор данных ЭРЕ обусловлен рядом факторов: возрастными и гендерными признаками коммуникантов, их местом в семейной иерархии, обстоятельствами общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц), характером взаимоотношений, а также традициями отдельно взятой семьи. Характерно, что младшие в общении со старшими при любых обстоятельствах сдержаны и вежливы (особенно дочь в разговоре с отцом).

Обращаясь к отцу, лезгины используют синонимичные формы: *буба*, *дах* 'отец', 'папа' [182], которые являются стилистически нейтральными и уместны в любых коммуникативных обстоятельствах. Вместе с тем, данные ЭРЕ не тождественны по семантике и не во всех ситуациях общения способны к взаимозаменяемости. Помимо общей семантики 'мужчина по отношению к детям, которых он родил', обращения *дах*, *буба* в определенном контексте реализуют дифференциальные семы и несут неодинаковую коммуникативную нагрузку. Например, лексема *буба* может использоваться в качестве обращения ребенка к отчиму или невестки к свекру, идентифицируя отношения между данными категориями родственников как «общение своих». «Примечательно, что словом *буба* часто окликают ребенка, которого нарекли именем умершего отца или дедушки. Вокатив *дах*, помимо родного отца, адресуется старшему брату, который в лезгинской семье выполняет те же функции, что и отец, и соответственно пользуется таким же уважением» [60].

В ситуации обращения к матери функционируют общеупотребительные обращения *диде*, *бах* 'мама', а также диалектные формы: *бажи*, *йаъ*, *ана* [392, с. 207). Данные ЭРЕ, помимо родной матери, адресуют также свекрови, теще или мачехе с целью сокращения дистанции между коммуникантами и создания доброжелательного микроклимата общения в семье.

«Вокатив *бажи* носителями диалектов часто используется при обращении к старшей сестре или бабушке» [289, с. 66]. Характерно, что по отношению к лицам женского пола, названным в честь умерших родственниц (матери или бабушки), форма *диде* не применяется [289, с. 66]. Рамками разговорной речи

ограничено употребление усеченных вариантов – *де* ‘мама’, *ба* ‘папа’. Обращения *буба*, *диде* могут адресоваться также дедушке и бабушке соответственно, которые в лезгинской семейной иерархии, наряду с отцом и матерью, занимают почетное место. Об уважительном отношении к данной категории родственников свидетельствуют также сложные номинации: *чIехи буба* ‘дедушка’ (букв. ‘главный отец’), *чIехи диде* ‘бабушка’ (букв. ‘главная мать’), *баде* (образовано от двух сокращенных слов: *ба* ‘отец’ + *де* ‘мать’ <*бубадин диде* – буквально: ‘мать отца’) [238]. Значение ‘бабушка’ реализуют и диалектные формы: *бада*, *паъ*, *йене* [392]. Таким образом, в лезгинском языке для называния старших по возрасту родственников (отца, дедушки, матери, бабушки) функционирует несколько вариантов обращений, что является отголоском патриархального строя.

Как показывают наблюдения, сдержанность в семейном РЭ лезгин проявляется на людях. В общении с родственниками наедине лезгины открыты, эмоциональны, что подтверждает активное функционирование в их речи эмоционально-оценочных обращений, указывающих на характер взаимоотношений общающихся, например: *чан буба* ‘папочка’, *играми дах* ‘дорогой папа’, *чан бах* ‘мамочка’, *масан диде* ‘милая мама’ [409] и др. Важно отметить, что в лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, отсутствуют диминутивные суффиксы, столь продуктивные в украинском языке. Категория экспрессивности в РЭ лезгин реализуется преимущественно на лексическом уровне, например, с помощью лексемы *чан* (букв. ‘душа’, ‘душечка’), которая по семантике равнозначна украинским диминутивным суффиксам *-ичк-*, *-еньк-*, *-ус-* и др. Однако в последнее время в речи молодежи под влиянием русского языка стали появляться несвойственные лезгинскому языку диминутивные формы обращений: *дахка*, *бубашка* ‘папочка’, *бахка*, *дидешка* ‘мамочка’, образованные от лезгинских терминов родства с помощью русских суффиксов.

Таким образом, уважение к старшим у народов Дагестана практически доведено до масштабов культа. Некоторые ученые считают, что именно с этим

фактором связан феномен кавказского долголетия: «важная роль людей преклонного возраста в жизни семьи и общества, любовь и уважение со стороны окружающих обеспечивают им психологический комфорт, ограждают от депрессий, формируют активную жизненную позицию» [238]. Можно предположить, что именно этим обстоятельством объясняется активное функционирование в РЭ лезгин специфичных с точки зрения украинской лингвокультуры пожеланий: *Вун кьуьзуь хьурай!* ‘Чтоб ты постарел!’, *Ви чуру рехи хьурай!* ‘Чтоб твоя борода поседела!’ (в значении: ‘Чтоб ты прожил до глубокой старости!’), которые используются в отношении самых близких людей. Характерно, что в национальном сознании украинцев «занадто довгий вік, особливо при лихім здоровлю, се велике нещастє» ‘слишком долгий век, особенно при плохом здоровье, – это большое несчастье’ [387, т. 3, с. 568].

В РЭ украинцев почитание старших также является главной морально-этической нормой. Как и в коммуникативной культуре лезгин, у украинцев данная традиция имеет глубокие исторические корни, являясь пережитком семейно-родового культа. Основной ячейкой древнего славянского общества была семья, в которую входило несколько поколений родственников. Семьи объединялись в общины, общины – в племена, управляемые почтенными старейшинами, пользующимися беспрекословным авторитетом. Почитание старших в Украине, как и в Дагестане, имеет также религиозную основу, о чем свидетельствует пятая Божья Заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» [37, Второзаконие 5:16].

Основная идея нравственного воспитания в семье, основанная на взаимном уважении старших и младших, отражена в «Наставлении детям» Владимира Мономаха: «Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев»; следует «при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равную и младшую любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь» [209, с. 60]. О долге детей перед родителями говорится в украинских пословицах и

поговорках: *Як батька покинеш, то й сам загинеш; Хто батька-матір зневажає, той добра не має; Шануй батька й неньку – буде тобі скрізь гладенько* и др. Уважение к старшим как главный морально-этический принцип закрепился в древних украинских обычаях, многие из которых постепенно утрачивают свою актуальность. В качестве примера можно привести традицию «віддавати чолом», т. е. в знак глубокого уважения приветствовать родителей и других старших по возрасту родственников низким поклоном или целованием руки: *Старий батько Сидить коло хати, Та вчить внука маленького Чолом оддавати* [454, т. 1, с. 291]. В современном общении украинцев данный обычай архаизировался и соблюдается разве что жителями сельской местности. Постепенно уходит в прошлое и традиция уважительного обращения к родителям на *Ви*, широко распространенная во многих украинских селах: *Мамо, мамо, вічна і кохана... Ви пробачте, що був неухажний. Знаю, Ви молилися за мене Дні і ночі, сива моя нене* [441].

О высокой культуре семейных отношений в обеих лингвокультурах свидетельствует разветвленная система обращений-терминов родства, являющаяся отголоском древнего родового культа. Примечательно, что украинские термины родства по количественному составу и стилистическому разнообразию значительно превосходят аналогичные лезгинские ЭРЕ, что обусловлено в первую очередь разными словообразовательными возможностями сопоставляемых языков. Одним из ярких признаков самобытности украинской речи являются диминутивные формы обращений, которые в семейном общении отличаются высокой степенью продуктивности и широко используются всеми членами семьи независимо от их возраста, пола и места в семейной иерархии. Например, в общении с отцом (свекром, тестем), наряду с обращениями *батьку, тату*, активно функционируют их многочисленные дериваты: *батьо, батусь, батусьо, батуньо, батенько, батонько, батечко; татку, татенько, татечко, татонько, таточко, татусю, татусьо, татусику, татульо, татуленько, татунь, татуньо, татицьо, татицьенько* [430; 431], которые имеют ярко выраженный ласкательный оттенок.

В диалоге с матерью (тещей, свекровью) употребляются вокативы: *мамо, мамочко, мамонько, мамуню, матінко, матіночко, матусенько, мамусю, мамусечко, мамусенько, мамунечко, мамцю, мамуньцю* [430; 431].

Диминутивные варианты обращений широко используются и в общении с самыми старшими членами семьи – бабушкой: *бабусю, бабуню, бабусенько, бабусечко*; дедушкой: *дідулю, дідусю, дідусечко, дідуню, дідунечко* [430; 431].

Обращения-термины родства могут функционировать самостоятельно либо в сочетании с эпитетами: *дорогий(-а), милый(-а), любий(-а), коханий(-а), рідний(-а) ріднесенький(-а)* и др., семантика которых ориентирована на передачу положительных эмоций: любви, нежности и симпатии: *Ви тільки, кохана мамочко, не застуджуйтеся, бережіть своє здоров'я* [404, т. 5, с. 136].

Влиянием фольклорной традиции обусловлено сочетание терминов родства с народно-поэтическими обращениями: *голубчику, голубонько, соколику, перепілочко* и др.: – *Ой матіночко, серденько! Пустіть мене на буряки, – сказала Василина до матері* [416]. Данные формы, как правило, встречаются в высказываниях побудительного характера (просьбах, уговорах, мольбах), цель которых – оказать воздействие на собеседника: *Таточку, голубчику, соколику, лебедю! Матінко моя ріднесенька! Утінько моя, перепілочко, голубочко! Не погубляйте свого дитяти; дайте мені, бідненькій, ще на світі пожити!* [400, с. 156].

Таким образом, взаимоотношения младших со старшими в украинской семье более демократичны и эмоциональны, нежели у лезгин, что объясняется как социально-историческим опытом народов, так и особенностями их мировосприятия. По мнению ученых, характерной чертой украинского менталитета является сентиментализм, преобладание чувств над интеллектуально-волевой сферой, тогда как в национальном сознании лезгин эмоционально-чувственные проявления вытесняются рационализмом и такими моральными качествами, как строгая приверженность национальным и семейным традициям, сохранение чести и достоинства при любых обстоятельствах.

Следует отметить, что общение между родителями и детьми в обеих лингвокультурах строится на принципе глубокого взаимоуважения, поэтому не только младшие к старшим, но и старшие к младшим относятся с любовью и заботой. Вместе с тем данная этикетная норма в сопоставляемых языках реализуется по-разному.

В лезгинской лингвокультуре характер взаимоотношений между родителями и детьми определяется в первую очередь обстоятельствами общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц). Открытое проявление родительской ласки к сыну или дочери лезгинцы расценивают как слабость. В общении мужчин запрету подлежат вопросы о жене, детях и вообще любые разговоры о них, тогда как в общении женщин тема семьи и детей естественна, более того, обязательна. Из этого следует, что поведение матери по отношению к детям не столь строго регламентировано, вместе с тем, женщина также не должна в присутствии посторонних демонстрировать свои чувства. Родители в разговоре с представителями своего тухума всегда говорили о детях сдержано и лаконично. Отец называл их: *зи чIехиди* ‘мой старший’, *зи кьуланди* ‘моя средняя’, *зи гьвечIи* ‘мой младший’ и др. Как свидетельствуют приведенные выше примеры, обязательный компонент подобных обращений – местоимения *мой, моя*, что является проявлением мужского эгоцентризма, характерного для семейного этикета многих народов Дагестана.

«Мать в общении со своими родственниками использовала формы: *чи хва* ‘наш (с Вами) сын’, *чи гьвечIи руш* ‘наша (с Вами) младшая дочка’ и др., а в диалоге с родственниками мужа – *куь хва (гада)* ‘ваш мальчик’, *куь руш* ‘ваша девочка’ либо *хва, руш* + имя мужа и др. Таким образом, в зависимости от ситуации женщина подчеркивала либо свою принадлежность к тухуму отца, либо принадлежность своих детей к тухуму мужа» [60].

К сыну, как и к отцу, в лезгинской семье всегда относились с особым уважением, поскольку он считался продолжателем рода и должен был заботиться о родителях в старости. В роли обращения к сыну (зятю)

функционируют стилистически нейтральная форма *я гада* ‘сын’, ‘мальчик’ [409], а также имеющая позитивную коннотацию ЭРЕ *хва* ‘сын, сынок’ [409], который в сочетании с лексемой *чан* (букв. ‘душа’) сигнализирует о теплых, нежных взаимоотношениях общающихся: *Алад, чан хва, ваз хъсан рехъ хъурай, вун ви метлебрихъ агакърай!* ‘Ступай, сынок, счастливого тебе пути, да сопутствует тебе успех’ [411, с. 44].

К дочери (невестке) обращаются с помощью обращения *я руш* ‘дочка’ [409], а также его уменьшительно-ласкательного варианта *чан руш* ‘доченька’: – *Стхаяр вахъ, чан руш, ирид авай* ‘Братьев у тебя, доченька, было семеро’. Среди обращений к детям (внукам) встречаются обобщенные термины родства, не содержащие в своей семантике указание на пол адресата: *бала, аял, велед* ‘дитя, ребенок’ [409]: *Чан бала, ваз минет хъуй, акъвазра* ‘Детка, прошу тебя, остановись’ [411, с. 42]. В разговоре с коллективным адресатом используются плюральные формы: *Аялар, иниз ша* ‘Дети, идите сюда’.

В фольклорных текстах и в разговорной речи лезгин встречается любопытный способ обращения – вместо названия лица, к которому обращается говорящий, употребляется определение, показывающее отношение этого лица к говорящему. Само обращение лишь подразумевается. Такой вид обращения имеет ласкательное значение: *кIвализ хъша, чан дидедин* ‘иди домой, милый мамин’ (т. е. ‘мой сынок’); *инал ша, халадин* ‘иди сюда, тетин’ (т. е. ‘мой племянник’).

Примечательно, что в интимной обстановке лезгинки более эмоциональны и свободны в выборе ЭРЕ. Подтверждением данного наблюдения является разветвленная система обращений-метафор, построенных на основе различных ассоциаций с объектами и явлениями окружающей действительности: *дидедин къизил* ‘золотце мое’, *къуьрен шараг* ‘маленький зайчик’, *чан дидедин къарникъуз* ‘милый мой грибочек’, *чан дидедин гъана авай са къуьр* ‘милый мой зайчик’, *чан зи джейран* ‘милая моя косуля’; *чан зи гъвечIи чубарук* ‘милая моя маленькая ласточка’ и др. Данные обращения чаще всего используют бабушки в общении с внуками.

Имена собственные в семейном общении лезгин в качестве обращений функционируют редко, преимущественно в официальной тональности общения и/или в присутствии посторонних лиц. По мнению дагестанцев, такой способ обращения к адресату не способствует сближению собеседников, поэтому в теплой непринужденной обстановке имена собственные часто вытесняются номинациями из системы ближнего родства [69]. Это свидетельствует о том, что родственные отношения играют приоритетную роль в жизни дагестанского общества. Вместе с тем в современном общении лезгин обращение к собеседнику по имени (под влиянием русской коммуникативной традиции) приобретает все большую популярность, при этом отсутствие в лезгинском языке суффиксов субъективной оценки, указывающих на характер взаимоотношений общающихся, компенсируется за счет диминутивных суффиксов, заимствованных из русского языка: *Аниятка*, *Сельминатка* и т. д. [69]. Важно уточнить, что диминутивы в лезгинском языке образуются исключительно от женских имен. Открытое проявление нежных чувств по отношению к представителю мужского пола у лезгин не только не приветствуется, но и осуждается.

В украинской лингвокультуре взаимоотношения между родителями и детьми менее регламентированы, что способствовало формированию широкого арсенала эмоционально-оценочных обращений. Носителями субъективно-оценочной информации в украинском языке являются диминутивные суффиксы, которые наглядно демонстрируют характер взаимоотношений между родителями и детьми [69]. В качестве обращений к детям украинцы используют те же речевые средства, что и лезгины: имена собственные, термины родства, метафорические образования. Однако их семантика, функциональные особенности, частота употребления в сопоставляемых языках существенно разнятся. Украинцы в общении с детьми чаще, нежели лезгины, используют в роли обращений имена собственные, что свидетельствует о более демократичных отношениях в украинской семье. При этом следует отметить, что полные документальные имена сигнализируют, как правило, о негативном

эмоциональном настрое адресанта либо серьезности предстоящего разговора. В теплой непринужденной обстановке преобладают многочисленные диминутивные формы, характерные для экспрессивно окрашенной речи, например: *Микосою, Миколічко, Микуля, Микулька, Микуня, Микунька; Лілієнько, Лілічко, Лільчику, Лілінятко, Ліліточка, Лілеєнько, Ліцику, Лілицика, Ліцичку* (из писем Леси Украинки к младшим братьям и сестрам). Следует отметить, что в диминутивах, адресуемых детям, актуализируются в первую очередь семы уменьшительности – ‘маленький’, ‘ребенок’, на которые накладываются вторичные эмоционально-оценочные значения: ‘ласкательность’, ‘нежность’, ‘интимность’ и др. Наиболее наглядно это проявляется в обращениях-терминах родства, например: *сину, синку, синочку, синоньку, синусю, синятко; доню, доцю, доцюню, доньцю, доненько, донечко, доненько, дочечко*, которые, с одной стороны, указывают на возраст адресата, с другой – на близкие отношения общающихся, построенные на любви и взаимопонимании.

Обращения-термины родства могут функционировать самостоятельно либо в сочетании с местоимением *мій (моя)* и / или эпитетами *коханий(-а), любий(-а), милий(-а), рідний(-а)* и др., которые передают теплоту и гармонию семейного общения: – *Не барися, мій синочку, Швидше повертайся!* – *Сказав старий* [454, т. 1, с. 335]; *Ой, як буде важко, донечко кохана, Ти надію й віру забори у путь...*[448]. В речи отца, матери, бабушки, дедушки встречаются обобщенные обращения, в семантике которых не содержится указания на пол адресата: *дитино, дитиночко, дитяточко*, а также ЭРЕ *діти (діточки)* при обращении к нескольким собеседникам одновременно. Помимо терминов родства, обращаясь к детям, украинцы, как и лезгины, часто используют ЭРЕ, образованные в результате метафоризации объектов и явлений окружающей действительности. Большинство ЭРЕ данного типа сочетает в себе метафорическое значение со значением диминутивности, что способствует усилению прагматического эффекта: *сонечко, зірочко, пташечко, леліточко, ясочко, котику, горобчику, квіточко, ластівочко, рибочко* и др.: *Спи, мій*

горобчику, Спи, мій синочку, Спи, мій дзвіночку ясний!; Спи, мій котуку маленький, Спи, мій зайчику сіренький [Колыбельная песня].

Как отмечалось выше, гендерные отношения в лезгинской семье основаны на жесткой семейной иерархии. И хотя согласно предписаниям Корана мужчина не имеет перед женщиной никаких преимуществ, поскольку все перед Аллахом равны, гендерное неравенство до настоящего времени – отличительный признак семейной жизни лезгин. Внешне это проявляется в безразличии, эмоциональной сдержанности, соблюдении различных вербальных и невербальных табу. Данному стилю поведения соответствуют структурные особенности лезгинского языка, который характеризуется отсутствием грамматической категории рода, способствующей акцентуации гендерной идентичности, а также суффиксов субъективной оценки, позволяющих выразить эмоциональное отношение к адресату.

Взаимодействие между мужем и женой в лезгинской семье с древних времен регулировалось нормами обычного права, согласно которым супругам не разрешалось находиться в одном помещении, разговаривать, есть за одним столом, оставаться наедине. Заходя в дом, муж обращался к жене лишь тогда, когда в нем находился представитель мужского пола, либо когда контакта невозможно было избежать. Слова похвалы в адрес мужа или жены расценивались как нарушение традиционных этикетных норм. В присутствии посторонних лиц и даже собственных детей супруги никогда не называли друг друга по имени.

Данных этикетных норм до сих пор придерживаются во многих дагестанских семьях, особенно в селах. В разных ситуациях общения женщина, упоминая своего мужа, чаще всего использует термины родства в сочетании с притяжательными местоимениями. Например, в общении с детьми – *куь дах* ‘ваш отец’, *чи члехиди* ‘наш старший’ и др.; в общении с другими родственниками – *ви стха* ‘твой брат’, *ви амледин (имидин) хва* ‘твой двоюродный брат’ (по отцовской линии), *ви ими* ‘твой дядя’ и др.; в общении с друзьями, соседями – *куь юлдаш* ‘ваш друг’ и др.; в общении с посторонними

людьми – *чи им* ‘этот наш’, *аялрин дах* ‘отец детей’, *дах* ‘отец + имя ребенка (как правило, старшего сына).

Аналогичные принципы называния использует и мужчина в отношении своей супруги: *куь диде* ‘ваша мать’, *чи иеси наб* ‘наша хозяйка’, *чи чIехи* ‘наша старшая’, *аялрин диде* ‘мать детей’, *диде* ‘мать + имя старшего сына’, *куь руш* ‘ваша дочка’, *ви хтул руш* ‘твоя племянница’, *ви имид руш* ‘твоя двоюродная сестра’ (по отцовской линии), *ви халад руш* ‘твоя двоюродная сестра’ (по материнской линии) и т.д. Данные примеры говорят о том, что, несмотря на мужское доминирование, закрепившееся в стереотипах общественного сознания лезгин, отношения между супругами в лезгинской семье строятся по принципу глубокого взаимоуважения.

Примечательно, что, общаясь наедине, супруги более свободны в выборе ЭРЕ и активно используют нестандартные обращения (эвфемизмы, метафорические формы, шуточные прозвища и т.д.), связанные с позитивными эмоциями. Например, обращения метафорического характера, построенные на основе различных ассоциаций с объектами и явлениями окружающей действительности широко распространены в речи мужчин: *алма* ‘яблочко’, *цук* ‘цветок’, *бевеша* ‘фиалка’, *жейран* ‘лань’, *варз* ‘луна’, *экуьнин гьед* ‘утренняя звезда’, *маржан* ‘жемчуг’ и др. Не менее активно используются субстантивированные формы, прямо указывающие на чувства адресанта, например: *Яр*, *кIаниди*, *дилбер*, *чан севдуюгум* ‘любимая’, *гуьзел яр* ‘любимая моя’; *зи масанди* ‘моя дорогая’, а также номинации оценочного характера: *гуьзел*, *тават*, *суна* ‘красавица’ [167].

Женщины в общении с мужем наедине отдают предпочтение субстантивированным формам в сочетании с притяжательным местоимением *мой*: *зи кIанди* ‘мой возлюбленный’, *масан* ‘дорогой’, *рикI* ‘любимый’, *играми* ‘желанный’, *заз авай сад* ‘мой единственный’ [409] и др.

Нестандартные формы обращений в семейном общении выполняют в первую очередь эмоционально-оценочную функцию, сигнализируя о нежном отношении к адресату. Номинативная и аппеллятивная функции в них вторичны.

Следует отметить, что в лезгинском языке обращения к близким родственникам часто сопровождаются притяжательными местоимениями ‘мой’, ‘моя’, ‘наши’, что свидетельствует об эгоцентричном характере семейного общения лезгин.

В украинской культурной традиции общепринятым способом обращения к мужу и жене являются имена собственные и их многочисленные дериваты, образованные с помощью диминутивных суффиксов, например: *Віра – Вірочко, Вірунечко, Вірунько, Вірусечко, Вірусенько, Віряточко* и др.: *Дорога моя Вірунечко! Дуже скучаю без тебе* [404, т. 6, с. 13].

Обращения-термины родства (*дружино, чоловіче*) в общении супругов используются редко. Данный способ привлечения внимания адресата чаще используют мужчины: *Я стільки раз, дружинонько моя, Руїну ніс твоєму супокою, Що сам дивуюсь ніжності твоїй: її я чую в стороні чужій* [423, т. 1, с. 282]. В просторечии встречается обращение *жінко*, которое имеет грубый, фамильярный оттенок: - *Жінко, одчиняй! - закричав Омелько й почав лупити з усієї сили кулаком у двері* [416, т. 2, с. 282].

В общении с женой в интимной обстановке, украинцы, как и лезгины, активно используют обращения-метафоры, основанные на ассоциативном восприятии объектов и явлений окружающего мира: *сонечко (моє)!, (моя) зірочко (зіронько)!, моя квіточко!, моя ти ягідко!, (моя) пташко!, (моя) горлице (горличко) сизокрила!, (моя) ластівко (ластівочко)!, (моя) зозуле (зозуленько)!, скарбе мій найдорожчий!, радосте моя!, моє ти золото!, коханячко моє любе (солодке, гаряче)* и др. К подобным образным формам нередко обращаются и женщины в общении с мужем наедине: *голубе, соколе, лебедику, місяцю* и др.: – *Рятуй мене, Уласе, мій місяцю повний, мій лебедику, бо я пропаду* [416, т. 2, с. 338]. Не менее распространены в речи супругов субстантивированные формы обращений: *єдиний(-а), дорогий(-а), коханий(-а), любий(-а), милий(-а), рідний(-а)* и др., отражающие характер взаимоотношений общающихся. «Как и в лезгинском языке, украинские обращения часто сочетаются с притяжательными местоимениями *мій, моя*, которые свидетельствуют о том, что семейное общение украинцев также не лишено признаков эгоцентричности» [60].

Таким образом, РЭ семейного общения в лезгинской и украинской лингвокультурах базируется на общих морально-этических принципах: почитание старших, забота о младших, взаимное уважение между супругами. Однако коммуникативная реализация данных этических норм в сопоставляемых лингвокультурах имеет национально специфический характер. Патриархальный уклад дагестанской семьи, основанный на жестком разграничении мужских и женских ролей с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников, способствовал формированию особого типа речевого поведения, в основе которого – строгая регламентация, эмоциональная сдержанность, соблюдение различных вербальных и невербальных ограничений. В украинской лингвокультуре сложился более демократичный и менее регламентированный стиль коммуникации, отличающийся открытой эмоциональностью, повышенным вниманием к собеседнику, минимальным количеством этикетных ограничений.

О высокой культуре родственных отношений лезгин и украинцев свидетельствует разветвленная система обращений. В общении с родственниками в сопоставляемых языках используются одинаковые группы обращений: обращения-термины родства, обращения-имена собственные, обращения-метафоры. Однако их семантика, коммуникативные особенности, а также степень продуктивности существенно разнятся, что обусловлено, с одной стороны – структурными особенностями сопоставляемых языков, с другой – экстралингвистическими факторами: социальными, историческими, психологическими.

6.3 Речевой этикет в ситуации приема гостей

В лезгинской и украинской культурах за многовековую историю сформировалось особое отношение к гостю, что обусловлено влиянием географических, историко-культурных и социально-экономических факторов. Как отмечают этнографы, истоки дагестанского гостеприимства следует искать

в военно-феодалном общественном укладе кавказских горцев, которые до настоящего времени сохранили элементы рыцарской культуры, а также в их географической изолированности, способствовавшей консервации архаических черт быта. В условиях замкнутой патриархальной жизни Дагестана обычай гостеприимства был эффективным механизмом, регулирующим общение и обеспечивающим мобильность местного населения. В итоге он обрел настолько важное общественное значение, что был кодифицирован адатами (нормами обычного права) и морально-этическими предписаниями, которые до деталей регламентировали взаимоотношения между гостем и хозяином.

Возникновение украинского гостеприимства обусловлено географическим положением украинской территории, находящейся на пересечении восточной и западной цивилизаций, особенностями ее исторического развития, в частности постоянной необходимостью защищаться от врагов и прибегать к помощи других людей. Культурологи утверждают, что в основе украинского традиционного гостеприимства лежат два ментальных типа – земледельческий и казацкий. Истоки первого типа – более древнего – следует искать в дохристианских славянских корнях, второй сформировался в эпоху средневековья, когда появилось самобытная культура казачества. В украинской среде гостеприимство не перешло в норму обычного права, а закрепилось исключительно в морально-этической сфере.

Несмотря на то, что обычай лезгинского и украинского гостеприимства формировался в разных исторических и географических условиях, многие его элементы в исследуемых культурах очень схожи. Как отмечают исследователи, такое сходство не является случайным, а свидетельствует об устойчивости неких глубинных структур ритуала, его семантических мотиваций. В культурных традициях лезгин и украинцев гостеприимство имеет мифологическую основу. Гость воспринимается как лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», объект сакрализации и почитания, представитель иного мира [63, с. 91].

Мифологизация гостя в первобытном обществе была удобной моделью общения не только с живыми, но и умершими людьми, демонами, божествами и другими фантастическими существами. Согласно древним верованиям славян, каждый, кто входил в дом, оказывался под охраной семейного бога, поэтому обижать таких людей запрещалось. Обидеть гостя – значит обидеть семейного бога [120, с 348]. Для народов Дагестана гость – лицо священное и неприкосновенное. Считалось, что путник, переступивший порог дома и отведавший приготовленной на семейном очаге пищи, приобщается к культу предков и становится временным членом семьи [133].

В традициях гостеприимства обеих культур нашли отражение и более поздние, монотеистические верования. С принятием христианства у славян и ислама – у народов Дагестана старые языческие формы данного ритуала сменили новые, сформированные в соответствии с предписаниями новой веры и религии. Идеологической основой гостеприимства становится религиозное представление о том, что Бог в человеческом облике ходит по земле среди людей. Согласно лезгинской пословице, имеющей многочисленные параллели у других дагестанских народов, «гость – посланник Аллаха». Происхождение данного высказывания имеет глубокие исторические корни. В далеком прошлом гость для горцев был важным источником информации о внешнем мире. Очевидно, именно этим можно объяснить тот факт, что у народов Дагестана обычай гостеприимства практически возведен в ранг культа. Как отмечает исследователь кавказского быта Ф. Ф. Торнау, в глазах горцев нет такой услуги, которая могла унижить хозяина перед гостем, каким бы ни было социальное расстояние между ними [259]. О глубоком уважении лезгин к гостю свидетельствуют народные пословицы: *мугьман кІвалин абур* я ‘гость – достоинство дома’, *мугьман кІвалин берекат* я ‘гость – благодать дома’ [409].

Посланником Бога называют гостя и украинцы. В произведениях украинского фольклора часто встречаются сюжеты о том, что Иисус Христос путешествует по земле в облики нищего и просит хлеба. Именно поэтому незнакомых прохожих в Украине воспринимали настороженно, спрашивая:

«Кто ты – чужак или гость?». Гостем украинцы нередко называли и покойника. «Собраться в гости» – означало умереть, поскольку считалось, что смерть – это не конец существования человека, а лишь переход в мир иной. Отсюда и обряды приглашения умерших родственников на торжественный ужин, хождения к ним в гости на могилу.

Правила поведения в ситуации приема гостя закрепились в обеих культурах религиозными нормами, что отражено в Библии и Коране. В христианстве гостеприимство – одна из наиболее почитаемых добродетелей, представляющая собой сочетание добродушия, благородства и уважения к людям. В Библии написано: «Страннолюбия не забывайте; ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» [к Евреям, 13:2]. О необходимости гостеприимного отношения к людям сказано и в Коране [сура 51, аяты 24–27, 567]. Мусульмане, оказывая радушный прием человеку, считают это «даром», который служит формой выражения благодарности гостю за то, что он дал принимающему возможность совершить праведное дело, подтвердить свою веру и сделать то, что угодно Аллаху. Правовой мусульманин всегда помнит слова Посланника Аллаха: «Пусть тот, кто верует в Аллаха и в Последний день, оказывает почет своему гостю» [гл. 11, с. 336].

Как видим, как у лезгин, так и украинцев ритуал гостеприимства имеет глубокие исторические корни. В далеком прошлом он представлял собой устойчивую последовательность действий и высказываний, имеющих священный смысл для всех его участников. Особая роль при этом отводилась слову, которое не только выполняло магические функции, но и выступало средством хранения и передачи стандартов гостеприимного поведения, избавляя человека от необходимости конструировать каждый раз новые модели общения. Со временем ритуал гостеприимства в обеих культурах утратил мифологическую основу, существенно упростился, приобрел специфичные этнокультурные черты, однако многие его ключевые элементы (в том числе и вербальные) сохранились до настоящего времени.

В лезгинской и украинской культурах ритуал гостеприимства имеет схожую структуру. Он состоит из нескольких этапов, каждый из которых реализуется с помощью специальных словесных знаков. Опорными вербальными компонентами данной ситуации общения в обоих языках являются этикетные формулы приветствия, приглашения, благодарности, прощания, пожелания.

Прием гостя в обеих культурах начинается с приветствия. При этом каждый из участников ритуала использует свой набор этикетных высказываний. Согласно украинским обычаям, хозяин приветствует гостя традиционными фразами: *Доброго дня!*, *Доброго здоров'я [здоров'ячка]!* [430, т. 2, с. 321], *Вітаємо, вітаємо! Гості до нас!* [387, т. 1, с. 273], *Загостіть, коли ласка ваша!* [387, т. 1, с. 620], которые предназначены для каждодневного использования.

Прием гостя в праздничные дни имеет свой стиль общения, специфичные устойчивые выражения, многие из которых – ритмически организованы, как, например, при обращении хозяина к сватам: *Чи вас сюди хвилею прибило, чи духом тихим [вітром прикотило]!* [397, с. 192–193]. Рифмованная форма не является случайной, а свидетельствует о том, что данные этикетные формулы имеют древние корни. В первобытном обществе считалось, что ритмический текст легче запоминается и лучше доходит до слуха богов <...>, поэтому способен оказать более сильное на них влияние [186]. В украинском языке сохранились и другие архаичные высказывания. Так, на Полесье, встречая гостя, украинцы произносят фразу *Щоб прихід твій був добрим!* [446], которая в далеком прошлом выполняла функцию магического заклятия против недобрых замыслов.

Гость, приветствуя хозяина, должен продемонстрировать, что его намерения являются искренними, поэтому предпочтение в данной ситуации отдается приветствиям-пожеланиям: *Добривечір [добрідень] вам у хату!*, *Здрастуйте вам у хату!*, *Просимо до хати!* [430, т. 11, с. 29], *Щастя, здоров'я Вам у хаті!* [387, т. 1, с. 457] и др. Согласно древнему славянскому обычаю,

застав хозяев за обедом, гость приветствовал их словами *Хліб-сіль!*, на что хозяева отвечали: [*Милості, ласкаво*] *Просимо!:* *Хліб-сіль!* – мовив [старшина], глянувши, що снідають. *Просимо,* – озвалась крізь сльози Іваниха [430, т. 11, с. 82]. Фразу *Хліб-сіль!* нередко использует и сам хозяин в качестве приветствия гостя либо приглашения его к столу. Активность данного высказывания в речевом общении украинцев не случайна. Хлеб и соль – древние сакральные атрибуты славянского гостеприимства, символы щедрости, богатства и жизни. Украинцы были уверены, что отведав хлеба с солью, гость обретет божье благословение и никогда не обидит хозяина. В современном украинском языке высказывание *Хліб-сіль!* утратило магическое содержание, выступая в роли стандартного приветствия, приглашения либо доброго пожелания.

В речи жителей сельской местности широко распространены просторечные высказывания: *Здоровенькі були!* – роздався край порога молодий жіночий голос [416], а также приветствия религиозного содержания: *Дай, Боже, щасливу годину!* [387, т. 1, с. 525]; *Дай, Боже [день добрий, щастя, здоров'я]!* [430, т. 1, с. 207]; *Помагай, Боже!* [416, т. 7, с. 110] и др. Следует отметить, что данные этикетные фразы могут использоваться и в других коммуникативных условиях, не связанных с ситуацией приема гостей (например, в качестве будничных или трудовых приветствий). В украинском языке функционируют и праздничные религиозные высказывания, например: *Христос воскрес! З святками будьте здорові!* – сказала Параска, переступаючи через Кайдашів поріг [416] – традиционная форма приветствия во время пасхальных праздников. Приветствие гостя в украинской культуре сопровождается различными невербальными знаками: рукопожатиями, поклонами, объятьями, поцелуями и др., выбор которых зависит от социальных характеристик коммуникантов, степени их знакомства и ситуации общения.

По мнению лезгин, приветствие гостя требует особенной тщательности в подборе языковых средств. Поэтому не удивительно, что именно в этих коммуникативных условиях горцы проявляют склонность к красноречию, используя самые поэтические и доброжелательные этикетные формулы,

которые, с одной стороны, способствуют созданию теплой и непринужденной атмосферы, с другой – наполняют данную ситуацию общения особым эстетическим смыслом. Подтверждением данного факта является широко распространенное в лезгинском языке радостное восклицание по поводу неожиданного приезда долгожданного гостя *Вун атуй [атурай], рагь атуй [атурай]!* ‘Добро пожаловать!’ (букв. ‘Ты пришел – солнце взошло!’) [409, с. 179]. Дорогому гостю адресуют также высказывания: *Вун гьинай, и чкаяр гьинай?!* (букв. ‘Ты откуда, эти места откуда?’) [392, с. 165], *Ви атун хийирлуди хьуй!* ‘Пусть к добру будет Ваш приезд!’ [444], *Ви кIвачихь галаз бахтни атурай, берекатни галаз мадни хьша!* ‘Пусть к счастью будет Ваш приход, с добром увидеть Вас снова!’ [392, с. 103] и др. Гость, в свою очередь, обязан проявить ответную доброжелательность. При этом, как правило, используются фразы с семантикой «здоровье»: *Хийирар хьуй!* ‘Здравствуйте’ [409, с. 232], *Вун сагьламдиз акулал шад я!* ‘Рад застать в здравии!’ [444], *Куьнни сагьвилелди яшамии хьурай!* ‘Дай Вам Аллах жить в здравии!’ [392, с. 52] и др.

Формулы приветствия у лезгин сопровождаются рукопожатием. Желая оказать внимание молодому гостю, старший по возрасту хозяин дома при встрече подает руку первым, гость же в ответ должен пожать протянутую руку двумя руками. Если среди гостей есть женщины, то мужчины приветствуют их словесно и передают под покровительство хозяйки дома. В дагестанской культуре сакральностью гостя обусловлена традиция не спрашивать незнакомого путника о том, как его зовут, кто он и куда направляется, какова цель его приезда. Через определенное время он сам мог рассказать об этом, но мог так и уехать, не назвавшись.

После приветствия собеседники обмениваются стандартными вопросами, которые выполняют функцию поддержания контакта. В украинском языке на традиционный вопрос хозяина: *Як ся маєте?* гости, как правило, отвечают: *Гаразд. Богу дякувати!* [387, т. 3, с. 16]. В украинском языке сохранились и более архаичные формы, распространенные в диалектах: *Маємо сі з ласки Божєї і з вашого старання; Хвалити Господа, всі-смо здорові* [387, т. 2, с. 235].

С вопросами к гостю обращаются и лезгины: *Ваз хвашкалди, сафагелди, Ви кефияр, къаридин кефияр, аялрин кефияр гьикI ава?* ‘Добро пожаловать, как ты поживаешь, как здоровье жены, детей?’ [409, с. 376], *Кефияр гьикI я (ава)?* ‘Как себя чувствуете?’ [Там же], *Сагъламвал гьикI я?* ‘Как здоровье?’ [409, с. 717]; *Куьн гьикI агакъна?* ‘Как вы доехали?’; *Вуч цIийивал ава? / Вуч хабарар ава?* ‘Что нового?’ [409, с. 886] и др.

Приветствие сменяется приглашением войти в дом. Этот этап является не менее ответственным для хозяина. Согласно древним представлениям украинцев и лезгин, тот, кто посетил дом, долгое время считается своим и приобщается к сакральной сфере жизни хозяина и его предкам – домашним духам. В украинском языке в качестве приглашений используются традиционные фразы: *Ласкаво (уклінно, милості, покiрно) просимо!*; *Милості просимо в господу!* [430, т. 8, с. 283]; *Дуже раді, що завітали!* [416] и др.

Гости, как правило, благодарят за приглашение пожеланиями: *Поздоров Боже, того, ми в кого* [419, №12058, с. 529]; *Най все добре гостить у вашiм домі!* [387, т. 3, с. 440].

В лезгинском языке традиционными приглашениями являются: *Квез хвашгелди, азиз мугъманар!* ‘Добро пожаловать, дорогие гости!’ [392, с. 786]; *КIвачик ракъ вегъена кIанда!* ‘Милости просим!’ (букв. ‘Надо бросить под ноги железо’ – адресуется знакомому гостю, с которым долго не виделись) [409, с. 80], *Сафагелди!* ‘Добро пожаловать!’ (*сафа* – ‘удовольствие’) [409, с. 191], *Ваз хвашкалди, за вун фадлай гуьзлемиишзавай!* ‘Добро пожаловать, давненько мы вас ждали!’ [392, с. 902], *Ша, буюр, играми мугъманар!* ‘Проходите, пожалуйста, дорогие гости!’ и др. [392, с. 1002].

Согласно украинским обычаям, пригласив гостя в дом, нужно было обязательно его посадить, иначе «старостам не сидіти в цій хаті» (т. е. ‘не быть в этом доме свадьбе’): *Сідайте, свахо, щоб старости сідали,* – просила хозяйка [416]. Самым почетным местом для гостя в украинской хате считалось *покуття* (покуть) – угол, размещенный по диагонали от печи, и место возле него [430, т. 7, с. 57]: *Сідайте-бо, свахо, коли ваша ласка, на покуті!* [416].

Добрыми приметами, предвещающими благополучие и счастье всей семье, считались ритуальные формулы: *Щоб рої сідали (роїлись)!; Щоб усе добре сідало!, Аби квочки добре сідали!* [397, с. 192].

Многие украинские этикетные высказывания в ситуации «приглашение гостя» имеют религиозную окраску: *Сади, Боже, все добре* [419, №11863, 520]; *Сідайте в ряд, щоб Бог був рад!* [419, №11864, с. 520]. Ответ гостя – *Дякую, най усе добре сідає!* [387, т. 3, с. 132].

Согласно лезгинским традициям, зашедшего в дом гостя усаживали на самое почетное место. При этом обязательно учитывались возрастные особенности. Если гость был моложе хозяина, то ему отводили место по левую руку от хозяина дома. Пока готовилась еда, хозяин и его гости вели непринужденную беседу, во время которой неукоснительно придерживались речевого этикета, запрещавшего хозяину спрашивать о цели визита гостя и времени его пребывания, а гостю – интересоваться женой, детьми хозяина и всем, что с ними связано.

Следует отметить, что в современном общении лезгин такая стратегия поведения выдерживается исключительно по отношению к незнакомому гостю. Общение с хорошо знакомыми людьми либо родственниками предполагает повышенный интерес к делам собеседника, как со стороны гостя, так и со стороны хозяина. При этом вся процедура приема гостя существенно упрощается: *Мегьамед, ваз сабагь хийир! – Абатхийир, Гьажи. Ша, ацукьа кван* ‘Магомед, здравствуй! – Здравствуй, Гаджи. Заходи, садись’ [409, с. 3].

Следующий этап ритуала гостеприимства начинается с приема гостя за столом. Угощение всегда считалось основой украинского гостеприимства. Совместная трапеза являлась основой формирования доброжелательности, теплого отношения к гостю, что, по народным убеждениям, было праведным, угодным Богу делом – «Как Бог велел». Соответственно, не пригласить человека к столу считалось великим грехом. Традиционными приглашениями к столу в украинском языке являются выражения: *Просимо хліба-солі одвідати!* [430, т. 11, с. 82]; *Просимо (запрошуємо) до столу (до обіду, до вечері)!* [430,

т. 9, с. 712]; *Чим Бог послав!*; *Чим хата багата!*; *Чим багаті, тим і раді!* [397, с. 192]; *Чим хата багата, тим і рада!*; *Чим хата має, тим гостя приймає!* [387, т. 3, с. 57], которые предполагают ответ: *Їжте (обідайте, вечеряйте) здорові!* [416].

В украинской речевой культуре сохранились и архаичные формы, которыми до сих пор активно пользуются жители сельской местности: *Бог благословить, а хазяїн велить – корміться, Господа! Прошу покiрно, чим багатий, тим і радий, – звиняйте!* [413, с. 195]. Совместная трапеза обязательно сопровождалась разнообразными пожеланиями, советами, присказками: *Хазяїн підняв чарку вгору і почав приказувать: «Даруй же, боже, нам щастя й здоров'я, а помершим пошли, господи, царство небесне»* [416]. Во время больших христианских праздников за столом традиционно произносились фразы: *Спасибі богу милосердному! Дай боже і на той год діждати!* [400], которые имели священный характер. Гости благодарили хозяина за угощение словами: *Спасибі за хліб, за сіль, за кашу і милість вашу!* [419, №1078, с. 530]; *Гостимо ся з ласки Божої і з Вашого старання* [387, т. 1, с. 620], которые, согласно древним представлениям, адресовались не только хозяевам, но и духам их предков, а через них – самому Богу. В ответ на благодарность гостя необходимо было ответить: *Ні за що! Богу дякуйте! Спасибі й вам за ласку!* [419, №10282, с. 531].

В лезгинском языке традиционным приглашением к столу является фраза: *Буюр, ша, мугьманар. Невь, хьухь* ‘Пожалуйста, заходите, гости. Ешьте, пейте’ [419, с. 1002]. Согласно исламскому шариату нельзя приступать к еде, не почтив Всевышнего. Выполнение данного предписания в лезгинском языке обеспечивает слово *Бисмиллагь!* ‘Во имя Бога!’, ‘С Богом!’ [409, с. 29], которое считается священным для всех участников застолья. Лезгины всегда ценили и ценят умение гостя вести беседу за столом, поэтому трапеза обязательно сопровождается пожеланиями или советами гостя (если он старше хозяина по возрасту): *Куь стол гьамииа ачухди хьурай!* ‘Пусть Ваш стол для всех всегда будет открытым!; *Куь кІвализ берекат, девлет атурай!* ‘Пусть в Ваш дом

придет достаток и богатство!» [392, с. 262]; *Къзанмишзавай ксариз сагъвал гурай!* ‘Кто работает и зарабатывает, тому Аллах даст здоровье и силы!’ [444], *Куь столдал вири няметар хъурай!* ‘Пусть Ваш стол от разных яств ломится!’ [392, с. 623]. Во время еды ни хозяин, ни хозяйка не прерывали трапезу (не поднимались из-за стола), пока не насытится гость.

Заканчивалось застолье словами благодарности гостя: *Баркалла!* ‘Спасибо!’, *Берекат(ар) бул хъуй!* ‘Пусть еще больше будет у вас достатка’ [392, с. 114], *Ви квалер-къар къени хъуй!* ‘Спасибо за угощение!’ (букв. ‘Пусть процветает твой дом!’) [392, с. 497] и др.

Заключительный этап ритуала гостеприимства – прощание. Согласно лезгинским обычаям, при расставании хозяин адресует гостю пожелания: *Ваз хъсан сефер хъурай!* ‘Желаю тебе хорошего пути!’ [409, с. 194]; *Хъсан сят хъурай!*, *Саламат хъуй!* ‘В добрый час! Всего доброго! Счастливого пути!’ [409, с. 190]; *Аманат хъуй!*, *Хийир сят хъуй!* ‘К добру чтобы!’, ‘Всего хорошего!’, ‘В добрый час!’ [409, с. 232]; *Вун Аллагдадал аманат хъуй!* ‘В добрый час, с помощью Аллаха!’ [409, с. 52]; *Хъсан, саламат рехъ хъурай!* ‘Счастливой дороги!’ [409, с. 190]; *Куьн сагъ-саламатдиз квализ агакьрай!* ‘Счастья и благополучия Вам в дороге!’, *Ваз физвай яргъал рехъ къезил, регъятди хъурай!* ‘Пусть твой далекий путь будет легким и удачным!’, *Вун сагъ-саламатдиз элкъвена хтуруай!* ‘Чтобы ты благополучно вернулся!’ [409, с. 716], *Квез хъсан рехъ хъурай, куь физвай рехъ куьруь, уьмуьр куь яргъи хъурай!* ‘Пусть будет доброй Ваша дорога, пусть короткой будет Ваша дорога и долгой будет Ваша жизнь!’ [444], *Квез Аллагдади хъсанвилер гурай!* ‘Пусть вернет благополучно Вас Аллах в Ваш дом!’, *Куьнни Аллагдади хъсанвилихъ тухурай!* ‘Пусть приведет Аллах Вас к лучшему!’ [409, с. 929]. Гость в ответ должен произнести: *Баркалла! Квез Аллагдади сагъвилер, хъсанвилер гурай!* ‘Спасибо! Быть Вам во здравии и благополучии!’ [444] и др.

Обмениваясь взаимными прощаниями, гость и хозяин пожимали друг другу руки. Хозяин приглашал гостя еще раз посетить его дом: *Чи патав мад хъша!* ‘Приходите (приезжайте) к нам еще!’, *Чун акван хъийида / Гъелелиг!* ‘Мы

еще увидимся!» [409, с. 239]; *Чун рикІелай алудмир!* ‘Не забывайте нас!’ [409, с. 696], а гость, в свою очередь, просил хозяина об ответном визите: *Вун чи гьанал ша, башуста!* ‘Приезжайте к нам в гости, пожалуйста!’ [444] В Дагестане хозяин сопровождал гостя до границы аула. При этом он шел впереди, тем самым демонстрируя, что гость находится под его защитой.

Украинцы провожали гостя фразами: *Щасливої дороги!, Бувай щасливий (-а)!* [416, т. 11, с. 571], *Щасливо (залишатися)!* [416, т. 11, с. 572], *Дай боже час добрий!, У добрий час!, Всього доброго!* [416, т. 2, с. 321]; *Бувай [будь, бувайте, будьте, іди, зоставайся, ходи й т. ін.] здоров (здоровий, здорова, здорові)!* [416, т. 3, с. 546], *Іди (ідіть) здоров (здорові, з богом, в мирі)!* [416, т. 4, с. 53], на что отвечали: *Прощайте!, Оставайтесь здорові!* нередко в сочетании с формулами благодарности: *Прощайте, зоставайтесь здорові! Спасибі вам за хліб, за сіль та за вашу ласкавість!* – прощалась Кайдашиха, гукаючи за ворітьми [416]. Архаичный характер имеет фраза *Оставайтесь в гаразді!* [387, т. 1, с. 459]. Обязательным было обращение гостя к хозяину с приглашением посетить и их дом: *Приходьте вже й ви до нас!* Прощаясь с гостем, хозяин провожал его во двор, а то и за ворота.

Таким образом, гостеприимство в обеих культурах представляет собой сложный, детализированный ритуал, который формировался в течение многих веков под влиянием географических, социально-исторических и других факторов. В традициях гостеприимства украинцев и лезгин прослеживается множество параллелей: мифологическая основа, сакральное отношение к гостю, схожая структура ритуала, общая целеустановочная мотивация этикетных формул. Однако место гостеприимства в системе моральных ценностей этносов и особенности его речевой реализации в коммуникативной практике украинцев и лезгин национально специфичны, что обусловлено разным восприятием окружающего мира, наличием индивидуального образа мышления, специфических традиций и обычаев, религиозных установок.

6.4 Гендерные особенности речевого этикета

6.4.1 Вводные замечания

Под гендером в гуманитарных науках традиционно понимается «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [380]. Согласно данному определению быть мужчиной или женщиной – значит не просто обладать определенными анатомическими особенностями, а выполнять те или иные гендерные роли, предписанные обществом. Каждый пол склонен демонстрировать поведение (в том числе и речевое), соответствующее гендерно-ролевым ожиданиям и типичным для каждого пола навыкам [320], которые формируются под влиянием культурных традиций и особенностей семейного воспитания.

У лезгин и украинцев за многовековую историю сложились свои социальные ожидания и навыки, связанные с гендером. Внутренний уклад традиционного дагестанского общества имеет ярко выраженные патриархальные черты – четкое разграничение мужских и женских ролей с безусловным главенством мужчины и подчиненным положением женщины. Процесс семейного воспитания, основанный на жесткой семейной иерархии (жена подчиняется мужу, сестры – братьям и т.д.), осуществляется в рамках требований горского намуса – нравственной категории, выражающей эталон чести и порядочности, т.е. образец безупречной, незапятнанной репутации. Особенно это касается мальчиков, в воспитании которых отец принимает активное участие. Воспитание детей разного пола осуществляется по-разному, что обусловлено необходимостью привития им соответствующих навыков с учетом их будущей роли в общественной жизни. Отличительной особенностью украинского общества является особое отношение к женщине, ее социальным функциям и роли в семье, в частности, в воспитании ребенка, относительное равноправие полов.

Разные социальные роли и семейные традиции способствовали формированию специфичных стратегий и тактик «мужского» и «женского»

общения. В лезгинском РЭ, как и в речевом этикете других дагестанских народов, наблюдается четкое разграничение «мужских» и «женских» вариантов речевого поведения. По мнению ученых, «сам факт присутствия активного гендерного начала в языковой стихии дагестанских языков не вызывает никаких сомнений, и сами носители дагестанских языков без труда выделяют «мужские» и «женские» слова в речи собеседника» [393]. Примечательно, что в «Толковом словаре лезгинского языка» под редакцией А. Г. Гюльмагомедова [392] речевые единицы, характеризующие речь женщин, фиксируются с пометой в виде специального знака – \$. При этом высказывания, используемые в речи мужчин, не маркируются. Данный факт подтверждает наличие четких границ между «мужскими» и «женскими» высказываниями и дает основания предполагать, что «мужская» речь в лезгинской лингвокультуре воспринимается как норма, относительно которой «женская» речь рассматривается как отклонение.

Использование «женских» слов в речи мужчины и, наоборот, в лезгинском языке неприемлемо и всегда осуждается, яркой иллюстрацией чего является следующий отрывок из стихотворения С. Керимовой: «Какадариз папан гафар итимди, «Лезгидалди» тост лугъузвай «етимди» ‘Мужчина, путая мужские слова с женскими, говорил тост, бедняга, на лезгинском языке’.

В украинском языке четкая граница между «мужскими» и «женскими» РФ отсутствует, наблюдаются лишь некоторые тенденции в употреблении тех или иных высказываний, определяющие специфику мужского или женского речевого поведения.

6.4.2 Гендерная маркированность этикетных речевых единиц в лезгинской и украинской лингвокультурах

Культурно и ментально детерминированными являются не только представления о «мужском» и «женском», но и их языковая репрезентация. Как утверждают ученые, «номинативная система языков неодинаковым образом манифестирует концепты “мужественность” и “женственность” и придает им

неодинаковое значение» [36]. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на речевое поведение личности и на процессы ее языковой социализации. Одной из выразительных форм объективации и манифестации гендера является обращение – «частотная единица общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [283, с. 83].

В лезгинских и украинских обращениях гендерный фактор маркируется по-разному, что обусловлено в первую очередь структурными особенностями сопоставляемых языков. Лезгинский язык, принадлежащий к языкам агглютинативного типа, характеризуется отсутствием грамматической категории рода и ее морфологических показателей (флексий и формообразующих суффиксов). Разграничение ЭРЕ по признаку пола осуществляется лексико-семантическим способом, который предполагает использование в качестве обращений к мужчине и женщине разнокоренных лексем с противоположной семантикой, например, *я руш* ‘девочка, девушка / дочь’, *я гада* ‘мальчик, юноша / сын’. Однако в большинстве случаев обозначение пола с помощью языковых средств имеет необязательный характер и самими говорящими не осознается. Этим обстоятельством объясняется наличие в лезгинском языке гендерно-нейтральных ЭРЕ, в семантике которых не содержится указания на пол собеседника и которые могут в равной степени адресоваться как мужчинам, так и женщинам: *хтул* ‘племянник / племянница’, *зи масанди* ‘мой(-я) дорогой (-ая)’, *гьуьрметлу* ‘уважаемый(-ая)’, *кIвал чIур тахъайди* – ‘милый(-ая), любезный(-ая)’ (букв. ‘не потерявший(-ая) дом)), *хизан сагъ хъайди* ‘обладающий(-ая) благополучной семьей’, *хва (хизан) текъейди* ‘не потерявший(-ая) сына (семью)’ и др.

В украинском языке, как и в других языках флективно-синтетического типа, вербальное обозначение гендерной принадлежности адресата является обязательным и осуществляется с помощью лексико-семантических и/или морфологических средств. В зависимости от способа выражения гендерная маркированность может быть полной, т. е. охватывать как план выражения, так

и план содержания (*батьку - мамо, сину - доню*) либо частичной, при которой гендерные маркеры присутствуют в плане выражения, но отсутствуют в плане содержания. При частичной гендерной маркированности показателем гендера, как правило, служат флексии (*шановний пане – шановна пані*), однако в женских формах обращений, которые в украинском языке являются производными от мужских, носителем гендерной информации может выступать также формообразующий суффикс (*добродію – добродійко*).

Наиболее очевидно обусловленные гендером различия в сопоставляемых языках проявляются на лексико-семантическом уровне. Гендерный компонент в семантике обращения может выражаться с помощью специализированных лексем, номинирующих адресата по признаку пола, либо актуализироваться в результате выявления внутренней формы речевой единицы (образа или идеи, положенных в основу номинации). При этом следует отметить, что в семантической структуре обращения помимо гендерного компонента могут присутствовать и другие семантические составляющие, которые содержат дополнительную информацию об адресате, указывая, например, на его возраст (антропометрические обращения), семейный статус (обращения-термины родства) либо выражая эмотивные смыслы, соотносящиеся в сознании носителей языка с определенным полом и маркирующие отношение адресанта к партнеру по коммуникации (обращения-экспрессивы). Таким образом, семантическая структура обращений представляет собой совокупность сем, которые актуализируются в том или ином коммуникативном контексте. При этом определить, какая сема является главной, а какая второстепенной, достаточно сложно. Как правило, адресант вплетён в целую сеть определяющих факторов, которые влияют друг на друга и должны быть проанализированы в их единстве.

Наиболее очевидно гендерный фактор проявляется в антропометрических обращениях, в семантике которых содержится прямое указание на пол собеседника: лезг. *яда!, гада!* ‘эй юноша!’, ‘эй слушай’ , *я руш!* ‘девочка,

девушка', *я кас* 'эй, мужчина', *я наб* 'эй женщина'; укр. *хлопче* (хлопчику), *парубоче*, *дівчино* (дівчинонько), *чоловіче*, *жінко* и др.

Примечательно, что в лезгинском языке понятия 'мужчина', 'муж по отношению к жене' являются синонимичными и реализуются с помощью широкого набора лексических единиц, большинство из которых не только обозначают лицо мужского пола, но и подчеркивают его гендерное превосходство и доминирующую роль в семье: *кас* 'человек, личность, мужчина', *гъуьл* 'муж', *иес(и)* 'хозяин дома', *итим* 'мужчина, муж', *кIвалевайди* (букв. 'находящийся в доме'), *уьмуьрдин юлдаш* (букв. 'друг на всю жизнь'), *кьилеллайди* 'глава семьи' (букв. 'стоящий над головой'), *къужа* 'старик, старец' (перенос. 'муж'), *эркек* 'самец, мужчина'. Ср.: *Вакай чаз гъуьл хъая хъи* 'Ты уже стал командовать нами' (букв. 'Ты уже нам мужем стал').

В украинском языке понятия 'мужчина' и 'муж' также передаются одной лексемой – *чоловіче*, которая характерна для разговорного стиля. Данный факт свидетельствует о том, что в обоих языках наблюдается ярко выраженная тенденция к андроцентричности (мужскому превосходству). Обращения, передающие значение 'женщина', 'жена', в обоих языках менее продуктивны.

Гендерный компонент содержат и обращения-экспрессивы, которые отличаются наличием сем, содержащих оценку внешности, поведения моральных качеств, характерных для представителей того или иного пола либо метафорический образ, ассоциирующийся с мужчиной или женщиной. При этом следует отметить, что в лезгинском языке эмоционально-оценочные формы адресуются преимущественно женщине: *Аман бала суна чан* 'О, красавица моя', *Ви сивиз кьий икъван иер*, *Лацу хъуькъвер чулав кифер*, *Айна хътин цIару вилер* 'Да буду я жертвой твоей красоты, белощекая, чернокошая, синеокая' [395, с. 140]; *кIвал къени хъайиди* 'счастливая, дорогая' (букв. 'у которой дом процветает'); *рагъ хътин руш* 'девушка, подобная солнцу'. Открытое проявление чувств и эмоций по отношению к представителю мужского пола не приветствуется.

В украинской лингвокультуре подобные формы адресуются как женщине, так и мужчине, что свидетельствует о более демократичных отношениях между представителями противоположного пола: *тендітна, маленька, чорноброва, голубко, лебідко, зірочко: Синьоока моя, тонкоброва; моя хистка лілеє!, моя ти ягідко!, (моя) ластівочко!, голубе, соколику, лебедику* и др.

Отдельную группу в сопоставляемых языках образуют ЭРЕ, в семантической структуре которых гендерный компонент лексически не выражен, но их употребление соотносится с лицом определенного пола в силу языковой традиции. Гендерная информация в подобных ЭРЕ представлена имплицитно и определяется путем выявления образа (идеи), которые в той или иной культуре ассоциируются с женским или мужским началом. В ЭРЕ данной группы приписываемые женщине или мужчине характеристики, аккумулируются, как правило, во вторичных номинациях, образованных в результате метафорического переосмысления предметов и явлений окружающей действительности, например, лезг. *ширин вирт* ‘сладкий мед’, *шекер набат* ‘сахарный леденец’, *варз* ‘луна’, *экуьнин гъед* ‘утренняя звезда’; укр. *моє життя кохане, моє кохання чарівне, душе моя*.

Гендерный фактор присутствует не только в семантике тех или иных ЭРЕ, но и в особенностях их функционирования в процессе коммуникации. В коммуникативно-функциональном плане в лезгинских и украинских обращениях наблюдаются гендерные асимметрии. При этом в лезгинском языке они более выразительны. По гендерному признаку лезгинские обращения можно поделить на две группы:

- 1) обращения, употребляемые в речи мужчин;
- 2) обращения, употребляемые в речи женщин.

6.4.3 Гендерные особенности лезгинских обращений

6.4.3.1 Обращения в речи мужчин

Как показывают наблюдения, лезгины, как и все дагестанцы, отдают предпочтение общению с представителями своего пола, что поддерживается

силой общественного мнения и системой воспитания, причем данная тенденция сильнее проявляется у мужчин. В связи с этим, в лезгинском языке отмечается наличие так называемых «маскулинных» обращений, которые функционируют исключительно в мужской коммуникации. Примечательно, что горцы-мужчины сравнительно редко называют собеседника по имени. В качестве обращений чаще всего используются имена нарицательные.

Наиболее употребительной и эффективной формой привлечения внимания собеседника мужского пола в лезгинской лингвокультуре является обращение *я кас!* ‘эй, кас!’, которая используется в рамках дружеского непринужденного общения. Примечательно, что по данным словарей, слово *кас* имеет несколько значений: ‘человек’, ‘личность’ [409, с. 94], которые не содержат указания на пол адресата. Вместе с тем, в функции обращения данная лексема устойчиво ассоциируется с мужским началом и является маркером исключительно мужской речи. Данный языковой факт органично вплетается в систему мифологических верований и мировоззренческих установок лезгин, согласно которым *Кас* – первый человек, созданный богами, представитель мужского пола, *Кас Буба* – дословно ‘Дед касов’ (т.е. первых людей) – популярный персонаж лезгинского героического эпоса, мудрый старец, обладающий даром волшебства [1].

Таким образом, слово *Кас*, которое в лезгинском языке вначале использовалось исключительно в качестве мифонима, символизирующего мужчину, со временем подверглось апеллятивации (перешло в имя нарицательное) и трансформировалось в этноним *ксар / касар* ‘лезгины’ (множественное число от имени *Кас*) и апеллятив ‘человек’. При этом первоначальное концептуальное значение данной лексемы не утратилось полностью, а сохранилось в качестве инварианта – общего смыслового компонента, присутствующего в каждом из значений, что является ярким подтверждением андроцентричности лезгинского языка. Как отмечают ученые, «вторичное использование слова в роли названия всегда мотивировано его предшествующим значением» [251, с. 120].

Обращение *я кас!* в лезгинском языке стало основой для образования более сложных по структуре вокативов, среди которых особой популярностью среди мужчин пользуется выражение *я хва кьей кас!* ‘Ах, ты!’ (букв. ‘человек, у которого умер сын’), используемое в условиях непринужденного общения для выражения удивления или досады [392, с. 900]. Функционирование обращений с компонентом *кас* исключительно в мужской коммуникации свидетельствует о том, что в языковом сознании лезгин данное понятие отождествляется в первую очередь с мужским началом [62].

Функцию привлечения внимания незнакомого адресата выполняет и стилистически нейтральное обращение *яда!* ‘эй, юноша!’, ‘эй, слушай!’ [409, с. 277], адресуемое исключительно лицам мужского пола. Данная ЭРЕ образована в результате сращения двух компонентов: аппеллятивной частицы *я* и усеченной формы существительного *гада* ‘мальчик, сын, парень’ [409, с. 40].

В общении равных по возрасту мужчин она является маркером панибратских отношений, а при обращении старшего мужчины к младшему способствует созданию непринужденной атмосферы общения. Примечательно, что обращение *яда!* не является исключительно мужским. В общении с младшим либо равным по возрасту собеседником мужского пола его используют и женщины.

Обращаясь друг к другу, мужчины нередко используют и другие термины родства, которые, употребляясь в переносном значении, способствуют быстрому установлению контакта с собеседником и созданию доброжелательной тональности общения. Выбор такого рода вокативов мотивируется в первую очередь возрастными особенностями коммуникантов. Так, незнакомому старшему по возрасту мужчине адресуют обращения: *я буба* ‘отец, дедушка’, *я дах* ‘отец’, *я халу* (диал. *дайи*) ‘дядя’ [409], которые свидетельствуют об уважительном отношении к собеседнику. В диалектной речи встречается форма *я тха* ‘браток’, ‘папа, папаша’ [392, с. 214], которая в зависимости от коммуникативных условий может иметь либо почтительный, либо фамильярный оттенок. В неформальном общении старшего с младшим вполне

уместен вокатив *я хва* ‘эй, сынок’ [392, с. 900], а знаком дружеских намерений по отношению к равному по возрасту мужчине является обращение *я стха* ‘эй, брат’ [392, с. 762].

В диалоге со знакомым адресатом, равным либо младшим по возрасту, нередко используются обращения: *я кьей хва* ‘эй, умерший сын’; *я кьей стха* ‘эй, умерший брат’ либо их сокращенная форма *я кьей* ‘эй, умерший’ [392], которые не являются оскорбительными, а свидетельствуют о дружеских отношениях общающихся. В диалоге давних знакомых, друзей употребляется этикетная форма *я кьадаш* ‘приятель, дружище, братец’ [409], выступающая маркером фамильярной тональности общения.

Коммуникация между мужчинами и женщинами у лезгин всегда асимметрична и строго регламентирована, даже если участники диалога имеют равные возрастные и социальные характеристики. Фамильярный тон общения, а также открытое проявление чувств и эмоций по отношению к представителю противоположного пола не только не приветствуются, но и резко осуждаются. Практически в любых ситуациях общения между мужчинами и женщинами устанавливается этикетная дистанция, предполагающая обязательное соблюдение разнообразных контактных и вербальных табу. Например, в присутствии посторонних муж и жена никогда не называют друг друга по имени, избегают ласковых слов, невербальных контактов и т.д.

Общение дочери с отцом также имеет подчеркнуто сдержанный характер. Такое четко регламентированное этикетное поведение в лезгинской семье не является случайностью. Оно объясняется древним обычаем избегания (ограниченного взаимодействия) в общении детей и родителей, жены и мужа, а также их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа.

Обращаясь к женщине, лезгинки используют различные речевые средства, выбор которых зависит от степени знакомства и родства коммуникантов, их возраста, социального статуса, характера взаимоотношений, а также обстановки общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц).

Наиболее распространенным является стилистически нейтральный вокатив *я руш* ‘девушка, девочка, дочь’ [409, с. 187], который в рамках семейного общения адресуется дочери или невестке, а за пределами семьи употребляется в качестве вежливого обращения к младшей по возрасту представительнице женского пола, независимо от степени знакомства с ней. В общении со своими ровесницами мужчины довольно часто используют вокатив *я вах* ‘сестра’ как знак симпатии, доброжелательного отношения к знакомой либо незнакомой собеседнице.

Как отмечалось выше, лезгины в общении с женщинами довольно сдержаны и не склонны к открытому проявлению эмоций. Однако, общаясь с представительницей женского пола наедине, горцы охотно проявляют присущие им от природы экспрессивность и красноречие. Этим обусловлено функционирование в речи лезгинских мужчин большого количества эмоционально-оценочных обращений, используемых в рамках интимного дискурса.

Обращения к возлюбленной в лезгинском языке имеют метафорический характер. Большинство из них возникло на основе различных ассоциаций с объектами и явлениями окружающей действительности: *алма* ‘яблочко’, *цуьк* ‘цветок’, *бевешиа* ‘фиалка’, *жейран* ‘лань’, *варз* ‘луна’, *экуьнин гьед* ‘утренняя звезда’, *маржан* ‘жемчуг’ и др. В поэтической речи функционируют вокативы, построенные на более сложных ассоциациях: *къефесда хвей вили лиф* ‘сизая голубка, взращенная в клетке’; *назлу къелем ширин алчадин* ‘горделивый саженец сладкой алычи’; *шекер набат* ‘сахарный леденец’; *кIвачер яру вили лиф* ‘сизая голубка с красными лапками’ и др. [167, с. 57].

Данные формы являются ценным источником информации гендерного характера. Психологи утверждают, что использование мужчинами обращений, построенных на сравнении женщины с маленькими животными, объектами растительного мира, лакомствами и т.д. свидетельствует об отношении к ней как к человеку, имеющему более низкий статус [117, с. 258].

6.4.3.2 Обращения в речи женщин

Если мужчины, общаясь друг с другом, в большинстве случаев отдают предпочтение стилистически нейтральным вокативам, то в РЭ женщин доминируют характеризующие обращения с позитивной или негативной эмоциональной оценкой: *чама* ‘милочка’, *кIвал къени хъайиди* ‘счастливая, дорогая’ (букв. ‘у которой дом процветает’), *кIвал чIур хъайиди* ‘несчастливая’ (букв. ‘у которой дом разрушился’), *хизан текъейди* ‘дорогая, моя хорошая’ (букв. ‘та, чья семья не умерла’); *я гуж тахъайиди* (букв. ‘не перегрузившаяся тяжелым трудом, не больная’) [167] и др. Использование таких форм возможно лишь по отношению к сверстнице в дружеской тональности общения. В разговорной речи представительниц младшего и среднего поколения распространено выражение *я къей + вах* ‘эй, умершая сестра’ либо его сокращенный вариант *я къейди* ‘эй, умершая (покойница)’ [167, с. 51–52]. Данные вокативы не считаются оскорбительными, а, напротив, свидетельствуют о симметричности коммуникативной ситуации, непринужденном характере общения.

Наряду с эмоционально окрашенными обращениями в женской речи функционируют и стилистически нейтральные формы: *я руш* – обращение к ровеснице или младшей по возрасту собеседнице; *я юлдаш* ‘подруга’, *я вах* ‘сестра’ – обращения к ровесницам; *я хала* ‘тетя’ – обращения к старшему по возрасту адресату и др. [167].

Согласно сложившимся в Дагестане традициям и нормам воспитания лезгинские женщины в общении с представителями противоположного пола должны вести себя скромно и сдержанно, поэтому фамильярные и чрезмерно эмоциональные высказывания по отношению к мужчине в их речи не приветствуются. Обращаясь к мужчине, женщины отдают предпочтение лаконичным, стилистически нейтральным формам, выбор которых мотивируется в первую очередь возрастными характеристиками коммуникантов, а также степенью их родства и обстановкой общения (общение происходит наедине или в присутствии третьих лиц).

Наиболее продуктивными среди вокативов такого рода являются термины родства, которые в рамках семейного дискурса адресуются кровным родственникам, а за его пределами выступают эффективным средством установления контакта с собеседником с учетом его возрастных особенностей: *я буба, дах* ‘папа, отец’ – обращения к адресату старшего возраста; *я стха* ‘брат’ – обращение к ровеснику; *я гада* ‘сын, парень’ – обращение к ровеснику или младшему по возрасту адресату и др. Вместе с тем в общении с женщиной наедине женщины более свободны в выборе обращений и активно используют эмоционально окрашенные формы, свидетельствующие о характере взаимоотношений общающихся. Среди них наиболее востребованы вокативы, выраженные субстантивированными прилагательными, нередко в сочетании с притяжательным местоимением *мой*: *зи кIанди* ‘мой возлюбленный’, *масан* ‘дорогой’, *рикI* ‘любимый’, *играми* ‘желанный’, *заз авай сад* ‘мой единственный’ [409] и др.

Отличительной особенностью лезгинского языка является отсутствие в нем грамматической категории рода, способствующей акцентуации гендерной идентичности. Разграничение обращений по признаку пола осуществляется лексико-семантическим способом, который предполагает использование в качестве обращений к мужчине и женщине разнокоренных лексем с различной семантикой, например: *я руш* – обращение к девушке, *я гада* – обращение к парню. Однако в большинстве случаев обозначение пола с помощью речевых средств в общении лезгин имеет необязательный характер и самими говорящими не осознается. Именно этим обстоятельством можно объяснить наличие в лезгинском языке обращений, в семантике которых не содержится указания на пол собеседника и которые могут в равной степени адресоваться как мужчинам, так и женщинам: *зи масанди* ‘мой дорогой / моя дорогая’, *гьуьрметлу (гьуьрметлуди)* ‘уважаемый / уважаемая’, *кIвал чIур тахъайди* – ‘милый(-ая), любезный(-ая)’ (букв. ‘не потерявший(-ая) дом’); *хизан сагъ хъайди* ‘обладающий(-ая) благополучной семьей’, *хва (хизан) текъейди* ‘не потерявший(-ая) сына (семью)’ [168] и др.

Примечательно, что лезгинский язык в силу своей агглютинативности располагает большим арсеналом различных аффиксов, однако специфические суффиксы для выражения гендерных признаков в нем отсутствуют. Тем не менее, в современной речи лезгин иногда встречаются обращения с суффиксами женского рода, заимствованными из русского языка, например: *дидешка*, *бахка* ‘мамочка’; *дахка* ‘папочка’, *эмешка* – ласковое обращение к тете по отцовской линии др. Данная тенденция прослеживается в основном в терминах родства, выполняющих роль обращений в рамках семейного дискурса, а также в личных именах, используемых в речи молодых представительниц женского пола по отношению к сверстницам: *Аниятка*, *Сельминатка* и др.

6.4.4 Гендерные особенности украинских обращений

Следует отметить, что в общении украинцев граница между мужской и женской речью не столь выразительна, как в общении лезгин, поэтому провести четкую границу между женскими и мужскими вариантами обращений здесь довольно сложно. Наблюдаются лишь определенные тенденции к употреблению тех или иных форм, определяющие специфику женского или мужского речевого поведения. Примечательно, что если в лезгинском языке первостепенную роль в выборе вокативов играют гендерные и возрастные различия, то в украинском языке в ряде случаев приоритетными являются другие факторы (степень знакомства, социальный статус, тональность общения и др.) [62].

В украинском языке, как и в других языках флективно-синтетического типа, вербальное обозначение гендерной принадлежности адресата является обязательным. Оно осуществляется либо лексическими (*батьку* - *мамо*, *сину* - *доню*), либо морфологическими средствами. Ведущую роль в выражении грамматической категории рода играют флексии: *шановний пане* – *шановна пані* и формообразующие суффиксы: *добродію* – *добродійко* (при этом обращения женского рода являются производными от вокативов мужского

рода, а не наоборот). Кроме того, большое значение в отражении гендерных отношений имеет экспрессивная деривация, в частности суффиксы субъективной оценки, способные передавать широкий диапазон чувств и эмоциональных оттенков. В украинском языке диминутивные формы обращений используются как по отношению к женщинам (например, к матери: *мамочко, мамусю, мамонько, мамусечко, мамусенько, матусенько, мамуню, мамунечко, мамцю, мамуньцю, маті́нко, матіночко* и др.), так и по отношению к мужчинам (например, к отцу: *татку, таточко, татенько, татонько, татуню, татулю, татуницю, татусю* и др.). Вокативы с суффиксами субъективной оценки функционируют преимущественно в женской речи, хотя в определенных коммуникативных условиях (например, при обращении к ребенку или женщине) ими активно пользуются и мужчины, что свидетельствует об эмоционально-чувственном характере украинского менталитета [62].

К обращениям, в семантике которых содержится указание на пол собеседника, относятся формы: *чоловіче, жінко, хлопче, парубоче, дівчино*, в которых прослеживается органическая связь с устным народным творчеством. Выбор данных форм привлечения внимания собеседника, помимо гендерного фактора, мотивируется возрастными особенностями адресата. Так, при обращении к лицу мужского пола, равному с адресантом по возрасту и социальному положению, используется вокатив *чоловіче*, нередко в сочетании с определением *добрий*, что способствует созданию доброжелательной тональности общения: *Спасибі тобі, добрий чоловіче, за ласкаве слово, за гроші і за “старину запорозьку”* [454, т. 6, с. 19].

В украинском языке лексема *чоловік* имеет и другие значения: человек; женатый человек [431, с. 469]. Таким образом, в украинском языковом сознании, как и в языковом сознании лезгин, понятия «человек» и «мужчина» воспринимаются как тождественные и обозначаются одной лексемой, что является отголоском патриархально-родовых отношений.

При обращении к взрослой незнакомой женщине, равной или старшей по возрасту, употребляются формы: *жінко (жіночко)*: – *Жінко, жінко гарная, Хто ж ты буде обнімати, Як я буду воювати?* Они же могут адресоваться жене говорящего: *Бувай здорова, моя кохана жіночко!* [404, т. 5, с. 194].

Стилистически нейтральными обращениями к юноше, молодому неженатому мужчине являются вокативы: *хлопче, парубоче*, а к молодой незамужней особе женского пола, а также любимой девушке, невесте – *дівчино, дівчинонько*: *Чуєш, хлопче? Ходи сюди! Не бійсь, не злякаю* [454, т. 2, с. 162].

Прощай, дівчинонько, прощай серце кохане [украинская народная песня]. В современном украинском языке обращения *чоловіче, жінко (жіночко), хлопче, парубоче, дівчино* функционируют исключительно в разговорной речи. При этом в процессе общения они несут различную коммуникативную нагрузку. Если вокативы *дівчино, хлопче* в большинстве случаев способствуют созданию доброжелательной тональности общения, то формы *чоловіче, жінко (жіночко)* как наименования, акцентирующие внимание на более зрелом возрасте адресата, содержат оттенок фамильярности и поэтому выходят за рамки вежливой коммуникации. Гендерно-ориентированные обращения характерны как для женской, так и для мужской речи, однако в речевом общении мужчин они более востребованы, что обусловлено особенностями мужской психологии. В сознании мужчин, в отличие от женщин, указание на пол и степень зрелости не вызывает негативной реакции.

Кроме того, слово *чоловік* ‘мужчина’ в украинском языке имеет исключительно положительную семантику, поэтому в роли обращения используется чаще, нежели лексема *жінка*.

К обращениям, указывающим на пол собеседника, относятся также термины родства. Данные вокативы в украинском языке могут употребляться как в прямом значении (в рамках семейного дискурса), так и в переносном (при общении с людьми, с которыми говорящий не состоит в родственных связях). Например: *дідю (дідусю)* – обращение к отцу отца или матери, а также незнакомому мужчине преклонного возраста; *бабо (бабусю)* – обращение к

матери отца или матери, а также пожилой женщине; *батьку (батечку)* – обращение к отцу, тестю, свекру, а также старшему по возрасту незнакомому адресату; *мамо (мамочко, матінко)* – обращение к матери, теще, свекрови, а также к любой старшей по возрасту женщине; *сину (синку), доню (донечко)* – обращения к сыну/дочери либо к собеседнику, который значительно младше по возрасту; *брате (братику), сестро (сестричко)* – обращения к сестре/брату либо к равному по возрасту адресату и т. д. За пределами семейного дискурса украинские обращения-термины родства функционируют в разговорной речи как знак уважительного и доброжелательного отношения к собеседнику: *Ходім, ходім, отамане, Батьку ти мій, брате, Мій єдиний!* [454, т. 2, с. 163]. Однако сегодня некоторые из них постепенно утрачивают свою актуальность. Так, вокативы *батьку, брате*, которые в XIX веке часто использовались в общении мужчин равного социального статуса, друзей, единомышленников, сегодня воспринимаются как фамильярные и не соответствующие вежливой тональности общения. Постепенно выходит из активного употребления и вокатив *сестро (сестричко)*, широко распространенный в различных жанрах украинского фольклора. Таким образом, украинские термины родства, употребляясь в переносном значении, имеют более ограниченную сферу функционирования, нежели лезгинские, что указывает на бóльшую межличностную дистанцию в общении украинцев с незнакомым адресатом.

В рамках интимного общения, обращаясь к собеседнику, украинцы часто используют метафорические высказывания, образованные в результате персонификации предметов и явлений окружающего мира, что свидетельствует об анимистическом характере их мировоззрения. Обращаясь к любимой женщине, украинские мужчины отдают предпочтение вокативам, построенным на основе персонификации небесных светил: *сонечко (моє)!, (моя) зірочко (зіронько)!, ясна зоре (моя)!*, растений: *моя квіточко!, моя хистка лілеє!, вербиченько!, берізка!, моя ти ягідко!*, птиц: *(моя) пташко!, (моя) горлице (горличко) сизокрила!, (моя) ластівко (ластівочко)!, (моя) зозуле (зозуленько)!*, абстрактных понятий: *скарбе мій найдорожчий!, радосте моя!, моє ти*

золото!, *коханячко моє любе (солодке, гаряче)* и др. Высокий показатель частотности имеют метонимические формы: *моє серце (серденько, серденьточко) кохане (ласкаве, любе)!* и др. К народнопоэтическим образам нередко обращаются и женщины в общении с любимым мужчиной: *А Оксана, як голубка, Воркує, цілує. То заплаче, то зомліє, Головоньку схилить: «Серце моє, доле моя! Соколе мій милий!..»* [454, т. 2, с. 146].

Традиционные обращения-символы *голубе, соколику, лебедику* часто используются при обращении мужчин друг к другу для создания атмосферы дружеских, доверительных отношений: *Обіймаю Вас від серця, мій соколе ясенький!* [406, с. 304]. В украинском языке многие интимные обращения образуют гендерные пары. При этом женские формы являются производными от мужских: *лебедику – лебідко (лебідочко, лебідонько); голубе (голубчику) – голубко (голубочко, голубонько)* и др.

6.4.5 Проведенный анализ позволяет констатировать, что отражение гендерных отношений в обращениях лезгинского и украинского языков имеет как универсальные, так и национально специфические черты, обусловленные социально-историческим и языковым опытом этносов. В обращениях обоих языков обнаружены гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности – доминированию мужского начала, что объясняется влиянием патриархальной культуры. При этом лезгинский язык более андроцентричен, нежели украинский, что проявляется в строго регламентированном и сдержанном характере общения между представителями разных полов; четком разграничении мужских и женских моделей речевого поведения, функционировании «мужских» и «женских» ЭРЕ. Однако факты отсутствия в лезгинском языке грамматической категории рода и наличия гендерно-нейтральных обращений несколько снижают степень его андроцентричности. В украинском языке для обозначения гендерной идентичности существуют специальные морфологические средства (флексии и суффиксы), однако они не закреплены за определенным родом.

Многие украинские вокативы образуют гендерные пары, при этом обращения женского рода являются производными от мужских, а не наоборот, что является примером мужского доминирования в языке.

В украинской речи четкая граница между женскими и мужскими вариантами обращений отсутствует, а гендерные различия имеют скорее количественный, нежели качественный характер (т.е. каких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот), что способствует установлению более демократичных отношений между полами. Таким образом, в украинских обращениях мужское и женское начала проявляются практически в равной степени, что обусловлено социально-историческими факторами. Современные мужчины и женщины в обеих культурах открыто конкурируют друг с другом, что проявляется не только в общественной деятельности, но и в языке. Однако ослабление гендерной поляризации не устраняет гендерных различий даже в такой чувствительной к социальным изменениям сфере как речевое общение.

6.5 Речевой этикет в ситуации «Соболезнование»

Соболезнования в сопоставляемых языках имеют древнее происхождение и относятся к тому периоду, когда «проводы в мир иной» сопровождались большим количеством обрядов и ритуалов магического свойства. Использование соболезнований в первобытном обществе было связано с определенными сакральными действиями и преследовало преимущественно символические цели. По убеждению наших предков, данные элементы вербальной магии выступали своеобразными информационными каналами связи между миром живых и царством мертвых, средством общения с потусторонними силами и способствовали благополучному переходу в вечность. Если в далеком прошлом использование соболезнований мотивировалось их магическими функциями, то с утратой сакрального значения данные высказывания трансформировались в стереотипные этикетные

фразы, выражающие уважение к умершему человеку, а также сочувствие его родственникам по поводу случившегося несчастья.

Следует отметить, что традиция произносить специальные слова во время прощания с покойным является универсальной. Вместе с тем, в каждой национальной культуре сложились свои представления о смерти, что способствовало формированию специфичных речевых реакций на данное событие. Как свидетельствует проанализированный материал, в украинском и лезгинском языках функционируют соболезнования двух типов: 1) фразы, обращенные к умершему; 2) фразы, обращенные к родственникам умершего.

6.5.1 Соболезнования, обращенные к покойному

Соболезнования первого типа в сопоставляемых языках имеют древнее происхождение. В их основе лежат общие для лезгин и украинцев мировоззренческие установки, сохранившиеся с древних времен, – культ предков, вера в бессмертие жизненного начала, существование загробного мира, в частности рая, где души праведников должны обрести вечный покой. Данные высказывания представляют собой лаконичные тексты-пожелания, которые адресуются, с одной стороны, умершему, с другой – так называемой «третьей силе», способной реализовать желаемое. В украинской культуре в качестве прощальных пожеланий покойному чаще всего используют выражения: *Нехай (хай) над ним земля (буде) пером (пухом)!*, *Нехай (хай) йому земля пухенькою (легка) (буде)*, *Земля йому пухом!*, *Легко йому лежать, пером землю держати!*, *Щоб легше в могилі було йому (їй) лежати!*, *Нехай йому земля пером стане, що добрий був!* [387; 419; 430], которые имеют языческие корни. Данные фразы содержат пожелание усопшему легкой погребальной земли, т. е. покоя не только душе, но и телу. Аналогичные высказывания используются с целью помянуть покойного добрым словом: *Поминальники хутенько потягнулися до чарок. – Нехай же йому земля пухенькою буде, – сказала котрась молодиця і скорботно зітхнула* [439].

Православные христиане желают усопшему прощения грехов, райской жизни, обретения покоя и воссоединения с Богом. В религиозных представлениях славян местопребыванием душ праведников после смерти, раем считается «царство небесное», что отражено в пожеланиях: *Царство небесне (йому, їй, їм) (вічне, Боже)!, Нехай царствує!* (т. е. пусть живет в царстве небесном), *Царство небесне його душі!, Померлому (померлим душам) царство небесне, вічний покій!, Нехай з богом спочиває!, Хай Бог його упокоїть!, Нехай Господь простить йому (їй) всі гріхи прийме у царство небесне!, Хай йому легко згадається на тім світі!* и др. [419; 430; 446].

В лезгинском языке языческие корни имеют высказывания-пожелания, произносимые во время прощания с усопшим: *Ялгъуз тар тама тахуй!* ‘Пусть одинокого дерева в лесу не будет!’ *Са тек сур сува тахуй!* ‘Пусть одинокой могилы на склоне горы не будет!’, *Авай сад къена сура тахуй!* ‘Пусть один в могиле не будет!’ [86, с. 53].

Данные фразы являются неотъемлемой частью традиционных похоронных плачей. Лезгины считают их сакральными и никогда не произносят вне обряда, опасаясь накликать беду. Веру лезгин в бессмертие человеческой души и существование рая отражают пожелания: *Къейидаз женнет къисмет хъурай!* ‘Рай местом покоя его пусть будет!’, *Женнет жагъурай!* ‘Пусть станет обитателем рая!’, *Женнет жагъуй вичиз* ‘Пусть найдет рай для себя’, *Ви бубадиз регъмет хъуй!* ‘Царство небесное твоему отцу!’, *Къейидаз регъметар гурай* ‘Царство небесное умершему!’ [409; 392] и др.

Примечательно, что в представлении лезгин (равно как и всех мусульман), *женнет* ‘рай’ – чудесный прохладный сад, в котором после Судного дня будут вечно пребывать мусульмане-праведники.

Влиянием ислама обусловлено функционирование в лезгинской культуре соболезнований, апеллирующих к милости и могуществу Аллаха, который, по мнению верующих, может простить человеку его прегрешения: *Адан гунагърилай гъил къачурай!* ‘Да смоятся его (ее) грехи!’, *Аллагъдин рагъметар хъуй!* ‘Да простит Всевышний!’, *Аллагъдихъ ихтибар ая!* ‘Надейся на

Всевышнего!’, *Рагьметлу касдир яшар, куь аялрин яшарихь агал хъувурай Аллагьди!* ‘Пусть Аллах добавит (Вам, Вашим детям) не дожитые покойным годы!’ (произносится в случае смерти молодого человека) и др. Подобные формы обязательно предполагают ответ: *Куь кьейибурузни рагьметар гурай!* ‘Пусть помилует Аллах и Ваших покойников!’

Как свидетельствует проанализированный материал, несмотря на то, что соболезнования являются непосредственной реакцией на смерть человека, само слово *смерть* в них не упоминается. Объяснение данному факту, на наш взгляд, следует искать в нормативной системе первобытного общества, в частности в институте словесного табу, – религиозно-магического запрета на произношение отдельных слов и фраз, нарушение которого, согласно представлениям наших предков, могло навлечь гнев высших сил и принести несчастье [65].

Следует отметить, что сакральное содержание высказываний, адресуемых покойному, сохраняется в сознании представителей старшего и среднего поколений, молодежь использует их преимущественно как стереотипные фразы, лишённые полноценной семантики. Функционирование в РЭ украинцев и лезгин соболезнований, адресованных усопшему, свидетельствует о том, что обычай поминать ушедших из жизни родственников – неотъемлемая часть ритуальной культуры обоих народов [65, с. 163].

6.5.2 Соблезнования, адресованные родственникам покойного

Данные высказывания относятся к более позднему слою культуры. Их семантика и прагматические цели обращены в иную мировоззренческую сферу – антропоцентрическую. Данные фразы ориентированы на реального собеседника и используются с целью оказания ему психологической поддержки с помощью слов сочувствия и сопереживания. При этом говорящий не стремится к оригинальности в выражении своих мыслей и чувств, а опирается на уже существующие, общеизвестные шаблоны, не содержащие в себе ничего нового для адресата, т.к. их целевая направленность заранее известна. По мнению ученых, высокая степень стандартизованности и типизированности

соболезнований среди других этикетных речевых жанров обусловлена, с одной стороны, диктумной ситуацией, с другой стороны, ритуалом похорон [256].

Вместе с тем это не означает, что подобные высказывания – всего лишь дань традиции, формальный акт вежливости. В обеих культурах это сложное коммуникативное действие, требующее от адресанта обязательного соблюдения определенных условий – искренности, тактичности, деликатности.

Соболезнования родственникам умершего в обеих культурах строятся по общей формуле: субъект + перформативный глагол (либо его эквивалент) + объект. При этом следует отметить, что наличие субъекта в данной структурной модели является факультативным, что обусловлено несколькими обстоятельствами. Как отмечает А. Г. Балакай, в соответствии с главным правилом речевого этикета, автор сообщения должен ставить в центр внимания не собственное Я, а личность собеседника [29], тогда как в предложении *Я соболезную Вам* категория первого лица выражается дважды: местоимением и личным окончанием глагола. Вместе с тем использование местоимения *Я* может быть вызвано определенными прагматическими целями, в частности желанием адресанта подчеркнуть личное отношение к собеседнику либо придать общению более вежливой, официальной тональности. Кроме того, как утверждают психологи, механизм соболезнования основан на слиянии, отождествлении внутренних состояний общающихся, временном стирании границы между «Я» и «ты/Вы», вследствие чего указание на субъект речи является излишним.

Семантическим центром украинских соболезнований выступает перформативный глагол – *співчуваю* и его аналитические глагольно-именные эквиваленты: *висловлюю* (*хочу висловити, приношу, прошу прийняти*) + *співчуття*: *(Я) щиро Вам співчуваю; (Я) висловлюю тобі (Вам) співчуття; (Я) приношу тобі (Вам) своє глибоке (щире) співчуття; (Я) хочу висловити (своє) щире співчуття; (Я) прошу прийняти (моє) глибоке співчуття* и др. Подобные конструкции характеризуются эмоциональной сдержанностью и характерны преимущественно для официальной тональности.

В аналитических формах с компонентом *сочувствие* возможно опущение перформативного глагола, что несколько смягчает официальный характер сообщения: *Вам моє найщиріше (глибоке) співчуття*. Важную функцию в таких высказываниях выполняют прилагательные, сопровождающие лексему *співчуття*, – *глибоке, щире, найщиріше*, которые свидетельствуют об искренних намерениях адресанта. В официальной тональности широко распространены императивные формы: *Прийміть моє глибоке (щире) співчуття (у Вашому горі), Дозвольте висловити Вам моє щире (глибоке, найщиріше) співчуття (з приводу Вашого нещастя)*, характерные для письменной речи [430].

В украинской культуре в неофициальной обстановке соболезнованиям часто предшествуют фразы, содержащие констатацию факта утраты, эмоционально-экспрессивную оценку случившегося: *Вас спіткало велике нещастя!, У Вас таке горе!, Ви понесли велику (непоправну) втрату!, Яке (жахливе) нещастя!, Який фатальний випадок!, Я вражений Вашим горем!* С психологической точки зрения данные формы свидетельствуют о том, что адресант понимает трагизм ситуации и готов разделить с собеседником горечь утраты.

В лезгинском языке семантика «соболезнование» реализуется с помощью перформативного глагола *башсагьлугьвал гузва* ‘соболезную’, а также глагольно-именного сочетания: *кьабула + башсагьлугьвал* ‘примите соболезнования’: *Рагьметлудан мукьва-кьилийриз башсагьлугьвал гузва* ‘Выражаю соболезнование родным покойного’, *Зи башсагьлугьвал кьабула* ‘Примите мои соболезнования’ и др. Следует отметить, что подобные конструкции характерны, как правило, для письменной коммуникации, в устной разговорной речи они встречаются довольно редко.

В устном неофициальном общении лезгины отдают предпочтение фразам, в которых значение «соболезнование» не имеет специальных языковых маркеров и извлекается адресатом из контекста. Психологической основой таких речевых действий является стремление говорящего максимально

смягчить трагизм ситуации, отвлечь собеседника от грустных мыслей, помочь сохранить самообладание в сложившихся обстоятельствах. Примечательно, что само слово *баишагълугъвал* ‘соболезнование’ толковые словари лезгинского языка трактуют как *рикI секинардай гафар* ‘слова сочувствия’ (букв. ‘успокаивающие сердце слова’) [392].

В качестве таких слов чаще всего используются пожелания здоровья, добра, радости, благополучия, которые акцентируют внимание на том, что жизнь продолжается, поэтому не следует излишне предаваться горю, а стоит подумать о живых (вспомним в связи с этим слова известного философа Спинозы: «мудрый думает о жизни, а не о смерти»): *Баи сагъ хъуй (хъурай)!* ‘Дай Вам Бог здоровья!’ (букв. ‘Пусть голова будет здорова!’), *Куь чанар сагърай / сагъ хъурай!* ‘Будьте Вы здоровы!’ (букв. ‘Пусть души Ваши будут здоровы!’), *Квез хажсалатарни хъана, куьн сагърай!* ‘У Вас горе, желаю Вам здоровья!’, *Ам къенатIа, вун сагърай!* ‘Он умер, а тебе желаю здоровья, благополучия!’, *Им куь эхиримжи фикир, хажсалат хъурай!* ‘Пусть будет горе Ваше последним!’, *Квез мад къведайбур шад, хъсан хабарар хъурай!* ‘Пусть порог Ваш будет освещен добрыми вестями!’, *РикI шад хъуй!* ‘Пусть сердце будет радостным!’, *Иеси сагъ хъуй!* ‘Хозяин пусть будет здоров!’, *Балаяр сагъ хъуй!* ‘Дети пусть будут здоровы!’ и др. Данные высказывания выполняют важную регуляционную функцию, поскольку помогают адресату забыть о негативной ситуации и переключиться на оптимистический образ мыслей. На эмоциональную поддержку собеседника направлено использование и других речевых средств. Так, в лезгинском языке соболезнованиям обязательно предшествуют вопросы к родственникам покойного, например: ‘Как это случилось?’, ‘Когда вы об этом узнали?’ и др., которые задаются даже в тех случаях, когда пришедшие знают обстоятельства трагедии.

По мнению психологов, такие диалоги дают возможность человеку «выговориться» и, таким образом, способствуют облегчению его психологического состояния. С целью разрядки обстановки, снижения эмоционального напряжения в беседу зачастую вплетаются различные истории

и даже шутки, которые способствуют трансформации негативных эмоций в позитивные.

Как уже отмечалось выше, соболезнования в обеих лингвокультурах – не формальное проявление вежливости и соблюдение традиций. Главная цель данных этикетных форм – оказать психологическую поддержку человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации. Подтверждением этого является обязательное функционирование в лезгинском и украинском РЭ так называемых «формул утешения», сопровождающих слова соболезнования. В обоих языках такие формы характеризуются высокой степенью вариативности и выполняют различные функции:

1) выражают сопереживание, чуткое отношение к собеседнику: укр. *(Я) горюю разом із тобою (Вами)!, (Я) розумію твоє (Ваше) горе!, Я Вас (тебе) розумію!, Мені дуже шкода, що так трапилося (сталося)!, (Я) поділяю твій (Ваш) смуток!, Я поділяю (розумію) вашу глибоку скорботу (горе, нещастя, сум);* лезг. *За куь (ви) хажсалатдин гьам чІугвазва* ‘Сочувствую вашему (твоему) горю’, *Чна адахъ гьайифдивди яс чІугвазва* ‘Мы скорбим о нем’, *Заз лап гьайиф атана* ‘Я глубоко опечален’;

2) подбадривают адресата, содержат оптимистичные прогнозы на будущее: лезг. *Тавакъу ийизва, секин хъухъ* ‘Пожалуйста, успокойтесь’, *Куьн перишан жемир / Сефил жемир!* ‘Не печальтесь!’, *Вири хъсан жеда* ‘Все будет хорошо’, *Маса хиялар ийимир!* ‘Не думайте о плохом!’, *Жува жув гъиле яхъ. Сабур ая!* ‘Возьмите себя в руки’, *Жув кІевиз яхъ* ‘Крепитесь’, ‘Не падайте духом’, *РикІиз дарвал гумир!* ‘Не разрывайте свое сердце!’, *Дарих жемир!* ‘Не грустите!’, *Хажалатар мийир!* ‘Не переживайте!’ и др.; укр. *Візьміть себе в руки!, Не падайте духом!, Тримайтеся мужньо!, Треба триматися (жити далі)!, Усе буде добре (гарзд)!, Все минеться!, Сподівайтеся на краще!, Ви мусите пережити це!, Час усе розставити на свої місця!* и др.

3) акцентируют внимание на необходимости философского восприятия смерти как неизбежного события, с которым нужно смириться: лезг. *Вуч ийида / Вучда* ‘Что поделаешь’, *Мад вуч ийида (вучда)* ‘Ничего не поделаешь’, *Вуч*

лугьун, шукур хъайи Аллагьдин гъиле авай крар я ‘Что поделаешь, на все воля Аллаха’; укр. *Нічого не вдієш!, Нічим тут не зарадиш!, На все воля Божжа!*

В обеих культурах наряду с устными соболезнованиями функционируют письменные их формы, которые размещаются на страницах газет, интернет-сайтах и других информационных ресурсах от имени коллег, друзей, земляков покойного. Такие высказывания имеют более сложную структуру и, помимо сочувствия и сострадания, содержат констатацию факта утраты, оценку моральных качеств умершего, его роли в жизни семьи и общества и т.д., например, в украинском языке: *Шановний Леоніде Михайловичу! Прийміть наші глибокі співчуття з приводу непоправного горя – смерті Вашої матері. Пішла з життя найдорожча та найрідніша для Вас людина. Неймовірно тяжко пережити таку втрату кожному. Сьогодні, у цей важкий для Вас час, ми разом з Вами низько схиляємо голову у скорботі <...> [450].*

Соболезнования схожей структуры и семантики используются и в речевом этикете лезгин: *И йикъара чав чІулав хабар агакъна. 68 йисан яида аваз чи лап хъсан дустарикай сад, газетин халисан амадаг лайихлу муаллим ва тешиклатчи Шагьмурад Агьмедович Максимов рагьметдиз фена. Чна яс чІугвазва, адан хизандиз, мукъва-къилийриз, вири багърийриз башсагълугъвал гуз кІанзава* ‘В эти дни мы получили черное известие. В возрасте 68 лет ушел из жизни один из наших лучших друзей, настоящий педагог, заслуженный учитель Шахмурад Ахмедович Максимов. Мы в трауре, хотим выразить соболезнования семье, родным и близким’ [408].

Как свидетельствует проанализированный материал, в соболезнованиях, адресуемых родственникам умершего, значение «смерть» в большинстве случаев реализуется косвенно, с помощью эвфемизмов: *ушел из жизни, постигло несчастье (горе, трагическое событие, утрата и др.), получили черное известие* и т. д., что особенно характерно для лезгинского языка. Использование эвфемизмов объясняется, с одной стороны, стремлением автора послания вытеснить мысли о смерти на периферию своего сознания, с другой – оградить собеседника от дополнительных страданий.

Выводы к главе 6

1. Речевое поведение лезгин и украинцев детерминировано взаимодействием ряда механизмов, среди которых особое место занимают: 1) мифологические и религиозные представления; 2) ритуал гостеприимства; 3) культ старшинства и семейно-брачные отношения. Выработанные в рамках этих сфер комплексах моральные ценности нашли непосредственное отражение в речевом этикете обоих народов

2. ЭРЕ в лезгинском и украинском языках формировалось под влиянием многих факторов, среди которых определяющую роль сыграли мифологические и религиозные представления этносов, непосредственно связанные с национальными особенностями зарождения, становления и развития их духовной культуры. Речевой этикет украинцев и лезгин уходит своими корнями в глубокую древность. Многочисленные приветствия, клятвы, просьбы, пожелания добра и зла, обращения в обоих языках содержат отголоски язычества, в основе которого – анимизация и антропоморфизация окружающей действительности.

Суммарный набор языческих представлений, заложенный в этикетных формулах сопоставляемых языков, в целом представляет собой общую для лезгин и украинцев систему признаков: персонификация неба, солнца, луны, атмосферных явлений (ветра, грома, молнии), земли, огня, воды и т. д., что обусловлено универсальностью биологической природы человека, сходством климатических условий и «ландшафтов», а также структуры языкового и фидеистического пространства первобытного мира. Вместе с тем наряду с подобными параллелями наблюдаются и специфические этнокультурные особенности, связанные как со степенью почитаемости того или иного природного явления, так и с разным его ассоциативным восприятием.

3. Высокой степенью продуктивности в лезгинском и украинском языках характеризуются ЭРЕ с компонентом “Бог / Аллах”, которые широко используются как в рамках религиозного дискурса, так и в различных ситуациях повседневно-бытового общения, выполняя различные функции –

сакральную, эмотивную, этикетную. Общие черты наблюдаются в ЭРЕ, реализующих ритуально-сакральную функцию. В лезгинском и украинском языках данные высказывания имеют общую семантику, отражающую глубокую веру лезгин и украинцев в Бога. Однако о полной тождественности значений этих фраз речь не идет. Многие религиозные высказывания вследствие частого использования подверглись десемантизации, утратив сакральное содержание и расширили сферу своего функционирования на повседневно-бытовые ситуации. Помимо сакральной и эмотивной функций, высказывания с компонентом Бог / Аллах в лезгинском и украинском языках реализуют также этикетную функцию – установления доброжелательных отношений с адресатом, демонстрации заинтересованности в дальнейшем общении и т.д., которая чаще всего реализуется в ситуациях приветствия, прощания и пожелания добра.

4. Наиболее рельефно культурные различия проявляются в этикете семейного общения. Речевое общение лезгин в рамках семьи до настоящего времени сохраняет устойчивые черты патриархальности и андроцентричности (мужского доминирования), что проявляется в строго регламентированном и сдержанном характере общения между представителями разных полов, четком разграничении мужских и женских моделей поведения, эмоциональной сдержанности, соблюдении различных табу. В украинской культуре наблюдается более демократичный и менее регламентированный стиль коммуникации, характеризующийся открытой эмоциональностью, повышенным вниманием к собеседнику, минимальным количеством этикетных ограничений, не исключая, однако, гендерных асимметрий, обусловленных влиянием эпохи патриархального строя. При этом следует отметить, что степень андроцентричности украинского РЭ значительно ниже лезгинского. Четкая граница между женскими и мужскими вариантами обращений в украинском языке отсутствует, а гендерные различия имеют скорее количественный, нежели качественный характер (т.е. каких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот), что способствует установлению более демократичных отношений между полами. В лезгинском языке отсутствуют

диминутивные суффиксы, которые в украинском языке являются эффективным средством создания новых этикетных форм. Вследствие этого украинские ЭРЕ, используемые в рамках семейного общения и за его пределами, представляют собой более разветвленную систему этикетных высказываний, нежели лезгинские ЭРЕ.

5. Важное место в речевом поведении украинцев и лезгин занимает этикет гостеприимства. Несмотря на то, что обычай украинского и лезгинского гостеприимства формировался в разных социально-исторических и географических условиях, многие его элементы в исследуемых культурах схожи (мифологизация гостя, сложная структура ритуала, целеустановочная мотивация этикетных высказываний и др.). Однако его место и значение в коммуникативной культуре украинцев и лезгин различны. В условиях замкнутой патриархальной жизни и военизированного быта народов Дагестана обычай гостеприимства был эффективным механизмом, обеспечивающим мобильность местного населения. В результате он обрел настолько важное общественное значение, что был кодифицирован адатами (нормами обычного права) и морально-этическими предписаниями, в деталях регламентирующими взаимоотношения между гостем и хозяином. В современном общении лезгин данный обычай не утратил своего значения и до сих пор практически возведен в ранг культа. В украинской культуре гостеприимство не перешло в норму обычного права, а закрепилось исключительно в морально-этической сфере.

6. Проведенный анализ позволяет констатировать, что отражение гендерных отношений в ЭРЕ лезгинского и украинского языков имеет как универсальные, так и национально специфические черты, обусловленные социально-историческим и языковым опытом этносов. В обращениях обоих языков обнаружены гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности – доминированию мужского начала, что объясняется влиянием патриархальной культуры. При этом лезгинский язык более андроцентричен, нежели украинский, что проявляется в строго регламентированном и сдержанном характере общения между представителями разных полов; четком

разграничении мужских и женских моделей речевого поведения, функционировании «мужских» и «женских» вокативов. Однако факты отсутствия в лезгинском языке грамматической категории рода и наличия гендерно-нейтральных обращений несколько снижают степень его андроцентричности. В украинском языке для обозначения гендерной идентичности существуют специальные морфологические средства (флексии и суффиксы), однако они не закреплены за определенным родом. Многие украинские вокативы образуют гендерные пары, при этом обращения женского рода являются производными от мужских, а не наоборот, что является примером мужского доминирования в языке.

В украинской речи четкая граница между женскими и мужскими вариантами обращений отсутствует, а гендерные различия имеют скорее количественный, нежели качественный характер (т.е. каких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот), что способствует установлению более демократичных отношений между полами.

Таким образом, в украинских обращениях мужское и женское начала проявляются практически в равной степени, что обусловлено социально-историческими факторами. Современные мужчины и женщины в обеих культурах открыто конкурируют друг с другом, что проявляется не только в общественной деятельности, но и в языке. Однако ослабление гендерной поляризации не устраняет гендерных различий даже в такой чувствительной к социальным изменениям сфере как речевое общение.

7. Лезгинские и украинские соболезнования имеют ряд общих черт. Идентичные коммуникативные функции данных этикетных формул в прошлом и настоящем обусловили сходство их семантики и структурного оформления в сопоставляемых языках. В обеих лингвокультурах используются соболезнования двух типов: 1) адресуемые покойному; 2) адресуемые родственникам покойного. Сходные черты обнаружены в высказываниях первого типа – древних по происхождению сакральных текстах, которые сформировались, с одной стороны, под влиянием язычества, с другой – под

влиянием монотеизма – христианства (в украинской культуре) и ислама (в культуре лезгин). Данные ЭРЕ отражают общие для украинцев и лезгин мировоззренческие установки: понимание смерти как перехода в другое состояние, вера в существование загробного мира, бессмертие души, культ предков и др.

8. Соболезнования второго типа в РЭ лезгин и украинцев выполняют одинаковые коммуникативные функции – выражение сочувствия, сострадания, оказание психологической поддержки собеседнику. Вместе с тем в семантике и коммуникативной реализации данных ЭРЕ наблюдаются существенные этнокультурные различия. В украинском языке в общении с родственниками умершего доминируют перформативные высказывания, семантическим центром которых выступает перформативный глагол либо его глагольно-именные эквиваленты. Такие формулы имеют универсальный характер и уместны в любой коммуникативной ситуации. В лезгинском языке перформативные формы используются редко, преимущественно в официальной письменной речи.

В бытовом общении лезгин в качестве соболезнований чаще всего фигурируют пожелания с семантикой «здоровье», «добро», «радость», «благополучие» и др., которые выражают идею о том, что жизнь продолжается и, отдав дань уважения покойному, следует подумать о живых. Воплощению этой идеи способствует использование в составе лезгинских соболезнований специальных речевых средств – метафор, эвфемизмов, слов с положительно-оценочным значением, императивных конструкций, направленных на психологическую поддержку собеседника. Таким образом, лезгинские соболезнования имеют жизнеутверждающий характер, они обращены в будущее собеседника и демонстрируют рациональное восприятие лезгинами смерти как неизбежного события. Украинские соболезнования сосредоточены на факте утраты, эмоциях и переживаниях адресата и свидетельствует о том, что украинцы воспринимают смерть более болезненно и драматично. Основные

положения данной главы отражены в публикациях [54; 58; 59; 60; 62; 63; 68; 69].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные результаты исследования могут быть представлены в следующих выводах и обобщениях.

1. В РЭ лезгинского и украинского языков обнаружены общие черты: ориентация на общечеловеческие духовные ценности, установление доброжелательного контакта с собеседником, функционирование ЭРЕ в идентичных ситуациях общения, схожая семантика компонентов ЭРЕ, что обусловлено универсальностью человеческого мышления и способов освоения окружающей действительности средствами языка. Вместе с тем наблюдаются и существенные различия (как в количественных, так и в качественных характеристиках этикетных единиц), обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

2. Различается как общий количественный состав ЭРЕ сопоставляемых языков, так и продуктивность отдельных этикетных групп. В результате анализа в лезгинском и украинском языках обнаружены количественные расхождения (в украинском языке ЭРЕ больше, причем в значительной степени это касается обращений), что обусловлено наличием суффиксов субъективной оценки в украинском языке и их отсутствием в лезгинском языке; последовательным разграничением обращений к адресатам мужского и женского пола – в украинском языке; отсутствием грамматической категории рода и наличием гендерно-нейтральных ЭРЕ в лезгинском языке.

3. В сопоставляемых языках степень продуктивности ЭРЕ, обслуживающих различные ситуации общения, не одинакова. Данные факты обуславливаются в первую очередь экстралингвистическими факторами, в частности особенностями восприятия коммуникативной ситуации представителями различных культур и категоризации ее средствами языка. В лезгинском языке большинство ЭРЕ характеризуются более широким семантическим объемом: одна лезгинская этикетная единица, как правило содержит семы, которые в украинском языке распределяются между

несколькими этикетными единицами. Это свидетельствует о том, что лезгины воспринимают объективную реальность более абстрактно и синкретично, тогда как украинское сознание склонно к ее членению и детализации, что предполагает использование более широкого спектра этикетных высказываний. Кроме того, в лезгинском РЭ прослеживается устойчивая тенденция к полисемии и полифункциональности: одни и те же ЭРЕ могут выступать носителями различной семантики и использоваться в различных ситуациях общения. В украинской культуре отмеченные тенденции проявляются менее выразительно.

4. Семантика лезгинских и украинских ЭРЕ ориентирована на такие общечеловеческие ценности, как добро, счастье, здоровье и т.д., реализующиеся в качестве мотивов. В сопоставляемых языках обнаружены общие мотивы: *покровительство Бога, добро, рождение детей, здоровье, долголетие*, которые, вместе с тем, занимают разное место в ценностной иерархии лезгин и украинцев. На примере пожеланий добра установлено, что доминантами украинского РЭ выступают: *покровительство Бога, добро и здоровье*, лезгинского – *покровительство Аллаха, долголетие и рождение детей*. Данные результаты обусловлены экстралингвистическими факторами, в частности, типом культуры, спецификой общественного уклада, мировоззренческими установками носителей языка. Например, в лезгинской лингвокультуре полноценной может считаться только многодетная семья, при этом внимание акцентируется на рождении мальчиков, которые занимают в дагестанском обществе более приоритетные позиции, что нашло непосредственное отражение в пожеланиях добра. В украинской культуре на гендерном факторе внимание, как правило, не акцентируется.

5. РЭ является зеркальным отражением социальной организации общества. В этом контексте можно утверждать, что лезгинский РЭ проникнут духом патриархального строя, в основе которого – принципы главенства мужчины и подчиненного положения женщины, четкого разграничения мужских и женских ролей, беспрекословного подчинения старшим. Украинцы сохранили традиции

равноправия в общении представителей противоположных полов, особо уважительного отношения к женщине-матери. Данными обстоятельствами объясняется и тот факт, что у украинцев специализация общения определяется прежде всего степенью близости и социальным положением коммуникантов. В лезгинской культуре более значимыми факторами, влияющими на выбор ЭРЕ, являются пол и возраст коммуникантов, а в случае общения с женщиной – ее семейное положение. При этом особенно ярко проявляется тенденция манифестировать гендерные различия между коммуникантами.

6. В системе лезгинского и украинского РЭ наблюдаются гендерные асимметрии и тенденция к андроцентричности. При этом в лезгинском языке данные тенденции более выразительны, что проявляется в синтагматике общения – формировании специальных стандартов речевой коммуникации, в частности мужских и женских вариантов речевого поведения. Подобной дифференциации более подвержена система обращений, а также пожеланий добра и зла.

Гендерные асимметрии проявляются и на чисто языковом уровне. Это проявляется в тождественности семантики понятий «человек» и «мужчина», в отсутствии в некоторых случаях разграничений рода. Кроме того, в системе обращений сопоставляемых языков обнаружена разноуровневая гендерная маркированность. В украинском языке она может быть полной (гендерные маркеры присутствуют как в плане содержания, так и в плане выражения) либо частичной (гендерные маркеры присутствуют в плане выражения, но отсутствуют в плане содержания). В лезгинском языке гендерная маркированность имеет частичный (семантический) характер, грамматическая категория рода и ее формальные показатели отсутствуют. Этим обусловлено функционирование в лезгинском языке гендерно-нейтральных ЭРЕ, которые могут в равной степени адресоваться как мужчине, так и женщине.

7. Этнокультурными особенностями отличается РЭ семейного общения. В лезгинской лингвокультуре под влиянием патриархального строя сформировался особый тип поведения, главной чертой которого является

проявление внешнего безразличия, эмоциональной сдержанности, подчеркнутой вежливости, соблюдение разнообразных вербальных и невербальных табу. В основе такого поведения – обычай избегания в общении родителей и детей, мужа, жены и их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа. В украинской культуре сложился иной стиль общения, в основе которого – отсутствие жестких правил, регулирующих взаимоотношения между разными категориями родственников, демократичность, эмоциональность, открытое проявление любви и нежности, минимум этикетных ограничений.

8. В семантике лезгинских и украинских ЭРЕ нашли отражение мировоззренческие установки лезгин и украинцев, их религиозные и мифологические представления. Многие ЭРЕ в сопоставляемых языках, несмотря на частичную десемантизацию, сохраняют сакральные семы, отражающие особенности языческого мировосприятия. В состав таких ЭРЕ, как правило, входят различные компоненты, содержащие имена языческих богов, демонов и других мифических персонажей. Большой степенью продуктивности в обоих языках характеризуются ЭРЕ, апеллирующие к Богу/Аллаху.

9. На формирование лезгинского и украинского РЭ существенное влияние оказали природно-географические факторы. На примере обращений-экспрессивов, основанных на метафоризации явлений окружающей природы, установлено, что объектами метафор в сопоставляемых языках, как правило становятся либо разные объекты, либо различные признаки одного и того же объекта, актуальные для той или иной культуры.

10. Данное исследование не исчерпывает рассматриваемой проблематики. За пределами сопоставительного анализа РЭ в лезгинской и украинской лингвокультурах остаются ЭРЕ тематических групп: «Просьба», «Извинение», «Благодарность», «Совет» и т. д. Представляет интерес сопоставительное исследование РЭ на материале других родственных и неродственных языков.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения и обозначения терминов

ЭРЕ	– этикетные речевые единицы
РЭ	– речевой этикет

Другие сокращения

ахтын.	– ахтынское наречие
букв.	– буквальный перевод
в.	– век
г.	– год
др.	– другое
диал.	– диалектное
и т.д.	– и так далее
кюрин.	– кюринское наречие
ласк.	– ласкательное
лезг.	– лезгинский язык
напр.	– например
перен.	– переносное
под.	– подобное
разг.	– разговорный
русск.	– русский язык
см.	– смотрите
ст.	– столетие
ср.	– сравните
табл.	– таблица
укр.	– украинский язык
устар.	– устаревшее

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурагимов, Г. А. Кавказская Албания – Лезгистан: история и современность [Текст] / Г. А. Абдурагимов. – Спб., 1995. – 608 с.
2. Агапкина, Т. А. Благопожелание: ритуал и текст [Текст] / Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М.: Наука, 1994. – С. 168–209.
3. Азнабаева, Л. А. Принцип вежливости в английском диалоге [Текст] / Л. А. Азнабаева. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 198 с.
4. Акишина, А. А. Русский речевой этикет [Текст] / А. А. Акишина, Н. И. Формановская. – М.: Рус. яз., 1983. – 181 с.
5. Акишина, А. А. К кому и как обращаться: О русском речевом этикете [Текст] / А. А. Акишина // Рус. яз. и лит. в средн. учебн. заведениях УССР. – 1991. – №10. – С. 73–74.
6. Алиева, Б. М. Средства выражения этикета в русской речи в условиях межнационального общения жителей Кавказа [Текст] / Б. М. Алиева // Национальная культура и общение. Материалы конференции. – М.: Ин-т языкознания Академии наук СССР; Кабардино-Балкарский государственный университет, 1977. – С. 19–21.
7. Алиева, Б. М. Анализ выражений со значением недоброго пожелания в лакском языке: гендерный аспект [Текст] / Б. М. Алиева // Вестник Дагестанского научного центра. – 2003. – № 51. – С. 150–154.
8. Алпатов, В. М. Категории вежливости в современном японском языке [Текст] / В. М. Алпатов. – М.: Наука, 1973. – 109 с.
9. Алхасова, Д. Н. Структурно-семантическая характеристика эмоциональных концептов в лезгинском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Д. Н. Алхасова; Дагестанский государственный педагогический университет. – Махачкала, 2010. – 150 с.
10. аль-Бухари, М. Мухтасар «Сахих» (сборник хадисов) [Текст] / М. аль-Бухари; пер. с араб. В. А. Нирша. – Москва: Умма, 2003. – 867 с.
11. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН,

1995. – Т. 1. Лексическая семантика. – 472 с.

12. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре [Текст] / Ю. Д. Апресян // Изв. АН СССР. – 1986. – Сер. лит. и яз. – Т. 45. – № 3. – С. 208–233.

13. Аракин, В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования [Текст] / В. Д. Аракин. – М.: Высшая школа, 1989. – 158 с.

14. Армстронг, К. История бога. Тысячелетние искания в иудаизме, христианстве и исламе [Текст] / К. Армстронг. – К. – М.: София, 2004. – 496 с.

15. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

16. Арутюнова, Н. Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А. А. Кибрик // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 40–52.

17. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

18. Аршавская, Е. А. Речевой этикет современных американцев США (на материале приветствий) [Текст] / Е. А. Аршавская // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 268–277.

19. Асланханова, Г. Гендер: проклятия женщин-лезгинок [Текст] / Г. Асланханова, М. Магамедова // Языкознание в Дагестане. – Махачкала, 2004. – № 7. – С. 154–160.

20. Афанасьев, А. Н. Живая вода и вещее слово [Текст] / А. Н. Афанасьев. – М.: Советская Россия, 1988. – 512 с.

21. Бадалов, Ф. А. Домонотеистические верования лезгин (космогонические и антропогонические представления, пантеон божеств): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07 [Текст] / Ф. А. Бадалов; Ин-т Африки, Центр цивилизационных и региональных исследований. – М., 2006. – 16 с.

22. Байбурин, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения [Текст] / А. К. Байбурин // Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. – С. 7–21.

23. Байбурин, А. К. Об этнографическом изучении этикета [Текст] / А. К. Байбурин // Этикет у народов Передней Азии. – М.: Наука, 1988. – 263 с.

24. Байбурин, А. К. У истоков этикета: Этнографические очерки [Текст] / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Л.: Наука, 1990. – 168 с.
25. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 253 с.
26. Балакай, А. Г. Доброе слово: словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения. XIX-XX вв.: в 2-х т. [Текст] / А. Г. Балакай. – Кемерово, 1999. – Т.1. – 312 с.
27. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета [Текст] / А. Г. Балакай. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
28. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания [Текст] / А. Г. Балакай. – Новокузнецк: НГПИ, 2002. – 228 с.
29. Балакай, А. Г. Будь/те здоров/ы во времени и пространстве [Текст] / А. Г. Балакай // Сб.: К 60-летию профессора А. В. Жукова. – В. Новгород: Изд-во НГУ, 2007. – С. 20–28.
30. Баландіна, Н. Ф. Функціонально-прагматичний і лінгвоментальний аналіз чеських прагматичних кліше: автореф. дис. ... докт-ра філол. наук: 10.02.03 [Текст] / Н. Ф. Баландіна; Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. – К., 2003. – 38 с.
31. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
32. Басыров, Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках [Текст] / Ш. Р. Басыров. – Донецк: ДонНУ, 2004. – 351 с.
33. Бгажноков, Б. Х. Адыгский этикет [Текст] / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 158 с.
34. Бгажноков, Б. Х. Коммуникативное поведение и культура [Текст] / Б. Х. Бгажноков // Советская этнография. – 1978. – №5. – С. 3–17.
35. Бгажноков, Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов [Текст] / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, 1983. – 229 с.
36. Бессонова, О. Л. Гендерный аспект оцінного тезауруса: експериментальне дослідження [Текст] / О. Л. Бессонова. – Житомир: Вісник

Житомирського державного університету імені Івана Франка, 2008. – С. 76–78.

37. Библия. Современный русский перевод [Текст] / пер. с древнеевр., араб. и древнегреч. – М.: Российское Библейское общество, 2015. – 1408 с.

38. Білоус, М. П. Мовленневий етикет українського народу [Текст] / М. П. Білоус // Мова і духовність нації: тези доп. регіон. наук. конф. – Львів: НМКВО, 1991. – С. 74–81.

39. Богдан, С. К. Мовний етикет українців: Традиції і сучасність [Текст] / С. К. Богдан. – К.: Рідна мова, 1998. – 475 с.

40. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О смешанном характере всех языков [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1. – С. 362–372.

41. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 418 с.

42. Будагов, Р. А. Сходства и несходства между родственными языками [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

43. Булатова, А. Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX века [Текст] / А. Г. Булатова. – Л.: Наука, 1988. – 199 с.

44. Бурячок, А. Назви спорідненості і свояцтва в українській мові [Текст] / А. Бурячок. – К.: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. – 200 с.

45. Вайнтрауб, Р. М. Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках [Текст] / Р. М. Вайнтрауб // Вопросы фразеологии. – 1998. – № 3. – С. 157–162.

46. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с. (История лингвофилософской мысли).

47. Вежбицкая, А. Речевые акты [Текст] / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 251–276.

48. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

49. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] /

А. Вежицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелев, под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 2001б. – 228 с.

50. Ветрова, Е. С. Засоби вираження привітання в різних лінгвокультурних традиціях (на матеріалі української та лезгинської мов) [Текст] / Е. С. Ветрова // Українська мова: Науково-теоретичний журнал. – К.: Ін-т української мови НАН України. – 2012. – № 3. – С.111–122.

51. Ветрова, Е. С. Традиційні побажання в мовленнєвому етикеті українців і лезгинів: лінгвокультурологічний аспект [Текст] / Е. С. Ветрова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2012. – Т. 25 (64). – № 3 (2). – С. 129–139.

52. Ветрова, Е. С. Звертання-терміни спорідненості в мовленнєвому етикеті українців і лезгинів: зіставний аспект [Текст] / Е. С. Ветрова // TRENDS and tendencies in modern philology / edited by Boris Kožuh, Vida Medved Udovič. – Koper: Faculty of Education, 2013. – P. 75–94.

53. Ветрова, Е. С. Функціонально-прагматичні особливості побажань у мовленнєвому етикеті українців і лезгинів: зіставний аспект [Текст] / Е. С. Ветрова // Східнослов'янська філологія: зб. наук. пр. – Горлівка: Видавництво ГДПШМ, 2013. – Вип. 24. Мовознавство. – С. 26–41.

54. Ветрова, Е. С. Мовленнєвий етикет у дзеркалі монотеїстичних вірувань українців і лезгинів [Текст] / Е. С. Ветрова // Одеський лінгвістичний вісник: науково-практичний журнал. – 2015. – Вип. 6: в 2-х ч. – Т. 2. – С. 3–8.

55. Ветрова, Е. С. Побажання здоров'я у мовленнєвому етикеті українців і лезгинів [Текст] / Е. С. Ветрова // Актуальні питання філологічних наук: наукові дискусії: Міжнародна наук.-практ. конф., 25–26 вересня 2015 р.: матеріали. – Одеса: Південноукраїнська організація «Центр філологічних досліджень», 2015. – С. 78–83.

56. Ветрова, Э. С. Пожелания смерти в речевом общении украинцев и лезгин [Текст] / Э. С. Ветрова // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: XL-XLI Международная заочная науч.-практ. конф., октябрь: сб. ст. по материалам. – М.: Интернаука, 2015. – № 9–10 (37). – С. 171–180.

57. Ветрова, Э. С. Речевые средства привлечения внимания без называния адресата (на материале украинского и лезгинского языков) [Текст] / Э. С. Ветрова // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2015. – Вып. 10 (163). – С. 55–61.

58. Ветрова, Е. С. Стереотипи мовленнєвої поведінки українців і лезгинів крізь призму язичництва [Текст] / Е. С. Ветрова // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія. – Одеса, 2015. – № 15: в 2-х т. – Т. 1. – С. 128–131.

59. Ветрова, Э. С. Эмотивная семантика междометных высказываний с компонентом Бог / Аллах в речи украинцев и лезгин [Текст] / Э. С. Ветрова // Научный диалог. – Екатеринбург, 2015. – № 12 (48). – С. 38–48.

60. Ветрова, Э. С. Об особенностях речевого этикета семейного общения (на материале украинского и лезгинского языков) [Текст] / Э. С. Ветрова // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 2 (28). – С. 156–163.

61. Ветрова, Э. С. Этнокультурные особенности обращений к возлюбленной (на материале украинского и лезгинского языков) [Текст] / Э. С. Ветрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 12 (66): в 4-х ч. – Ч. 2. – С. 74–79.

62. Ветрова, Э. С. Особенности репрезентации гендерных отношений в украинских и лезгинских обращениях [Текст] / Э. С. Ветрова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2016. – № 4 (73). – С. 52–58.

63. Ветрова, Э. С. Особенности речевого поведения украинцев и лезгин в ситуации «гостеприимство» [Текст] / Э. С. Ветрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 3 (57): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 90–95.

64. Ветрова, Э. С. Пожелания зла в коммуникативной культуре украинцев и лезгин [Текст] / Э. С. Ветрова // Екатеринбург, 2016. – № 1 (49). – С. 16–31.

65. Ветрова, Э. С. Средства выражения соболезнования в речевом этикете украинцев и лезгин [Текст] / Э. С. Ветрова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 162–166.

66. Ветрова, Э. С. Этнокультурная специфика прощаний (на материале

украинского и лезгинского языков) [Текст] / Э. С. Ветрова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2016. – №5. – С. 50–56.

67. Ветрова, Э. С. Речевые модели пожелания добра в лезгинской и украинской лингвокультурах [Текст] / Э. С. Ветрова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: науч. журнал. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Т. 13. – Вып. 3 (37). – С. 100–110.

68. Ветрова Э. С. Сопоставительный анализ единиц речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах [Текст] / Э. С. Ветрова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: науч. журнал. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Т. 13. – Вып. 4 (38). – С. 32–50.

69. Ветрова, Э. С. Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте: монография [Текст] / Э. С. Ветрова. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 398 с. – (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; т. 15).

70. Верещагин, Е. М. Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

71. Вдовина, Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е. В. Вдовина; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 2007. – 24 с.

72. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – Часть I. – 612 с.; Часть II. – 206 с.

73. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

74. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

75. Габуниа, З. М. Некоторые особенности русского речевого этикета в полиэтнических республиках Северного Кавказа РФ [Текст] / З. М. Габуниа // *Cuadernos de Rusistica Espanola*. – Granada, 2004. – P. 61–66.

76. Габуниа, З. М. Межкультурная коммуникация как мирозозидающий факт языка [Текст] / З. М. Габуниа, Э. Ю. Улимбашева. – Нальчик: Изд-во

Кабардино-Балкарского гос. ун-та, 2005. – 231 с.

77. Гаджиев, Г. А. Мифические персонажи и их названия у лезгин [Текст] / Г. А. Гаджиев // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы, 1984. – С. 82–93.

78. Гаджиев, Г. А. Доисламские верования и обряды народов Горного Дагестана [Текст] / Г. А. Гаджиев. – М.: Наука, 1991. – 182 с.

79. Гаджиева, К. Э. Лингвистический аспект речевого этикета носителей русского и азербайджанского языков: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 [Текст] / К. Э. Гаджиева; Азерб. пед. ин-т рус. яз. и лит. им. М. Ф. Ахундова. – Баку, 1988. – 21 с.

80. Гаджиева, С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. [Текст] / С. Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1985. – 359 с.

81. Газизов, Р. А. Коммуникативное поведение немецкой и русской лингвокультурных общностей (на материале речевого этикета): автореф. ... дисс. канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Р. А. Газизов; Башкирский гос. ун-т, 2001. – 24 с.

82. Гак, В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1972. – № 5. – С. 23–33.

83. Гак, В. Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология [Текст] / В. Г. Гак // Русский язык за рубежом. – 1974. – № 3. – С. 52–58.

84. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология на материале французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

85. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

86. Ганиева, А. М. Очерки устно-поэтического творчества лезгин [Текст] / А. М. Ганиева. – М.: Наука, 2004. – 239 с.

87. Ганиева, Ф. А. Отраслевая лексика лезгинского языка [Текст] / Ф. А. Ганиева. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2004. – 378 с.

88. Гарданов, В. К. Общественный быт адыгских народов [Текст] / В. К. Гарданов. – М.: Наука, 1967. – 331 с.

89. Гвазава, В. И. Русский речевой этикет: Социально-лингвистический аспект [Текст] / В. И. Гвазава // Потенциал русского языка: аспекты и методы исследования. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. – С. 212–237.

90. Гвазава, В. И. Русский речевой этикет: Социокультурный аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / В. И. Гвазава; КГУ. – Краснодар, 2000. – 23 с.

91. Гладкий, В. Д. Древний мир. Энциклопедический словарь: в 2-х томах [Текст] / В. Д. Гладкий. – М.: Центрполиграф, 1998. – Т.1 – 510 с.; Т.2 – 478 с.

92. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов [Текст] / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект: сб. науч. тр.; под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелёва. – М.: Наука, 1993. – С. 158–218.

93. Головацький, Я. Слова вітання, благословенства, чемності і обичайності у русинів [Текст] / Я. Головацький // Вінок русинам на обжинки. – Відень, 1847. – Ч.2. – С.255–261.

94. Головина, Н. Б. Фразеологізми зі значенням побажання в німецькій та українській мовах (лінгвокультурологічний аспект): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н. Б. Головіна. – К., 2007. – 23 с.

95. Голубкова, Е. В. Номинативное варьирование как средство речевого этикета (на материале современного английского языка): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Е. В. Голубкова. – М., 1982. – 21 с.

96. Гольдин, В. Е. Речь и этикет [Текст] / В. Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.

97. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы [Текст] / В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 130 с.

98. Горбачевская, С. И. Прагматика вежливости в немецком и русском языках [Текст] / С. И. Горбачевская // Россия и Запад: диалог культур: Доклады 7-й конференции. Том 1. – М.: «НОПАЯЗ», 2000. – Вып. 8. – С. 318–324.

99. Городецкий, Б. Ю. К проблеме семантической типологии [Текст] / Б. Ю. Городецкий. – М.: МГУ, 1969. – 563 с.

100. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.:

Прогресс. – С. 217–237.

101. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне): Монография [Текст] / Н. С. Гребенщикова. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 306 с.

102. Гудавичюс, А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков [Текст] / А. Гудавичюс. – Вильнюс: Мокслас, 1985. – 176 с.

103. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2001. – 400 с.

104. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции [Текст] / А. В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

105. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры [Текст] / В. В. Дементьев. – Саратов: Гнозис, 2000. – 248 с.

106. Демченко, Е. В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.20 [Текст] / Е. В. Демченко. – Ростов-на-Дону, 2007. – 168 с.

107. Дзибель, Г. В. Термины родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому [Текст] / Г. В. Дзибель // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. – СПб.: Наука, 1998. – Вып. 2. – С.89–135.

108. Добрушина, Н. Р. Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках [Текст] / Н. Р. Добрушина // Вопросы языкознания. – 2005. – № 5. – С. 48–75.

109. Джеймс, К. Контрастивный анализ [Текст] / К. Джеймс // Новое в зарубежной лингвистике: Контрастивная лингвистика. – 1989. – № 25. – С. 205–306.

110. Егорова, М. А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской американской и русской традиции [Текст] / М. А. Егорова. – Воронеж, 1995.

111. Жлуктенко, Ю. О. Контрастивна лінгвістика: Проблеми і перспективи [Текст] / Ю. О. Жлуктенко, В. Н. Бублик // Мовознавство. – 1976. – № 4. – С. 3–15.

112. Жельвис, В. Й. Инвективная стратегия как национально

специфическая характеристика [Текст] / В. Й. Жельвис // Этнопсихолингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

113. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст] / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.

114. Земская, Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий [Текст] / Е. А. Земская // Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 131–136.

115. Земская, Е. А. Категория вежливости: общие вопросы и национально-культурная специфика русского языка [Текст] / Е. А. Земская // Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянских культур, 2004. – С. 579–601.

116. Зубарева, А. А. Социолект как инструмент организации тематических групп этикетных формул приветствия, прощания, извинения при обучении русскому языку как иностранному [Текст] / А. А. Зубарева // Филологические заметки: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3: в 2-х ч. – Пермь, 2005. – Ч. 2. – С. 228–236.

117. Ильин, Е. П. Пол и гендер [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2010. – 688 с.

118. Ихиллов, М. М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов [Текст] / М. М. Ихиллов. – Махачкала: Дагестанский филиал академии наук СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1967. – 262 с.

119. Ицкович, В. А. Очерки синтаксической нормы [Текст] / В. А. Ицкович / отв. ред. Ф. П. Филин. – М.: К Д Либроком, 2010. – 199 с.

120. Іларіон, митрополит (І. І. Огієнко). Дохристиянські вірування українського народу: Іст.-реліг. моногр. [Текст] / І. І. Огієнко. – К.: АТ «Обереги», 1994. – 424 с.

121. Кагаров, Е. Г. Греческие таблички с проклятиями [Текст] / Е. Г. Кагаров. – Харьков: Типо-литография Г. П. Радовильского, 1918. – 81 с.

122. Калиущенко, В. Д. Номинация одного понятия в разноструктурных языках [Текст] / В. Д. Калиущенко // От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды / под ред. Л. Н. Ягуповой. – Донецк: ДонНУ, 2016. – С. 255–263 (Типологические, сопоставительные,

диахронические исследования; Т. 12).

123. Калиущенко, В. Д. Семантика производных от наименований понятия «отец» в немецком, русском и украинском языках [Текст] / В. Д. Калиущенко // От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды / под ред. Л. Н. Ягуповой. – Донецк: ДонНУ, 2016. – С.264–267 (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т.12).

124. Калоев, Б. А. Осетины: историко-этнографическое исследование [Текст] / Б. А. Калоев. – М.: Наука, 2004. – 247 с.

125. Карабань, Н. А. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. А. Карабань. – Волгоград, 2006. – 233 с.

126. Карасик, В. И. Признак этикета в значении слова [Текст] / В. И. Карасик // Научн. докл. высш. шк.: Филологические науки. – 1991. – № 1. – С. 54–64.

127. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

128. Карасик, В. И. Антология концептов-2. – Т.2. Встреча, приветствие, прощание, расставание [Текст] / В. И. Карасик, И. А. Стернин. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 36–58.

129. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

130. Кёрквуд, Г. У. Перевод как основа контрастивного лингвистического анализа [Текст] / Г. У. Кёрквуд // Новое в зарубежной лингвистике: Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – № 25. – С. 341–349.

131. Климов, Г. А. Принципы контенсивной типологии [Текст] / Г. А. Климов. – М.: Наука, 1983. – 224 с.

132. Кодухов, В. И. Сопоставительный метод при изучении и преподавании славянских языков [Текст] / В. И. Кодухов // Славянская филология. – 1975. – № 3. – С. 36–44.

133. Ковалевский, М. М. Закон и обычай на Кавказе: В 2-х т. [Текст] / М. М. Ковалевский. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко. – Т. 1. – 1890. – 303 с.; Т. 2. – 1890. – 319 с.

134. Колтунова, М. В. Господа – граждане – товарищи – господа: (О традиции русского речевого этикета) [Текст] / М. В. Колтунова // Русская речь. – 1998. – № 2. – С. 54–55.

135. Коморова, Д. Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Д. Ф. Коморова; Томский государственный педагогический университет. – Томск, 2005. – 19 с.

136. Кононенко, В. І. Регіональний аспект загальнонародного [Текст] / В. І. Кононенко // Урок української. – 2002. – № 9. – С. 27–29.

137. Конюшкевич, М. Белорусский речевой этикет в сопоставлении с русским: ситуация приветствия [Текст] / М. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики: Дополнительные материалы Шестых Карских чтений 25–26 января 1996 г. – Гродно, 1996. – С. 6–14.

138. Копыленко, М. М. Об этикете обращения [Текст] / М. М. Копыленко // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. – М.: Москов. гос. ун-т, 1972. – С. 91–97.

139. Коран / Смысловой перевод и комментарии Э. Р. Кулиева [Текст]. – Москва: Умма, 2003. – 680 с.

140. Корновенко, Л. В. Звертання у прагмалінгвістичному аспекті (на матеріалі сучасної російської мови): автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.02 [Текст] / Л. В. Корновенко; Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова. – К., 2001. – 21 с.

141. Косвен, М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы [Текст] / М. О. Косвен. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – 280 с.

142. Костомаров, В. Г. Русский речевой этикет: Обращения, формулы приветствия, прощания, благодарности [Текст] / В. Г. Костомаров // Рус. яз. за рубежом. – 1967. – № 1. – С. 56–62.

143. Кочерган, М. П. Сопоставительное языкознание и проблемы языковых картин мира [Текст] / М. П. Кочерган // Языкознание. – 2004. – № 5–6. – С. 12–21.

144. Кремшокалова, М. Ч. Когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи: автореф. дис. ...

- докт. филол. наук: 10.02.02 [Текст] / М. Ч. Кремшокалова. – Нальчик, 2015. – 40 с.
145. Кронгауз, М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства [Текст] / М. А. Кронгауз // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 124–134.
146. Кронгауз, М. А. Обращение по имени в русском и японском языках [Текст] / М. А. Кронгауз, К. Такахаси // Труды по культурной антропологии: Памяти Г. А. Ткаченко. – М.: Восточ. лит.: Муравей, 2002. – С. 252–274.
147. Крылова, О. А. Приветствие и этикет [Текст] / О. А. Крылова // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 16–22.
148. Крысин, Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих [Текст] / Л. П. Крысин // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 42–45.
149. Крысин, Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц [Текст] / Л. П. Крысин // Рус. яз. в shk. – 1983. – № 3. – С. 78–86.
150. Крысин, Л. П. О речевом этикете – научно и популярно [Текст] / Л. П. Крысин // Рус. яз. в shk. – 1984. – № 3. – С. 105–110.
151. Крысько, В. Г. Этническая психология [Текст] / В. Г. Крысько. – М.: Академия, 2008. – 320 с.
152. Крушевский, Н. Заговоры как вид русской народной поэзии [Текст] / Н. Крушевский // Варшавские университетские известия. – 1876. – № 3. – С. 3–69.
153. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи [Текст] / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный / отв. ред. Е. С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – 238 с.
154. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под общ. рук. Л. Ю. Иванова и др. [Текст] – М.: Наука, 2003. – 837 с.
155. Ларина, Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (На материале английской и русской коммуникативных культур): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Т. В. Ларина; РУДН. – Москва, 2003. – 495 с.
156. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации [Текст] / Т. В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 516 с.

157. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз; под ред. В. А. Звегинцев. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
158. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение [Текст] / Дж. Лайонз; пер. с англ. В. В. Морозова, И. Б. Шатуновский; общ. ред. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
159. Лежнева, И. И. Социолингвистическое развитие английского и русского речевого этикета: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И. И. Лежнева [Текст]. – Воронеж, 2001. – 163 с.
160. Леонтьев, А. П. Обращение как компонент высказывания [Текст] / А. П. Леонтьев // Вопросы грамматики русского языка. Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня: сб. науч. трудов. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1981. – С. 81–94.
161. Летова, М. Н. Коммуникативно-прагматический анализ перевода междометий [Текст] / М. Н. Летова, М. Н. Литвинова // Национальный менталитет и языковая личность. – Пермь, 2002. – С. 133–139.
162. Литовченко, В. Н. Структуры речевого этикета в современном украинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 [Текст] / В. Н. Литовченко; Киев. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – К., 1989. – 21 с.
163. Ломоносов, М. В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений: В 11 т. [Текст] / М. В. Ломоносов. – Т. 7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 89–378.
164. Лугуев, С. А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX века): дис. ... докт. истор. наук: 07.00.07 [Текст] / С. А. Лугуев; Дагестанский научный центр, Ин-т истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2001. – 392 с.
165. Лунева, В. В. Речевой этикет как гиперсемиотическое образование: лингвопрагматический аспект: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / В. В. Лунева; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2011. – 171 с.
166. Луцева, О. А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох, конец XIX – первая четверть XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / О. А. Луцева; Таганрогский государственный педагогический институт. – Таганрог, 1999. – 151 с.

167. Магамдаров, Р. Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.09 [Текст] / Р. Ш. Магамдаров; Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 1999. – 152 с.

168. Магамедова, М. М. Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / М. М. Магамедова; Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2006. – 26 с.

169. Магомедсалихов, Х. Г. Благопожелания и проклятия аварцев: тексты, переводы, комментарии [Текст] / Х. Г. Магомедсалихов. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. – 101 с.

170. Магометов, А. Х. Культура и быт осетинского народа [Текст] / А. Х. Магометов. – Владикавказ: Изд-во: «Ир», 2011. – 434 с.

171. Мамхегова, Р. А. Очерки об адыгском этикете [Текст] / Р. А. Мамхегова. – Нальчик, 1993. – 140 с.

172. Манакин, В. Н. Сопоставительная лексикология [Текст] / В. Н. Манакин. – Киев: Знання, 2004. – 326 с.

173. Мацумото, Д. Психология и культура [Текст] / Д. Мацумото. – СПб.: Питер. – 2003. – 720 с.

174. Мацько, О. М. Формули ввічливості в дипломатичному листуванні [Текст] / О. М. Мацько // Дивослово. – 2000. – № 2. – С.14–17.

175. Мекеко, Н. М. Сопоставительный анализ функционирования единиц речевого этикета тематической группы «Пожелание» в английском и русском языках: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Н. М. Мекеко; РУДН. – М., 2001. – 207 с.

176. Мельничук, О. М. Український мовленнєвий етикет: синтаксично-стилістичний аспект : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 [Текст] / О. М. Мельничук; Чернів. нац. ун-т ім. Ю.Федьковича. – Чернівці, 2005. – 22 с.

177. Мечковская, Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

178. Милорадович, В. П. Життє-бытє лубенського крестьянина [Текст] / В. П. Милорадович // Українці: народні, вірування, повір'я, демонологія. – К.:

Либідь, 1991. – 640 с.

179. Миронюк, О. М. Історія граматичних засобів вираження ввічливості в українській мові [Текст] / О. М. Миронюк // Мовознавство. – 1993. – № 2. – С. 55–63.

180. Миронюк, О. М. Історія українського мовного етикету (засоби вираження ввічливості): автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.02 [Текст] / Миронюк Ольга Миколаївна; АН України, Ін-т укр. мови. – К., 1993. – 207 с.

181. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии [Текст] / В. М. Мокиенко. – 4-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 464 с.

182. Нагиев, Ф. Р. Термины для родовых и общественных контактов в лезгинском языке [Текст] / Ф. Нагиев, Р. Нагиев // Кавказ и Дагестан. История. Культура. Традиции. – Том II. – Махачкала, 2003. – С. 15–17.

183. Нагиев, Ф. Теонимы в лезгинской лексике [Текст] / Ф. Нагиев, Р. Нагиев // «Народы Дагестана». – № 2. – 2008. – С. 57–60.

184. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР [Текст] / ред. кол. Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева. – М.: Наука, 1982. – 152 с.

185. Национально-культурная специфика речевого поведения [Текст] / под ред. А. А. Леонтьева и др. – М.: Наука, 1977. – 351 с.

186. Неверов, С. В. Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев [Текст] / С. В. Неверов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 320–338.

187. Немзер, У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики [Текст] / У. Немзер // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – С. 128–143.

188. Никель, Г. Контрастивная лингвистика и обучение иностранным языкам [Текст] / Г. Никель // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – С. 350–365.

189. Николаева, Т. М. О принципе «некооперации» и / или о категориях социолингвистического воздействия [Текст] / Т. М. Николаева // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста; под ред.

Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1990. – С.225–235.

190. Новак, Э. Русский речевой этикет с точки зрения коммуникативного поведения поляков: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Э. Новак; Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 1984. – 175 с.

191. Ортега-и-Гассет, Х. Человек и люди [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник; пер. с исп. – М.: Радуга, 1991. – (Антология литературно-эстетической мысли). – 639 с.

192. Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов? [Текст] / Дж. Остин // Избранное; пер. с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.

193. Остин, Дж. Слово как действие [Текст] / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 23–130.

194. Павловская, Л. О. Вербальные формы пожеланий в разноструктурных языках: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.17 [Текст] / Л. О. Павловская; Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова– К., 2009. – 21 с.

195. Папп, Ф. Этикет и язык [Текст] / Ф. Папп // Русский язык в национальной школе. – 1964. – № 1. – С. 74–77.

196. Петрушина, Т. О. О ментальности украинского этноса [Текст] / Т. О. Петрушина // Соціальні виміри суспільства: Збірник наукових праць. – К.: Інститут соціології НАН України, 2011. – Вип. 3 (14). – С. 399–429.

197. Пирайнен, И. Т. Вежливость как категория языка [Текст] / И. Т. Пирайнен // Вопросы языкознания. – 1996. – № 6. – С. 100–105.

198. Писарек, Л. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы) [Текст] / Л. Писарек. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 173 с.

199. Плешакова, В. В. О происхождении древнерусских благопожеланий [Текст] / В. В. Плешакова // Исследование по русскому языку: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л. А. Кононенко. – Рязань, 2000а. – С. 153–158.

200. Плешакова, В. В. Традиционные формы русской речи как

национальное достояние [Текст] / В. В. Плешакова // Русский язык: прошлое и настоящее: Международная научно-практическая конференция, 22-25 мая 2000 г.: тезисы докладов. – Рязань, 2000б. – С. 153–158.

201. Плунгян, В. А. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) / В. А. Плунгян // Логический анализ языка: культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 155–161.

202. Плющ, Н. П. Формули ввічливості в системі українського мовного етикету [Текст] / Н. П. Плющ // Українська мова і сучасність. – К.: НМКВО, 1991. – С. 90–98.

203. Пляскова, Е. А. История обращения в русском языке: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е. А. Пляскова; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2002. – 134 с.

204. Поліщук, І. О. Ментальність українства: політичний аспект [Текст] / І. О. Поліщук // Людина і політика. – К., 2001. – № 1. – С. 86–92.

205. Полонский, А. В. Категориальная и функциональная сущность адресатности (на материале русского языка в сопоставлении с польским): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / А. В. Полонский; Орловский гос. ун-т. Орёл, 2000. – 40 с.

206. Пономарев, А. П. Традиційно-побутова культура: Побутовий етикет [Текст] / А. П. Пономарев // Історія української культури: У п'яти тт. / передм. В. А. Смолія. – К.: Наук. думка, 2003. – Т. 3. – С. 1161–1181.

207. Потєбня, А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык [Текст] / А. А. Потєбня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

208. Почепцов, О. Г. Основы прагматического описания предложения [Текст] / О. Г. Почепов. – К.: Вища школа, 1986. – 116 с.

209. Поучение Владимира Мономаха [Текст] // Изборник: Повести Древней Руси; сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Понырко. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 59–70.

210. Радевич-Винницький, Я. К. Етикет і культура спілкування [Текст] / Я. К. Радевич-Винницький. – 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Знання, 2006. – 291 с.

211. Рамазанов, Х. Х. Очерки истории Южного Дагестана [Текст] / Х. Х. Рамазанов, А. Г. Шихсаидов. – Махачкала: Дагестанский филиал

Академии наук СССР, 1964. – 274 с.

212. Рамазанова, З. М. Гендерные стереотипы в лакской, русской и английской языковых картинах мира [Текст] / З. М. Рамазанова // Вестник дагестанских языков и литератур. – Махачкала, 2008. – С. 87–102.

213. Рамазанова, З. М. Концепт «Мужчина» во фразеологических системах лакского, русского и английского языков [Текст] / З. М. Рамазанова // Актуальные проблемы дагестанских языков. – Махачкала: ДГПУ, 2009. – С. 94–102.

214. Рамазанова, З. М. Концепт «Женщина» во фразеологических системах лакского, русского и английского языков [Текст] / З. М. Рамазанова // Наука в современном мире. – Москва, 2011. – С. 241–244.

215. Ранних, Н. А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Н. А. Ранних; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М., 1994. – 20 с.

216. Ратмайр, Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры [Текст] / Р. Ратмайр / пер. с нем. Е. Араловой. – М.: Языки слав. культур, 2003. – 272 с.

217. Реформатский, А. А. О сопоставительном методе [Текст] / А. А. Реформатский // Русский язык в национальной школе. – 1962. – № 5. – С. 23–33.

218. Рисинзон, С. А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: Монография [Текст] / С. А. Рисинзон. – Саратов: Издательский Центр «Наука», 2010. – 419 с.

219. Рыжова, Л. П. Коммуникативные функции обращений [Текст] / Л. П. Рыжова // Семантика прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 76–84.

220. Руди, Е. В. К вопросу об этикетных речевых актах в современном немецком языке [Текст] / Е. В. Руди // Вестник Ставропольского государственного университета, 2010. – № 69. – С. 72–76.

221. Русское и французское коммуникативное поведение [Текст]. – Воронеж: Изд-во «Истоки». – 2002. – Вып. 1. – 136 с.

222. Сайтарли, І. А. Культура міжособистісних стосунків [Текст] / І. А. Сайтарли. – К.: Академвидав, 2007. – 240 с.
223. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; пер. с англ. общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
224. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 170–194.
225. Сефербеков, Р. И. Пантеон и пандемониум народов Дагестана (типологическая классификация) [Текст] / Р. И. Сефербеков, Р. Исмаилов // Кавказский вестник (альманах). – Тбилиси, 2000. – № 2. – С. 122–125.
226. Сефербеков, Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристики, персонификация): 07.00.07 [Текст] / Р. И. Сефербеков; Дагестанский научный центр; Институт истории, археологии и этнографии. – Махачкала: ДИНЭМ, 2009. – 411 с.
227. Сефербеков, Р. И. Из мифологии лезгин Самурской долины: реконструкция образов пантеона и пандемониума [Текст] / Р. И. Сефербеков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – Тамбов. – 2014. – № 10 (48). – Ч. I. – С. 154–159.
228. Сефербеков, Р. И. Мифологические персонажи лезгин Карчагской долины: синкретизм традиционных верований и ислама [Текст] / Р. И. Сефербеков, С. С. Караханов // Исламоведение. – 2015. – № 1. – С. 84–93.
229. Сімович, В. Наша товариська мова [Текст] / В. Сімович // Українське мовознавство: розвідки і статті. – University of Ottawa Press, 1984. – С. 36–42.
230. Січинський, В. Ю. Чужинці про Україну [Текст] / В. Ю. Січинський. – К.: Наук. думка, 1992. – С. 36–58.
231. Скаб, М. С. Національна специфіка мовного вираження функціональної сфери апеляції та особливості її перекладу (на матеріалі роману Я. Гашека «Пригоди бравого вояка Швейка») [Текст] / М. С. Скаб // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія Філологія. – К., 2002. – Т. 5. – № 1. – С. 44–48.

232. Скалянчук, О. С. Засоби реалізації ввічливості в сучасній англійській мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 [Текст] / О. С. Скалянчук; Національний університет ім. Т. Шевченка. – К., 1995. – 21 с.
233. Славянская мифология: Энциклопедический словарь [Текст] / научн. ред.: В. Я. Петрухин и др. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995. – 416 с.
234. Словник символів [Текст] / за заг. ред. О.І. Потапенка та М. К. Дмитренка. – К.: Редакція часопису «Народознавство», 1997. – 156 с.
235. Смирнова, Я. С. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху [Текст] / Я. С. Смирнова // Советская этнография. – 1961. – № 2. – С. 41–52.
236. Смирнова, Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа [Текст] / Я. С. Смирнова // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. – М.: Наука, 1978. – С. 118–163.
237. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург Изд-во Уральского университета, 1999. – 432 с.
238. Старовойтова, Г. В. Психологические особенности кавказских долгожителей [Текст] / Г. В. Старовойтова // Абхазское долгожительство. – М.: Наука, 1987. – С. 263–269.
239. Стельмахович, М. Г. Мовний етикет [Текст] / М. Г. Стельмахович // Культура слова. – К., 1987. – Вип. 20. – С. 6–12.
240. Степанов, Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века: Сб. науч. статей / под ред. акад. Ю. С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 7–34.
241. Стернин, И. А. Русский речевой этикет [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж: ВОИПКПРО, 1996. – 128 с.
242. Стернин, И. А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории [Текст] / И. А. Стернин // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж, 2003. – Вып. 17. – С. 22–47.
243. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И. А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2006. – 206 с.
244. Ступин, Л. П. Современный английский речевой этикет [Текст] / Л. П. Ступин. – Л.: ЛГУ, 1980. – 180 с.

245. Сумцов, Н. Ф. Культурные переживания [Исследование о южно-русском фольклоре с привлечением фольклорного материала всех славянских, а также арийских народов] [Текст] / Н. Ф. Сумцов. – К.: Издание редакции журнала «Киевская Старина», 1890. – 406 с.

246. Сумцов, Н. Ф. Пожелания и проклятия (преимущественно малорусские) [Текст] / Н. Ф. Сумцов. – Харьков: Тип. губерн. правления, 1896. – 26 с.

247. Супрун, В. И. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке [Электронный ресурс] / В. И. Супрун // Грани познания: электрон. науч.-образов. журн. ВГПУ. – № 5 (10). – Декабрь 2010. – Режим доступа: www.grani.vspu.ru.

248. Сухова, Е. Ф. Лингвокультурологический анализ русского речевого этикета (обращение) на фоне арабской речевой культуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 [Текст] / Е. Ф. Сухова; РУДН. – М., 2001. – 207 с.

249. Тайлор, Э. Первобытная культура [Текст] / Э. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

250. Тарасенко, Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Т. В. Тарасенко; Красноярский государственный университет. – Красноярск, 1999. – 18 с.

251. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение в слове [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 268 с.

252. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

253. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 262 с.

254. Титц, Г. Этикетные формулы обращения и привлечения внимания в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Г. Титц; Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. – Воронеж, 1977. – 23 с.

255. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935-1940. – Т. 1. – 1935. – 1562 с.;

Т. 2. – 1938. – 1040 с.; Т.3. – 1939. – 1424 с.; Т. 4. – 1940. – 1502 с.

256. Толстая, С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре [Текст] / С. М. Толстая // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994. – С.172–177.

257. Толстая, С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике [Текст] / С. М. Толстая. – М.: URSS, 2010. – 368 с.

258. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 518 с.

259. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера [Текст] / Ф. Ф. Торнау. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 456 с.

260. Триандис, Г. Культура и социальное поведение [Текст] / Г. Триандис. – М.: Форум, 2007. – 384 с.

261. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ [Текст] / Н. А. Трофимова. – СПб: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

262. Улимбашева, Э. Ю. Средства выражения вежливости в разносистемных языках [Текст] / Э. Ю. Улимбашева // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики: Международная научная конференция, 28-30 мая: сб. ст. по материалам. – Сухуми, 1999. – С. 77–78.

263. Улимбашева, Э. Ю. Категория вежливости в разных лингвокультурных традициях (на материале русского, английского и кабардинского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Э. Ю. Улимбашева; Кабардино-Балкарский государственный университет. – Нальчик, 2003. – 24 с.

264. Улимбашева, Э. Ю. Категория вежливости как лингвистическая оценка [Текст] / Э. Ю. Улимбашева, З. М. Габуниа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Вып V. – Владикавказ, 2004. – С. 144–155.

265. Услар, П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык [Текст] / П. К. Услар. – Тифлис: Издание Управления Кавказского ученого округа, 1896. – 639 с.

266. Фабіан, М. П. Етикетна семантика в лексичних системах української, англійської та угорської мов: автореф. дис. ...д-ра філол. наук: 10.02.15 [Текст] / М. П. Фабіан; Київ. ун-т ім. Т.Шевченка. – К., 1998. – 32 с.

267. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – 2-е изд. [Текст] / М. Фасмер; под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1967. – Т. 2. – 671 с.

268. Фатах, А. Следы древних культур в лезгинском языке и фольклоре [Текст] / А. Фатах // Литературный Дагестан. – Махачкала, 1989. – № 5. – С. 81.

269. Федосюк, М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» [Текст] / М. Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 73–94.

270. Фирсова, Н. М. Испанский речевой этикет [Текст] / Н. М. Фирсова. – М.: Высшая школа, 1991. – 174 с.

271. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Рус. яз., 1982. – 165 с.

272. Формановская, Н. И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) [Текст] / Н. И. Формановская // Рус. яз. за рубежом. – 1984. – № 6. – С. 67–72.

273. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет в зеркале венгерского: [Для изучающих рус. яз.] [Текст] / Н. И. Формановская, Э. Сепеши. – М.; Будапешт: Рус. яз., 1986. – 227 с.

274. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет в зеркале чешского [Текст] / Н. И. Формановская, П. Тучны. – Прага: Русский язык, 1986. – 237 с.

275. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Высш. шк., 1989. – 160 с.

276. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-немецкие соответствия [Текст] / Н. И. Формановская, Х. Р. Соколова. – М.: Высш. шк., 1989. – 96 с.

277. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-французские соответствия [Текст] / Формановская Н. И., Соколова Г. Г. – М.: Высш. шк., 1989. – 112 с.

278. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-английские соответствия [Текст] / Н. И. Формановская, С. В. Швецова. – М.: Высш. шк., 1990. – 94 с.

279. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-испанские соответствия [Текст] / Н. И. Формановская, С. В. Швецова. – М.: Высш. шк., 1990. – 94 с.
280. Формановская Н. И. Речевой этикет. Русско-итальянские соответствия [Текст] / Н. И. Формановская, Г. А. Красова. – М.: Высш. шк., 1992. – 146 с.
281. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.
282. Формановская, Н. И. К уточнению понятия «экспрессивные речевые акты» [Текст] / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – № 4. – 1998. – С. 42–43.
283. Формановская, Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода [Текст] / Н. И. Формановская // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 83–88.
284. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
285. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-португальские соответствия [Текст] / Н. И. Формановская, М. Родригес-Ириондо. – М.: Высш. шк., 2002. – 112 с.
286. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Издательство ИКФР, 2007. – 480 с.
287. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика: научное издание [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: ВК, 2009. – 333 с.
288. Формановская, Н. И. Культура общения и речевого поведения [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Икар, 2014. – 238 с.
289. Халимбекова, М. К. Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском: монография [Текст] / М. К. Халимбекова. – Махачкала: АЛЕФ, 2012. – 134 с.
290. Хельбиг, Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков [Текст] / Г. Хельбиг // Новое в зарубежной лингвистике. –

М., 1989. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – С. 307–326.

291. Цаллагова, З. Б. Психолого-педагогические аспекты функционирования этнопедагогической афористики [Текст] / З. Б. Цаллагова // Воспитание и развитие личности: Международная науч.-практ. конф., 13–14 мая: материалы. – М., 1997. – С. 135–140.

292. Цивьян, Т. В. К описанию этикета как семиотической системы [Текст] / Т. В. Цивьян // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. (Тезисы докладов). – М.: АН СССР, Ин-т славяноведения, 1962. – С. 79–83.

293. Цивьян, Т. В. К некоторым вопросам построения языка этикета. Ученые записки [Текст] / Т. В. Цивьян. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1966. – Вып. 181. – С. 144–149.

294. Цимбалістий, Б. Родина і душа народу [Текст] / Б. Цимбалістий // Українська душа. – К.: Фенікс, 1992. – С. 66–96.

295. Чаушев, А. С. Коммуникативно-прагматические особенности речевого этикета в различных лингвокультурах: на материале карачаево-балкарского, русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / А. С. Чаушев; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2008. – 194 с.

296. Чеснокова, О.С. Русские и испанские формы общения-наименования родства: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.05 [Текст] / О. С. Чеснокова; Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – М., 1985. – 21 с.

297. Чумаков, А. Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире [Текст] / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 5–14.

298. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – Вып. I-V. – 1963-1973; Вып. VI-X. – 1975–2002.

299. Шахбиева, М. Х. Структура формулы пожелания (на материале нахских языков) [Текст] / М. Х. Шахбиева // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 318–327.

300. Шенберг, Е. Ю. К проблеме определения категории вежливости в

лингвистике (на материале работ американских и британских ученых) [Текст] / Е. Ю. Шенберг // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 14 (305). – Вып. 77. – С. 126–130.

301. Шомахова, Т.М. Структурно-семантическая парадигма имени в разносистемных языках [Текст] / Т. М. Шомахова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. – 242 с.

302. Штернеманн, Р. Введение в контрастивную лингвистику [Текст] / Р. Штернеманн // Новое в зарубежной лингвистике: Контрастивная лингвистика. – 1989. – № 25. – С. 145–153, 247–289.

303. Шухевич, В. Й. Гуцульщина [Текст] / В. Й. Шухевич. – Львів: Наукове товариство ім. Шевченка, 1899. – Ч. 1. – 144 с.; 1899. – Ч. 2. – 445 с.; 1902. – Ч. 3. – 256 с.; 1904. – Ч. 4. – 271 с.; 1908. – Ч. 5. – 300 с.

304. Этноэтикет народов Северного Кавказа [Текст] // Российский Кавказ / под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформграпотех», 2007. – 384 с.

305. Юсупов, У. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина [Текст] / У. Юсупов // Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988. – С. 6–11.

306. Ярцева, В. Н. О сопоставительном методе изучения языков [Текст] / В. Н. Ярцева // Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 3–14.

307. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика [Текст] / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 111 с.

308. Argyle, M. The Psychology of Interpersonal behavior [Text] / M. Argyle. – Baltimore, Md: Penguin Books, 1967. – P. 32–116.

309. Argyle, M. Social Situations [Text] / M. Argyle, A. Furnham, J. Ann Graham. – Cambridge University Press, 1981. – 382 p.

310. Bach, K. Linguistic Communication and Speech Acts [Text] / K. Bach, R. Harnish. – Cambridge, Mass and London, ets.: The MIT Press, 1980. – 327 p.

311. Bousoulenga, A. Politeness Phenomena in Greek and English: A CrossCultural Comparison /A. Bousoulenga // Speakers of Smaller Languages in the Big World. URL: http://www.glottopedia.org/index.php/Politeness_strategy.

312. Brown, P. Universal in language usage: Politeness phenomena [Text] / P. Brown, S. C. Levinson // Questions and politeness: Strategies in social interaction /

Eds. Goody E.N. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 56–289.

313. Brown, P. Politeness: Some universal in language usage [Text] / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge. – UK: Cambridge University Press, 1987. – 352 p.

314. Brown, P. Cognitive anthropology [Text] / P. Brown // Language, culture, and society: Key topics in linguistic anthropology / ed. by C. Jourdan and K. Tuite. – Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2006. – P. 96–114.

315. Brown, P. Politeness and language [Text] / P. Brown / ed. by J. D. Wright // The International Encyclopedia of the Social and Behavioural Sciences (IESBS). – Amsterdam: Elsevier, 2015. – P. 326–330.

316. Brown, P. Politeness and impoliteness [Text] / P. Brown / ed. by Y. Huang // Oxford handbook of pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 383–399.

317. Clyne, M. Inter-cultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse [Text] / M. Clyne. – Cambridge, 1994. – P. 134–178.

318. Culpeper, J. Towards an Anatomy of Impoliteness [Text] / J. Culpeper // Journal of Pragmatics. –Vol. 25. – No 3. – 1996. – P. 349–367.

319. Culpeper, J. Impoliteness and Emotions in a Cross-Cultural Perspective [Text] / J. Culpeper, G. Shauer, L. Marti, M. Mei, N. Minna // SPELL: Swiss Papers in English Language and Literature. – 2014. – Vol. 30. – P. 67–88.

320. Eagly, A. H. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation [Text] / A. H. Eagly. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1987. – 340 p.

321. Eelen, G. A. Critique of Politeness Theories [Text] / G. A. Eelen. – Manchester: St Jerome Publishing, 2001. – 240 p.

322. Eisner, P. Chrám i tvrz. Kniha o češtině [Text] / P. Eisner. – Praha: Lidové noviny, 1992. – 666 S.

323. Felix-Brasdefer, J. Cesar. Politeness in Mexico and the United States: A contrastive study of the realization and perception of refusals [Text] / J. Cesar Felix-Brasdefer. – John Benjamins Publishing Company, 2008. – 195 p.

324. Fraser, B. Whither Politeness [Text] / B. Fraser // Lakoff, R. and Ide, S. (Eds.) Broadening the Horizon of Linguistic Politeness. – Philadelphia: John Benjamins, 2005. – P. 34–45.

325. Fraser, B. Perspectives on politeness [Text] / B. Fraser // Journal of

Pragmatics. – 1990. – No 14. – P. 219–236.

326. Geyer, N. Discourse and Politeness Ambivalent Face in Japanese [Text] / N. Geyer. – L.; N.Y.: Continuum, 2008. – 217 p.

327. Goffman, E. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction [Text] / E. Goffman // Jaworsky A., Coupland N. (eds.). The Discourse Reader. L.: Routledge, 1999. – P. 306–320.

328. Grice, H. P. Logic and conversation [Text] / H. P. Grice // Syntax and Semantics. – 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.

329. Grice, H. P. Presupposition and Conversational Implicature [Text] / H. P. Grice // Radical Pragmatics. – New York, 1981. – P. 83–198.

330. Habermas, J. The Theory of Communicative Action [Text] / J. Habermas. – Vol.1. – London: Heinemann, 1984. – 465 p.

331. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns [Text] / J. Habermas. – Frankfurt / Main: Suhrkamp, 1981. – 533 S.

332. Hammer, M. The Intercultural Conflict Style Inventory: Interpretive Guide [Text] / M. Hammer. – Berlin, MD: Hammer Consulting, 2003. – Vol. 1–2.

333. Haugh, M. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative [Text] / M. Haugh // Journal of Politeness Research. – Vol. 3 (2). – 2007. – P. 295–317.

334. Hill, B. Universals of linguistic politeness: quantitative evidence from Japanese and American English [Text] / B. Hill, S. Ide, S. Ikuta, A. Kawasaki, T. Ogino // Journal of Pragmatics. – Vol.10. – №3. – 1986. – P. 347–371.

335. Hindelang, G. Skizze einer Sprechhandlungstaxonomie [Text] / G. Hindelang // Münstersches Logbuch zur Linguistik. – 1978. – Nr. 2. – S. 50–67.

336. Holmes, J. Politeness Strategies in New Zealand Women's Speech [Text] / J. Holmes // Bell, A. and Holmes, J. (Eds.) New Zealand Ways of Speaking English. – Avon: Multilingual Matters Ltd., 1990. – 345 p.

337. Holmes, J. Women, Men, and Politeness. Contributors [Text] / J. Holmes. – London: Longman, 1995. – 254 p.

338. House J. Contrastive Discourse Analysis and Misunderstanding: the Case of German and English [Text] / J. House // Contrastive sociolinguistics / eds. M. Hellinger, U. Ammon. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. – S. 345–361.

339. House, J. Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht [Text] / J. House // Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. – Tübingen: Narr, 1998. – S. 62–88.
340. Huang, Y. Politeness Principle in Cross-Culture Communication [Text] / Y. Huang // English Language Teaching. –Vol.1. – No1. – 2008. – P. 96–101.
341. Hymes, D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach [Text] / D. Hymes. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. – 245 p.
342. Journal of Politeness Research. – URL: <https://blogs.shu.ac.uk/politeness/journal>.
343. Kádár, D. Historical Chinese Politeness and Rhetoric: A Case Study of Epistolary Refusals [Text] / D. Kádár // Journal of Politeness Research. – 2012. – Vol. 8. – No. 1. – P. 93–110.
344. Kádár, D. Understanding Politeness [Text] / D. Kádár, M. Haugh. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 295 p.
345. Kaliuščenko, V. D. Typologie denominaler Verben [Text] / V. D. Kaliuščenko. Tübingen: Niemeyer, 2000. – 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd.419).
346. Kasper, G. Linguistic politeness: Current research issues [Text] / G. Kasper // Journal of Pragmatics. – Vol. 14(2). – 1990. – P. 193–218.
347. Kasper, G. Politeness [Text] / G. Kasper // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. – Amsterdam, N.Y., Oxford: Elsevier Ltd., 2001. – P. 187–192.
348. Kotorova, E. G. Describing cross-cultural speech behavior: a communicative-pragmatic field approach [Text] / E. G. Kotorova // Procedia. Social and Behavioural Sciences. – Vol. 154. – 2014. – P. 184–192.
349. Lakoff, R. T. Conversational Implicature [Text] / R. T. Lakoff // Handbook of Pragmatics. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1995. – P. 1–24.
350. Lakoff, R. T. Language and Women's Place [Text] / R. T. Lakoff. – New York: Harper & Row, 1975. – P. 45–79.
351. Leech, G. Principles of Pragmatics [Text] / G. Leech. – New York, London: Longman, 1983. – 250 p.

352. Liebsch, H. Diskussion zur Anrede mit «Frau» oder «Fraulein» [Text] / H. Liebsch // Sprachpflege. – 1976. – № 7. – S. 141–143.
353. Locher, M. Politeness theory and relational work [Text] / M. Locher, R. J. Watts // Journal of Politeness Research. – 2005. – No 1(1). – 934 p.
354. Marten-Cleef, S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte [Text] / S. Marten-Cleef. – Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. – 371 S.
355. Matsumoto Y. Re-examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese [Text] / Y. Matsumoto // Journal of Pragmatics. – 1988. – No 12(4). – P. 403–426.
356. Matsumoto, Y. Politeness and conversational universals Observations from Japanese [Text] / Y. Matsumoto // Multilingua. – 1989. – No 8. – P. 207–222.
357. Meier, A. J. Defining Politeness [Text] / A. J. Meier // Language Sciences. – Vol. 17. – No 4. – 1995. – P. 345–356.
358. Mills, S. Gender and Politeness [Text] / S. Mills. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 270 p.
359. Montagu, A. The Nature of Human Aggression [Text] / A. Montagu. – New York: Oxford University Press, 1977. – 381 p.
360. Okamoto, S. Politeness and honorifics in the construction of societal norms for speech [Text] / S. Okamoto, J. S. Shibamoto Smith. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 57–75.
361. Ozog, K. Powitania i pozegnania w języku mówionym mieszkańców Krakowa [Text] / K. Ozog // Język Polski. – 2004. – № 2–3. – S. 130–132.
362. Pisarek, L. Gratulacje jako akt mowy w języku rosyjskim w porównaniu z językiem polskim [Text] / L. Pisarek // Studia Neerlandica et Germania. Bratislawie, 1992. – S. 295–302.
363. Pisarkowa, K. Jak się tytułujemy i zwracamy do drugich [Text] / K. Pisarkowa // Język Polski. – 1979. – № 1. – S. 5–17.
364. Pizziconi, B. Re-examining politeness, face and the Japanese Language [Text] / B. Pizziconi // Journal of Pragmatics. – 2003– No. 35 (10-11). – P. 1471–1506.
365. Pizziconi, B. Politeness [Text] / B. Pizziconi // Concise Encyclopedia of Pragmatics (ed. Mey J.L.). – 2nd Ed. – L., N.Y.: Continuum, 2008. – P.11–47.

366. Rathmayr, R. Pragmatische und sprachlich konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte [Text] / R. Rathmayr // Slavistische Beiträge / Hrsg. von H. R. Mehlig. Bd. 319. München: Verlag Otto Sagner, 1994. – S. 251–278.

367. Reiter, R. M. Linguistic Politeness in Britain and Uruguay: A contrastive study of requests and apologies [Text] / R. M. Reiter. – John Benjamins Publishing, 2000. – 134 p.

368. Sander, T. Expressive (Rede-) Handlungen [Text] / T. Sander // Divinatio. Studia culturologica series. – 2003. – № 18. – S. 7–34.

369. Searle, J. Intentionality [Text] / J. Searle. – L., New York: Cambridge Univers. Press, 1984. – 278 p.

370. Sifianou, M. Politeness. Phenomena in England and Greece [Text] / M. Sifianou. – Oxford: Clarendon, 1992. – 234 p.

371. Sosa Mayor, I. Routineformeln im Spanischen und im Deutschen. Eine pragmalinguistische kontrastiv Analyse [Text] / I. Sosa Mayor – Wien: Prae-sens Verlag, 2006. – 405 S.

372. Spencer, H. A. Theory of Population Deduced from the General Law of Animal Fertility [Text] / H. Spencer // Westminster Review. – No 1. – P. 468–501.

373. Vetrova, E. S. Subjects of wishes in speech etiquette of Ukrainians and Lezgins: universal and ethnocultural [Text] / E. S. Vetrova // Linguistic Studies: international collection of scientific papers / Donetsk National University; Ed. By A.P. Zahnitko. – Donetsk: DonNU, 2014. – Vol.29. – P. 200–212.

374. Watts, R. J. Key Topics in Sociolinguistics. Politeness [Text] / R. J. Watts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 304 p.

375. Watts, R. J. Politeness [Text] / R. J. Watts. – New York: Cambridge University Press, 2003. – 314 p.

376. Weaver, G. R. Culture, Communication, and Conflict: Readings in Intercultural Relations [Text] / Gary R. Weaver. – Boston, MA: Pearson Pub., 2000. – 563 p.

377. Weigand, E. Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik [Text] / E. Weigand. – Tübingen: Niemayer, 1985. – 368 S.

378. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human

Interaction [Text] / A. Wierzbicka. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.

379. Wierzbicka, A. Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts: Polish vs. English [Text] / A. Wierzbicka // Journal of Pragmatics. – 1985. – No 9. – P. 145–178.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

380. Большой толковый словарь [Текст] / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

381. Васильченко С. В. Твори: в 4-х т. [Текст] / С. В. Васильченко / С. В. Васильченко; за заг. ред. ак. О. І. Білецького. – К.: Вид-во АН УРСР, 1959–1960. – Т. 1–4.

382. Ведих М. Къуд: Повесть ва гьидсаяяр [Текст] / М. Ведих. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. – 192 с.

383. Ви, зорі-зориці... Українська народна магічна поезія (замовляння) [Текст]. – К.: Молодь, 1992. – 336 с.

384. Винниченко В. Повні тексти творів [Електронний ресурс] / В. Винниченко // Бібліотека української літератури. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/books/author.php?id=38>.

385. Вовчок Марко. Повні тексти творів [Електронний ресурс] / Марко Вовчок // Бібліотека української літератури. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/books/author.php?id=6>.

386. Вусик О. С. Словник українських синонімів [Текст] / О. С. Вусик; за ред. А. М. Поповського. – Дніпропетровськ: Січ, 2000. – 424 с.

387. Галицько-руські народні приповідки: у 3-х т. [Текст] / [зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко]. – Львів: ВЦ ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. – Т. 1. – 818 с.; Т. 2. – 813 с.; Т. 3. – 699 с.

388. Гамзатов Р. Русская поэзия [Электронный ресурс] / Р. Гамзатов. – Режим доступа: <http://rurоem.ru/gamzatov/all.aspx>.

389. Головка А. Повні тексти творів [Електронний ресурс] / А. Головка // Бібліотека української літератури. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/>

books/author.php?id=45.

390. Гъжи Р. Зи ирид стха [Текст] / Р. Гъжи. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. – 80 с.

391. Гъжи Р. Яргъал йисарин мани [Текст] / Р. Гъжи. – Махачкала: Даг кн. изд-во, 1981. – 284 с.

392. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка [Текст] / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. – 1083 с.

393. Гюльмагомедов А. Г. Словарь синонимов лезгинского языка [Текст] / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 147 с.

394. Довженко О. Повні тексти творів [Электронный ресурс] / О. Довженко // Бібліотека української літератури. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/books/author.php?id=21>.

395. Етим Эмин. Лирика [Текст] / Етим Эмин. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. – 224 с.

396. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – Т. 1–3.

397. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: словник-довідник [Текст] / В. В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.

398. Исмаилов А. Дустагъда мехъер [Текст] / А. Исмаилов. – Махачкала ГУП «Дагестанское книжное изд-во», 2005. – 448 с.

399. Карпенко-Карий І. К. Твори: у 3-х т. [Текст] / І. К. Карпенко-Карий – Т. 3. Листи. – К.: Держ.вид-во худ. літ., 1961. – 363 с.

400. Квітка-Основ'яненко Г. Повісті та оповідання. Драматичні твори [Текст] / Квітка-Основ'яненко Г. – К.: Наук. думка, 1982. – 406 с.

401. Кобилянська О. Ю. Листи [Текст] / О. Ю. Кобилянська // Зібр. творів: У 5-и т. – Т.5. – Статті та спогади. Автобіографії. Листи. – К.: Держ. вид-во худ. літ., 1963. – С.163– 567.

402. Коломийки [Текст] / передм. Н. С. Шумади. – К.: Наук. думка, 1969. – 603 с.

403. Комаров М. Ф. Нова збірка народних малоруських приказок, прислів'їв, помовок, загадок і замовлянь [Текст] / М. Ф. Комаров. – Одеса: Тип. Е. И. Фесенко, 1890. – 125 с.

404. Коцюбинський М. Зібрання творів: у 7-ми т. [Текст] / М. Коцюбинський. – К.: Наук. думка, 1973–1975.
405. Кропивницький М. Л. Твори: У 6-и т. – Т.6. Нариси та вірші. Автобіографічні матеріали. Листи [Текст] / М. Л. Кропивницький. – К.: Держ.вид-во худ. літ., 1960. – С. 241–572.
406. Куліш П. Повне зібрання творів. Листи / упоряд., комент. О. Федорук; підгот. текстів О. Федорука, Н. Хохлової; відп. ред. С. Захаркін [Текст] / П. Куліш – К.: Критика, 2005. – Т. I: 1841–1850. – 648 с.
407. Къурбан Г. Дили дуйньядин чирагъ: Роман [Текст] / Г. Къурбан . – Магъачкъала, 2009. – 358 ч.
408. Лезги газет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lezgigazet.ru/wp-content/uploads/2016/01/2015_40.pdf.
409. Лезгинско-русский словарь [Текст] / сост. Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев; под ред. Р. Гайдарова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 603 с.
410. Лезгинцев Г.М. Дагъларай тир инсан: Роман [Текст] / Г. М. Лезгинцев. – Махачкала, 1984. – 350 с.
411. Лезги халкъдин махар. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. – 109 с.
412. Мартович Л. Твори [Текст] / Л. Мартович. – К.: Дніпро, 1976. – 430 с.
413. Милорадович В. П. Житье-бытье лубенского крестьянина // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія [Текст] / В. П. Милорадович. – К.: Либідь, 1991. – С. 170–341.
414. Мирний Панас. Зібрання творів: у 7 т. Поезія, публіцистика, епістолярій [Текст] / Панас Мирний. – К.: Наук. думка, 1971. – 663 с.
415. Міщенко Д. Твори [Электронный ресурс] / Д. Міщенко. – Режим доступа : <http://www.ukrlit.vn.ua/author/mischenko.html>.
416. Нечуй-Левицький І. С. Зібрання творів у 10 т. [Текст] / І. С. Нечуй-Левицький. – Т.5. – К.: Наук. думка, 1966. – 456 с.
417. Никитин Ю. Князь Владимир [Текст] / Ю. Никитин. – М.: Эксмо, 2006. – 864 с.
418. Новий тлумачний словник української мови: У 4-х т. [Текст]. – К.: Аконтіт 1998–1999. – Т. I–III.

419. Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке ін. [Текст] / упоряд., приміт. та вступна ст. М. М. Пазяка. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
420. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.
421. Пісні маминого серця [Текст] / упор. Р. П. Радишевський. – К.: Просвіта, 2006. – 351 с.
422. Полный церковно-славянский словарь [Текст] / сост. Г. Дьяченко. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 1158 с.
423. Рильський М. Т. Зібрання творів: у 20-ти т. – Т. 1. Поезії [Текст] / М. Т. Рильський. – К.: Наук. думка, 1983. – 536 с.
424. Руданський С. Твори в 3-х т. [Текст] / С. Руданський. – К.: Наук. думка, 1972. – Т. 1. – 525 с.
425. Русско-лезгинский словарь [Текст] / М. М. Гаджиев, Б. Б. Талибов / под ред. Р. И. Гайдарова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 604 с.
426. Саидов А. Живые огни: Стихи и поэмы [Текст] / А. Саидов. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1993. – 392 с.
427. Славянская мифология: Энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Я. Петрухина. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995. – 416 с.
428. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. [Текст] / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения. – Т. 1. – 1995. – 579 с.
429. Словарь славянской мифологии: мифология Древней Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webartplus.narod.ru/folk108.html#zemli>.
430. Словник української мови: в 11 т. [Текст] / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наук. думка. – Т.1. – 1970. – 799 с.; Т. 2. – 1971. – 550 с.; Т.3. – 1972. – 744 с.; Т. 4. – 1973. – 840 с.; Т.7. – 1976. – 723 с.; Т.8. – 1977. – 927 с.; Т.9. – 1978. – 916 с.; Т.11. – 1980. – 700 с.
431. Словник української мови: в 4-х т. [Текст] / упоряд. з дод. власн. матеріалу Б. Грінченко. – К.: Наук. думка, 1996–1997.
432. Собко В. Твори: в 6-и т. [Текст] / В. Собко. – К.: Дніпро, 1979–1981.
433. Сосюра В. Повні тексти творів / В. Сосюра // Бібліотека української літератури [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/>

books/author.php?id=104.

434. Срезневський, І. І. Матеріали для словника давньоруської мови по письмових пам'ятниках: Т. I–III [Текст] / І. І. Срезневський. – СПб., 1893. – Т. 1. – 761 с.

435. Стельмах М. Повні тексти творів / М. Стельмах // Бібліотека української літератури [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/books/author.php?id=105>.

436. Тичина П. Г. Повні тексти творів / П. Г. Тичина // Бібліотека української літератури [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/books/author.php?id=9>.

437. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/>.

438. Труды этнографическо-статистической экспедиции въ Западно-Русскій край снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ: юго-Западный отдѣль. Матеріалы и изслѣдованія собран. д. чл. П. П. Чубинскимъ; изд. подъ наблюдениемъ чл.-сотр. П. А. Гильтебрандта: В 7 т. – Т. 7. [Текст]. – К.: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України, 2011. – 608 с.

439. Тютюнник Г. Повні тексти творів / Г. Тютюнник // Бібліотека української літератури [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=439>.

440. Українка Леся // Повне зібр. творів у 12-и т. [Текст] / Леся Українка – К.: Наук. думка, 1978. – Листи: Т.10. – 542 с.; Т.11. – 478 с.; Т.12. – 694 с.

441. Українські народні пісні в записах Софії Тобілевич [Текст] / упоряд. М. Мишанич, В. В. Мишанич. – К.: Наук. думка, 1982. – 424 с.

442. Українські прислів'я та приказки / Республіканський центр духовної культури; упоряд.: Д. Есипенко, М. Новиченко [Текст]. – К.: Т-во «Знання» України, 1992. – 94 с.

443. Українці: народні вірування, повір'я, демонологія [Текст] / упор., прим. та біограф. нариси А. П. Пономарьова, Т. В. Косміної, О. О. Боряк; вст. ст. А. П. Пономарьова. – К.: Либідь, 1991. – 640 с.

444. Фатахов А. Избранное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lezgikim.narod.ru/Pages/Biblioteka_Lezgi_Litra.html.

445. Федькович Ю. А. Твори: у 2-х т. – Т. 2. – Повісті. Оповідання. Казки. Драматичні твори. Листи [Текст] / Ю. А. Федькович. – К.: Дніпро, 1984. – С. 343–426.

446. Фразеологічний словник української мови // Словопедія [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://slovopedia.org.ua/49/53407/360829.html>.

447. Франко І. Я. Зібрання творів: у 50-и т. [Текст]. – К.: Наук. думка, 1986. – Листи: Т.48. – 767 с.; Т.49. – 810 с.; Т.50. – 703 с.

448. Хоткевич Г. Твори / Г. Хоткевич [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://elib.nplu.org/object.html?id=6675>

449. Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.) [Текст] / упоряд. О. І. Білецький. – К.: Радянська школа, 1967. – 678 с.

450. Хрещатик. Газета Київської міської ради від 1 червня 2007 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://kreschatic.kiev.ua/ua/4501/drub/1.html>.

451. Чемерис В. Л. Твори / В. Л. Чемерис [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.rulit.me/books/olviya-read-303196-1.html>

452. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. [Текст] / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 2002. – Т. 1. – 622 с.; Т. II. – 560 с.

453. Шарвили. Лезгинский народный героический эпос [Текст]. – Махачкала: Лотос, 2008. – 418 с.

454. Шевченко Т. Зібрання творів: у 6 т. [Текст] / Т. Шевченко. – К.: Наук. думка, 2001. – Т. 1–6.

455. Яновський Ю. Твори в 5 т. [Текст] / Ю. Яновський. – К.: Дніпро, 1982. – Т.1–5.